ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Москва
2005

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск двадцать пятый)
М., 2005, 332 стр.

Ответственный редактор А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-151-9

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-151-9

© Институт Ближнего Востока.

А.М.Вартанян

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ГОНКА В ИРАНЕ: ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ

С активизацией внутриполитической жизни Ирана в преддверии намеченных на 17 июня 2005 г. президентских выборов расклад политических сил в стране приобретает определенную ясность. Как и прежде, лейтмотивом президентской гонки является столкновение интересов двух основных противоборствующих лагерей правящего иранского духовенства: правоконсервативного и либерально-реформаторского. Нынешний выбор электората, по мнению иранских политологов, крайне важен: он станет определяющим для дальнейшего курса развития иранского государства.

На первом этапе раскручивания президентской кампании тактическая задача как консерваторов, так и реформаторов была предельно проста: подобрать единую, компромиссную для различных кланов и группировок фигуру, которая смогла бы собрать вокруг себя максимальное количество сторонников и гарантировать в итоге перевес голосов в свою пользу. Однако нарастающие внутрифракционные противоречия в обоих лагерях не позволили обеспечить сплоченность и единство – идея выдвижения своего единого кандидата провалилась и у тех, и у других.

Необратимость раскола в рядах реформаторов стала очевидной еще задолго до выборов: после сокрушительного поражения в парламентской избирательной кампании (февраль 2004 г.) многие лидеры реформаторского движения ушли в тень, другие бросились создавать собственные партийные структуры. Именно на этом этапе стало понятно, что объединявший реформаторов «Фронт второго хордада» не имеет будущего. Эта политическая коалиция, представляющая собой механическое соединение 15 разнородных партий и организаций реформаторского толка, была создана в конце 90-х на волне победы на президентских выборах 1997 г. С.М.Хатами.

Коалиции удалось одержать внушительную победу на выборах в парламент в 2000 г. и на протяжении последующих четырех лет удерживать лидирующие позиции в меджлисе. Нынешняя президентская кампания подвела черту под перспективами данного союза, которому не удалось выступить общим фронтом – усилия по объединению реформаторов вокруг М.Мусави (в прошлом премьер-министр ИРИ) не увенчались успехом, так как последний в октябре 2004 г. сам отказался от участия в выборах. В результате «Фронт второго хордада» фактически распался: партии левой ориентации, прежде всего Организация моджахедов исламской революции (генеральный секретарь – М.Саламати) и Партия партнерства исламского Ирана (генеральный секретарь – М.Р.Хатами, брат президента), сплотились вокруг фигуры бывшего министра науки и технологий М.Моина, официально выдвинутого на пост президента. Умеренные реформаторские силы поддержали кандидатуру бывшего спикера парламента, лидера «Ассоциации борющихся мулл» М.Кярруби. Помимо этих двух главных кандидатур реформаторов на президентский пост также выдвинуты достаточно номинальные фигуры вице-президента ИРИ, руководителя Организации физического воспитания М.Мехрализаде и депутата парламента от фракции реформаторского меньшинства А.Алами. Кроме этого, существует вероятность, что от реформаторов могут баллотироваться и другие претенденты, например, первый вице-президент Ирана М.Р.Ареф и генеральный секретарь Партии солидарности исламского Ирана Э.Асгар-заде. Однако при столь широком выборе очевидно, что решающая борьба за реформаторский электорат развернется между М.Моином и М.Кярруби, которых, согласно проводимым в стране опросам, на сегодняшний день готовы поддержать соответственно 15% и 7% избирателей, что в сумме тем не менее составляет не более четверти населения ИРИ. Шансы остальных кандидатов от реформаторов при любом повороте событий остаются минимальными.

В консервативном движении усилия по достижению консенсуса предпринимались вплоть до недавнего времени. С лета 2004 г., когда с целью определения единого кандидата от консервативного течения был сформирован Координационный совет (КС) Сил исламской революции, прошел не один раунд межпартийных консультаций. На первом этапе все шло гладко: в ходе состоявшегося 17 декабря 2004 г. Конгресса с участием

представителей более 1200 партий и организаций правого толка КС определил т.н. «ограниченный круг претендентов» из пяти кандидатур (Ахмад Таваколли – депутат парламента; Махмуд Ахмади-Нежад – мэр г.Тегеран; Али Лариджани – бывший руководитель Организации радио и телевидения ИРИ; Али Акбар Велаяти – советник Верховного лидера ИРИ по внешнеполитическим вопросам, бывший министр иностранных дел Ирана; Мохсен Резаи – бывший командующий Корпусом стражей исламской революции), из их числа затем предстояло сделать решающий выбор. Однако дальше дело не заладилось – окончательное решение по выдвижению единого кандидата было отложено сначала на январь, затем – на февраль. В этот период в Координационном совете разгорелись ожесточенные споры о том, когда следует объявить имя единого кандидата, причем одни группировки призывали это сделать как можно быстрее, а другие предлагали еще потянуть время.

Корни нарастающих в КС противоречий следует искать в несогласиях между двумя ключевыми фигурами, входящими в круг претендентов – А.А.Велаяти и А.Лариджани. Дело в том, что они представляют два различных поколения консервативного течения: А.А.Велаяти входит в состав консерваторов старой, революционной волны, тогда как А.Лариджани выражает интересы молодого, более прагматичного поколения консерваторов, которое добилось, в частности, успеха на недавних парламентских выборах в Иране в феврале 2004 г. (коалиции т.н. младоконсерваторов «Абадгяран» принадлежит сегодня большинство мест в парламенте). Закулисная борьба между этими двумя кланами ведется уже давно, и связана она в первую очередь с личными амбициями их лидеров, в то время как идеологические подходы обеих групп во многом схожи – жесткие консервативные установки в политической сфере и минимальная либерализация экономики с акцентом на приоритет национальных интересов.

В январе с.г. из «ограниченного круга претендентов» по своей инициативе вышел А.А.Велаяти, заявивший о начале собственной предвыборной кампании. После этого многие эксперты стали прочить победу его главному сопернику – А.Лариджани, которого к тому времени официально поддержала парламентская фракция «Абадгяран». Однако против кандидатуры А.Лариджани выступили виднейшие иранские аятоллы революционного поколения – Мешкини и Махдави Кани.

Последний является генеральным секретарем «Общества борющегося духовенства» – старейшей религиозно-политической группировки, с 1979 г. объединяющей элиту шиитского духовенства. В итоге был найден определенный компромисс: решено расширить состав КС, а позже и внести в список кандидатов дополнительно двух аутсайдеров: спикера парламента Г.Хаддад-Аделя и командующего Силами охраны правопорядка (СОП) ИРИ М.Галибафа. В начале марта с.г., после того как несостоятельность Координационного совета стала совсем уже очевидной, четверка кандидатов в составе А.Таваколли, М.Резаи, М.Ахмади-Нежада и М.Галибафа заявила об образовании собственного предвыборного союза, который официально выдвинул на пост президента А.Таваколли. Несмотря на углубление раскола в рядах консерваторов, Координационный совет не был распущен и продолжил свою деятельность. Его наиболее вероятным избранником после ухода А.А.Велаяти, А.Таваколли, М.Ахмади-Нежада, М.Резаи и М.Галибафа на сегодня остается А.Лариджани.

Вопрос об участии в выборах одного из самых влиятельных и опытных политиков Ирана А.А.Хашеми-Рафсанджани (занимает пост председателя Совета по определению целесообразности принимаемых решений /СОЦПР/, был президентом ИРИ в 1989–1997 гг.) пока остается открытым. Местные эксперты видят в его выдвижении едва ли не главную интригу президентской кампании. А.А.Хашеми-Рафсанджани представляет интересы умеренно-консервативных и центристских сил, является лидером иранской национальной буржуазии, крупным финансовым магнатом. Рафсанджани поддерживают многочисленные партии и движения, большинство из которых было создано им же самим в годы президентства. В их числе Партия умеренности и развития, Партия служителей созидания Ирана, Исламская партия труда, Партия молодежи исламского Ирана, Партия «Дом рабочего». Основу политической стратегии Рафсанджани составляет идея превращения Ирана в мощную региональную державу, курс на либерализацию экономики при сохранении догматических установок идеологии имама Хомейни. Несмотря на многочисленные заявления сторонников председателя СОЦПР о его вероятном выдвижении (в начале марта с.г. было даже объявлено об учреждении в его поддержку предвыборной «Девятой коалиции во имя лучшего будущего»), сам он, избрав тактику «терпения и ожидания», продолжает

маневрировать и озвучивать тезис о том, что «если почувствует, что среди кандидатов в президенты нет достойного человека, способного взять на себя управление страной, тогда, возможно, вступит в предвыборную борьбу». Истинные же колебания А.А.Хашеми-Рафсанджани, по оценкам иранских экспертов, связаны с опасениями возможного провала на предстоящих выборах, который наряду с поражением председателя СОЦПР на парламентских выборах (тогда он оказался во втором десятке списка) может окончательно поставить крест на политической карьере бывшего президента ИРИ.

Однако, несмотря на эти опасения, опросы общественного мнения свидетельствуют об обратном – преобладающем преимуществе А.А.Рафсанджани перед возможными конкурентами как от реформаторов, так и от консерваторов. При этом популярность его постоянно растет: по данным на март с.г. бывшего президента готовы поддержать 43% населения ИРИ (в феврале – 22,8%) при том, что в поддержку М.Моина и А.Таваколли выступает по 15%, М.Кярруби – 7%, М.Резаи – 5%, М.Ахмади-Нежада – 3%. Однако без участия председателя СОЦПР в выборах голоса между другими кандидатами в соответствии с проведенным опросом могут распределиться следующим образом: А.А.Велаяти и М.Моин – по 18%, А.Лариджани – 10%, А.Таваколли и М.Р.Ареф – по 5%, М.Мехрализаде и М.Резаи – по 3%, М.Ахмади-Нежад – 2%, против всех – 27%.

Несмотря на обозначившееся множество кандидатур, представляющих различные идеологические течения, решающий выбор фигуры нового президента страны, как полагает большинство экспертов, будет все же сделан среди консервативных претендентов. Реформаторы в ходе второго срока президентства С.М.Хатами (2001–2005 гг.) серьезно дискредитировали себя периодическими провалами в социально-экономическом преобразовании иранского общества, во многом вызванными жестким противодействием со стороны консервативного течения, которое по-прежнему уверенно удерживает в своих руках рычаги управления страной и блокирует все либеральные инициативы. Консерваторы имеют дополнительное психологическое преимущество: победа в последних выборах в городские и местные советы (2003 г.) и в парламент (2004 г.) осталась за ними. Кроме того, они имеют доминирующее влияние на важнейшие институты власти (Меджлис, Судебная власть, Наблюдательный Совет), а также военные ведомства,

включая Корпус стражей исламской революции (КСИР) и народное ополчение «Басидж». При этом решающее слово предстоит сказать Верховному лидеру страны А.Хаменеи, который пока еще не обозначил своего выбора. Авторитетное мнение должны будут высказать и другие видные клерикалы, входящие в окружение Рахбара, в том числе секретарь Наблюдательного Совета А.Дженнати и председатель Сил исламской революции А.А.Натег-Нури. Определяющей может стать позиция «теневых аятолл» Кумского теологического центра.

В любом случае, окончательная кандидатура от консерваторов, на которую будет сделана решающая ставка (станет ею А.А.Хашеми-Рафсанджани или кто-то другой – пока не ясно), по всей видимости, определится в самый последний момент. Тогда же и начнется реальная пиаркампания по ее раскрутке. Очевидно также, что это решение с учетом имеющихся противоречий в стане консерваторов будет не из легких – оно будет приниматься «на самом верху» клерикально-политической элиты иранского духовенства.

А.И.Куприн

ВЛАСТЬ И «СВЕТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ» В МАРОККО

События 70-х годов XX в. оказались переломными в политическом развитии Марокко. Определяющую роль оказали не отмена в июле 1970 г. чрезвычайного положения и возобновление в том же году конституционного и выборного процессов, созыв парламента. В этом случае речь шла по существу о продолжении режима абсолютистской монархии. Именно попытка военных переворотов в 1971 и 1972 гг. вынудила короля Хасана II искать пути к расширению своей политической опоры, начать диалог с оппозицией и постепенное развитие либерализации и демократизации. В отношениях между властью и оппозицией заметное влияние оказывали такие факторы, как конституционный и электоральный процессы, особенности выборного механизма, тактика власти по отношению к оппозиционным партиям. Оппозиционные настроения проявлялись не только в политических организациях на национальном уровне, но и в армии. В конце 90-х годов в стане оппозиционеров оказались проберберские партии. Особенность партийной оппозиции в Марокко заключалась в том, что ввиду особого положения института монархии она была оппозицией лишь по отношению к правительству «его величества», а не непосредственно самому королевскому режиму. Это не раз подчеркивал сам Хасан II, говоря об особенности ситуации в стране.

Конституционный и выборный процессы

В 1962 г. была принята первая конституция Марокко[1]. Формально учреждалась конституционная монархия, но фактически абсолютистская монархия, авторитарный режим. Парламент состоял из двух палат: нижней Палаты представителей и верхней – Палаты советников. Выборы в Палату представителей проводились прямым голосованием. В Марокко создавалась обязательная многопартийная система, которая ограничивала власть некогда всесильной партии «Истикляль» и позволяла королю про-

водить политику «разделяй и властвуй». Во всех более поздних (их было 5) конституциях говорилось о «неприкосновенности и священном характере особы монарха», что делало невозможной публичную критику политики главы государства. Также во всех конституциях Марокко монарх имел право распускать парламент, инициировать изменение конституции путем референдума, назначать премьер-министра и отправлять правительство в отставку, вводить чрезвычайное положение.

Первые парламентские выборы состоялись 17 мая 1963 г. Результаты оказались совершенно неожиданными для правящего режима. Из 144 мест в Палате представителей созданный специально к выборам проправительственный Фронт защиты конституционных институтов выиграл 69. Оппозиционные «Истикляль» (с января 1963 г.) и левый Национальный союз народных сил (НСНС) получили соответственно 44 и 28 депутатских мандатов[2]. В последующих выборах власти учли этот урок и широко использовали административный ресурс, тактику давления на избирателей и оппозиционные партии, прибегали к фальсификации итогов выборов. В 1963 г. под разными предлогами правительство подвергло репрессиям «Истикляль» и особенно НСНС. После мартовских волнений в Касабланке Хасан II 7 июня 1965 г. ввел в стране чрезвычайное положение, распустил парламент. Кроме того, он заявил о необходимости пересмотра конституции. Партия освобождения и социализма, созданная в 1968 г. на основе Марокканской коммунистической партии, вскоре была запрещена.

Слишком длительный период отсутствия парламента мог привести к выходу политических партий из-под контроля правительства, утрате возможности Хасаном II продолжать проводить политику «разделяй и властвуй». Кроме того, в свете заключенного 31 марта 1969 г. пятилетнего соглашения сроком на 5 лет о частичной ассоциации Марокко с «Общим рынком» и стремления укреплять экономические связи с западноевропейскими странами Хасан II хотел придать «демократический имидж» своему режиму. В октябре 1969 г. были проведены коммунальные выборы, бойкотировавшиеся оппозиционными партиями. 8 июля 1970 г. король отменил чрезвычайное положение. В июле же на референдуме была принята новая конституция, еще больше абсолютизировавшая королевскую власть. Эта конституция была названа оппозицией «институционализацией чрезвычайного положения»[3].

Парламент стал однопалатным и назывался Палатой представителей. В нем заседали 240 депутатов. Из них только 90 избирались прямым голосованием, остальные 150 – коллегиями выборщиков, состоявшими из коммунальных советников, членов профессиональных палат (торгово-промышленных, сельскохозяйственных и торговых и представителей наемного труда). На выборах в такой парламент оппозиционным партиям уже никогда не удалось бы повторить свой успех 1963 г. Подавляющее большинство этих 150 депутатов были настроены консервативно и поддерживали политику правительства.

В конституцию 1970 г. был внесен ряд изменений, ограничивавших роль парламента, а тем самым и оппозиционных партий в случае их гипотетического прихода к власти. Если раньше инициатива пересмотра конституции принадлежала одновременно премьер-министру и парламенту (ст. 104), то по новой конституции она принадлежала королю (ст. 97). Согласно конституции 1962 г., объявление войны утверждалось парламентом (ст. 51), с 1970 г. Палата представителей лишь информировалась о вступлении Марокко в войну (ст. 72). В 28-й статье старой конституции говорилось, что король мог обращаться с посланиями к парламенту и нации, и их содержание не подлежало обсуждению в парламенте. В новом, довольно расплывчатом варианте статьи подчеркивалось, что содержание королевских посланий «не может подвергаться какому-либо обсуждению» (ст. 28). Эту формулировку 28-й статьи можно истолковать так, что уже не только парламент, но и пресса, политические организации, тем более оппозиционные, не могли обсуждать и оценивать обращения монарха. Возникала потенциальная угроза санкций против диссидентов. По конституции 1962 г. предложение о вотуме недоверия правительству до вынесения на сессию Палаты представителей должно было быть подписано, по крайней мере, десятой частью депутатов этой палаты (ст. 81). Согласно 39-й статье конституции 1970 г., требовались подписи уже четвертой части членов Палаты. Если раньше парламент мог быть созван на чрезвычайную сессию по просьбе трети членов Палаты представителей (ст. 40), то с 1970 г. для этого была необходима поддержка абсолютного большинства депутатов (ст. 39). Как гласила 37-я статья конституции 1962 г., ни один член Палаты представителей не мог подвергаться преследованию, аресту, содержанию в тюрьме или предан суду за высказанное им

мнение или за голосование во время выполнения своих обязанностей. Это было возможно лишь с согласия соответствующей палаты парламента, за исключением явного, очевидного преступления (ст. 38). Согласно 37-й статье конституции 1970 г., депутата могли преследовать, содержать в тюрьме и судить, если его мнение ставило под угрозу монархический режим, мусульманскую религию или посягало на достоинство короля. Наконец, в обеих конституциях во 2-й статье зафиксировано следующее: «Верховная власть принадлежит Нации, которая реализует ее непосредственно через референдум и косвенно через конституционные институты». Однако начало 19-й статьи старой конституции «Король, Повелитель верующих, символ единства народа…» видоизменилось: «Король, Повелитель верующих, Высший представитель Нации, символ ее единства…». Эта формулировка сохранилась в конституциях 1972, 1992 и 1996 гг. Таким образом, если согласно конституции 1962 г., верховная власть принадлежала нации, то с 1970 г. с учетом двух статей – 2-й и 19-й, верховная власть принадлежит прежде всего монарху как высшему представителю нации, а затем уже самой нации.

В августе 1970 г. состоялись выборы в парламент. Были избраны 158 «независимых», 60 членов проберберского Народного движения (НД), поддерживавшего правящий режим, и 22 представителя оппозиции[4]. 30 июля того же года «Истикляль» и НСНС впервые попытались создать оппозиционное объединение – Национальный фронт, который, однако, распался уже в 1972 г. из-за раскола в НСНС.

В июле 1971 г. и в августе 1972 г. были совершены попытки военного государственного переворота. В обострившейся политической обстановке Хасан II пытался укрепить свое положение, наладив сотрудничество с оппозиционными партиями. Однако каждый раз, когда он обращался к ним со своим предложением (летом 1971 г. и в марте и в сентябре 1972 г.), оппозиция требовала проведения широких реформ, с чем король не соглашался.

В марте 1972 г. король был вынужден принять новую конституцию, отличавшуюся более демократическим характером. По новой конституции инициатива пересмотра конституции принадлежала как королю, так и Палате представителей. Однако король мог беспрепятственно поставить проект конституции на референдум (ст. 98), а Палата представителей могла

это сделать только при условии одобрения такой инициативы двумя третями депутатов (ст. 99). Главная уступка Хасана II заключалась в том, что согласно конституции 1972 г., большее число депутатов должно было избираться путем прямого голосования – две трети (ст. 43). Это создавало более благоприятные условия для оппозиционных партий в парламенте.

В июле 1972 г. в Марокко проникло несколько партизанских групп, организованных руководителем зарубежного отделения НСНС М.Басри. Столкновения между силами правопорядка и партизанами происходили также в феврале-марте 1973 г. Правительство воспользовалось этим для того, чтобы свести счеты с оппозиционным НСНС. Был арестован ряд его активистов.

Ради укрепления своего положения Хасан II принял ряд мер в сфере экономики, идеологии и внешней политики. Весной 1973 г. был обнародован закон о «марокканизации» в течение двух лет в области экономики, согласно которому марокканцы получали не менее 50 акций иностранных предприятий. В том же году был принят амбициозный план социально-экономического развития, предусматривавший значительный рост ВВП и инвестиций. В руках государства оказались 370 тыс. гектаров земель, принадлежавших иностранным, преимущественно французским колонистам; в дальнейшем они были распределены (кроме земель «марокканизированных» агрокомпаний) среди 30 тыс. крестьянских семей[5]. В области идеологии Хасан II в июле 1973 г. выдвинул концепцию «исламского социализма», в основе которой лежали классовый мир и смешанная экономика. Во внешнеполитической сфере он действовал в нескольких направлениях. В марте 1973 г. Марокко объявило о расширении своих территориальных вод с 12 до 70 морских миль. В феврале 1973 г. в Сирию были посланы марокканские войска для оказания ей помощи в конфронтации с Израилем. В 1973 г. марокканские войска участвовали в войне Египта и Сирии против Израиля. Хасан II воспользовался обострением проблемы Западной Сахары для достижения политического консенсуса в стране, объединения различных политических сил вокруг правящего режима. В рамках подготовки к аннексии Западной Сахары король провел в июле 1974 г. консультации с военным командованием, министрами и лидерами всех политических партий. В атмосфере национального единства оживилась внутриполитическая жизнь. С согласия Хасана II образовывались новые партии. В августе 1974 г. легализовалось Партия прогресса и социализ-

ма (ППС), бывшая Партия освобождения и социализма. Осенью 1974 г. было объявлено о создании на базе рабатского отделения НСНС более радикального на тот момент Социалистического союза народных сил (ССНС). Оппозиционные партии получили возможность проводить съезды, издавать газеты и журналы, однако они в целях сохранения национального консенсуса были лишены возможности поднимать ряд важных социально-экономических и политических проблем. Это приводило к трениям между оппозиционными партиями и связанными с ними профсоюзами, а также к внутрипартийным разногласиям.

Хасан II после укрепления своих позиций решил возобновить выборный процесс. Исследователи отмечают, что противостояние власти и оппозиции было устранено лишь к 1976 г., когда произошел пересмотр границ избирательных округов в пользу крупных городов. Например, ранее Касабланка с 700 тыс. избирателей имела 365 мест, а Варзават (на юге) с 247 тыс. – 617 мест[6]. По-видимому, отчасти поэтому число депутатов в Палате представителей от НД, в значительной степени опирающегося на поддержку берберов в сельской местности, сократилось с 60 в 1970 г. до 44 в 1977 г. Такая перекройка избирательных округов была в интересах как королевского двора, так и большинства политических партий. Хасан II утратил доверие к армии, почти весь генералитет которой составляли выходцы из берберских районов страны. Социальной базой основных политических партий являлись городские слои общества.

Муниципальные выборы были проведены в ноябре 1976 г., провинциальные – в январе 1977 г., выборы в профессиональные палаты – в марте 1977 г. «Истикляль» и ССНС протестовали против злоупотреблений властей на этих выборах, их вмешательства. 1 марта четыре партийных лидера, включая М.Бусетту («Истикляль») и А.Буабида (ССНС), согласились войти в правительство в качестве министров без портфеля, надеясь обеспечить честность парламентских выборов. На выборах в июне 1977 г. из 264 членов парламента 176 были выбраны прямым голосованием и 88 – коллегиями выборщиков. «Независимые» получили 141 место (включая 60, избранных путем двухступенчатых выборов), «Истикляль» – 49, Народное движение (НД) – 44, ССНС – 16 и другие оппозиционные организации – 14. «Истикляль» и ССНС заявили о готовности участвовать в работе парламента как конструктивная и лояльная оппозиция. В коалиционное правительство вошли 8 пред-

ставителей от «Истикляль», 4 – НД и М.Буабид от НСНС, который позднее был дезавуирован этой партией[7].

В сентябре 1981 г. ССНС впервые вышел за рамки национального консенсуса, фактически подвергнув критике компромиссную позицию Хасана II, который в июне 1981 г. на саммите стран-членов ОАЕ впервые согласился на проведение референдума по Западной Сахаре. ССНС подчеркнул, что референдум недопустим, поскольку Западная Сахара является частью марокканской территории. Власти обвинили ССНС в нарушении общественного спокойствия, нанесении ущерба безопасности страны и в посягательстве на достоинство короля. Лидера ССНС А.Буабида и ряд активистов партии арестовали. Печатные органы ССНС были закрыты. Его фракция в парламенте временно прекратила свою работу. В 1982 г. ССНС был вынужден уступить давлению властей. Его фракция вновь заняла свое место в парламенте. На этот раз ССНС поддержал политику главы государства по западносахарской проблеме. Взамен король отменил санкции против ССНС. Первый секретарь А.Буабид был помилован. ССНС получил разрешение издавать новую газету «Аль-Иттихад аль-иштираки» (первый номер вышел в свет 12 мая 1983 г.). Представитель ССНС был включен в состав правительства, чтобы наблюдать за проведением выборов в законодательные органы, которые первоначально предполагалось провести в феврале 1984 г. Уступки руководства ССНС вызвали разногласия в рядах партии. Выборы в Палату представителей состоялись 14 сентября 1984 г. ССНС добился значительного успеха – 39 мест, но в парламенте по-прежнему господствовали правоцентристы – 215 мест из 306. Меньше мест по сравнению с 1977 г. получил «Истикляль» – 41[8].

Со второй половины 80-х годов в Марокко активизировался процесс либерализации и демократизации. Марокко стремилось упрочить отношения с ЕЭС, вступить в эту организацию (в июле 1987 г. Марокко впервые обратилось с просьбой о приеме в ЕЭС) или, по крайней мере, стать ее привилегированным партнером, улучшить климат для инвестиций из Западной Европы, общественность которой не раз упрекала марокканский режим в многочисленных нарушениях прав человека в стране. О важности отношений с ЕЭС свидетельствовало опубликование в Париже в 90-х годах докторской диссертации наследного принца Мухаммеда «Сотрудничество между Европейским Сою-

зом и странами Магриба». В конце 1986 г. и в начале 1987 г. Хасан II освободил ряд политических заключенных. В 1988 г. представитель Марокко вошел в состав Комиссии ООН по правам человека. В конце июня состоялось первое заседание Марокканской организации по правам человека. В августе 1988 г. был освобожден 841 политический заключенный, а с июня 1989 г. до апреля 1990 г. были освобождены еще 2163[9]. В мае 1990 г. в Марокко был создан Консультативный совет по правам человека. В 1993 г. Хасан II учредил пост министра по правам человека. Его занял О.Аззиман, соучредитель неправительственной, общественной Марокканской организации по правам человека. Это решение приветствовалось международной правозащитной организацией «Эмнисти интернэшнл». Королевский двор крайне болезненно реагировал на опубликование во Франции книги Ж.Перро «Наш друг король» и некоторые критические отчеты «Эмнисти интернэшнл»[10]. В 1994 г. в ответ на издание книги Ж.Перро в свет вышла книга Хасана II «Воспоминания короля» («Le memoire d'une roi»). В 90-х годах в Марокко был достигнут определенный прогресс в области защиты прав человека. Признанием этого факта послужило подписание в апреле 1998 г. М.Робинсон, комиссаром ООН по правам человека, меморандума об открытии в Рабате Центра по защите прав человека в регионе Северной Африки и Среднего Востока. В ноябре 1995 г. ЕЭС заключил с Марокко договор о партнерстве, одобренный Европарламентом 5 июня 1996 г. с условием, чтобы Еврокомиссия ежегодно составляла отчет о положении с правами человека в Марокко.

Заметно смягчилось отношение властей к оппозиционной прессе. Поворотным моментом явилась отмена в 1988 г. предварительной цензуры, хотя, конечно, пресса продолжала испытывать время от времени давление, помехи, подвергаться репрессивным санкциям – конфискации, запрету на выпуск в свет. Как сообщила Марокканская организация по правам человека, однажды даже один из министров лично угрожал журналистам. Правда, с 1988 до 1995 г. насчитывалось не больше десятка случаев вмешательства цензуры[11].

Процесс либерализации и демократизации обуславливался не только и не столько рекомендациями западноевропейских партнеров, критикой западных правозащитных организаций, стремлением власти создать благоприятный климат для иностранных инвестиций. Он был вызван также социальными

потрясениями и нарастанием исламистской угрозы. Правящий режим надеялся, что в ответ на некоторую либерализацию и демократизацию оппозиция поможет ослабить натиск исламизма и через свои профсоюзы предотвратить такие выступления народных масс, как в 1981 и 1984 гг.

Власти должны были считаться с ростом «среднего класса», составлявшего в значительной мере социальную базу оппозиции. На возраставшую роль «среднего класса» указывали, в частности, западные исследователи А.Парехо Фернандес (Испания), Ж.-К.Сантуччи (Франция) и Г.Мансон (США). А.Парехо Фернандес обращает внимание на неуклонное сокращение числа «земледельцев» (то есть сельской буржуазии) в Палате представителей: 1963 г. – 47,5% мест, 1977 г. – 14,7%, 1984 г. – 17,1%[12]. Эта тенденция сохранилась и в 90-х годах: 1993 г. – 13,5% мест, 1997 г. – 10,7%[13]. Правящий режим был вынужден допускать постепенный рост влияния оппозиции в Палате представителей: 1977 г. – 27,3% мест, 1984 г. – 28,3%, 1993 г. – 37,5%[14]. Ж.-К.Сантуччи, главный редактор издававшегося во Франции «Ежегодника Северной Африки» («Annuaire de l'Afrique du Nord»), также подчеркивает принятие во внимание правящим режимом в 80-х годах роста «средних классов»[15].

В мае 1990 г. осмелевшая оппозиция впервые за 26 лет рекомендовала выдвинуть предложение о вотуме недоверия правительству, критикуя бюджет и положение с правами человека. Инициатива была отклонена, но она явилась важным прецедентом. В ноябре 1991 г. «Истикляль» и ССНС образовали единый фронт, требуя разделения властей, сокращения возрастного ценза избирателей до 18 лет, составления новых избирательных списков и определения новых избирательных округов, улучшения положения в области прав человека. Фронт стал основой созданного в 1992 году Демократического блока, состоявшего из «Истикляль», ССНС, ППС и левой Организации народно-демократического действия (ОНДД). Демократический блок бойкотировал в Палате представителей принятие нового избирательного закона в июне 1992 г., а также референдум по новой конституции 4 сентября 1992 г. Лишь ППС поддержала проведение референдума. В преамбулу конституции был включен пункт о подтверждении решимости Королевства Марокко соблюдать общепризнанные права человека – как следствие дискуссии марокканского правительства с Европарламентом о правах человека. Согласно новой конституции, король по-

прежнему мог назначать членов правительства, но уже после согласования кандидатуры с премьер-министром. Отмечается такое важное положение конституции, как отмена запрета на создание партий на религиозной или этнической основе[16]. Были созданы Конституционный совет и Экономический и социальный совет.

25 июня 1993 г. состоялись парламентские выборы на основе прямого голосования. Демократический блок добился значительного успеха (99 мест); проправительственные партии получили несколько больше депутатских мандатов. Однако второй тур выборов косвенным голосованием поставил, как и следовало ожидать, все на свои места. Проправительственные партии в новом парламенте в конечном счете получили значительно больше мест (195), чем Демократический блок (120)[17]. «Истикляль» и ССНС рассчитывали получить во втором туре 30 мест, но получили всего 17[18]. В знак протеста против фальсификации выборов А.Юсуфи, первый секретарь ССНС, отказался от своего поста и уехал 26 сентября в Канны. Хасан II направил своего советника М.Ауада, чтобы попросить А.Юсуфи изменить свое решение. А.Юсуфи заявил советнику, что он даже собирается вообще уйти из политической жизни. Хасан II вновь предложил «Истикляль» и ССНС сформировать правительство при условии назначения королем министров, игравших ключевую роль во внутренней и внешней политике Марокко. Обе партии вновь отказались.

В июле 1994 г. король вновь обратился к оппозиционным партиям с предложением войти в правительство «перемен и обновления». В октябре он снова попытался привлечь оппозицию в коалиционное правительство, объявив о намерении назначить премьер-министром одного из представителей оппозиции. Он провел отдельные переговоры с М.Бусеттой, генеральным секретарем «Истикляль», и А.Ради из ССНС. Обе оппозиционные партии в принципе согласились на предложение короля и рассматривали правоцентристское Национальное объединение независимых (НОН) и одну из двух берберских организаций как потенциальных партнеров по «альтернативному правительству». Однако переговоры сорвались, когда выяснилось, что Хасан II настаивал на назначении снова Д.Басри на пост министра внутренних дел и информации. Король также требовал, чтобы оппозиция поддержала меры по экономической либерализации, согласованные с МВФ, и

предусматривавшие осуществление программы приватизации и сокращение бюджетных расходов. В декабре оппозиционные партии отвергли государственный бюджет на 1995 г., утверждая, что он снизит жизненный уровень населения и увеличит безработицу. Они критиковали правительство за слишком большую зависимость от частного сектора в области экономического развития.

В августе 1995 г. Хасан II объявил о намерении принять новую конституцию. Демократический блок, за исключением ОНДД, поддержал конституционную реформу. 13 сентября 1996 г. была принята пятая по счету конституция Марокко. Проект новой конституции был составлен при помощи трех французских правоведов. В соответствии с новой конституцией был восстановлен двухпалатный парламент, состоящий из Палаты представителей и Палаты советников. Все члены Палаты представителей избираются прямым голосованием (ст. 37). Этого давно требовали «Истикляль» и ССНС. Лишившись такого фактора, как избрание трети депутатов коллегиями выборщиков, король получил компенсацию в виде Палаты советников, опираясь на которую монарх может в определенной мере нейтрализовать активность Палаты представителей. Обе палаты фактически имеют равные права. Палата советников избирается коллегиями выборщиков, представляющими местные советы, профессиональные ассоциации и профсоюзы. Палата советников имеет право инициировать принятие законов, пересмотр конституции, выражать вотум недоверия правительству. После вотума о недоверии все правительство уходит в отставку (ст. 77).

В начале декабря 1996 г. комиссия, в которую были допущены представители всех легальных партий, начала проверять избирательные списки. Она обнаружила, что имена более 400 тыс. избирателей значатся в них дважды. В феврале 1997 г. 11 политических партий, в том числе 5 оппозиционных, подписали политический пакт с министром внутренних дел Д.Басри с целью «укрепления демократического режима, основанного на монархии»[19]. Стороны обязались соблюдать законы страны. После длительных переговоров власти и оппозиционные партии согласились, чтобы были подготовлены новые избирательные списки и учреждена национальная комиссия для наблюдения за выборами. О масштабах злоупотреблений на предыдущих выборах свидетельствовали данные, опубликованные марокканской печатью: регистрация 4,5 млн.

избирателей при общей численности электората в 12 млн. человек была осуществлена с нарушением закона[20].

14 ноября 1997 г. прошли выборы в Палату представителей (325 мест). Демократический блок, которому прочили победу, получил лишь 102 места («Истикляль» – 32, ССНС – 57). Накануне выборов «Истикляль» фактически отказался от единых действий с партнерами по Демократическому блоку. Это отчасти обусловило крупную неудачу «Истикляль» на этих выборах (на выборах в Палату представителей в 1984 г. кандидаты от этой партии получили 41 место, в 1993 г. – 51 место, в 1997 г. – 32 места). Правый блок – Национальное согласие (Конституционный союз – КС, Народное движение – НД, Национально-демократическая партия – НДП) получил 100 мест, причем КС – половину депутатских мандатов, центристские партии – 97, в том числе НОН – 46. Впервые в парламентских выборах приняла участие умеренная исламистская организация «Аль-Ислах ват-таухид» под эгидой немногочисленной светской политической партии Народное демократическое и конституционное движение. Исламисты получили 9 мандатов. Выборы в Палату советников (270 мест) косвенным голосованием состоялись 5 декабря. Депутатские мандаты распределились следующим образом: Национальное согласие – 76; Демократический блок – 44, в том числе «Истикляль» – 21; центристские партии – 42[21]. Во время выборов Демократический блок в первый раз обнародовал свою экономическую программу, чтобы привлечь на свою сторону деловые круги.

4 февраля 1998 г. Хасан II впервые назначил премьер-министром оппозиционного политического деятеля – лидера ССНС А.Юсуфи. В середине марта А.Юсуфи сформировал коалиционное правительство, в котором 23 министра представляли Демократический блок (14 от ССНС, 6 от «Истикляль», 3 от ППС), 3 – две небольшие левые оппозиционные партии (Фронт демократических сил и Социалистическую демократическую партию, образовавшиеся соответственно в 1997 г. и 1996 г.), 9 – две центристские партии (НОН – 6, проберберское Национальное народное движение – 3)[22]. Партии правого Национального согласия не вошли в правительство. Большинство проберберских политических организаций оказалось в оппозиции.

Программа нового правительства была одобрена парламентом в середине апреля 1998 г. А.Юсуфи заявил, что зада-

чами его правительства являются демократизация общественной и политической жизни, соблюдение законности и прав человека, решение срочных социальных проблем, в особенности ликвидация безработицы, неграмотности, улучшение здравоохранения, рост жилищного строительства. Он предложил реформировать административную и судебную реформу, создать климат доверия в отношениях между новым правительством и бизнесом. Однако некоторые оппозиционные деятели указывали, что определенные «экономические силы» сковывали деятельность премьер-министра.

Назначение социалиста А.Юсуфи премьер-министром Хасан II мог рассматривать как удачный политический ход. Ключевые министерства (внутренних дел, иностранных дел, юстиции и хабусов и по делам ислама) оставались под его контролем. Генеральный секретарь правительства также назначался королем. Министерство обороны в Марокко отсутствует после известных событий в начале 70-х годов, но верховным главнокомандующим и начальником генерального штаба является сам король. Основные направления экономической политики уже были заданы МВФ и соглашением об ассоциации с Европейским Союзом. Одним из требований МВФ было сокращение дефицита бюджета, что исключало значительные дополнительные расходы на социальные нужды. Основная сфера деятельности нового правительства, где оно могло бы достигнуть ощутимых результатов, ограничивалась реформой административного и судебного аппарата, борьбой с коррупцией, организацией более справедливых выборов. Участие политических партий в правительстве король увязал с их обязательством сдерживать действия своих сторонников ради сохранения стабильности в стране. Если бы А.Юсуфи не удалось добиться намеченных целей (в частности, в борьбе с коррупцией, в которой был заинтересован и Хасан II, так как коррупция отпугивала иностранных инвесторов), король смог бы свалить неудачи на неэффективность руководства А.Юсуфи правительством и в определенной мере дискредитировать «Истикляль» и ССНС. В случае успехов правительства Хасан II мог бы подчеркнуть, что он был прав, назначив «альтернативное правительство». Наконец, он продемонстрировал Западной Европе, что политическая система в Марокко демократична, и он не ориентируется исключительно на правые и центристские партии и может доверить руководство правительством лидеру социалистической партии.

Возникает вопрос, почему «Истикляль» и ССНС согласились войти в правительство, а А.Юсуфи – возглавить его, если им так и не удалось добиться серьезных уступок от короля. В сущности условия Хасана II остались теми же, что и в 1993 г., когда он предложил им сформировать правительство, сохранив за собой право назначать некоторых ключевых министров, а одиозному Д.Басри оставил портфель министра внутренних дел. Возможно, на лидеров подействовали какие-либо аргументы и обещания короля. Кроме того, почтенный возраст А.Юсуфи не позволил бы ему через несколько лет занять столь ответственный пост. Вполне вероятно, что «Истикляль» и ССНС в случае, если бы они снова отвергли предложение Хасана, были бы обвинены в том, что они занимаются лишь нападками на правительство «его величества» и не хотят занять конструктивную позицию, воплотить некоторые свои идеи в жизнь. Кроме того, оппозиция рассчитывала повлиять на политику Марокко после ухода Хасана II с политической арены в связи с его тяжелой болезнью и приходом к власти его сына принца Мухаммада.

Как отмечает журнал «Экономист», по мнению некоторых наблюдателей, если бы А.Юсуфи действовал быстро и решительно, чтобы четко определить новые отношения между правительством и дворцом и заручиться внутренней и международной поддержкой для проведения серьезных реформ, он мог бы сделать за время пребывания на своем посту больше, чем ожидал от него Хасан II. Королю было бы трудно сразу после формирования «альтернативного правительства» решиться на то, чтобы подавить активность А.Юсуфи[23]. Однако, по мнению многих марокканцев, с самого начала правительство А.Юсуфи проявляло пассивность и находилось в «летаргическом состоянии», особенно на фоне чрезвычайной активности нового короля Мухаммада VI. В немалой степени этому способствовало противодействие со стороны Д.Басри, привыкшего контролировать ситуацию внутри страны и действовать часто самостоятельно, не консультируясь с главой правительства. 26 октября 1998 г. полиция крайне жестко реагировала на митинг безработных специалистов в Рабате, причем были ранены около ста человек. Совершенно очевидно, что приказ отдавал Д.Басри, а не А.Юсуфи. Очень часто не премьер-министр, а министр внутренних дел выступал по телевидению с разъяснениями, касавшимися некоторых внутриполитических проблем. Присут-

ствие Д.Басри в составе правительства мешало принятию правительством необходимых решений. В начале мая 1999 г. в Сале (близ столицы), на традиционной «территории» ССНС, на дополнительных парламентских выборах победу одержал лидер партии «Аль-Адль ват-танмия» (созданной в 1998 г. вместо НДКД) А.бен Киран, сторонники которого составляли основу этой партии. Одной из причин победы исламистского кандидата, по-видимому, было отсутствие успехов в деятельности правительства А.Юсуфи. В определенной степени победе Бен Кирана могли способствовать дворцовые круги, заинтересованные в ослаблении позиций более радикальной «Аль-Адль валь-ихсан», лидер которой А.Ясин находился как раз в это время в Сале под домашним арестом. Не исключено также, что эти круги одновременно стремились ослабить политическое влияние ССНС.

С одной стороны, принадлежность А.Юсуфи к левой, социалистической партии, которая всегда выступала за проведение широких реформ, вселяла надежду в марокканском обществе на быстрые и кардинальные перемены в стране. С другой стороны, приход к власти социалистической партии придал дополнительный импульс исламистскому движению, которое выступило в роли подлинной оппозиции. Так как светские политические партии Марокко не оспаривают законности монархического строя, радикальные исламистские группировки представляют собой «настоящую и единственную оппозицию правящему режиму»[24]. Умеренная же «Аль-Адль ват-танмия» рассматривала себя как оппозицию по отношению к правительству социалиста А.Юсуфи и набирала очки за счет неудач и невыполненных обещаний лидера ССНС.

23 июля 1999 г. умер Хасан II. Новый король Мухаммад VI сразу продемонстрировал готовность проводить политику реформ, модернизации, говорил о необходимости соблюдения социальной справедливости, обещал помочь бедным и сократить безработицу, соблюдать законность и права человека. На свободу вышли сотни политических заключенных. В декабре 1999 г. Мухаммад VI учредил комиссию, которая должна была подготовить отчет о нарушениях прав человека в течение нескольких десятилетий. Партии Демократического блока приветствовали это решение короля. Летом 2004 г. был опубликован проект закона о запрещении пыток. В 2003 г. была создана государственная организация «Справедливость и примирение». За прошедшее время она получила около 22 тыс. запросов о выплате ком-

пенсаций за насильственные похищения и внесудебные преследования, совершенные в период с 1956 по 1999 г. Предусматривается, что после рассмотрения запросов государство начиная с 2005 г. приступит к выплате компенсаций[25]. Однако список лиц, применявших пытки, не подлежит оглашению.

В конце 1999 г. король разрешил вернуться в Марокко видному диссиденту А.Серфати и семье известного политического деятеля М.бен Барки. В середине мая 2000 г. последовало освобождение из-под домашнего ареста лидера «Аль-Адль валь-ихсан» А.Ясина. В первой декаде ноября 1999 г. король отправил в отставку одиозного министра внутренних дел Д.Басри, занимавшего этот пост около двадцати лет и отождествлявшегося с репрессиями при Хасане II. Король в рамках официальной борьбы с коррупцией и другими злоупотреблениями власти уволил более половины губернаторов. С одной стороны, это должно было показать готовность монарха осуществить перемены, которых ожидала от него оппозиция, марокканская общественность. С другой, вокруг Д.Басри, полномочия которого выходили за пределы МВД, сформировался центр власти, внушавший опасения Мухаммаду VI. Вероятно, чтобы предупредить возможные контрдействия министра, король не информировал заранее правительство и парламент об увольнении Д.Басри, а просто вызвал его в один из ноябрьских дней в королевский дворец и объявил ему о своем решении. Такую форму отставки Д.Басри можно интерпретировать и как недостаточно уважительное отношение монарха к законодательной власти. Внимание наблюдателей привлек тот факт, что в окружении короля появился ряд высших армейских офицеров. Мухаммад VI предпочел в период консолидации своей власти опираться не столько на МВД, сколько на вооруженные силы.

Новый король, демонстрируя желание проводить реформы, в то же время, как и его отец, не оставил никаких сомнений в том, что он намерен не только царствовать, но и управлять. Он занимался назначениями на все высокие должности и формулировал политическую и экономическую стратегию. По-прежнему критические высказывания в отношении монархии, армии и политики по Западной Сахаре оставались «табу» для оппозиции и прессы. В середине апреля 2000 г. был закрыто одно из популярных периодических изданий на французском языке за опубликование интервью лидера Фронта ПОЛИСАРИО, которое тот дал в Нью-Йорке. М.Алауи, директор еженедельника, издавае-

мого на арабском языке, был приговорен к трем месяцам тюрьмы и штрафу в один миллион дирхамов за статью о коррупции в верхних эшелонах власти, в частности министра иностранных дел[26]. В конце марта 2001 г. базирующаяся в Париже Ассоциация по правам человека в Марокко провела конференцию, на которой якобы осуществляемый правящим режимом переход страны к демократии был назван «маскарадом»[27].

Тем не менее нельзя отрицать определенные достижения в Марокко в области прав человека (освобождение сотен заключенных, сотрудничество с ООН в этой области) и борьбе с коррупцией, которая мешала притоку иностранных инвестиций и развитию местного бизнеса. А.Юсуфи отдал распоряжение всем министрам, законодателям и государственным служащим раскрыть размеры своих доходов и их источники. Министр юстиции У.Аззиман начал реформу системы правосудия, завел дела против 30 судей, в основном связанных с коррупцией. Чтобы искоренить коррупцию на местном уровне, король санкционировал создание 16 региональных судов.

В интервью газете «Монд» 25 января 2002 г. А.Юсуфи выступил в защиту своего правительства, которое обвиняли в пассивности и неэффективности. По его мнению, правительство организовало подготовку к проведению свободных и транспарентных выборов осенью 2002 г. В марте 2002 г. партии, представленные в правительстве, договорились о введении пропорциональной системы выборов вместо мажоритарной, существовавшей с 1955 г. Правительство утверждало, что новая система выборов будет способствовать укреплению доверия к политической системе. По крайней мере, 10% из 325 мест в Палате представителей были зарезервированы для женщин. Осуществлялись меры по расширению медицинского обслуживания населения. С сентября 2002 г. все дети должны были получать образование с шестилетнего возраста. А.Юсуфи признал, что деятельность правительства в области экономики могла бы быть более эффективной, но он обратил внимание на тяжелое бремя погашения внешнего долга и выплаты заработной платы в государственном секторе, которые поглощали основную часть бюджетных расходов. Кроме того, надо было учитывать негативное влияние четырех лет засухи. Премьер-министр отстаивал объективность статистики, представленной в его докладе, в то время как оппозиционные партии (исламистская, правые и большинство проберберских)

утверждали, что она приукрашивала действительность. Он заявил, что не было никакого «соперничества» между дворцом и правительством[28].

Однако вскоре после этого в неподписанной редакционной статье ежедневной газеты ССНС «Аль-Иттихад аль-иштираки», редактором которой являлся сам А.Юсуфи, подверглись сильной критике влиятельные советники короля за вмешательство в сферу компетенций правительства и существование «теневого правительства» во дворце. За день до этого ЦК ССНС издал коммюнике, содержавшее ту же критику[29]. «Истикляль» также выразила озабоченность в связи с чрезмерным влиянием королевских советников. Все это свидетельствует, что и после прихода к власти Мухаммада VI полномочия премьер-министра оставались ограниченными.

Мухаммад VI еще в интервью в 2001 г. отмел упреки в наличии двух правительств – «дворцового» и формально ответственного перед королем и парламентом. В то же время он утверждал, что монарх несет особую ответственность за внешнюю политику, оборону, работу министерств внутренних дел, юстиции и по делам ислама.

Результаты деятельности правительства А.Юсуфи подвергались критике в довольно жесткой форме большинством марокканцев и в более мягкой – дворцом. Его упрекали в отсутствии политической смелости и пассивности. В последние годы экономический рост составлял 2–3%, что было недостаточно для сокращения безработицы, составлявшей в городе 20%[30]. В вину А.Юсуфи ставилось также отсутствие мер по улучшению положения женщины в марокканском обществе. Между тем этот вопрос должен был занимать центральное место в работе правительства, если судить по речи А.Юсуфи при его сформировании. «Однако, строго говоря, он ничего не сделал», – с горечью констатировали два члена Демократической ассоциации женщин Марокко – Л.Риви, преподаватель Рабатского университета и Х.Ларини, инспектор министерства образования[31]. Причиной нарушения премьер-министром своего обещания была большая демонстрация исламистов 12 марта 2000 г. А.Юсуфи не решился проводить реформу семейного права и прибегнул к арбитражу короля. Король 27 апреля назначил консультативную комиссию из улама, богословов и университетских преподавателей, которая заняла консервативную позицию.

Оправдывая А.Юсуфи, один из близких к нему людей сказал следующее: «Во всяком случае, он не мог бы сделать большего. Его коалиционное правительство представляет собой мозаику, составленную из семи политических партий, весьма отличающихся друг от друга, что почти не оставляет ему пространства для маневра. Та же ситуация в парламенте, где он располагает крайне незначительным меньшинством. Наконец, его действия ограничиваются королевским дворцом»[32].

На парламентских выборах 27 сентября 2002 г. борьба развернулась между четырьмя блоками – левым (ССНС, ППС, Объединенная социалистическая партия и Социал-демократическая партия), националистическо-исламистским («Истикляль», «Аль-Адль ват-танмия»), проберберским (НД, ННД и Социально-демократическое движение) и правым (НОН, КС). Таким образом, по сравнению с предыдущими выборами политические блоки приобрели более однородный характер. Эти выборы прошли в спокойной обстановке. Лидеры всех политических организаций подтвердили, что они были честными и прозрачными. Так же оценило их большинство французских и американских газет и журналов. Выборы бойкотировали две небольшие левые партии – НСНС и Партия демократического социалистического авангарда (ПДСА). ССНС снова получила больше мест в Палате представителей, чем другие партии, – 50, но меньше, чем в 1997 г. (57); «Истикляль» – 48 (в 1997 г. – 32; по-видимому, союз с умеренными исламистами положительно сказался на результате «Истикляль» на выборах); больших успехов добилась исламистская «Аль-Адль ват-танмия» – 42 (в 1997 г. – 9). Исламисты выдвинули кандидатов лишь в 56 из 91 избирательного округа. Один из руководителей «Аль-Адль ват-танмия» заявил, что его партия намеренно сделала это, ибо победа исламистов на выборах могла бы обострить положение в стране, как это произошло в Алжире, вызвать репрессии против «Аль-Адль ват-танмия». Столь значительный успех исламистов рассматривался как протест против неспособности светских партий эффективно решать социально-экономические проблемы. В начале января 2001 г. газета ССНС «Аль-Иттихад аль-иштираки» сообщила, что 13 членов фракции «Аль-Адль ват-танмия» на самом деле представляют более радикальную исламистскую организацию «Аль-Адль валь-ихсан»[33].

Каждая из центристских партий в разной степени потерпела неудачу, НОН, Демократическое и социальное движение (ДСД) и Национальное народное движение получили соответ-

ственно 41 (в 1997 г. – 46), 7 (32) и 18(19) мест. Правые партии Конституционный союз (КС) и проберберское Народное движение (НД) также потерпели поражение: они получили соответственно 16 (в 1997 г. – 50 мест) и 27 депутатских мандатов (в 1997 г. – 40). Небольшие левые партии несколько увеличили свое представительство: ППС – 11(9), Социалистическая демократическая партия (СДП) – 6(5), Фронт демократических сил (ФДС) – 12(9) мест. 35 мест заняли женщины (в 1997 г. только 2 – от ССНС), это самый высокий показатель в арабском мире[34].

Сразу после выборов «Аль-Адль ват-танмия» заявила, что готова войти в правительство, если его возглавит «Истикляль». Однако осуществился совершенно иной сценарий. Парадоксально, но после первых в основном свободных и прозрачных выборов премьер-министром был назначен технократ Д.Джетту. Казалось, что продолжится наметившаяся демократическая тенденция назначения главы самой многочисленной партийной фракции премьер-министром. Однако новый король предпочел вернуться к системе правления Хасана II до сформирования «альтернативного правительства». М.Масдад, молодой активист ССНС, сказал по этому поводу: «Страна – это не частное предприятие, она не должна управляться деловыми людьми!» В том же духе высказался Ю.Тази, депутат парламента от «Истикляль»: «Будущее правительство будет управляться как частное предприятие… Премьер-министр поставит цели и определит отсрочки в реализации крупных строек. Министры будут добиваться поставленных перед ними целей с учетом предоставленных отсрочек»[35].

2 ноября 2002 г. было сформировано новое коалиционное правительство. В него вошли представители шести партий: ССНС (6 министров), ППС (2 министра), исламско-националистическая «Истикляль», правая проберберская НД, центристская НОН (6 министров) и центристская проберберская ННД (2 министра).

Некоторые особенности выборного процесса

Местные и парламентские выборы, проводившиеся в Марокко относительно регулярно, в определенной мере имели состязательный характер, хотя власти различными способами в основном добивались желанных для себя результатов. Власти обеспечивали благоприятные условия для проправительственных партий и тех оппозиционных организаций, которые

готовы к компромиссу и сотрудничеству с правящим режимом или не представляли собой серьезной политической силы. Для ослабления позиций слишком сильных или критически настроенных партий правительство принимало соответствующие меры. Правящий режим способствовал подрыву единства и расколу неугодных ему партий, возникновению новых блоков и партий, в частности, накануне парламентских выборов. При существовании множества партий у короля было широкое поле для политических маневров, создания приемлемого для него баланса сил. Избирательные округа нарезались таким образом, чтобы в случае необходимости голоса горожан, которые более или менее осознанно принимали решение и больше были склонны к оппозиционности, растворялись среди голосов сельских, консервативных избирателей. Власти препятствовали проникновению оппозиционных партий в сельские районы, контролируемые правящим режимом.

В Марокко была распространена практика продажи депутатских мест и голосов, в том числе королевской администрацией, «селекционирующей» таким образом как своих союзников, так и оппонентов. На местных выборах голос можно было купить за 20 долларов, в то время как место в парламенте могло стоить до 50 тыс. долларов[36]. Автор редакционной статьи в печатном органе ССНС «Аль-Иттихад валь-ильштираки», касаясь коммунальных выборов в июне 1997 г., использует выражение «приватизация выборов». Отмечая отсутствие крупномасштабного вмешательства властей, он выделяет характерную черту этих выборов – «экономизацию» марокканского политического поля, то есть широкое использование денег, избрание предпринимателей, перемещение борьбы за власть из политического пространства в экономическое[37].

В Марокко сначала проводились выборы в местные органы власти, а затем парламентские. Более раннее проведение местных выборов позволяло правящему режиму получать представление о соотношении сил перед парламентскими выборами и вносить коррективы не только в предвыборную кампанию, но и в результаты парламентских выборов. Также в интересах властей голосование в Палате представителей с 1970 по 1993 гг. проводилось сначала прямым голосованием, а затем косвенным – коллегиями выборщиков, что также позволяло вносить коррективы во втором туре голосования. Например, на парламентских выборах прямым голосованием 25 июня 1993 г.

оппозиционный Демократический блок получил 99 мест из 222. Однако на втором этапе выборов 17 сентября проправительственные партии получили 79 из 111 мест. Некоторые проправительственные кандидаты, получившие сокрушительное поражение в первом туре в июне, оказались избранными в сентябре на выборах двухступенчатым голосованием. «Истикляль» и ССНС добились во втором туре лишь 17 депутатских мандатов и обвинили власти в «фальсификации народной воли»[38]. На втором этапе сказались как манипуляция властями выборов, так и консерватизм большинства членов коллегии выборщиков. Кроме того, как отмечает Э.В.Павлуцкая, разрыв в несколько месяцев между выборами в Палату советников и Палату представителей (например, выборы в 1997 г. в первую палату состоялись 14 ноября, а во вторую – 5 декабря) в 1997 и 2002 гг. позволял откорректировать голосование на втором этапе в пользу правящего режима[39].

Власти препятствовали регистрации кандидатов оппозиционных партий в отведенный для этого период. Они препятствовали предвыборной кампании оппозиционных партий – запрещали проведение собраний в общественных местах, лимитировали обеспечение бумагой, необходимой для агитации за кандидатов и т.д. Многочисленные нарушения допускались на этапах голосования и подсчета бюллетеней. Например, отказы в возврате избирателям их электоральных карт, дабы ими могли незаконно воспользоваться другие лица; удаление наблюдателей от оппозиции из избирательных участков. Власти отказывали в проверке избирательных урн перед голосованием. Часто урны не вскрывались и бюллетени не подсчитывались, но победителями объявлялись кандидаты проправительственных партий. Когда же урны вскрывались на месте, власти фальсифицировали итоги в пользу своих ставленников.

Число мест, которые получали партии, в конфиденциальном порядке определялось правительством в соответствии с негласной системой квот. Эту систему квот открыто критиковали на страницах касабланкского журнала «Ламалиф» (апрель 1984 г.) некоторые политические деятели, в том числе генеральный секретарь «Истикляль» М.Бусетта, входивший в правительство в 1977–1983 гг. Правящий режим не допускает, чтобы какая-либо партия имела большинство в парламенте. Перед выборами партии обязаны согласовать с министром внутренних дел условия, на которых они будут участвовать в

них. Однако им не известно, как в конечном счете власти постараются распределить места. Около четверти мест в Палате представителей правящим режимом были предназначены для свободного голосования, чтобы придать видимость конкурентной борьбы и выяснить истинное настроение избирателей и силу партий[40]. Партийные лидеры перед выборами должны были прислушиваться к рекомендациям МВД, в противном случае их ожидали неприятности. Известно, что руководитель ССНС А.Буабид проиграл на парламентских выборах в Агадире, так как отказался последовать совету МВД баллотироваться в Кенитре[41].

Тактика короля в отношении оппозиционных партий

По отношению к оппозиционным политическим партиям Хасан II, как уже указывалось, использовал тактику «разделяй и властвуй», приемы политики «кнута и пряника». Например, президент Туниса Х.Бургиба стремился объединить политические течения в рамках единственной в стране Социалистической дустуровской партии (называлась Дустуровской партией до октября 1964 г.). В противоположность ему король Марокко не допускал образования в стране однопартийной системы, после достижения независимости она сразу стала многопартийной. До конца 50-х годов в Марокко наряду с «Истикляль» существовала Марокканская коммунистическая партия, запрещенная 16 сентября 1959 г. и окончательно в феврале 1960 г. В сентябре 1959 г. произошел раскол «Истикляль», и на основе левого течения образовалась новая партия – Национальный союз народных сил (НСНС). В 1957 г. на этнической основе сформировалось проберберское Народное движение, получившее легальный статус в 1959 г. Король поддерживал определенное равновесие в партийно-политической системе, принимал меры по ослаблению ставших слишком сильными партий и способствовал укреплению слабых партий. Он никогда не допускал достижения какой-либо партией, тем более оппозиционной, абсолютного большинства в парламенте. Хасан II иногда легализовал, руководствуясь своими интересами, новые партии либо блоки или ради предвыборной борьбы (Фронт защиты конституционных институтов в марте 1963 г.), или по политическим соображениям (ППС в 1974 г. в рамках достижения национального консенсуса по западносахарской проблеме), или, как в 1983 г., для создания до-

полнительной опоры перед лицом усиления исламистского движения (Организация народного демократического действия – ОНДД).

Если оппозиционные политические партии или лидеры проявляли готовность к компромиссу или сотрудничеству с правительством, правящий режим создавал им благоприятные условия для их деятельности на выборах, предоставлял высокооплачиваемые должности. Однако когда оппозиционные партии или политические деятели критически высказывались о монархии, вооруженных силах, политике правительства по Западной Сахаре, разоблачали коррупцию в высших кругах, правящий режим подвергал их репрессиям, запрещал их газеты и журналы. Чаще преследованиям подвергались левые силы. Американский востоковед Г.Мансон отмечает, что Хасан II «использовал их столь часто для удаления зубов левой оппозиции, что теперь она кусается лишь деснами»[42].

Даже когда с конца 80-х годов в Марокко ускорился процесс либерализации и демократизации, правящий режим крайне болезненно воспринимал критику своей политики и государственных институтов. Например, в марте 1992 г. член Политбюро ССНС и профсоюзный функционер Н.Алауи был приговорен к двум годам тюремного заключения за публичную критику политики правительства. В том же году видный деятель Ассоциации по правам человека в Марокко А.Билайши получил три года тюрьмы за высказывание, «унижавшее» марокканскую армию.

Репрессии осуществлялись дозировано, оппозиционные партии не запрещались, их лидеры, в конечном счете, меняли свою критическую позицию, поскольку путь к возобновлению относительно свободной деятельности всегда оставался открытым, а вознаграждение со стороны властей не заставляло себя ждать. Так произошло, например, с ССНС в 1981 г., когда он выразил несогласие с официальной политикой по Западной Сахаре. Наблюдатели отмечают, что даже непримиримые противники правящего режима претерпевали метаморфозу и начинали в обмен на жест примирения со стороны Хасана II и его готовность щедро вознаградить раскаявшегося противника славословить короля. Кроме того, оппозиционные политические организации и деятели понимали, что благосклонностью дворца всегда могли воспользоваться и другие силы.

Правящий режим использовал в своих интересах то, что соблюдение политическими партиями национального консен-

суса и вхождение оппозиции в правительство сковывало ее активность, вынуждало отходить от провозглашенных демократических лозунгов. Например, так произошло в 1992 г., когда более миллиона марокканских женщин подписали петицию о необходимости реформирования устаревшего семейного кодекса и обратились к демократическим силам с просьбой поддержать их. ССНС обошел проблему, потому что, по его мнению, она имеет противоречивый характер и разделяет марокканцев. Партия же «Истикляль» заявила, что женщины не могут игнорировать нормы Корана и Сунны. Марокканский исследователь А.Маграуи подчеркивает, что «в то время как демократические партии защищают современную демократию, права человека, власть закона и женское равноправие, они очень часто нарушают эти принципы во имя национализма, патриотизма, аутентичности и священных институтов»[43]. Другой пример: «альтернативное» коалиционное правительство, возглавляемое социалистом А.Юсуфи, подчеркивало, что закон 1958 г., каравший за высказывания, наносящие ущерб исламу, национальной целостности и монархии, сохраняет свою силу. Этот закон мог интерпретироваться очень широко и часто использовался властями для преследования активистов и лидеров оппозиционных партий, представителей правозащитных организаций, демократической интеллигенции. Следует напомнить также, что оппозиционные партии, кроме левой ОНДД, поддержали проведение референдума по проекту новой конституции в 1996 г. В ней в 39-й статье сохраняется положение прежних конституций о том, что члены парламента могут лишиться парламентской неприкосновенности и подвергнуться судебному преследованию за высказывания, наносящие ущерб монархической системе, исламской религии или унижающие достоинство короля. Практически эта статья делает невозможным критику правящего режима. Оппозиционные партии не выступили за какую-либо корректировку этого положения статьи, его конкретизацию и детализацию.

Армия в марокканской политике

С первых лет независимого Марокко армия являлась одной из основных опор монархии. Уже в 1958 г. генерал Уфкир и наследный принц Мулай Хасан с 15-тысячными войсками жестоко подавили восстание берберов в Рифе. В марте 1965 г. в Касабланке полиция и войска расправились с массами, протесто-

вавшими против сокращения бюджетных расходов в социальной сфере в соответствии с рекомендациями МБРР. Однако раскрытие тайной организации «Движение свободных марокканских офицеров» (название по аналогии с националистическими организациями в Египте – организацией «Свободных офицеров», и в Ливии – организацией «Свободных офицеров-юнионистов-социалистов») в декабре 1969 г. показало, что брожение охватило в определенной мере и вооруженные силы. Молодые марокканские офицеры намеревались свергнуть монархический строй. Они видели, что политика правящего режима вызывала широкое недовольство народа. Около 50 молодых офицеров-участников «заговора рамадана» были казнены[44]. В 1971 и 1972 гг. последовали две неудачные попытки военного переворота. Мятежники потерпели неудачу, в частности, из-за разногласий между участниками заговоров: одни хотели свергнуть Хасана II и провозгласить королем принца Мухаммада, другие – физически устранить Хасана II и учредить республику.

В обострившейся политической обстановке король нуждался в поддержке оппозиционных партий. Он пытался убедить их в том, что армия могла представлять угрозу не только для правящего режима, но и для «Истикляль» и НСНС. 11 июля 1971 г., на следующий день после неудачного путча в Схирате, Хасан II в обращении к нации коснулся вопроса о политике оппозиционных партий. Она, по его мнению, заключалась не только в жесткой критике правительственного курса. Эти организации должны были понять, что их судьба была связана с судьбой монархии и что путчисты не пощадили бы и их[45]. По-видимому, в определенной степени Хасан II был прав: в случае победы мятежников мог быть установлен авторитарный военный режим, как в Египте при Г.Насере или в Ливии при М.Каддафи.

После каждого путча следовала массовая чистка армии. Однако король принимал и другие меры по минимизации угрозы со стороны вооруженных сил. В последующем Хасану II удалось занять армию выполнением ее прямых функций: наиболее ненадежные части были направлены в первой половине 1973 г. для оказания помощи Сирии. Марокканские войска участвовали в войне с Израилем осенью 1973 г. на стороне Египта и Сирии. Затем король вовлек армию в длительную войну в Западной Сахаре. Во всех случаях участие марокканских вооруженных сил сопровождалось массовой пропагандистской кампанией: марокканская армия выполняла благо-

родную миссию по оказанию помощи братским арабским странам в борьбе против Израиля и по защите территориальной целостности марокканского государства. Хасан II обеспечил армию более качественным оружием, значительно увеличил офицерам жалованье, больше внимания стало уделяться продвижению по службе в соответствии с заслугами и способностями офицеров. Он создал военным благоприятные условия для занятия бизнесом. При распределении земель, изъятых у иностранцев в 1971–1975 гг., выиграли главным образом офицеры.

После путчей в начале 70-х годов король реорганизовал армию. Он сам стал исполнять функции министра обороны и начальника генерального штаба. Король ликвидировал крупные военные части, все военные округа, практиковал частую ротацию командиров, чтобы помешать образованию центров власти на местах. Однако эти меры снизили эффективность вооруженных сил в боевых действиях в Западной Сахаре, что вынудило Хасана II пересмотреть структуру командования. В 1980 г. под командование генерала А.Длими, бывшего когда-то правой рукой генерала Уфкира, организатора заговора 1972 г., были переданы три четверти армии, и он возглавил ведение боевых действий в Западной Сахаре.

И все же, как отмечают пресса и исследователи, в 1983 г. был раскрыт новый военный заговор, на этот раз возглавляемый А.Длими, хотя не было никаких официальных сообщений. Однако просочившаяся информация заставила марокканцев поверить в существование заговора. Были арестованы несколько офицеров и высших должностных лиц в государственной администрации. После этого король, осознав опасность концентрации военной власти в руках одного человека, распределил функции А.Длими между несколькими высшими офицерами. С 1983 г. военная полиция регулярно следила за основными дорогами, ведущими в крупные города. В жандармерию постоянно поступала информация о передвижении воинских частей. С конца 70-х годов армия перестала быть основной политической силой в Марокко, и в этой роли ее заменила партийно-политическая система.

В середине октября 2002 г. в стране произошло событие, вызвавшее широкие отклики в независимой марокканской и зарубежной прессе. Испанская газета «Паис» 16 октября, французская «Монд» и алжирская «Актюалите» 17 октября опублико-

вали отрывки из «Коммюнике №1» «Комитета свободных офицеров» марокканских вооруженных сил. Полный текст был воспроизведен в журнале «Жен Африк»[46]. В «Коммюнике № 1» «свободные офицеры» требовали отставки семи генералов, замешанных в коррупции, освобождения офицеров, осмелившихся протестовать против коррупции в вооруженных силах, настаивали на повышении жизненного уровня военнослужащих. Марокканским спецслужбам в течение второй половины октября так и не удалось раскрыть подпольную оппозиционную военную организацию. Возможно, что «Комитет» представляет собой крайне незначительную группу офицеров.

Берберский фактор в общественно-политической жизни

Удельный вес берберов или, как их еще называют, бербероязычных марокканцев в населении Марокко оценивается разными исследователями в пределах 35–40%. Согласно ежегоднику «Миддл Ист энд Норт Африка» и журналу «Жен Африк», он составляет соответственно более трети и 35% населения Марокко[47]. Как утверждает немецкий справочник по странам «третьего мира», марокканцы этнически подразделяются на чистых арабов (около 20%), арабизированных берберов (30–40%), берберов (30–40%), а также небольшие негроидные группы на юге, евреев и около 100 тыс. иностранцев[48].

В январе 1959 г. была легализована первая проберберская партия Народное движение (НД), существовавшая полулегально с конца 1957 г. Она выступает за сохранение марокканской идентичности, в том числе берберской, в рамках арабской общности, претендует на защиту прав сельского населения страны. С одной стороны, ее создание было связано со стремлением берберской элиты отстаивать свои интересы. С другой, ее формирование стимулировалось правящим режимом, чтобы не допустить монополии «Истикляль» в партийно-политической системе и ослабить ее влияние. НД относится к числу правых партий, и ее представители неоднократно входили в состав правительства, партия лояльна правящему режиму. Во второй половине 50-х годов и в 60-х годах берберская знать, крупная берберская бюрократия и берберский военный истэблишмент наряду с крупной арабской буржуазией, бюрократией и помещиками служили социальной опорой королевской власти. После заговоров армии в 1971 и 1972 гг. берберы были смещены

с высших должностей в армии и государственном аппарате. Бóльшая часть берберских генералов была уничтожена: 8 из 13. (Единственным генералом арабского происхождения в армии был Дрис бен Умар.)[49] В.Максименко подчеркивает, что «в Схирате надломился становой хребет класса (точнее, его берберской фракции, поскольку власть арабского крупного землевладения была сохранена), цементировавшего до той поры социальную опору марокканской монархии»[50]. К концу 70-х годов правящий режим опирался на мелкую и среднюю буржуазию, «средний класс». События 1971–1972 гг. даже ускорили процесс арабизации берберских районов, куда были направлены сирийские и египетские преподаватели.Тем не менее берберы на более низкой ступени социальной иерархии не подвергались чистке и репрессиям. Они продолжали составлять большинство офицерства, служащих министерств, три четверти работников местной администрации[51].

С конца 60-х годов в берберских регионах возникают ассоциации в защиту берберского языка и культуры, но они преследовались властями в 70–80-х годах. В 1981 г. историк А.Азейку был осужден на 12 лет тюремного заключения за статью, в которой использовал термин «вторжение» по отношению к арабам, вступившим на территорию нынешнего Марокко во второй половине VII в.[52] Как отмечает М.Сергеев, в 1982 г. были арестованы несколько активистов берберского движения, главным образом преподавателей университетов. Все они оказались связанными с созданием журнала, отстаивавшего культурную самобытность берберов и использование берберского языка в общественно-политической жизни наряду с арабским. Автор редакционной статьи «Берберский язык такой же язык, как и арабский» был приговорен к году тюрьмы[53].

С начала 90-х годов берберское движение становится заметным явлением в Марокко. Осенью 1990 г. был создан Национальный совет по координации, в который вошли представители тридцати берберских культурных ассоциаций. 5 августа 1991 г. берберы впервые публично выдвинули свои требования: в Агадире шесть берберских культурных ассоциаций предложили внести в конституцию страны положение о «национальном статусе» берберского языка тамазиг наряду с арабским. 1 мая 1992 г. в городе Ар-Рашида члены берберской ассоциации «Тилелли» («Свобода») прошли по улицам города, скандируя «Тамазиг – в школу, тамазиг – официальный язык!»[54].

1994 г. стал определенной вехой в развитии берберского движения и в правительственной политике по отношению к берберам. Был создан Координационный совет ассоциаций амазигов Марокко. (Представители марокканских ассоциаций вошли в созданный в 1995 г. Всемирный конгресс амазигов.) В июле премьер-министр А.Филали объявил о начале передач новостей на тамазиге по национальному телевидению. С августа по телевидению стали передаваться краткие новости на трех основных берберских языках (часть лингвистов считают их диалектами берберского языка) – тарифите (Риф), тамазиге (центр и восток Марокко) и ташельхите (Южное Марокко). За несколько дней до начала телепередач Хасан II заявил, что берберские диалекты – это интегральная часть марокканской идентичности и истории и вскоре будут преподаваться в государственных школах, по крайней мере в начальных; однако арабский язык останется единственным официальным языком в соответствии с конституцией. Король не сдержал своего обещания.

В конце 90-х годов некоторые активисты берберского движения заговорили о том, что «пора покончить с господством арабского колониализма над берберскими районами»[55]. Они требовали введения преподавания тамазига в школах, увеличения времени передач на берберском языке, придания ему статуса официального языка Марокко. Они утверждали, что их идентичность не связана с Арабским Востоком. Группа берберской интеллигенции настаивала на введении истории эмирата бургвата (группы берберских племен) в учебный курс истории. Публиковались многочисленные работы не только по истории этого эмирата, но и доисламской берберской культуры. Профессор философии Рабатского университета А.Асид прочитал серию лекций в рамках подготовки своей книги о берберах. Он однажды заявил в интервью: «В 70-х годах мы хотели только равенства берберского языка с арабским. Спустя тридцать лет ничего не изменилось, и экстремисты теперь хотят сделать основным языком тамазиг. Битва началась»[56].

В 1998 г. в школьную программу была введена античная история берберов. Раньше в школьных учебниках утверждалось, что история Марокко началась с VIII в., с момента образования государства Идрисидов. Восемь веков предшествовавшей истории игнорировались. В 1999 г. Дж.Лусин, учитель истории в Касабланке, завершил перевод Корана на тамазиг. Следует напомнить, что в X в. в эмирате бургвата Коран уже

переводился на берберский язык. Однако когда эмират был разрушен, завоеватели сожгли копии этого Корана. Его фрагменты хранятся в западных музеях. Некоторые марокканцы утверждали, что перевод Корана на тамазиг якобы потрясет ислам, подобно тому, как перевод Библии на немецкий язык М.Лютером потряс Римско-католическую Церковь в первых десятилетиях XVI в.

Новый сдвиг в позиции правящего режима по берберской проблеме произошел с приходом к власти Мухаммада VI. Король осознавал риск дальнейшего игнорирования берберской проблемы, тем более что 1 марта 2000 г. по инициативе профессора М.Шафика был составлен «Берберский манифест», в котором был выдвинут ряд требований берберской интеллигенции, в том числе повысить статус берберского языка до официального[57]. 30 июля 2001 г. Мухаммад VI в своей речи заявил, что «берберство» – существенная составляющая марокканской идентичности. Спустя три месяца он распорядился о создании Королевского института амазигской культуры, задача которого заключается в сохранении и поддержке культуры амазиг во всех ее аспектах. Некоторые берберские ассоциации отказались участвовать в работе института, рассматривая его как политическую инстанцию, предназначенную для поддержки ассоциативных движений амазиг, чтобы избежать политизации берберской проблемы. Тем не менее, по мнению других, учреждение института символизировало признание «берберства» Марокко. С сентября 2003 г. берберский язык стал преподаваться в школе. В мае 2004 г. были напечатаны первые школьные учебники амазиг. Сегодня берберы могут открыто и с гордостью говорить: «Я – марокканец, но не араб, а бербер»[58].

Существуют определенные трудности в обучении в школе берберскому языку. В качестве алфавита был выбран тифинаг, используемый туарегами. Некоторые настаивают на введении арабского алфавита, другие – латинского. В настоящее время преподаются все три диалекта берберского языка. Президент ассоциации «Азетта» А.Аррахмуш заявил в связи с этой проблемой: «Это успокаивает наших противников, которые утверждают, что нет единого берберского языка, а существуют несколько диалектов, и поэтому невозможно признать берберский язык национальным или официальным. Метод, используемый Королевским институтом, предназначен для разрушения нашего единства. Мы уже отстали на четырнадцать веков, и

мы могли бы ждать еще сорок лет!»[59]. Вопрос унификации языка приобретает особое значение. Королевский институт делает упор на постепенной стандартизации языка, орфографии и лексики.

В целом правящий режим достаточно оперативно реагирует на развитие ситуации в берберских районах, на усиление берберского движения и его политизацию. Он в определенной степени идет навстречу требованиям берберов в культурно-лингвистической области, не чинит препятствий образованию новых проберберских политических партий. Подавляющее большинство берберских культурных ассоциаций и политических партий отвергают исламизм, особенно в его радикальной форме, что сближает их в этом плане с королевским дворцом.

Усиление координации деятельности берберских ассоциаций в 90-х годах, участие отдельного блока проберберских партий в парламентских выборах 2002 г. указывают на тенденцию к консолидации и укреплению единства берберского движения.

В ближайшем будущем не следует ожидать радикализации берберского движения, учитывая как гибкость политики правящего режима, свободное функционирование в Марокко берберских культурных ассоциаций и проберберских политических партий, так и наличие у короля мощного репрессивного аппарата и эффективных спецслужб. Эти силовые структуры в значительной мере способствовали «выстраиванию» марокканских партий в лояльную оппозицию «его величества». Берберы хорошо помнили о жестоком подавлении войсками во главе с наследным принцем Хасаном и генералом М.Уфкиром восстания рифских племен в 1958 г., расправу с участниками заговоров 1971 и 1972 гг., в которых самое активное участие принимали берберские высшие офицеры, разгром силами безопасности в начале 70-х годов в берберских районах партизанских групп, организованных лидером зарубежного отделения НСНС М.Басри.

В более долгосрочной перспективе ситуация в берберском регионе будет зависеть от степени учета монархией интересов культурной, политической и экономической элиты берберов, усилий государства по социально-экономическому развитию берберских районов, наиболее отсталых в Марокко. Кроме того, на положение в берберских районах будут оказывать влияние как решения берберской проблемы в Алжире, где бербер-

ское движение более радикальное, чем в Марокко, так и возможное вмешательство внешних сил. От этого зависит, приобретет ли берберское движение в королевстве сепаратистский характер.

* * *

Анализ политической ситуации в Марокко позволяет сделать вывод, что в этой стране нет существенного продвижения по пути либерализации и демократизации, и не возросла роль оппозиции режиму. По-прежнему высшая власть принадлежит монарху, который контролирует законодательную и исполнительную структуры, может в случае необходимости отправить в отставку правительство, распустить парламент, изменить конституцию, ввести чрезвычайное положение, отложить местные и парламентские выборы. На ключевые позиции в государственном аппарате и в экономике король назначает лояльных ему лиц, несколько ключевых министерств фактически полностью подчинены королю. Существует «теневой кабинет» из ближайших советников монарха и назначенных им на высокие государственные посты деятелей. В течение четверти века Палата представителей контролировалась путем косвенных, двухступенчатых выборов трети депутатов, значительное большинство которых в силу специфики коллегии выборщиков, как правило, поддерживало правительство. И это притом, что путем различных махинаций и фальсификаций, а также широкого использования административного ресурса оппозиция была обречена на меньшинство в парламенте. Хотя с 1997 г. вся Палата представителей избиралась посредством прямых выборов, учреждение Палаты советников, по своим полномочиям почти не уступавшей нижней палате, позволяло в случае необходимости нейтрализовать действия Палаты представителей.

Марокканские монархи решительно заявляли о намерении сохранить свои прерогативы, упрочить и без того очень сильную королевскую власть. Хасан II оправдывал авторитарный характер режима как религиозным, так и политическим фактором. Его позиция была изложена в интервью газете «Монд» 2 сентября 1992 г. накануне референдума по новой конституции. Король сослался на свою ответственность как духовного руководителя марокканцев и на то, что монархия обеспечивает национальное единство. «Ислам запретил мне учреждать конституционную монархию, в которой я как король делегировал

бы все свои полномочия и царствовал бы, но не управлял… Я могу передать власть, но я не имею права по собственной инициативе отказываться от своих прерогатив, потому что они имеют также духовный характер»[60]. Его сын Мухаммад VI считал долгом выполнение монархом своих полномочий, определенных конституцией, и «не оставил никаких сомнений в отношении своего намерения царствовать и править»[61].

Хасан II заявил в марте 1994 г., что слишком быстрый переход к демократии может вызвать хаос, потому что демократии необходимо долго учиться. Он предупреждал, что народ, не имеющий демократического опыта, рискует стать жертвой политиков, рвущихся к власти под прикрытием лозунгов о демократии[62]. Резон в словах Хасана II есть. Пример, скажем, такой страны, как Алжир, показывает, что там, где нет традиций демократии, неконтролируемый процесс широкой политической либерализации и демократизации грозит пагубными последствиями для страны, разгулом национализма и исламизма, гражданской войной, распадом государства.

Вместе с тем опасности, подстерегающие при проведении либерализации и демократизации, могут использоваться правящим режимом для торможения реформ, сохранения авторитарной системы, ограничения активности оппозиционных сил. Элементы демократии и политической либерализации в 80–90-х годах часто являлись в Марокко продолжением патронажно-клиентельных отношений. Хасан II создавал благоприятные условия для тех оппозиционных партий и деятелей, которые проявляли готовность к компромиссу и сотрудничеству с монархическим режимом, и игнорировал и репрессировал их, когда наталкивался на противодействие оппозиции. В Марокко, как отмечает марокканский исследователь А.Маграуи, происходит «деполитизация сферы социальных отношений» (под деполитизацией он имеет в виду маргинализацию проблем легитимности или верховной власти) и приоритет отдается чисто техническим методам и средствам решения экономических проблем. Политические партии, которые могли бы инициировать и возглавить демократические реформы, разделяют мнение короля о том, что страна нуждается просто в хорошем управлении экономикой[63]. В этих условиях авторитарная власть монарха весьма уязвима для исламистской критики. Мухаммад VI признает это. Еще 9 октября 1999 г. он призвал к реализации «новой концепции власти»[64]. В январе 2000 г. в

речи в Касабланке король вновь говорил о концепции власти, основанной на честности, прозрачности и власти закона[65]. В дальнейшем он не раз касался этой темы. Однако пока реальных шагов в этом направлении не сделано.

При всем авторитаризме монархического режима светские политические партии лояльны к нему, видят в нем гаранта политической стабильности, целостности страны (решения проблем Западной Сахары и испанских анклавов Сеуты и Мелильи). Харизма короля как духовного руководителя правоверных марокканцев и представителя шарифской династии в определенной мере сдерживает развитие радикального исламизма, победа которого обернулась бы катастрофой для светских партий, в том числе оппозиционных.

Обе стороны – монархия и оппозиция, по разным причинам и в неодинаковой степени заинтересованы в демократизации и политической либерализации. С одной стороны, король шел на это ради укрепления сотрудничества с ЕЭС, улучшения инвестиционного климата, смягчения критики со стороны европейской общественности, национальных и международных правозащитных организаций. Были освобождены тысячи политических заключенных. Летом 2004 г. был опубликован проект закона о запрещении использования правоохранительными органами пыток. С другой, он был вынужден в определенной степени удовлетворять требования оппозиции ввиду расширения ее социальной базы и необходимости заручиться ее поддержкой для сдерживания исламизма и предотвращения массовых волнений в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране. С учетом критики оппозиции была пересмотрена нарезка избирательных округов, уточнялись и проверялись избирательные списки. По констатации справочника «Миддл Ист энд Норт Африка», с 1993 г. повышался уровень честности и транспарентности парламентских выборов в Марокко. Выборы же 2002 г., в подготовке которых участвовала правящая (бывшая оппозиционная) ССНС, были наиболее свободными и демократичными за всю историю страны.

С точки зрения оппозиции, постепенное продвижение по пути реформ в конечном счете приведет к серьезным переменам в политической сфере, «количество перейдет в качество». Один из членов «Истикляль» заявил по этому поводу: «Мы знаем, что из двадцати-тридцати предложений король принимает лишь половину, но постепенно мы продвигаемся к конституции, которая будет приемлемой для всех»[66]. Даже когда

вмешательство правящего режима в электоральный процесс предопределяло поражение оппозиции, все равно ее участие в выборном процессе имело позитивное значение. Постоянное разоблачение махинаций властей на выборах и фальсификации ими итогов выборов разрушает псевдодемократический имидж правящего режима, усиливает давление на него марокканской и международной общественности, вынуждает власти в конечном счете идти на некоторые уступки. Оппозиционная пресса подчеркивала, что регулярное проведение выборов все же лучше, чем их отсутствие.

Таблица

Уровень демократизации в странах Магриба в 2004 г.

(по десятибалльной оценке)

Страна	Политическая свобода	Роль законода-тельства	Религиозная свобода	Свобода прессы	Открыто экономи
Марокко	4	6	6	6	7
Тунис	1	3	9	1	7
Алжир	3	2	4	3	2

Согласно исследованию, проведенному английским журналом «Экономист», Марокко возглавило в 2004 г. список самых демократичных арабских стран, в том числе, естественно, стран Магриба. При классификации учитывались шесть критериев: политическая свобода, роль законодательства, религиозная свобода, свобода прессы, экономическая открытость и права женщин. По каждому из этих пунктов начислялось до 10 баллов. У Марокко оказался лучший результат – 35 баллов из 60 возможных. На девятом месте среди арабских стран – Тунис, на шестнадцатом – Алжир[67].

[1] В работе использованы тексты следующих конституций: La Constitution marocaine 1962. – Confluent (P.), janvier 1963, № 27, с. 89–99; Royame du Maroc. Constitution 1970. Mohammedia. 39 с.; La Constitution du Royame du Maroc (1972, amendé). – La Grande Encyclopedie du Maroc. Vol. 1.Les Institutions politiques, administratives, judiciaries. Rabat, 1986, с. 229–233; The Constitution Adopted on September 13th, 1996, 19 с. – http: //www. incom. Gov. ma/english/generalities/state__st/constitution. htm

[2] Новейшая история арабских стран Африки 1917–1987. М., 1990, с. 391.

[3] Politica internazionale. Firenze, ottobre 1985, № 10, с. 75.
[4] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 871.
[5] Ланда Р.Г. Марокко: 30 лет независимости. М., 1985, с. 50.
[6] Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск 22. М., 2004, с. 145.
[7] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 873.
[8] Parejo Fernandez A. Las elites políticas marroquíes: los parlamentarios (1977–1993). Madrid, 1999, с. 109.
[9] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 875.
[10] Perrault G. Notre ami le roi. P., 1990.
[11] Jeune Afrique. P., 14–20 septembre 1995, № 1810, с. 52.
[12] Parejo Fernandez A. Las elites politicas marroquíes: los parlamentarios (1977–1993). Madrid, 1999, с. 124.
[13] Maghreb Machrek. P., avril-juin 2000, № 168, с. 60.
[14] Parejo Fernandez A. Las elites politicas marroquíes: los parlamentarios (1977–1993). Madrid, 1999, с. 328.
[15] Elecciones, participacion y transiciones politicas en el Norte de Africa. Madrid, 1991, с. 286.
[16] Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2001, с. 192.
[17] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 885.
[18] Jeune Afrique. P., 8–14 juillet 1993, № 1696, с. 7.
[19] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 887.
[20] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 887.
[21] Там же, с. 888.
[22] Там же, с. 888.
[23] The Economist. L., March 21st-27th 1998, № 8060, с. 58.
[24] Confluences-Méditerranée. P., automne 1999, № 31, с. 17.
[25] Пульс планеты. М., 12.11.2004, с. «СВ»-13.
[26] The Middle East and North Africa 2003. L., 1999, с. 826.
[27] Там же, с. 825.
[28] Le Monde. P., 25 janvier 2002, с. 4.
[29] The Middle East and North Africa 2003. L., 2002, с. 828.
[30] Le Monde. P., 25 janvier 2002, с. 4.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] The Middle East and North Africa 2003. L., 2002, с. 832.
[34] Там же, с. 831.
[35] Jeune Afrique/l'Intelligent. P., 25 novembre-1 décembre 2002, № 2185, с. 52.
[36] Journal of Democracy. Wash., January 2001, № 1, с. 80.
[37] Monde arabe. Maghreb-Machrek. P., avril-juin 2000, № 168, с. 57–58.

[38] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 885.

[39] Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск 22. М., 2004, с. 149.

[40] The Political Economy of Morocco. New York, 1987, с. 46.

[41] Там же, 1987, с. 46.

[42] Munson H. Religion and Power in Morocco. New Haven, L., 1993, с. 175.

[43] Journal of Democracy. Wash., V. 12, January 2001, № 1, с. 81.

[44] Новейшая история арабских стран Африки 1917–1987. М., 1990, с. 395.

[45] Bendourou O. Le pouvoir exécutive au Maroc depuis l'indépendence. P., 1986, с. 221.

[46] Jeune Afrique/l'Intelligent. P., 25 novembre-1 décembre 2002, № 2185, с. 44.

[47] The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 886; Jeune Afrique/l'Intelligent. P., 4–10 juillet 2004, № 2269, с. 34.

[48] Handbuch der Dritten Welt. 6. Nordafrika und Naher Osten. Bonn, 1993, с. 240.

[49] International Journal of Middle East Studies. Cambridge, February 1978, № 1, с. 63.

[50] Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе. Марокко, Алжир, Тунис: 20–80-е годы XX в. М., 1985, с. 65.

[51] Ланда Р.Г. Марокко: 30 лет независимости. М., 1985, с. 51.

[52] Jeune Afrique/l'Intelligent. P., 4–10 juillet 2004, № 2269, с. 34.

[53] Сергеев М.С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее. М., 2003, с. 33.

[54] Politique étrangère. P., 2003, № 1, с. 112.

[55] The Economist. L., February 13th–19th 1999, № 8106, с. 50.

[56] The Economist. L., February 13th-19th 1999, N8106, с. 50.

[57] Подробнее о «Манифесте» см.: Сергеев М.С. Берберы Северной Африки. М., 2003, с. 40–42.

[58] Jeune Afrique/L'intelligent. P., 4–10 juillet 2004, № 2269, с. 35.

[59] Jeune Afrique/L'intelligent. P., 4–10 juillet 2004, № 2269, с. 35.

[60] Цит. по: The Middle East Journal. Wash., Summer 1997, № 3, с. 396.

[61] The Middle East and North Africa 2003. L., 2002, с. 826.

[62] Современные африканские лидеры. М., 2001, с. 28.

[63] Journal of Democracy. Wash., October 2002, № 4, с. 24.

[64] Jeune Afrique. P., 11–17 janvier 2000, № 2035, с. 31.

[65] Journal of Democracy. Wash., January 2001, № 1, с. 85, 86.

[66] Jeune Afrique. P., 15–21 novembre 1997, № 8043, с. 48.

[67] The Economist. L., April 3rd–9th 2004, № 8369, с. 42.

В.В.Макух

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АЛЖИРО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Нестабильность в мароккано-алжирских отношениях обусловлена прежде всего рядом факторов политического и исторического характера. Так, еще со времен «холодной войны» марокканские территориальные претензии к Алжиру осложнялись почти полярной противоположностью в политической ориентации двух стран и в моделях внутреннего развития. И на сегодняшний день политические противоречия продолжают оставаться катализатором соперничества между Марокко и Алжиром за влияние и лидерство в регионе, что объясняется, в том числе, приблизительным равенством человеческого, военного и экономического потенциалов. С марокканской стороны традиционными стали обвинения Алжира в гегемонии, в стремлении превратиться в «Пруссию Магриба», тогда как алжирцы периодически упрекают Марокко в территориальном экспансионизме, ссылаясь на территориальные претензии, которые в различное время выдвигались к Мавритании, Алжиру и Западной Сахаре[1].

Пограничный спор между двумя государствами Магриба является пережитком колониального периода: к моменту завоевания независимости Алжиром и Марокко большая часть границы между ними не была демаркирована. Марокко ссылалось на то, что границы были установлены французской колониальной властью в произвольном порядке («линия Варнье» 1912 г., «линия Тренке» 1938 г.) и без учета исторических, географических и этнических факторов. Претензии Марокко распространялись на районы на юге и востоке от мароккано-алжирской границы: Тиндуф, Бешар, Кенадза, Тидикельт, Гегган. Особенно непримиримую позицию королевство Марокко занимало в вопросе о принадлежности районов Тиндуфа и Бешара, где расположены большие месторождения железняка. В июне 1972 г. в Рабате руководители Алжира и Марокко подписали две конвенции, которые искореняли причины мароккано-алжирских

пограничных разногласий. Конвенция о прохождении пограничной черты подтверждала отказ Марокко от претензий на территорию, которая включала месторождение железной руды Гара Джебилет. Впрочем, марокканское правительство ее не ратифицировало[2].

Представители националистической партии Марокко «Истикляль» выступают за присоединение к королевству части алжирской территории на севере от района Мостаганема к району Бешара на юге. Левые марокканские партии склоняются к решению территориальных споров в рамках общемагрибской интеграции[3]. Например, лидер марокканской партии Социалистический союз народных сил (ССНС) А.Юсуфи считает, что с целью нормализации дипломатических отношений с Алжиром прежде всего необходимо открыть с ним границы. В свою очередь, алжирское руководство настаивает на рассмотрении вопроса об открытии границ только в комплексе с другими спорными проблемами между двумя государствами[4]. Можно предположить, что возобновление националистическими кругами Марокко территориальных требований препятствует процессу политической стабилизации в регионе в целом.

С начала 90-х годов официальный Рабат придерживается выжидательной тактики относительно Алжира, в частности, по вопросу двухстороннего сотрудничества. Все попытки укрепить связь с Алжиром руководство Марокко связывает с изменением алжирской позиции по урегулированию Сахарской проблемы. Неоднократные предложения алжирцев по активизации конкретных связей без затрагивания вопроса о Западной Сахаре марокканцы встречают весьма прохладно[5]. Возможно, поэтому алжирские власти продолжают обвинять марокканское руководство в нежелании сотрудничать в сфере борьбы с терроризмом, в умалчивании фактов инфильтрации представителей исламской вооруженной оппозиции через марокканскую границу в Алжир. В 90-е годы XX века официальные алжирские лица неоднократно обвиняли руководство соседей в лояльности к находящимся на территории Марокко алжирским радикалам. Впрочем, представители королевства категорически отвергали подобные обвинения[6].

Проблема алжиро-марокканских отношений существенно обострилась в 1995 г. вследствие разногласий сторон по вопросу урегулирования Сахарской проблемы. Нерешенность вопроса серьезно препятствовала эффективной деятельности

Союза арабского Магриба (САМ), поскольку руководство Марокко требовало приостановления деятельности институтов этого Союза из-за алжирской позиции относительно Западной Сахары[7]. Именно вследствие алжиро-марокканских разногласий саммиты САМ не созывались с 1994 г.

Характер отношений между Алжиром и Марокко негативно отражается как на политических, так и на экономических аспектах функционирования общих институтов Магриба. Так, после закрытия границ с Марокко в 1994 г. Алжир начал импортировать товары из Туниса и Израиля, что привело к перераспределению алжирского импорта за счет государств, не входящих в блок САМ. К тому же после закрытия границ между двумя государствами усилился торговый оборот через каналы черного рынка (прежде всего текстильной и сельскохозяйственной продукции). Нелегальная сеть алжирских контрабандистов, известная под названием «Аль-Трабиндо», обеспечивает доставку контрабандных товаров на территорию вблизи границы Марокко, а далее товар поступает на марокканские рынки в Уджде и Касабланке[8].

Попытки дипломатических усилий других государств региона ослабить мароккано-алжирские противоречия до настоящего времени не принесли ощутимых результатов. Так, внешнеполитическое ведомство Алжира скептически отнеслось к предложениям руководства Туниса и Ливии оказать посреднические услуги с целью нормализации мароккано-алжирских отношений. Такой же была реакция Алжира и на подобные предложения руководства Саудовской Аравии и ОАЭ по урегулированию их конфликта (ноябрь 1999 г.)[9].

Длительное время открытию границ между двумя странами препятствует инфильтрация в Марокко нелегальных мигрантов из стран Магриба и некоторых стран Африки, в частности, из испанских анклавов Сеуты и Мелильи. С начала августа 1999 г. по отношению к алжирцам, которые нелегально проживали в королевстве, марокканскими властями были применены меры, которые предусматривали тюремное заключение сроком в один месяц. Ранее руководство Марокко ограничивалось только возвращением незаконных мигрантов к границам Алжира или применением санкций в виде ареста с приостановкой наказания. Руководство королевства отрицает, что оно осуществляет дискриминацию и законных мигрантов путем их выселения.

После прихода в 1999 г. к власти короля Мухаммада VI в Марокко разработана новая дипломатическая стратегия для решения конфликта с Алжиром. Она основывается на экономической и политической поддержке отдельных государств Африки, которые ранее признали Фронт ПОЛИСАРИО, вместо их отказа от этого признания. Благодаря этому представителям Марокко удалось исключить участие Фронта ПОЛИСАРИО в Африкано-европейском саммите, который прошел в Египте в 2000 г. и на франко-африканской конференции, которая прошла в январе 2001 г. в Камеруне. За последние годы под дипломатическим и экономическим давлением Марокко ряд бедных стран Африки (в частности, Сенегал) отказался от признания Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР).

По словам министра иностранных дел Марокко Б.Айса, вопрос об открытии сухопутных границ между Алжиром и Марокко остается одним из основных препятствий, которое надлежит преодолеть. Министр отметил, что вопрос об открытии границ находится в компетенции руководств двух государств[10]. Без него невозможно представить интеграцию в САМ этих двух больших стран. 31 ноября 2002 г. президент Алжира А.Бутефлика принял решение о временном открытии государственных границ с Марокко[11] для немедленного предоставления помощи марокканцам, которые потерпели бедствие вследствие катастрофы на нефтеперерабатывающем комбинате «ле Самир» в пригороде Касабланки. 1 декабря 2002 г., в ходе торжественной церемонии открытия границ в присутствии официальных представителей Алжира и Марокко, алжирская сторона направила в Марокко большую партию нефтепродуктов[12]. Однако в дальнейшем процесс «наведения» мостов между двумя соседними странами существенно замедлился: хотя решение об окончательном открытии границ между Алжиром и Марокко должно было быть принято 5 июля 2004 г., оно по воле Алжира было отложено до «более подходящего времени».

В июле 2004 г. Марокко в одностороннем порядке объявило о своем решении ввести безвизовый режим посещения королевства для алжирских граждан. Данный шаг вызвал в целом положительный резонанс в странах арабского Магриба. Так, министр иностранных дел Туниса Хабиб бен Яхья охарактеризовал марокканскую инициативу как «значительный прогресс, который внесет вклад в сближение и налаживание контактов между братскими народами Марокко и Алжира и станет импульсом для

дальнейшего укрепления и консолидации Союза арабского Магриба». Как отметил секретарь Генерального народного комитета по иностранным делам и международному сотрудничеству (министр иностранных дел) Ливии Абдурахман Шалкам, который возглавил прошлогоднюю сессию САМ, «Союз арабского Магриба одобряет решение Марокко по предоставлению безвизового въезда алжирцам на марокканскую территорию». По его словам, «данное решение является ответом на резолюции, принятые на совещании министров иностранных дел САМ, которое состоялось 24 июля 2004 г. в г. Сирте (Ливия)»[13].

В августе 2004 г. большинство марокканских газет подвергло критике непринятие руководством Алжира соответствующих мер в ответ на решение Марокко отменить въездные визы для алжирцев, введенные в действие в 1994 году.

Марокканские власти восприняли отсутствие реакции со стороны Алжира как признак политики «недобрососедства» по отношению к себе. Алжирские правящие круги в ответ заявили, что не видят необходимости отмены визового режима между двумя странами в настоящее время, и подчеркнули, что марокканские власти приняли меры без должных в таком случае предварительных консультаций с Алжиром.

По словам министра внутренних дел Марокко А.Мидави, «без решения Сахарской проблемы об урегулировании отношений между Марокко и Алжиром не может быть и речи»[14]. Алжирские круги считают, что мароккано-алжирский кризис может быть решен лишь путем использования жесткой «стратегии притеснения». Алжирские военные рассматривают Западную Сахару в качестве сферы своих частных интересов и безапелляционно заявляют о том, что первый, кто проявит умеренность в Сахарском вопросе, будет признан неспособным его решить. Военные Алжира оказывают значительное влияние на выработку политических решений, и от них, в частности, зависит время пребывания президента страны у власти. Именно поэтому у президента Алжира ограниченный простор для политических маневров, и он уделяет особое внимание решениям во внешнеполитической сфере. Любой политический шаг, направленный на «наведение мостов с Марокко», может закончиться для него отстранением от власти.

Современное обострение алжиро-марокканских противоречий носит характер «психологической войны» из-за неспособности решить Сахарский вопрос. Представитель Алжира

А.Баали подверг жесткой критике заявление представителя Марокко в ООН и утверждал, что королевство незаконно оккупировало чужую территорию и что эта территория занесена в ООНовский реестр регионов, которые не являются независимыми. Он охарактеризовал позицию марокканского правительства по Сахарскому вопросу как изменчивую. По его словам, Марокко вначале дало согласие, а затем отказалось от плана урегулирования проблемы, а перед тем, как свести на «нет» проведение референдума, сначала дало согласие, а потом отказалось от Хьюстонских соглашений. Ответная реакция марокканцев была не менее жесткой. По словам постоянного представителя Марокко в ООН г. Беннуны, Алжир отвергает любое политическое решение Сахарского вопроса. Он отметил, что Алжир поддерживает лишь принцип ООН и три десятилетия препятствует преобразованию САМ и диалогу между странами региона и ЕС[15].

Марокканская «Газета дю Марок» сообщила о том, что поддержание региональной нестабильности всегда входило в планы Алжира, и подчеркнула, что затягивание Сахарского конфликта – алжирская «географическая мания». В газете отмечается, что марокканская дипломатия может получить выгоду от алжирского непропорционального вмешательства в конфликт, используя его для сбалансированного решения Сахарского вопроса. Марокканская газета «Ле матан дю Сахара э дю Магреб» отметила, что Сахарский вопрос был не только искажен по ряду юридических и политических аспектов, но и был использован в качестве «фасада» идеологических взглядов алжирских лидеров. Марокканская газета «Аль-Мунаатаф» утверждает, что имеются следующие объяснения эскалации Алжиром напряженности в отношениях с Марокко: дух гегемонии, который уходит корнями в период «холодной войны», и выгоды Алжира, которые были получены от продажи нефти[16].

Очередной виток напряженности в отношениях между Алжиром и Марокко был отмечен 8 октября 2004 г., после официального заявления марокканского министра планирования А.Х.Алийми о связях Алжира и Фронта ПОЛИСАРИО и о причастности алжирской стороны к попытке государственного переворота в королевстве в начале 70-х. Охлаждение отношений на фоне «газетной войны» привело к прекращению деятельности Общего алжиро-марокканского комитета, в обязанности которого входило исследование проблем безопасности и коор-

динация усилий по борьбе с терроризмом, наркобизнесом и незаконной миграцией.

В начале октября 2004 г. алжирские средства массовой информации сообщили о задержании марокканских военнослужащих в юго-западном Алжире (г. Тиндуф). Впрочем, впоследствии данная публикация была опровергнута марокканской газетой «Ле курьер», которая назвала ее «провокацией алжирских масс-медиа» Через несколько дней после этого опровержения осведомленные источники в Марокко сообщили о передислокации алжирских вооруженных сил к восточной границе Марокко. По утверждению газеты «Аль-Алям», концентрация алжирских военных наблюдалась в районах Бни Идар и Агли Инкад. По мнению корреспондентов газеты, передислокация военных носила провокационный характер и была непосредственно связана с недавней ратификацией Алжиром военного контракта. Одновременно марокканская пресса охарактеризовала в качестве «новой гонки вооружений» приобретение Алжиром у России 80 истребителей «МиГ-29». Марокканская газета «Ль Опинион» отметила, что Алжир в данный момент времени активно вооружается, отдавая приоритет наступательному вооружению, а не оружию в интересах обороны. Министр планирования Марокко А.Алийми обвинил Алжир в «клаустрофобии» и попытках через территорию Сахары получить выход к побережью Атлантики. По словам министра, имеющий нефтедоллары Алжир способен проводить гонку вооружений и может подвергнуться искушению осуществить авантюру, которая дестабилизирует пока что относительно спокойный регион в африканском и арабском мире[17].

Дипломатические источники Алжира сообщили, что результаты встречи на высшем уровне группировки «5+5», которая была созвана в Тунисе в декабре 2003 г., не превзошли ожиданий. Они предположили, что это привело к некоторым разногласиям между Марокко и Алжиром в отношении проблемы Фронта ПОЛИСАРИО, которая препятствует деятельности Союза арабского Магриба. Алжирская пресса сообщила о том, что саммит в Тунисе не привел к каким-либо положительным результатам в деле урегулирования отношений между Алжиром и Марокко, отметив, что форум завершился без проведения президентом А.Бутефликой и королем Мухаммадом VI встречи, которая позволила бы им прервать долголетние разногласия. Вместе с тем еще за неделю до начала саммита как алжирская, так и марокканская

стороны заявляли о возможности созыва алжиро-марокканского саммита в присутствии французского президента Ж.Ширака для активизации двухсторонних отношений.

В ходе саммита ряд государств Магриба стремился заручиться европейской поддержкой с целью оказания давления на соседние по региону страны. По мнению ряда дипломатов, тунисский саммит лишь углубил имеющиеся между Алжиром и Марокко противоречия и что в отношениях между президентом А.Бутефликой и королем Мухаммадом VI отсутствовало взаимопонимание по проблеме Фронта ПОЛИСАРИО, руководство которого требовало от Марокко предоставления независимости территории Западной Сахары. В то время, как король Марокко настаивал на сохранении «территориальной целостности Марокко», президент А.Бутефлика подчеркнул, что Сахарский кризис в первую очередь связан с «проблемой ликвидации колониализма».

Неурегулированные разногласия между Алжиром и Марокко в значительной мере препятствовали общему сближению государств САМ. По словам А.Масахиля – министра Алжира по делам Магриба и Африки, «Алжир сделал все, что от него требовалось в САМ, поэтому и остальным государствам необходимо продемонстрировать свою приверженность данной организации».

Вместе с тем отказ Марокко и Мавритании принять участие в саммите САМ привел к утрате реальных шансов на возрождение полноценного межгосударственного диалога в рамках Союза арабского Магриба. По мнению экспертов, кризис Союза в итоге может привести к переориентации отдельных государств Магриба на преимущественное развитие односторонних отношений с Европейским Союзом вопреки призывам Франции, ЕС и США к странам Магриба прекратить конфронтации и приступить к переговорам с европейским блоком от лица единого САМ.

В течение 2004 г. дипломатического успеха достигали как Марокко, так и Фронт ПОЛИСАРИО. 15 сентября 2004 г. руководство ЮАР признало САДР. В тот же день, протестуя против данного шага, правительство Марокко отозвало своего посла из Претории. Одновременно министр иностранных дел Марокко заявил, что ЮАР заняла достаточно предубежденную позицию относительно конфликта в Западной Сахаре. Официальные круги королевства в официальном коммюнике жестко осудили решение ЮАР. Алжир наоборот, приветствовал призна-

ние САДР, назвав это «позитивным шагом» южноафриканской дипломатии[18].

Вместе с тем начало 2005 г. дает некоторые, хоть и расплывчатые, но оптимистические надежды на нормализацию алжиро-марокканских отношений. На 1-м Форуме алжирских и марокканских предпринимателей, который состоялся 4–5 февраля 2005 г. в Касабланке (Марокко), было принято решение учредить алжиро-марокканскую торговую палату с целью восстановления полноценных коммерческих и экономических отношений между двумя странами[19].

Возможно, очередной саммит президентов Алжира и Марокко, который запланирован на 2005 г., станет судьбоносным для двух государств. По словам министра иностранных дел Алжира Абдельазиза Бельхадема, обе страны стремятся к лучшему взаимопониманию, которое должно способствовать развитию двухстороннего сотрудничества и обмену в различных сферах. В перспективе также планируется провести заседание двухсторонней совместной комиссии в Алжире, а затем в Марокко.

[1] Ковтунов А. Проблемы интеграции стран Магриба. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998, с. 58.

[2] Актуальные проблемы межафриканских отношений/ Под ред. А.А.Громыко. – М.: Международные отношения, 1983, с. 158–160.

[3] Le Monde Diplomatique. – December 1999.

[4] www.maghrebanalyste.com – Maghreb Analyste, 27.09.2002.

[5] Мальцев Ю.С. Страны Магриба в региональной и мировой политике. – М., 1994, с. 124.

[6] Миронова Е.И. Алжир: смена приоритетов развития. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004, с. 99.

[7] Мисбах З.Абдалла. Иттихад аль-Магриб аль-араби. Тумух ва ль-вакыу//Аль-Мустакбаль аль-араби. – 1998, № 236, с. 36.

[8] Аль-Хайят, 5.10.1999.

[9] Там же, 15.11.1999.

[10] Аль-Кудс аль-араби, 4.05.2001.

[11] Аль-Хайят, 8.12.2002.

[12] Там же, 23.01.2002.

[13] www.arabicnews.com – Arabic News, 4.08.2004.

[14] Аль-Хайят, 8.02.2001.

[15] www.arabicnews.com – Arabic News, 12.10.2004.

[16] www.arabicnews.com – Arabic News, 5.10.2004.

[17] Аль-Хайят, 9.10.2002.

[18] www.afrol.com – Afrol News, 15.09.2004.
[19] www.aps.dz – Algerie Press Service, 7.02.2005.

У.В.Окимбеков

О НАРКОЭКОНОМИКЕ АФГАНИСТАНА

Более чем 20-летняя междоусобица в Афганистане сопровождалась высокими темпами роста производства и экспорта наркотических веществ. Объем оборота наркоторговли Афганистана увеличился в 90-е годы, после падения режима Наджибуллы, а к концу десятилетия достиг такого уровня, что вызывал обеспокоенность всего мирового сообщества. В конце 2001 г., когда режим талибов был свергнут, мировое сообщество рассчитывало, что проблема экспорта наркотических веществ из Афганистана наряду с другими политическими и экономическими вопросами постепенно найдет свое решение. Однако, как показывает трехлетняя практика, эти надежды не только не оправдывались, но и с течением времени усилились опасения относительно новой наркоугрозы.

На сегодняшний день Афганистан превратился в основного поставщика наркотиков в мире. На мировой наркорынок в последние годы около 75% товара поступало именно из этой страны. В связи с этим соседние с Афганистаном страны, такие как Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Казахстан, а также Россия ищут разные пути для минимизации наркопотока на свою территорию. Производство и употребление наркотиков сегодня наряду с международным терроризмом считается еще одной угрозой, против которой призывают бороться все страны мира.

Напомним, что поощрение производства наркотических веществ до 2001 г. было связано с движением талибов. Именно их считали основными виновниками превращения Афганистана в страну-наркопроизводителя. Оппозиционные силы еще в 80-е годы использовали наркоторговлю в качестве одного из источников доходов для покрытия своих военных затрат, но объем производства наркотиков в те годы не был таким значительным, как сейчас. Афганский наркосиндикат бурно развивался в конце XX века. Данные о производстве наркотических

веществ в Афганистане за последние 12 лет показывают, какими темпами расширились площади посева под опийный мак.

Через два года после прихода к власти правительства моджахедов, то есть в 1994 г. в Афганистане уже 71 тыс. га земли находилась под посевами опийного мака, на которых было получено 3.4 тыс. т. опийного мака (см.: табл. 1). Известно, что талибы в 1996 г. захватили город Кабул, столицу Афганистана и контролировали 80% территории страны. К этому году площадь посева опиума по сравнению с 1994 г. снизилась почти на 20%, а объем производства – на 35%. Одной из причин столь резкого сокращения площадей посевов и объема производства могли стать продолжительные военные действия и дестабилизация обстановки в районах – основных производителях этой культуры. В эти годы движение талибов вело активные боевые действия против правительства тогдашнего президента Афганистана Б.Раббани, вытесняя его силы на северо-восток страны[1].

В дальнейшем культивирование наркотиков все больше нарастало и вовлекало все большее число провинций. Основными поставщиками их до сих пор считаются следующие провинции: Гильменд, Нангархар, Бадахшан, Урузган, Гур, и Кандагар. За исключением Бадахшана, остальные названные провинции до осени 2001 г. находились под контролем талибов. На долю Бадахшана, находившегося в тот период под контролем Северного Альянса, по данным 1999 г., приходилось 4% всех плантаций опийного мака страны[2]. По производительности (50 кг/га) и объему полученного урожая (4600 т.) 1999 г. был рекордным за всю историю Афганистана[3]. Такой щедрый урожай был получен отчасти благодаря удачным климатическим условиям в этом году, а отчасти за счет расширения площадей посевов.

В конце 90-х годов и начале 2000 г. на фоне гражданской войны и деградации экономики, в частности сельского хозяйства, страну постигли сильнейшие за последние десятилетия засухи. Крестьяне в некоторых районах и провинциях потеряли большую часть урожая зерновых. Альтернативным источником дохода в сложившихся условиях стало выращивание опийного мака. Производство мака, во-первых, является в несколько раз более выгодным по сравнению с выращиванием пшеницы и других видов зерновых культур, а также и менее трудоемким делом. Во-вторых, мак требует меньше влаги, что также весьма существенно в условиях Афганистана. Это послужило дру-

гой причиной перехода нового числа крестьянских хозяйств к выращиванию опийного мака.

Таблица 1

Данные о площадях посева, объеме урожая и средней производительности опийного мака в Афганистане

Годы	Площадь (га)	Урожай (тонны)	Производительность (кг/га)
1994	71,000	3,400	48
1995	54,000	2,300	45
1996	57,000	2,200	38
1997	58,000	2,800	48
1998	64,000	2,700	42
1999	91,000	4,600	50
2000	82,000	3,300	40
2001	8,000	185	23
2002	74,000	3,400	46
2003	80,000	3,600	45
2004	131,000	4,200	32
2004 к 2001 (в %)	1637	2270	139
2004 к 1994 (в %)	184	123	66,6

Рассчитано по: Afghanistan Opium Survey 2004. с. 3–4.

Несмотря на суровые жизненные условия, в 2000 г. производство наркотика относительно сократилось. Это происходило под давлением мирового сообщества. Чтобы избежать санкций, а также добиться признания своего режима со стороны ООН, правительство талибов в значительных размерах сократило производство наркотиков. По данным Международного Валютного Фонда, минимизация производства в 2001 г. является результатом издания в стране закона о запрете выращивания и обороте опиума[4]. Судя по данным, можно сказать, что талибы в отличие от нынешних властей Афганистана в очень короткий срок смогли справиться с сокращением производства наркотиков. Но при этом не следует забывать, что они использовали исключительно принудительные методы, от которых новое правительство воздерживается.

После свержения режима талибов новое переходное правительство страны своей первоочередной задачей ставило борьбу с производством и торговлей наркотиками. Пока в ян-

варе 2002 г. правительство разработало и издало новый соответствующий закон и собиралось приступить к его реализации, большая часть крестьян уже закончила подготовку к посевам. Результатом их усилий стал новый рекорд урожая – 74% от уровня 1999 г. или же в 18 раз больше, чем в 2001 году.

Если проблему рассматривать через призму отдельных крестьянских хозяйств, то можно выявить еще одну причину интенсивного роста наркопроизводства. В условиях высокого уровня безработицы, разрушенной экономической и социальной инфраструктуры, отсутствия альтернативной сферы занятости, когда многодетные семьи не могут получать определенные денежные ресурсы для компенсации расходов на потребление товаров первой необходимости, производство наркотиков становится единственным источником дохода. Организованные преступные группировки очень эффективно используют эту ситуацию. За каждый килограмм полученного урожая опиума они предлагают крестьянам относительно высокую цену – большую, чем цена на пшеницу и другие виды зерновых. Например, если в 2002 г. на афганском внутреннем рынке 7 кг пшеничной муки стоили 93 тыс. афгани (1$ тогда был равен 48 тыс. афгани)[5], то рыночная цена одного килограмма опиума составила 350 долларов США[6]. При вывозе цена возрастала в несколько раз выше внутренней – до 1527 долларов[7] за килограмм опиума-сырца и до 6 тыс. долл. за килограмм героина.

Если весной 2004 г. ООН сообщила об увеличении посевов мака на 30% относительно 2003 г., то по данным ЦРУ, а также отчетам международных организаций, к концу года фактическое расширение равнялось 64% и составило 131 тыс. га земли. В 2000 г. свыше 913 тыс. человек имели прямое отношение к выращиванию наркотика. На следующий год по уже указанным выше причинам их число сократилось до 84 тыс. – т.е. примерно в 11 раз. Но в дальнейшем наблюдается резкий всплеск вовлечения жителей в это весьма выгодное дело. Сразу же в 2002 г. эта цифра увеличилась почти в 10 раз – до 822 тыс. человек[8].

Как показывает практика последних трех лет, с каждым годом все показатели, связанные с производством наркотиков в Афганистане, увеличиваются высокими темпами. Раньше только в отдельных провинциях производили наркотические культуры, но в последние годы процесс принял массовый характер. Страна уже превращается в некий центр индустрии по производству наркотиков. Из 32 провинций в 2003 г. 28 культивиро-

вали выращивание наркотических культур. В 2004 г. уже в 32 из 34 провинций выращивали опийный мак[9]. Эти данные говорят сами за себя. А о размере посева и объеме производства в основных провинциях – поставщиках наркотических культур свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2

Посевы опиумного мака по провинциям (га)

Провинция	2002 (га)	В % от общего	2003 (га)	В % от общего	2004 (га)	В % от общего
Гильменд	29950	40,5	15371	19	29353	22,4
Нангархар	19780	26,7	18904	23,6	28213	21,6
Бадахшан	8250	11,1	12756	16	15607	12
Урузган	5100	6,9	7143	8,9	11080	8,4
Гур	2200	2,9	3782	4,7	4983	3,8
Кандагар	3970	5,4	3055	3,8	4959	3,8
Другие	4796	6,5	19472	24	36441	28
Всего	74 000	100	80 000		131 000	

Рассчитано по: Afghanistan Opium Survey 2004, с. 3.

Производством опийного мака в 2003 г. занималось около 1,7 млн. афганских крестьян, или 264 тыс. хозяйств. Это примерно 7% всего населения страны. Но это еще не пик производства, так как по данным материалов полевых исследований, проведенных специалистами ООН, в 2004 г. уже 356 тыс. семей, или примерно 2,3 млн. человек (10% от общей численности населения страны) были вовлечены в производство опиума, а свыше 60% афганских крестьян и впредь намерены расширить размер своих посевов[10].

Полученный в 2004 г. урожай также был высоким и по сравнению с предыдущим годом вырос на 17%. Афганские земледельцы собрали рекордный за три послевоенных года урожай – 4200 тонн, или примерно 420 тонн в героиновом эквиваленте.

В 2004 г. с ростом предложения товара цены за килограмм наркотиков относительно предыдущего 2003 г. резко снизились –

более чем в 3 раза (с 283 долл. за килограмм до 92 долл.). Валовой доход от экспорта в свою очередь за эти годы вырос на 12%.

Правительство Афганистана максимально использует все имеющиеся средства и возможности для борьбы с этой бедой. Известно, что арест отдельных влиятельных главарей наркосиндиката дает малоэффективный результат. Об этом свидетельствуют события последних лет. Во многих районах наркобизнес фактически контролирует власть. Самая действенная мера борьбы – это уничтожение посевов, конфискация товара, а также разрушение лабораторий по переработке опиума в героин. В этом направлении есть определенные результаты. В конце 2004 г., к примеру, в провинции Нангархар афганским спецподразделением по борьбе с наркотиками было разрушено несколько лабораторий и конфисковано 15 тонн опиума[11].

На всеафганской конференции по борьбе с наркотиками власти страны заявили о намерении в 2005 г. окончательно покончить с их производством, а президент страны призывал народ к объявлению «джихада наркотикам». Как показывает реальная ситуация, при имеющихся возможностях вряд ли правительство страны справится с поставленной задачей, тем более за такой короткий период.

Нужно отметить, что президент Афганистана при формировании нового кабинета в декабре 2004 г. учредил специальную должность для контроля за борьбой против производства наркотиков. Новые руководители ищут средства для оснащения своих подразделений необходимой техникой. Министерство внутренних дел Афганистана вело переговоры с Министерством обороны США о поставке восьми специально оборудованных вертолетов для «полиции по борьбе с наркотиками». До конца 2005 г. США готовы предоставить часть этой техники Афганистану[12].

Х.Карзай, чтобы побудить производителей и продавцов наркотиков легализовать свою деятельность, объявил всеобщую амнистию тем, кто впредь не будет заниматься ею подпольно. Президент разрешает им инвестировать заработанный прежней преступной деятельностью капитал в экономику страны[13].

В стране все еще действуют сотни мелких и крупных лабораторий по переработке опийного мака в героин. Только на севере Афганистана, который считается относительно стабильным регионом, по данным таджикского агентства по контролю за наркотиками, размещены свыше 100 подобных лаборато-

рий[14]. А российские официальные источники приводят другие цифры. По их сведениям, не только в северной части Афганистана, но и на территории Таджикистана, а именно – на юге страны в приграничных районах, функционируют подобные лаборатории. По информации заместителя главы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков О.Харичкина, их число по обе стороны реки Пяндж доходит до 70[15].

Для минимизации наркопотока из Афганистана отдельные специалисты, организации и страны выдвигают различные проекты. Россия предлагает создать пояс безопасности вокруг Афганистана. Эту идею также поддерживает правительство Таджикистана. Для реализации такого проекта нужна помощь мирового сообщества. Страны, граничащие с Афганистаном, такие как Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан, в связи с отсутствием необходимых средств у каждой в отдельности не справятся с этой задачей. Западные страны и организации пока не так охотно идут на финансирование подобных проектов.

До недавнего времени часть таджико-афганской границы в районе Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана охраняли российские пограничники. По взаимной договоренности Россия постепенно передала охрану границы таджикским пограничникам. Таджикистан в отличие от России, которая обладала необходимой техникой для ограничения наркопотоков, не имеет достаточных средств, особенно военной техники. Об этом свидетельствует обращение правительства Таджикистана к ООН об оказании финансовой помощи для охраны границы на таджико-афганском участке. По подсчетам, для этого необходим 101 млн. долл. США. О серьезности и остроте обстановки на данном участке говорят следующие цифры. Силовыми структурами Таджикистана совместно с пограничниками России в 2004 г. было перехвачено свыше восьми тонн наркотических веществ, половина которых приходилась на долю героина[16]. Пока таджикские власти будут оснащать пограничников необходимым оборудованием, наркоторговцы не станут медлить и используют каждый удобный случай для переправки наркотиков.

Мировое сообщество постоянно выделяет финансовые ресурсы для борьбы с производством наркотиков. ООН в 2004 г. на эти цели выделила 25 млн. долл., а правительство США – 123 млн. В 2005 г. США планировали в рамках программы

борьбы с выращиванием опийного мака выделить в целом 700 млн. долл. Из этой суммы 100 млн. долл. планируется выплатить крестьянам, отказавшимся от производства опийного мака и перешедшим на выращивание традиционных культур. Это один из основных поощрительных методов, которые в последние годы практикуются в Афганистане. В некоторых случаях местные власти попросту уничтожали посевы, чему всесторонне препятствовали крестьяне[17].

Министр иностранных дел Великобритании Джек Стро во время своего визита в Афганистан в феврале 2005 г. заявил, что его страна готова ежегодно выделить 100 млн. долл. в качестве помощи на борьбу против наркоторговли. Он также сообщил, что Великобритания намерена создавать трастовый фонд, который мог бы собрать дополнительно 300 млн. долл. на эти цели[18].

Некоторые аналитики критикуют действия США и заявляют, что те недостаточно эффективно борются с наркоторговлей в Афганистане. По их данным, из денежных средств, выделенных США на антитеррористические цели в Афганистане, для борьбы против выращивания наркотиков идет менее одного процента. И американцам известно, пишут аналитики, что одним из основных источников финансирования остатков движения талибов, незаконных вооруженных группировок и бандформирований, которые собираются разоружать, и самое главное – международных террористических организаций является выращивание наркотических культур, особенно афганского происхождения[19].

Пока меры, предпринимаемые правительством Афганистана совместно с мировым сообществом против выращивания и оборота наркотических культур, не дали каких-либо ощутимых результатов. Финансовая помощь взамен за отказ от выращивания наркотических веществ и переход к производству традиционных с.х. культур показала свою неэффективность. Даже крестьяне, до этого занимавшиеся зерноводством, чтобы, как и крестьяне-наркопроизводители, получить денежную компенсацию, оставляли зерноводство и переходили на выращивание наркотиков. Экономика, несмотря на некоторые сдвиги, особенно в сельском хозяйстве, в целом еще находится в тяжелом состоянии. Поэтому для жителей сельских местностей самым прибыльным и, можно сказать, единственным основным

способом заработать все еще остается производство и торговля наркотическими веществами.

[1] Об этом и другом подробнее см.: Александр Зеличенко. История афганской наркоэкспансии 1990-х www: http://zhurnal.lib.ru/z/zelichenko_a_l/

[2] Из всех провинций Афганистана главным производителем и поставщиком высококачественного опийного мака является Бадахшан. Здесь в районах Бахарак, Джирм, Кишм и окрестностях Файзабада традиционно находились плантации опия. Площадь посева под данной культурой на северо-востоке незначительна по сравнению с площадью во всем Афганистане, но по своему качеству культивируемый в Бадахшане мак занимает первое место в стране и считается одним из самих высококачественных в мире (содержит до 16% морфия). Созданный в 1955 г. ширкет «Ды Буто», целью которого был сбор лекарственных растений, легально занимался выращиванием мака в медицинских целях. Но позже, в 1957 г., по предложению парламента страны все виды посевов опиумного мака (легальные и нелегальные) были запрещены.

[3] Давыдов А.Д. Война и проблемы восстановления экономики Афганистана // Афганистан: проблемы войны и мира. – М., 2000, с. 57.

[4] Islamic State of Afghanistan: Rebuilding a Macroeconomic Framework for Reconstruction and Growth. IMF Country Report № 03/299, Washington, D.C. September 2003, с. 37–38.

[5] Пайам-е моджахед, 21.11.2002.

[6] Islamic State of Afghanistan: Rebuilding a Macroeconomic Framework for Reconstruction and Growth. IMF Country Report № 03/299, Washington, D.C. September 2003, с. 44.

[7] Ibid.

[8] Ibid. с. 37.

[9] Afghanistan Opium Survey 2004, с. 1.

[10] Afghanistan Opium Survey 2004, с. 1; Наркоугроза растет. Афганский мак искоренить сложнее, чем талибов. www.redstar.ru; ЦРУ США призналось, что американцы взорвали в Афгане «опиумную бомбу» www.washprofile.org

[11] В Афганистане полиция изъяла более 15 т опиума /17.12.2004/. www.rosbalt.ru

[12] Вертолеты США бросают на борьбу с наркоторговлей /27.1.2005/. www.mignews.com

[13] Кабул предлагает наркодилерам амнистию /10.1.2005/. РБК.

[14] Граница Таджикистана без россиян обойдется дорого /19.1.2005/. www.bbc.co.uk

[15] В приграничных районах Афганистана и Таджикистана действует около 70 нарколабораторий – ФСКН РФ /22.12.2004/. РИА «Новости».

[16] Граница Таджикистана без россиян обойдется дорого /19.1.2005/. www.bbc.co.uk

[17] Наркоугроза растет. Афганский мак искоренить сложнее, чем талибов. www.redstar.ru

[18] Афганистан будет бороться с наркоугрозой на британские средства /17.2.2005/. www.mignews.com

[19] Об этом подробнее см.: Летов В. Опиумная война, или Почему США не торопятся открывать в Афганистане «второй» антинаркотический фронт? 20.02.2005. www.centrassia.org/news; Камелия ЭНТЕХАБИ-ФАРД. США все еще работают над генеральным планом борьбы с афганской наркотой. /27.9.2004/. www.eurasianet.org

С.Ю.Серёгичев

АРМИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСЛАМСКИЙ ФРОНТ СУДАНА: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Данная тема представляет особый интерес в связи с теми процессами, которые происходят в современном мире. Небывалый всплеск активности различных террористических организаций, многие из которых используют идеологию исламского фундаментализма, не мог не привлечь к себе внимание со стороны историков и политологов. Судан в этом контексте интересен тем, что с подачи Госдепартамента США в 1993 г. он был внесен в список стран, поддерживающих терроризм[1]. С этого момента большинство исследователей рассматривало Судан исключительно как часть всемирной террористической сети исламского фундаментализма (Бабкин С.Э., Капитонов К.И., М.Хьюбанд и др.[2]). Другая группа ученых указывает, что Судан действительно оказывал поддержку организациям, признанным в западном мире террористическими, только считая их «революционно-освободительными движениями» (Поляков К.И., Ж. Кепель, Левин О.В., Гусаров В.И. и др.[3]). Также расходятся и оценки сущности и характера государственного строя Судана в период 1989–1999 гг. Одни делают вывод о построении в Судане в указанный период полностью исламского государства[4], другие полагают, что речь можно вести только о сильном влиянии исламистов на военную верхушку, вынуждая ее поддерживать насильственную исламизацию всех областей общественной и личной жизни[5].

Исходя из этого, целью данной статьи является попытка определить характер и направление развития взаимоотношений военной и исламской элит Судана в период с 30 июня 1989 г. по настоящее время. Эти рамки выбраны не случайно, так как они знаменуют собой важные вехи в суданской истории. Военный переворот от 30 июня 1989 г. дал прекрасную возможность Национальному Исламскому Фронту реализовать на практике свою программу действий по изменению общественно-

политического и экономического строя страны. Роспуск парламента 12 декабря 1999 г. завершил эру политического могущества суданских исламистов, превратив их в оппозицию, которая вплоть до настоящего времени не оставляет попыток вернуться к власти.

События, произошедшие 30 июня 1989 г. в Хартуме, коренным образом изменили характер и направление как внутренней, так и внешней политики Судана. Впервые в истории страны военный переворот был осуществлен группой (300 человек) исламистски настроенных офицеров национальных вооруженных сил. Финансовую поддержку новой хунте оказал директор Исламского банка Фейсала в Судане[6].

Пришедшие к власти военные во главе с генералом Омаром Хасаном Ахмедом аль-Баширом назвали свои действия «революцией национального спасения» и образовали новый руководящий орган страны − Совет командования революцией национального спасения (СКРНС). Его председателем стал аль-Башир, на должности заместителей председателя были назначены З.Ахмед и З.М.Салех. При этом председатель СКРНС занимал одновременно с этим должности премьер-министра и министра обороны.

Также была разработана детальная процедура принятия ключевых для жизни страны политических решений. Согласно ей, решения об объявлении войны, чрезвычайного положения и др. могли быть приняты председателем Совета лишь после консультаций с остальными его членами. Кроме того, некоторые свои полномочия руководитель Совета мог осуществлять лишь после согласований с кабинетом министров.

Для оперативного руководства текущей жизнью страны при СКРНС были образованы консультативные комитеты по следующим вопросам: безопасности и оперативных дел; информации и политических дел, а также комиссия по экономическим вопросам, в состав которой на паритетных началах вошли гражданские лица и военные.

Комментируя произошедший переворот, аль-Башир заявил: «Демократия, которая не может прокормить свой народ, недостойна того, чтобы продолжать свое существование»[7].

Вместе с военными, захватившими власть в стране, успех разделили и сторонники Национального исламского фронта Судана (НИФ). Хотя формально НИФ, как и другие политические организации, оказался под запретом, его лидер Хасан ат-

Турабы после недолгого ареста приступил к реализации давно намеченных им задач по строительству в Судане подлинного исламского государства. С этой целью он оказал давление на аль-Башира с тем, чтобы последний при формировании нового кабинета министров как можно шире использовал кадровый потенциал НИФ. Председателю СКРНС пришлось с этим согласиться. Как указывает российский исследователь Поляков, в новом правительстве из 13 вошедших в него гражданских деятелей с Севера только двое не являлись членами «Братьев-мусульман»[8]. Такие действия военных можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, исламисты, начиная с 1978 г., когда Нимейри стал проводить политику «национального примирения», пользуясь благосклонностью властей, стали проникать в аппарат армии, полиции, службы государственной безопасности, распространяя там свое влияние. Эта тактика получила название «фикх ад-дарура» («юриспруденция необходимости»)[9]. Более того, по информации ряда западных обозревателей, сам аль-Башир был в свое время функционером военной организации НИФ[10].

Во-вторых, военным не могла не импонировать жесткая, основанная на военной дисциплине структура Национального исламского фронта, располагавшего сотнями своих вооруженных сторонников, организованных в отряды. Кроме того, в условиях, когда далеко не все в армии и полиции поддерживали новый правящий курс, необходимо было иметь под рукой надежные военизированные резервы для предотвращения возможных попыток насильственной смены власти. Отряды НИФ как нельзя лучше подходили на роль этих самых резервов.

В-третьих, опираясь на исламистов, военные тем самым хотели уйти из-под пусть и ослабленного влияния традиционных политических партий, а в особенности стоявших за их спинами орденов «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя». Это было связано с тем, что последние стали полюсом, вокруг которого объединилась оппозиция правящему режиму.

В-четвертых, не стоит сбрасывать со счетов то обстоятельство, что, рядясь в одежды правоверных мусульман, военные рассчитывали на поддержку своих действий, в том числе и предоставление валютных кредитов, со стороны консервативных арабских режимов, таких как Саудовская Аравия и другие.

По мнению российского исследователя Бабкина, в сформированном суданском кабинете министров проводниками политики ат-Тураби выступали следующие видные государственные деятели страны:

1) Али Осман Мухаммед Таха – родился в 1947 г., по образованию юрист, окончил факультет права и юриспруденции Хартумского университета. С февраля 1995 г. занимал пост министра иностранных дел, с февраля 1998 г. вице-президент Судана. Он по рангу второе лицо в НИФ, где возглавляет аппарат Фронта, а также молодежное крыло, гораздо более радикальное, чем крыло «ветеранов» НИФ, возглавляемое самим ат-Тураби. Мухаммед Таха считается третьим лицом в стране и возможным преемником ат-Тураби.

2) Авад Ахмад аль-Джаз – с августа 1995 г. министр энергетики и шахт.

3) Махди Ибрагим Мухаммед – с февраля 1996 г. посол Судана в Вашингтоне[11].

Сам же лидер исламистов в состав нового правительства не вошел, на первых порах довольствовался лишь скромной должностью руководителя им же самим созданной в апреле 1991 г. Исламо-арабской народной конференции (ИАНК).

В основе концепции «исламской республики Судан», к построению которой так стремились активисты НИФ, по мнению Хасана ат-Тураби, лежат следующие принципы: «риба» (запрет на ростовщический процент), «закят» (добровольное пожертвование) и «шура» (совет). Через реализацию запрета на ростовщический процент достигается исламизация банковской сферы, в результате которой все вкладчики банков в равной мере разделяют успех или неудачу своего банка. «Закят» же как добровольный налог − пожертвование, призванное помочь бедным, материально неблагополучным людям, позволяет смягчить острое социальное неравенство. «Шура» представляет собой систему, охватывающую всю пирамиду власти: от городских кварталов и деревень до общенационального парламента и президента. Выборы главы государства предполагают альтернативную основу[12].

Одним из первых мероприятий нового руководства страны явилось введение в июле 1989 г. на всей территории Судана чрезвычайных судов, формировавшихся по преимуществу из армейских офицеров и предназначенных для расследования дел, связанных с экономической и политической безопасностью, нарушениями законов военного положения и фактами

коррупции в административной и финансовой областях. Слушание дел в таких судах велось по упрощенной процедуре.

Используя чрезвычайные суды как орудие для сведения счетов со своими врагами, новая власть не могла тем не менее чувствовать себя уверенно, так как не располагала твердой социальной опорой. Стремясь исправить сложившееся положение, военные одобрили и поддержали реализацию «исламского проекта» в Судане, представлявшегося им на тот момент единственно эффективным средством сплочения нации под своей властью.

В декабре 1990 г. власти объявили курс на планомерную и всестороннюю исламизацию, выражающуюся, в частности, в установлении полного господства шариата в Судане. Его содержание было отражено в принятой СКРНС в январе 1991 г. «Программе введения шариата». Согласно ей, государство рассматривается как «мусульманская община», а шариат – как ее «единый закон». Сохранение приоритета государственных интересов связывалось с идеей недопущения раскола «уммы» – мусульманской общины[13].

В феврале 1991 г. глава страны аль-Башир подписал указ о постепенном введении на всей территории Судана уголовного законодательства, основанного на нормах шариата. Это вызвало огромное недовольство на Юге страны, приведя к активизации идущих там боевых действий.

СКРНС под давлением и при поддержке исламистов стал активно насаждать в рамках страны предписания шариата. Отныне те, кто не следует призыву молиться по пятницам, считаются правонарушителями, подлежащими строгому наказанию. Владельцы магазинов и иные правоверные, не прекратившие работу для молитвы с 12 до 14 часов, могли быть наказаны кнутом. По пятницам была запрещена торговля на рынках. Был введен раздельный для мужчин и женщин проезд на общественном транспорте, запрещена торговля спиртным. Следить за выполнением этих и подобных им директив СКРНС были призваны «комитеты контроля», образованные в 1992 г. Руководство этих комитетов отчитывалось о проделанной работе перед функционерами из специального отдела СКРНС.

Однако на практике меры по созданию в Судане исламского общества вылились в самую настоящую кампанию террора внутри страны. Исламизация стала проводиться в строгом соответствии с иранским образцом. Преследованиям подвергались

не только инакомыслящие, но и практически все образованные люди. Были закрыты все суданские газеты, другие же средства массовой информации были взяты под жесткий контроль. Новые власти страны высказались за проведение политики жесткой экономии (что, в принципе, является стандартной моделью поведения практически всех военных режимов на раннем этапе их существования). Было принято решение о сокращении на 20% всех правительственных расходов, кроме военных. Отменялись субсидированные цены на нефтепродукты и некоторые импортируемые товары. Значительным сокращениям из-за проверок на лояльность подвергся аппарат государственных учреждений и предприятий, что привело к росту безработицы, в том числе и среди квалифицированных специалистов.

Одним из серьезных препятствий на пути внедрения норм шариата в повседневную практику суданцев явился рост числа безграмотных, количество которых от общего числа населения к 1990 г. составило 72,9%. В этих условиях стала отчетливо прослеживаться тенденция к возврату к доисламским общинным формам сознания. Особенно плохо обстоят дела на Юге, где из-за военного положения фактически прекращена деятельность миссионерских школ, единственных в этом регионе организаций, предоставлявших бесплатные образовательные услуги.

Неотложных мер требовала от правительства и экономика страны: в 1990 г. рост инфляции составил 44,6%, увеличившись к 1991 г. до 121,9%, уровень безработицы в 1992 г. составил 30%. Стремясь стабилизировать экономическую ситуацию в стране, СКРНС во главе с Омаром аль-Баширом объявил о денежной реформе, предусматривавшей замену банкнот достоинством 5 суданских фунтов и выше на новые банкноты и направленной, согласно замыслу руководства страны, на обуздание инфляции, снижение рыночных цен и возвращение в банковский оборот денег, находящихся вне контроля государства. Новая денежная единица – динар – была введена в обращение 18 мая 1992 г. Ее введение, по заявлению управляющего Банком Судана Сейида Ахмеда аш-Шейха, предвещало курс на «исламизацию» экономики. Суданский фунт подлежал постепенному изъятию из обращения[14].

В том же 1992 г. суданскими экономистами и финансистами была разработана Всесторонняя национальная стратегия развития страны на период с 1992 по 2002 гг. Ее основные цели и задачи были сформулированы следующим образом: пла-

нирование показателей, охватывающих все сектора суданского общества по росту продукции и производительности, как подготовки всесторонней программы для обеспечения полной занятости потенциально доступных ресурсов нации[15].

Однако надеждам суданских руководителей на скорейшее улучшение экономической ситуации в стране, которые они пытались внушить простым суданцам, не было суждено сбыться. Это отчасти было связано с реальными целями денежной реформы, состоявшими в скрытой ревальвации национальной валюты (1 динар обменивался на 10 суданских фунтов), сокращении количества денег в обращении. Полная замена денежных знаков в обращении при существовавших темпах денежной эмиссии предполагала значительные расходы на производство новых банкнот. Вопреки провозглашенным целям принятые меры привели лишь к дальнейшему росту денежной массы, усилению инфляционных процессов. Рост потребительских цен стал одним из основных факторов, дестабилизировавших как экономическую, так и политическую обстановку в стране.

На этом фоне совершенно естественной выглядит попытка очередного военного переворота, имевшая место в 1992 г. и закончившаяся казнью ее организаторов из числа высших офицеров армии, недовольных политикой СКРНС и НИФ[16].

Одним из выводов, сделанных властями после подавления мятежа, было признание необходимости создания надежной структуры по обеспечению внутренней безопасности. В 1993 г. взамен распущенной в 1985 г. службы государственной безопасности была создана новая служба безопасности. Сразу же с момента своего создания она попала под пристальный контроль со стороны так называемой «Группы безопасности» – секретного департамента НИФ, отвечающего за защиту интересов Фронта как внутри него, так и за его пределами, в том числе и за границей. Возглавлял «Группу» Нафи Али Нафи.

Создание альянса между суданским генералитетом и руководством НИФ отнюдь не свидетельствовало об отсутствии каких-либо внутренних противоречий. Считая себя душой заговора, ат-Тураби со своими соратниками с первых же дней «революции национального спасения» пытался занять командные позиции в стране, подчинив себе военных. Последние были, разумеется, не в восторге от подобного развития событий. Однако не располагая достаточно мощной социальной базой, которой являлись секты «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя», с одной стороны, а с

другой – НИФ, верхушка армии на первых порах была просто вынуждена делиться своей властью с исламистами.

О влиянии ат-Тураби на военную хунту говорит тот факт, что под его давлением трое из двенадцати членов СКРНС, несогласных с политикой исламистов, подали в отставку[17]. Вот как бывший президент Судана Нимейри охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Аль-Башир делает то, что говорит ат-Тураби»[18].

Следующим шагом НИФ на пути установления полного контроля над внутренней и внешней политикой страны явилась фактическая инициация роспуска СКРНС. Это подтверждается тем, что именно Хасан ат-Тураби объявил в начале 1993 г. о предстоящем роспуске Совета. Вначале аль-Башир дезавуировал данное заявление, но уже через несколько дней все стало на свои места. Добившись ухода СКРНС в октябре 1993 г. с политического олимпа, НИФ тем самым упрочил свои позиции. Теперь над ним, как тогда казалось его руководителям, не довлела угроза репрессий со стороны военных.

Противодействуя растущему влиянию сторонников доктора ат-Тураби, аль-Башир, назначенный на последнем заседании СКРНС президентом страны, и его соратники прилагали значительные усилия для легитимизации своего положения. С этой целью в феврале 1992 г. декретом СКРНС была сформирована Переходная национальная ассамблея, призванная функционировать до избрания постоянно действующего парламента.

В феврале 1994 г. руководство страны приступает к осуществлению масштабной административной реформы по изменению территориально-административного устройства страны. С этого момента Судан превращается в федерацию в составе 26 провинций (вилаятов). Во главе каждого вилаята стоит назначаемый правителем губернатор (вали). Органы законодательной и исполнительной власти на местах получили широкие полномочия. В целом реформа была завершена к лету того же года. Вместе с тем образованная федерация носит скорее не реальный, а номинальный характер, поскольку президентский указ об изменении формы государственного устройства не предусматривает сколько-нибудь значительного перераспределения полномочий между центральным правительством и органами власти субъектов суданской федерации.

Однако, несмотря на все эти меры, военные в первой половине 90-х годов проигрывали исламистам по степени своего влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны. Располагая

разветвленным аппаратом насилия в лице армии, полиции и службы безопасности, суданский генералитет не мог его использовать в борьбе с НИФ. Это было вызвано тем, что в ходе чисток силовых структур, проводившихся там в основном сторонниками НИФ, оттуда были удалены все сотрудники, несогласные с политикой исламистов. Так, в 1995 г. была уволена большая группа старших офицеров армии (более тысячи человек), не разделявших взгляды суданских властей на будущее устройство страны[19].

Кроме того, группировка аль-Башира, порвав отношения с традиционными политическими силами страны, лишилась поддержки тех офицеров армии, полиции, службы безопасности, которые остались верны своим прежним взглядам. Служба в вооруженных силах и органах правопорядка на офицерских должностях традиционно была уделом выходцев из привилегированных слоев населения, которые в большинстве своем разделяли взгляды двух крупнейших партий страны – «Аль-Уммы» и Юнионистско-демократической партии и стоящих за ними дервишеских орденов «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя». В этих условиях военный режим был вынужден лавировать, постепенно склоняясь к отходу от союза с исламистами.

Добившись доминирующего положения в коалиции «военные-исламисты», НИФ столкнулся с новой серьезной проблемой. Проводя масштабную исламизацию страны, ат-Тураби и его сторонники затронули права и привилегии традиционных могущественных политических сил Судана: орденов «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя». В своих выступлениях лидер суданских исламистов доктор ат-Тураби отрицал право последних на существование: «Сегодня в Судане начинается революция среди мусульман, в ходе которой мы преодолеваем влияние суфийских тарикатов. Мы следуем одним путем, а что касается ярой приверженности сектам, то мы заявляем: мы не сунниты и не шииты, и не разделены по мазхабам»[20].

В ответ на подобные высказывания и действия исламистов традиционные общественно-политические силы страны развернули широкий фронт борьбы с новым режимом, образовав на базе запрещенных партий Национально-демократический альянс (НДА), куда вошли даже представители партий Юга. Фактически НДА был рупором политики «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийи», стремившихся использовать в своих интересах даже «южан». Именно руководство дервишеских орденов стоит за неудачными попытками переворотов 1992 и 1996 гг.

Их могущество и влияние на внутреннюю жизнь страны обуславливается целым рядом факторов.

Во-первых, наличием у них огромного опыта политической борьбы, накопленного за долгие годы их деятельности в Судане.

Так, секта «Аль-Хатмийя» была основана еще в конце XVIII века членами рода аль-Миргани. В 1817 г. Мухаммед Осман аль-Миргани начал проповедь своего учения на территории Судана. Однако популярность оно приобрело гораздо позже, после того, как сын Мухаммеда, аль-Хасан аль-Миргани, основал близ города Кассала в 1843 г. селение аль-Хатмийя и собрал здесь множество последователей. Отсюда началось распространение влияния мирганийского тариката в городах и селениях северной части Судана среди нубийцев, а также среди арабов-бедуинов Северного Кордофана. В настоящее время орден обладает немалым авторитетом на базаре и в торговых кругах.

Орден «Аль-Ансар» состоит из последователей Мухаммеда Ахмеда аль-Махди, который в 1881–1885 гг. возглавлял национальное восстание в Судане, боровшееся за предоставление стране подлинной и полной независимости. Его сын Абд ар-Рахман аль-Махди был руководителем тариката в 1940–50-е годы. Большинство членов ордена (ансаров) составляет кочевое и оседлое население западных провинций – Кордофана и Дарфура, Эль-Гезире, а также в Омдурмане и верховьях Нила. Более половины арабо-суданцев – ансары. Принадлежность к ордену наследуется.

Во-вторых, во владении руководителей этих сект находятся обширные земельные угодья, обрабатываемые рядовыми членами. На них выращивают хлопок, идущий на экспорт, собирают гуммиарабик. Кроме этого, верхушка орденов контролирует некоторые суданские национальные компании и имеет акции иностранных. Доходы, получаемые от этого, идут на нужды тарикатов, в частности, на содержание собственных политических партий – «Аль-Уммы» и Юнионистско-демократической партии.

В-третьих, секты располагают собственными вооруженными формированиями, образованными на племенной основе. Они нередко используются как весомый аргумент в политической борьбе.

В-четвертых, суданская структура населения по линии город-село отличается огромным перевесом в пользу последнего: так, по современным статистическим данным, доля сельского населения составляет 68%, а доля горожан – 32%[21]. С учетом того, что в сельской местности всегда доминировали тра-

диционные тарикаты, особенно «Аль-Ансар», становится понятным могущество орденов.

На руку руководителям сект и высокий уровень безграмотности в стране, позволяющий без особых проблем прививать своим адептам нужные тому или иному религиозному ордену взгляды на мир и роль ислама в нем.

Столкнувшись с таким мощным и опасным противником, как влиятельные суфийские ордена, НИФ был вынужден перестроиться для борьбы с ними. Его высшим органом стала Генеральная ассамблея («Аль-Джамийя аль-амма»), состоявшая из 250 депутатов, делегированных из всех районов Судана (за исключением трех южных провинций, контролируемых повстанцами). Она избирала Главный консультативный совет («Маджлис аш-шура аль-ам») в количестве 60 членов, который формировал руководящие органы НИФ – политбюро и секретариат. Количество членов Фронта в середине 90-х годов можно приблизительно оценить в пределах от 80 до 100 тысяч человек. Все члены Фронта в обязательном порядке проходили общеобразовательную, религиозную и военную подготовку. НИФ имел собственные военизированные, разведывательные и контрразведывательные структуры, подчиняющиеся напрямую секретариату.

Также с целью укрепления своего положения руководителями НИФ планировалась замена государственной полиции, подотчетной президенту, «народной полицией», представляющей собой отряды хорошо вооруженных активистов Фронта. Завершить осуществление этого плана предполагалось к 1999 г.

Кроме этого, с целью успешной конкуренции с традиционными политическими партиями руководство НИФ изменило условия членства в своей организации, преодолев существовавший ранее жесткий подход к сохранению «чистоты рядов». Теперь вступить в эту организацию могло племя, дервишеский орден или группа людей так же, как и отдельные лица, даже если они раньше имели какую-либо религиозно-общинную или племенную принадлежность, или же являлись сторонниками политических партий. Главным условием при вступлении в его ряды стало признание приоритета своей лояльности к Национальному исламскому фронту[22].

Не имея возможности силой поставить исламистов «на место», военные решают встроить их в свою систему власти и ликвидировать фактическое двоевластие в стране. Для этого

как нельзя лучше подходили выборы в парламент и на пост президента страны, намеченные на март 1996 г. Выборы также решили проблему легитимизации военного режима как в стране, так и, что весьма немаловажно, за рубежом.

Избирательный процесс в связи со сложной обстановкой растянулся на две недели, выборы прошли во всех провинциях страны, за исключением южных. Новым президентом Судана на фактически безальтернативной основе стал Омар Хасан Ахмед аль-Башир. Большинство мест в парламенте получили исламисты, а их бессменный руководитель ат-Тураби получил пост его председателя, третью по значимости должность в стране (после президента и вице-президента).

В том же 1996 г. президент аль-Башир упразднил систему комитетов контроля, где в основном преобладали исламисты. Теперь в условиях возврата к «универсальной демократической системе» они попросту стали не нужны[23]. Такой шаг президента стал первым тревожным звоночком для НИФ. Однако он не был услышан.

Победа на парламентских выборах исламистов, имевших до этого лишь третий результат (выборы 1986 г.)[24], обострила обстановку в стране. Уже в апреле месяце произошла инспирированная «Аль-Уммой» и ЮДП неудачная попытка мятежа, жестоко подавленного властями.

С изменением общественно-политического устройства в стране перед властями встала задача его легализации путем принятия новой конституции. Теперь, когда был сформирован парламент, который должен утвердить основной закон страны, настало самое время для его разработки.

Для работы над проектом конституции в октябре 1997 г. был создан Конституционный комитет. В написании проекта новой суданской конституции активное участие принял ат-Тураби, который имеет подготовку специалиста по конституционному праву. Однако ему не удалось добиться превращения Судана в парламентскую республику, где бы исламисты, располагавшие большинством в Национальной Ассамблее, играли бы роль ведущей политической силы.

Проект конституции был одобрен Национальной Ассамблеей в апреле 1998 г. и введен в действие 1 июля, после одобрения ее на референдуме.

Согласно конституции, Судан – президентская республика, правда, суверенитет в ней делегирован народу Богом (ст. 4

«Верховная власть и суверенитет»). Зато вся высшая власть в стране принадлежит президенту, избираемому на пятилетний срок. Он является главнокомандующим вооруженных сил, полиции и других регулярных частей. Также глава государства формирует кабинет министров, который и возглавляет (ст. 41, 42, 47).

Кроме этого, в ст. 6 «Национальное единство» содержится указание на недопустимость существования партий на религиозной основе. Подобная формулировка дала властям возможность действий в случае необходимости против политических организаций суданских исламистов. Был узаконен запрет на алкоголь (ст. 16 «Общественные морали и единство»). Ислам признан основополагающей религией Судана, чьи принципы должны защищаться всеми людьми и «отражаться в их повседневной жизни, законах, политике и официальной работе или обязанностях в области политической, экономической, социальной и культурной деятельности» (ст. 18 «Религия»).

Было провозглашено право на создание политических организаций (ст. 26 «Свобода объединений и организаций (ассоциаций)»). При выборах в Национальную Ассамблею (парламент) сохранялась действующая до этого схема: 75% депутатов избираются по обычным округам, остальные 25% по специальным – женским, научным и профессиональным, национальным (ст. 67 «Национальная Ассамблея»). Источниками законодательства являются шариат, выраженное на референдуме мнение граждан, конституция и племенное право (урф) (ст. 65 «Источники законодательства»)[25].

После принятия конституции началась реализация отдельных ее положений. Так, во исполнение пункта 2 ст. 26 «Свобода объединений и организаций (ассоциаций)» был издан Акт о политических партиях. Учреждался специальный орган по регистрации политических объединений.

Кроме номинального подтверждения своей приверженности базовым демократическим принципам, Акт о политических партиях продемонстрировал готовность военных к поискам надежной замены своих давних партнеров – исламистов среди вновь легализованных партий.

Пока же военные занимались политическим оформлением своего альянса с исламистами в рамках созданной правящей партии Судана – Национального Конгресса Судана (НКС). Именно депутаты НКС составляли парламентское большинство. На первом официальном съезде НКС 3 февраля 1999 г. в

качестве председателя был избран президент страны Омар аль-Башир, а генеральным секретарем – Хасан ат-Тураби.

Однако объединение в рамках одной партии военных и исламистов не приостановило соперничества между ними, хотя в глазах своих оппонентов они и выглядели сплоченной монолитной силой. Выражением этой скрытой борьбы являлся так называемый «Меморандум десяти», распространенный группой высокопоставленных функционеров НКС и общественно-политических деятелей страны, в числе которых были Бахауддин Ханафи (директор центра стратегических исследований), Нафи Али Нафи (бывший глава суданской службы безопасности), Ибрагим Ахмед Омар (член руководства НКС), Сейид аль-Хатыб (бывший секретарь генсека НКС), Бакр Хасан Салех (советник президента) и др. В своем заявлении они высказывались за то, чтобы президент страны возглавил высшую исполнительную (а не только административную) власть в стране и в партии.

Такие настроения среди политической элиты Судана не могли удовлетворить исламистов, чье влияние на принимаемые властью решения постоянно уменьшалось. Фундаменталисты не собирались мириться с уготовленной им ролью «младшего брата» в коалиции с военными. Для приобретения большого политического веса и вместе с ним сохранения возможности оказывать реальное воздействие на ход политического процесса в Судане сторонники ат-Тураби решили использовать парламент.

С этой целью исламисты пытались урезать властные полномочия президента путем изменения некоторых статей конституции. В частности, они проголосовали в первом чтении за учреждение нового поста премьер-министра, а также осуществление прямых выборов губернаторов штатов.

Параллельно этому руководящие органы НКС, которые контролировались ат-Тураби, стали осуществлять попытки подмены государственных органов исполнительной власти. В частности, ключевым министрам-членам НКС предписывалось регулярно отчитываться перед руководством партии за проделанную работу на своих участках. В суданское посольство в Каире партийными функционерами было направлено предписание об отзыве посла Судана в АРЕ. Кроме того, были урезаны реальные полномочия председателя партии по контролю над исполнительными органами Конгресса, что превратило этот пост в чисто номинальную должность.

Несмотря на столь решительные действия, в кругах руководства партии не все разделяли веру ат-Тураби в успех намеченных мероприятий. Опасаясь попасть в список врагов правящего режима со всеми вытекающими из этого последствиями, часть руководителей НКС перешла на сторону президента. Среди них были Али Осман Мухаммед Таха (первый вице-президент Судана), Гази Салах ад-Дин (министр культуры), Нафи Али Нафи. Для урегулирования конфликта между президентом и генсеком была создана специальная («третейская») комиссия во главе с председателем Консультативного совета НКС Абдуррахимом Али. Однако остановить разгорающийся конфликт она была не в состоянии. Обе стороны были настроены решительно и готовились идти до конца.

Опасаясь выхода ситуации из-под контроля, президент Судана Омар аль-Башир 12 декабря 1999 г. объявил о роспуске парламента и введении чрезвычайного положения сроком на три месяца. На следующий день на улицах суданских городов появились военные патрули, войска заняли ключевые объекты в Хартуме и блокировали парламент, не допустив прорывающихся туда депутатов во главе со спикером.

Момент истины, наставший для недавних партнеров по правящей коалиции – военных и исламистов 12 декабря 1999 г., разрешил их давний спор за власть. Победили вовсе не глубоко верующие сторонники ат-Тураби, уповающие на всенародную поддержку своего «исламского проекта – Судан», а весьма прагматичные военные, заставившие заплатить НИФ по полной стоимости за все те уступки, что были ему сделаны в первой половине 90-х годов.

Ат-Тураби, дирижировавший действиями военных в июне 1989 г., добившийся начала реализации «исламского эксперимента» в Судане, общепризнанный мастер закулисной интриги, теперь сам оказался в роли политика-марионетки. Его руками военные создали Национальный Конгресс Судана, свою карманную правящую партию, добились разработки и принятия конституции. Но дать ему окончательно стать вторым Хомейни не позволили.

Декабрьские события 1999 г. наглядно показали неспособность суданских исламистов в открытую выступить против военного режима. Призывы ат-Тураби к джихаду против «неверного» президента аль-Башира так и не были услышаны массой рядовых суданцев.

Да иначе и быть не могло: поражение НИФ – дело его же собственных рук. Несмотря на все усилия, направленные на расширение своей социальной базы, НИФу не удалось собрать вокруг себя такое же количество сторонников, какие имеются у «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя». Узурпация власти в первые годы «революции национального спасения» не пошла Национальному Исламскому Фронту на пользу, ибо в глазах большинства суданцев он ассоциировался с тем террором, который обрушился на страну после прихода к власти военных в 1989 г. Сила Фронта была не в огромной массе его сторонников, как, скажем, у традиционных политических сил, а в тех немногих чиновниках, которые занимали различные должности в армии, полиции, службе безопасности и гражданской администрации. Именно эти люди позволили исламистам прийти к власти, и они же, покинув эти должности или переменив политические взгляды, обеспечили бескровное поражение своих недавних кумиров.

В специфических условиях Судана НИФ мог удержаться у власти и подчинить себе армию, отняв у нее политическую функцию, только в одном случае: построив свое государство, со своей армией. Но чтобы претворить это в жизнь, мало было убрать военных во главе с аль-Баширом со своего пути, нужно было еще решить проблему орденов «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя». Последние на протяжении столетий оказывали доминирующее влияние на политическую, экономическую и общественную жизнь Судана. Их негласная поддержка декабрьских действий президента страны позволила аль-Баширу избежать кровопролития. Не вступая в формальные отношения с властью, кроме регистрации своих партий, оставаясь в оппозиции, они фактически вновь заняли привычное им место «теневых хозяев» страны.

Тем не менее декабрьское поражение НИФ вовсе не означало конца борьбы ат-Тураби и его сторонников за власть. Она продолжается и по сей день. Причин тому несколько.

Во-первых, исламисты как организованная сила сумели к этому времени занять свою нишу в социально-политической структуре Судана. Сложился и хорошо поддерживается круг их сторонников и спонсоров. Благодаря этому у исламистских организаций имеется запас прочности, позволяющий им без особых проблем выдерживать репрессии со стороны армии.

Во-вторых, военные не могут полностью убрать исламистов с политической арены, так как они очень удобны в качестве инструмента по оказанию давления на «традиционали-

стов» (партии «Аль-Умма», ЮДП, стоящие за ними секты «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя»).

В-третьих, сохраняющаяся в стране нестабильная социально-экономическая обстановка оставляет возможность больших общественных потрясений, которыми могут попытаться воспользоваться сторонники НИФ.

Вышеуказанные причины обусловили сложный и противоречивый процесс отношений между армией и исламистами в 2000-х годах.

Эта противоречивость хорошо видна на примере результатов прошедшего 24 января 2000 г. пленума Консультативного совета НКС. С одной стороны, следуя логике развития событий, пленум постановил предоставить председателю НКС Омару аль-Баширу права на осуществление контроля над проведением общей политической линии Конгресса, координацию взаимодействия между структурами НКС и государственными учреждениями, возглавив для этого комитет по выборам и контролю НКС.

Но с другой стороны, тот же самый пленум подтвердил, что генеральный секретарь НКС Хасан ат-Тураби по-прежнему имеет право официально представлять Конгресс и делать официальные заявления от его имени. Генсеку также вменяется в обязанности руководство идейной и пропагандистской деятельностью и работа с массами. Он сохраняет за собой контроль над работой комитета руководства и обеспечением координации между различными органами партии. Также за ним оставлены ревизионные функции в сфере административных и финансовых дел партии.

Однако эта мера не помогла стабилизировать напряженную политическую обстановку в стране. Конфликт между аль-Баширом и ат-Тураби не только не пошел на убыль, но стал принимать уже крайние формы.

В феврале 2000 г. была закрыта хартумская штаб-квартира ИАНК, а уже в мае ат-Тураби был отстранен решением председателя партии аль-Башира с поста генерального секретаря НКС. Новым генсеком стал Ибрагим Ахмад Омар. В ответ ат-Тураби пообещал исключить из партии самого президента. Последний отреагировал на это немедленно – в стране были тут же закрыты все исламистские печатные СМИ.

Пытаясь спасти свое положение, ат-Тураби объявляет о создании новой оппозиционной партии Национального народного конгресса (ННК). Главной и самой важной политической задачей для партии стал поиск союзников для борьбы с воен-

ным режимом. В условиях Судана такими союзниками могли стать только крупные политические партии и движения, входящие в состав НДА. Естественно, что установление контактов, не говоря уже о тесном сотрудничестве между фундаменталистами, которых еще недавно называли не иначе как партией власти, и их давнишними противниками, не могло быть по определению простым процессом. Тем не менее то, что год или два назад казалось абсурдным и полностью ирреальным, в начале 2001 г. обрело вполне конкретные осязаемые черты. 20 февраля 2001 г. ат-Тураби от имени своей партии подписал меморандум о взаимопонимании с представителями Суданской народно-освободительной армии (СНОА), являющейся вооруженной силой НДА. Это стало возможным лишь потому, что на данном этапе политической борьбы цели двух антагонистических движений совпали: и тем и другим не терпится покончить с засильем военных в Хартуме.

Реакция властей на это последовала уже на следующий день после подписания меморандума: ат-Тураби был помещен под домашний арест. Как позже пояснил в своем интервью российским журналистам посол Судана в РФ Ибрагим аль-Каббаши, «Ат-Тураби был арестован за свои связи с повстанцами, пытавшимися скинуть правительство с помощью военного переворота»[26]. Арест вызвал широкую бурю негодования среди сторонников опального лидера исламистов. Чтобы сбить накал страстей, полицией были арестованы десятки активистов НИФ.

Тогда же аль-Башир провел значительные перестановки в кабинете министров, окончательно удалив оттуда сторонников исламистов. Однако, несмотря на осуществленные меры, ситуация по-прежнему оставалась нестабильной. В апреле-мае 2001 г. по стране прокатилась новая волна уличных выступлений исламистов. В ответ власти продолжили широкую кампанию арестов среди членов ННК. Подозревая, что лидер ННК Хасан ат-Тураби, находившийся на тот момент под домашним арестом, осуществлял координацию и руководство акциями протеста, военные вынуждены были прибегнуть к самым жестким методам. 30 мая 2001 г. ат-Тураби поместили в тюрьму.

Заключая под стражу ат-Тураби, власти страны не могли не понимать, что в этом случае лидер ННК превращается в своего рода живую икону, на которую будут «молиться» его сторонники. Осознавая это, военные в октябре того же года освободили ат-

Тураби из тюрьмы, но оставили его под домашним арестом, не имея на то каких-либо юридических оснований.

Но смягчение режима не изменило принципиальной позиции лидера исламистов. Он по-прежнему настаивал на незаконности своего отстранения от руководства НКС и не соглашался на какие-либо уступки военному режиму.

Аль-Башир, желая-таки сломить своего неуступчивого оппонента, снова в начале сентября 2002 г. помещает ат-Тураби в тюрьму, причем на этот раз с более строгим режимом содержания. Не исключено, что формальным поводом к столь серьезному шагу послужила возможная причастность ННК к студенческим беспорядкам, происшедшим в Хартуме в конце августа. Тогда студенты, возмущенные поднятием цены за проезд в автобусе, переворачивали автобусы и забрасывали их камнями.

Несмотря на столь жесткие меры властей, ННК продолжала свою активную оппозиционную деятельность. В условиях все возрастающего давления со стороны военных Конгресс народа настойчиво искал поддержку у НДА, и он ее добился. В августе 2003 г. в ходе переговоров в Кении между суданским правительством и НДА официальный Хартум взял на себя обязательства освободить всех без исключения политических заключенных в стране. В рамках реализации этих обязательств 13 октября 2003 г. ат-Тураби был выпущен из тюрьмы.

Выйдя на свободу, лидер исламистов вновь с головой окунается в политику. На этот раз ат-Тураби решил повторить свой удачный эксперимент «образца июня 1989 г.» и, опираясь на симпатизирующих ему военных, совершить новый военный переворот.

Но на этот раз удача изменила ат-Тураби и как минимум дважды. О первой сорванной попытке государственного переворота власти объявили 31 марта 2004 г. События начали развиваться 28 марта, когда по обвинению в причастности к подготовке переворота были арестованы 10 офицеров армии Судана. В ночь на 29 марта был вызван на допрос в службу безопасности страны заместитель руководителя НКН Абдалла Хасан Ахмад. Кульминация происходивших событий наступила в ночь с 31 марта на 1 апреля. Тогда полицией страны были арестованы ат-Тураби и еще шесть руководителей ННК, в том числе три члена политбюро.

Впрочем, по мнению представителей Народного конгресса, речь может идти лишь о сведении счетов между аль-Баширом и ат-Тураби, а обвинение в подготовке переворота только по-

вод для этого. Кроме того, согласно заявлению одного из высших офицеров суданской армии, арестованных 28 марта, аль-Башир таким образом пытается замести следы, желая расправиться с теми, кто помог ему прийти к власти[27].

Вторая попытка захвата власти Народным конгрессом ат-Тураби, по версии официального Хартума, имела место быть в конце сентября 2004 г. Как сообщил министр информации и коммуникаций Судана Ибрагим Малик, «согласно плану заговорщиков из возглавляемой ат-Тураби партии Народный конгресс, в пятницу [24 сентября] после полуденной молитвы должны были быть арестованы и ликвидированы 38 суданских политических и государственных деятелей. На случай срыва этого плана был разработан второй вариант действий с применением оружия и создания обстановки хаоса в стране»[28].

Кстати, оружие и деньги для осуществления переворота, по словам военных, были переданы путчистам бойцами Движения за справедливость и равноправие (ДСР), которое борется с февраля 2003 г. за освобождение Дарфура от власти центрального правительства. ДСР же, по мнению суданских силовиков, не что иное, как военное крыло ННК[29].

По итогам двух неудавшихся попыток насильственного свержения действующей власти было начато судебное расследование. На первых его этапах военные делали все от них зависящее, чтобы убедить суданскую и мировую общественность в виновности подсудимых. Однако, как это не раз бывало в суданской истории, в судебный процесс вновь вмешалась большая политика. Подписанный в январе 2005 г. мирный договор между правительством и Суданским национально-освободительным движением позволил оппозиционным партиям страны выдвинуть требование о прекращении действия в стране режима чрезвычайного положения. И хотя это требование пока не удовлетворено, широкая кампания по оказанию давления на власть дала ощутимые результаты. Хартум пообещал отменить чрезвычайное положение в ближайшем будущем и в знак подтверждения своих благих намерений 20 января освободил из под стражи ряд политических заключенных, включая членов ННК. Среди последних на свободу вышел и Садык Наджль ат-Тураби, сын лидера партии Хасана ат-Тураби. Его отец по-прежнему остается в тюрьме, и, следовательно, за его освобождение снова ведется торг.

Таким образом, характеризуя развитие взаимоотношений военной и исламской элит Судана в период с 30 июня 1989 г.

по настоящее время, можно сказать, что они шли в направлении от сотрудничества на раннем этапе до открытой борьбы за власть в дальнейшем. В развитии этих отношений можно выделить несколько периодов.

Первый период (30 июня 1989 г. – 16 октября 1993 г.) характеризовался доминирующим влиянием НИФ на принимаемые руководством страны политические решения. В этот период военные для удержания своей власти вынуждены были блокироваться с исламистами. В обмен на запуск программы исламизации Судана генеральская хунта получила от НИФ поддержку для противодействия оппозиции, силой пытающейся сместить режим аль-Башира. Он завершился роспуском 16 октября 1993 г. СКРНС, осуществленным под нажимом ат-Тураби.

Второй период (16 октября 1993 г. – март 1996 г.) отмечен нарастающим соперничеством исламистов и армии. Первые стремятся сохранить свои доминирующие позиции и даже улучшить их, вторая же начинает предпринимать шаги по ограничению власти исламистов. Период завершается совмещенными парламентскими и президентскими выборами в марте 1996 г. Исламисты находятся на пике своего могущества, полностью контролируя главный законодательный орган страны.

Третий период (март 1996 г. – декабрь 1999 г.) представляет собой закат и распад коалиции военных и исламистов. НИФ в ответ на предложение усилить роль главы государства и, в частности, сделать его единственным руководителем правящей партии – Национального Конгресса Судана и тем самым оттеснить Фронт от руля власти начинает пересмотр конституции на предмет урезания властных полномочий президента. Возникает открытый конфликт, который разрешается роспуском 12 декабря 1999 г. парламента и отстранением исламистов от власти.

Четвертый период (декабрь 1999 г. – январь 2005 г.) характеризуется дальнейшим нарастанием противостояния военных и исламистов, переходящим в фазу открытой борьбы за власть между аль-Баширом и ат-Тураби. Аль-Башир отстраняет лидера НИФ от руководства НКС, в ответ ат-Тураби создает свою партию – Национальный Народный Конгресс. Попытки ат-Тураби дестабилизировать обстановку в стране и создать благоприятную для прихода к власти исламистов ситуацию заканчиваются провалом. Его активная деятельность и, в частности,

две попытки военного переворота приводят ат-Тураби в тюрьму, где он и находится по настоящий момент.

Главная причина поражения суданских исламистов кроется в особенностях их же собственной тактики. Она, в свою очередь, исходит из выдвинутой ат-Тураби в конце 70-х годов прошлого века теории «фикх ад-дарури» («юриспруденции необходимости»). Ее основное положение состоит в том, что суданские исламисты должны всячески использовать для своих целей существующую общественно-политическую систему, а не создавать свою новую систему и вытеснять с ее помощью прежнюю. В этом и сила и слабость теоретиков и практиков суданского исламского фундаментализма. Сила в том, что, внедряясь в господствующую структуру, исламисты могут занять там командные посты и попытаться перенастроить ее на свой лад. Слабость же в том, что это не их собственная структура, и исламистам всего лишь позволили в обмен на некоторые уступки контролировать ее, и то не единолично, а вместе с ее основателями.

Действующая структура была выстроена крупнейшими силами страны – дервишескими орденами «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя», которые управляли ею через свои партии «Аль-Умма» и ЮДП. Военные – лишь звено этой организации и поэтому могли периодически брать ее под свое управление, возвращая его потом истинным хозяевам системы. Исламистам этого позволено не было, поэтому они и вынуждены были разделять власть с военными, которые до определенного времени видели в сторонниках ат-Тураби прекрасный инструмент давления на «традиционалистов».

Однако как только суданские исламисты начали активно строить в недрах действующей структуры свою ячейку, они были тут же остановлены и военными, и «традиционалистами», и остались в отведенной им ранее нише.

[1] Sudan and terrorism // hearing before subcommittee on African affairs of the committee on foreign relations united states senate one hundred fifth congress first session. May 15, 1997. U.S. government printing office. Washington, 1997, c. 2, 21.

[2] Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2002, с. 222; Капитонов К. Отец террора: остальной мир уже научился содрогаться при упоминании его имени // Фигуры и

лица. 10.02.2000, № 3, с. 26; Huband M. Warriors of the Prophet: the struggle for Islam. Bulder (Colorado), 1998, с. 161.

[3] Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000, с. 101; Жиль Кепель. Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2004, с. 187–188; Левин О.В. Период независимости. Политическое развитие // История Судана в новое и новейшее время. М., 1992, с. 201–204; Гусаров В.И. Власть и армия в независимом Судане: взаимодействие и противоречия // Армия и власть на Ближнем Востоке. М., 2002, с. 209, 211.

[4] Бабкин С.Э. Указ.соч., с.11.

[5] Жиль Кепель. Указ.соч., с. 186–187.

[6] Там же, с. 185, 389.

[7] Цит. по: Судан. Справочник, с. 109.

[8] Поляков К.И.Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000, с. 75.

[9] Жиль Кепель. Указ.соч., с. 183.

[10] Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2002, с. 223.

[11] Бабкин С.Э. Указ. соч., с. 224.

[12] Ислам и время // Азия и Африка сегодня. 1994, № 11, с. 33.

[13] Мустфаев Рахман Сахиб оглы. Ислам и национализм в теории и практике государственного строительства (на примере Судана): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Баку. 1994, с. 11.

[14] Судан. Справочник, с. 235–236, 178–179; Хасан Ибрагим Хасан. Гражданская война в Судане (1958–1999 гг.): дип. .раб. М.: РУДН, 2003, с. 41–42.

[15] Annual report 1999 the Central Bank of Sudan. Khartoum. 2000, с. 19.

[16] Huband M. Warriors of the Prophet: the struggle for Islam. Bulder (Colorado), 1998, с. 152.

[17] Левин О. Форпост фундаментализма в Африке? // Азия и Африка сегодня. 1994, № 7, с. 20.

[18] Цит. по: Бабкин С.Э. Указ. соч., с. 224.

[19] Huband M. Op. cit., с. 153.

[20] Цит. по: Поляков К.И. Указ. соч., с. 146.

[21] Андрюшин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А. Мир на пороге XXI века. Саров. 2001, с. 580.

[22] Поляков К.И. Указ.соч., с. 80–81.

[23] Аль-Ахрам, 04.01.1996.

[24] Salih K.O. The Sudan 1985–1989: the failing democracy // Sudan after Nimeiri. London, New-York.1991, с. 49, 79.

[25] Constitution of the Republic of Sudan. Khartoum. 1998, с. 2, 3, 4, 6, 7, 9–10, 16, 19, 27, 28.

[26] «Новая газета», № 87, 25.10.2002.

[27] Islamohline, 04.01.2004; Дмитрий Бабич. Конец Амира правоверных // Ytro.ru. 31.03.2004.

[28] ИТАР-ТАСС, 25.09.2004.

[29] Associated Press, 08.01. 2005.

Владимир (Зеэв) Ханин

«РУССКИЕ» ПАРТИИ В ИЗРАИЛЕ – ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ?

По мере приближения к очередным выборам – состоятся ли они, как это стало принято в Израиле, досрочно, или, в виде исключения, по истечении определенной законом четырехлетней каденции[1] – все активнее будируется тема «русской» партийной политики. И это несмотря на то, что прошло всего два года с того момента, как «русские» партии потерпели крупнейшее за свою историю электоральную неудачу, поставившую под сомнение перспективы самого существования этого, несомненно, одного из наиболее заметных феноменов израильской политики второй половины 90-х годов.

В отличие от выборов тех лет, которые демонстрировали стабильный рост доли голосов, отдаваемых репатриантами за «русские» партии (с примерно 20% в 1992 до 44% в 1996 и 55% в 1999 гг.)[2], в 2003 г. подавляющее большинство выходцев из СССР и СНГ, принявших участие в выборах, отдали свои голоса общенациональным партиям.

Наибольшим разочарованием «русского Израиля» стала, пожалуй, самая яркая «звезда» общинной политики Израиля конца прошлого века ИБА – партия Исраэль ба-алия. На выборах 2003 г. за нее проголосовали только 67,719 человек, что принесло ей лишь два мандата (против 7 в 1996 г. и 6 в 1999). Очевидная неудача этой партии на выборах и политическое размежевание в «русской общине» в целом продемонстрировали, как видится на первый взгляд, что идеологические и структурные различия в ней превалируют над общинно-интеграционными тенденциями.

Кризис и новые перспективы

Оценивая эти процессы, многие обозреватели поспешили заявить о «завершении процесса политической интеграции новых репатриантов в израильское общество», «исчерпанности

электоральной ниши» и «незаинтересованности репатриантов в общинных партиях». Впрочем, ряду наблюдателей (в том числе и автору этих строк) этот вывод уже тогда казался несколько поспешным[3]. Настораживало, что столь стремительная «политическая интеграция» общины заняла считанные месяцы – еще в конце 2001 г. «русские» партии, согласно всем опросам общественного мнения, имели абсолютный приоритет на «русской» улице.

Другое объяснение падения влияния «русских партий» – превалирующая на выборах 2003 г. тема безопасности и борьбы с арабским террором, заставившая выходцев из СССР/СНГ забыть о своих «секторальных» интересах и отдать голоса партии Ликуд, возглавляемой символом этой борьбы – «ястребом» А.Шароном[4]. Однако и это объяснение может быть принято только частично. Так, крупнейшего за свою историю электорального успеха – семь мандатов – ИБА добилась именно на выборах 1996 г., основной темой которых тоже были вопросы внешней политики, безопасности и арабо-израильского конфликта. Массовая поддержка, которую очень многие олим обеих волн алии (70-х и 90-х) оказали «своей» партии, не помешала им отдать голоса на выборах премьер-министра «правому» кандидату Б.Нетанияху, программа которого носила отчетливо «битхонистский» характер.

То, что выборы 2003 г. проходили по другой системе (т.е. вместо голосования «двумя бюллетенями» – за кандидата на пост премьера и партию, что в свое время привело к резкому усилению влияния общинных, в т.ч., «русских» элит, к возможности выбора только партийного списка) также, на наш взгляд, не является достаточной причиной столь резкого падения электорального рейтинга «русских» партий. Теоретически, «новая-старая» система выборов должна была способствовать усилению поддержки населением и росту представительства двух ведущих партий за счет «секторальных». В 2003 г. это действительно случилось с Ликудом (рост представительства в два раза, с 19 до 38 мандатов), но его основная соперница – Партия Труда, напротив, потеряла больше четверти голосов избирателей, большинство которых поддержало отнюдь не Ликуд, а «неосновные» партии левоцентристского лагеря (Шинуй, Ам Эхад и т.д., но, по понятным причинам, не «ультралевый» Мерец, который также потерял 4 из 10 своих мандатов). При этом падение парламентского представительства такой секто-

ральной партии, как сефардская ШАС (с которой часто, хотя и не всегда правомерно, сравнивают ИБА), несмотря на изменение системы выборов, было намного менее драматичным (с 17 до 11 мандатов).

Понятно, что электоральные неудачи «русских» партий, и прежде всего Исраэль ба-алия, было бы также совершенно неверно целиком относить на счет их очевидных тактических ошибок, которые они допустили во время избирательной кампании.

Главная причина, вероятно, в другом: их лидеры не нашли верный баланс между общинным и идейно-политическим измерением своей деятельности[5]. Так, комментируя поражение Исраэль ба-алия на выборах, председатель Центра партии Юлий Эйдельштейн заметил: «То, как новые репатрианты проголосовали за нас, свидетельствует об исчерпанности нашей прежней программы. Из «олимовской» партии мы должны превратиться в партию, которая... будет заниматься не только социально-экономическими проблемами, но и решать такие принципиальные для общества вопросы, как взаимоотношения левых и правых, религии и государства»[6].

Таким образом, ответ на вопрос – является ли поддержка репатриантами общенациональных партий в 2003 г. за счет «русских» списков долгосрочной тенденцией, или мы имеем дело со стечением ситуативных обстоятельств, – был уже в январе 2003 г. отнюдь не однозначен, и вряд ли уже тогда стоило исключать возможность возрождения «общинной политики» в том или ином ее виде.

Что же касается конкретных путей этого возрождения, то тут были возможны, как нам кажется, три основных условия.

Первое – это дальнейшая эффективная интеграция репатриантов в «основное течение» израильской политики. Речь в данном случае идет не об исчезновении «русских» политических структур и институтов как таковых, а об их структурном вхождении в общеизраильские политические организации и создании в них сильных «русских» филиалов как альтернативе самостоятельным общинным партиям (т.е. возвращение к одному из условий, широко обсуждавшихся в «русской общине» еще в 1994–1995 гг.).

Проявлением этой тенденции, вероятно, и стала интеграция «русских» партий – «центристской» ИБА, «правой» «Исраэль бейтейну» (Наш дом – Израиль, НДИ) и «левой» «Демвыбор» – в соответствующие их идейной платформе общеизраильские

движения Ликуд, «Ихуд леуми» и Мерец. Каждая из партий при этом избрала различные модели этой интеграции. «Исраэль бейтейну» превратилась в ядро блока «Ихуд леуми», сделав его остальные компоненты – партии «Моледет» и «Ткума» своими младшими партнерами; напротив, «Демвыбор», формально сохранив свою автономию, стал периферийной частью блока Мерец; наконец, ИБА фактически растворилась с структурах партии Ликуд.

Второе условие – «возвращение» в общинную нишу прежних, либо «обновленных» партий репатриантов. Третье условие – выдвижение новых «русских» лидеров и создание новых общинных движений, в том числе и с использованием остатков «русских» партий первого поколения.

Как можно заметить, судьба ИБА – первого и крупнейшего в новейшую эпоху «русского» общинного движения – во многом отражает те политические тенденции, которые характерны для общины репатриантов в целом. Пережив период беспрецедентного роста влияния, эпоху идеологических расколов и персональных конфликтов и, наконец, тяжелый кризис «общинной идентичности», как это показали итоги выборов 2003 г., ИБА демонстрирует весь спектр возможных вариантов политического выживания связанных с ней общественных элит и членов некогда разветвленной внутри- и околопартийной структуры.

Часть из них последовала за Щаранским в Ликуд в надежде на выполнение обещаний, данных Шароном лидерам ИБА в ходе объединения двух фракций в Кнессете. Другие поддержали именно сейчас получивших возможности выйти на общенациональную политическую арену региональных лидеров ИБА в их попытках реанимировать «всеобщинную» «русскую» партию на основе остатков ее инфраструктуры. Третьи поддержали претензии лидеров НДИ на «общинное наследство» самораспустившейся, как они утверждают, партии.

Первую тенденцию продемонстрировал бывший видный деятель ИБА (а перед этим – активист партии Труда), в прошлом депутат муниципалитета Нацрат-Илита (Верхнего Назарета) и Гендиректор Министерства абсорбции Ронен Плот, баллотировавшийся (правда, неудачно) от Ликуда на пост мэра Нацрат-Илита[7].

Вторая тенденция явно видна в высказываниях и деятельности лидера в свое время крупнейшего отделения ИБА, бывшего зам. мэра Хайфы профессора Валентина Файнберга, ко-

торый утверждает, что с вхождением русских партий в общеизраильские движения на «политическом рынке» общины осталось немало «бесхозных» мандатов. Суммируя мнение многих своих коллег, Файнберг заметил:

«Щаранский, войдя в Ликуд, предал олим. ИБА не мертва, и сможет существовать и без Щаранского... Возможно присоединение к Либерману, но это зависит от него... Не будет Либермана – будет кто-то другой – возможно, Лернер или Черной – люди, которые смогут мобилизовать достаточно средств. [Уже сейчас понятно], что Ликуд ничего не даст олим в социальном плане, и мы по-прежнему можем рассчитывать только на себя»[8].

Этот на первый взгляд ушедший в тень потенциал «русской улицы» очевиден и для лидеров партии «Наш дом – Израиль», которые, объявив свою организацию «единственной партией, представляющей русскоязычную общину Израиля»[9], активно «осваивают» оставшееся от ИБА «общинное наследство».

Вес каждой из этих тенденций долго оставался предметом спекуляций. Говоря о первой альтернативе, наибольшие шансы стать лидером среди общеизраильских партий в плане формирования сильного «русского» крыла очевидно имел Ликуд. Учитывая электоральный вес выходцев из СССР/СНГ и уровень поддержки, который они обеспечили Ликуду на выборах 2003 г., почти каждый из действующих в Центре партии ведущих политических кланов («лагерей») имеет сегодня «своего русского», которого они будут поддерживать в борьбе за место, выделяемое репатриантам в списке партии в Кнессет. При этом на роль ядра «русского» крыла в партии претендовало сразу несколько групп влияния.

Первым стал т.н. «Русский Форум» Ликуда, который объединил большинство русскоязычных членов Центра партии и пользуется прямым покровительством Шарона. Другой группой «русского влияния» в Ликуде является возглавляемая Асей Энтовой «русская секция» правого внутрипартийного блока «Еврейское руководство» М.Фейглина, к которой примкнули и многие бывшие участники движения «Алия за Эрец Исраэль»[10]. Третьей группой, которая выдвинула претензии как на роль главного представителя интересов «русских» сторонников Ликуда, так и на более значительную роль в движении в целом, стали лидеры присоединившейся к Ликуду вскоре после выборов 2003 г. партии «Исраэль ба-Алия» и их сторонники.

Другой перспективной общеизраильской партией, способной аккумулировать политическую активность русскоязычных израильтян, мог стать «Шинуй». Как известно, репатрианты из СССР/СНГ внесли свой вклад в крупный успех этой партии на выборах 2003 г., дав ей, по оценкам, не менее 4 из полученных 15 мандатов. (Депутатами от «Шинуя» стали, в том числе, и два русскоязычных репатрианта – проф. В.Брайловский, который занял пост зам. министра внутренних дел в правительстве А.Шарона, а затем, буквально на два последних дня пребывания его партии в коалиции, министра науки и технологий, и директор «русского Шинуя» И.Ясинов).

Судя по всему, именно «Шинуй», а отнюдь не партия Труда оказался основным «наследником» голосов, поданных в 1999 г. репатриантами за Эхуда Барака[11]. Вместе с тем партия не вполне отказалась от прежних критериев ограничения своего «кадрового ядра», проявив особенную осторожность в привлечении «русских» членов. Так, после успеха партии на выборах 2003 г. многие «русские» поспешили записаться в «Шинуй» в преддверии муниципальных выборов в октябре 2003 г., однако руководство партии блокировало эти попытки решительными мерами – как официального, так и неофициального характера.

Помимо Ликуда и Шинуя, и другие общенациональные партии после выборов 2003 г. предпринимали попытки участия в «разделе политического наследства» ИБА. Так, заметные усилия по изменению своей традиционной политики игнорирования этого преимущественно светского сектора предприняла Национально-религиозная партия Израиля (МАФДАЛ). По имеющимся данным, в связи с реформой партии и кампанией «призыва» новых членов, завершившейся в начале марта 2005 г., обсуждался и план создания более формального «русского» крыла. По оценкам, его численность могла составить примерно 5–10% «постоянного ядра» партии, т.е. от двух до пяти тысяч человек.

Попытки восстановления своего заметного в 1992–1996 гг., но практически развалившегося к концу того десятилетия «русского» крыла видны и в деятельности лидеров партии Труда. Инициатива на этот раз исходит от т.н. «Русскоязычного форума» профсоюзной партии «Ам Эхад» (единый народ), вошедшего в Аводу вместе со своей партией в начале 2004 г.

Понятно, что подобная деятельность общеизраильских партий существенно активизируется накануне очередных выборов, и возможно, некоторым из них удастся получить часть

«русских» голосов. Однако приличный шанс на удержание «русских» в сфере своего влияния между выборами имеют, судя по всему, лишь те движения, в которые «в полном составе» влились «русские» партии 90-х годов, особенно в том случае, если они сохранили – полностью или частично – свою инфраструктуру, активистов, фракции в местных органах власти и наработанные за десятилетие политические связи.

Самое же главное состоит даже и не в этом. Тенденция «израилизации» «русской» политики в Израиле могла получить дальнейшее развитие только в том случае, если общенациональные партии и элиты сумели бы показать новым репатриантам из СССР/СНГ, что они смогут дать им больше, чем «секторальные» движения и их лидеры. В то же время ситуация, как можно было заметить, развивалась в прямо противоположном направлении.

Ожидания и реалии

Как только были подведены итоги выборов 2003 г., стало понятно, что «русские» избиратели дали не только Ликуду, но и многим другим общеизраильским сионистским партиям (не считая Мерец) существенно больше голосов, чем уровень парламентского представительства, который партии смогли обеспечить общине. В результате, хотя репатрианты из СССР-СНГ, как всегда, оказали огромное влияние на исход выборов, прямое представительство общины в Кнессете, несмотря на относительный рост числа избирателей (до 680 000, что соответствует 20–22 мандатам против 17–18 в 1999 г.), снизилось – с 12–13 в 1999 г. до 10 в 2003. Еще больше снизился удельный вес депутатов, представляющих политически организованную «русскую» общину – с 9–10 до 6 (включая 2 от ИБА, 3 от «Исраэль Бейтейну» и 1 от «Демвыбора»).

Уже в самой этой диспропорции крылся немалый потенциал «секторальной» политики. Но еще важнее было то, что большинство израильского истеблишмента восприняло итоги выборов 2003 г. на «русской улице» как свидетельство того, что «русские» уже всем довольны и «вполне вписались» в местное общество. Соответственно, нет никакой нужды в особых усилиях – особенно при наличии нынешних бюджетных проблем – по поддержке «русских» репатриантов как группы, в реализации новых проектов интеграции, в продвижении представителей олим во властно-управленческие структуры и т.д.

Естественно было бы ожидать, что различные группы внутри почти миллионной общины выходцев из бывшего СССР, политически расколотой практически по тем же линиям, что израильское общество в целом, по-разному оценят и практические последствия исчезновения «русских» движений с политической арены страны. Однако в этом вопросе уже через годполтора после провальных для общины выборов 2003 г. стали проглядывать контуры некоторого «общинного консенсуса».

Опросы разных лет зафиксировали, что община выходцев из СССР/СНГ делится на две примерно равные группы: первая включает тех, чье политическое поведение связано в основном с социально-экономическими интересами (жилье, работа, социальное обеспечение и т.д.); члены второй в большей степени озабочены идеологическими проблемами (внешняя политика и безопасность, светско-религиозное противостояние и т.д.) и заинтересованы принимать участие в разработке национальной политики по этим проблемам.

Как можно заметить, обе группы оказались жестоко разочарованы, хотя и по разным причинам.

Так, уже вскоре после того, как в феврале 2003 г. была окончательно сформирована правящая коалиция, стала очевидной ее линия на ограничение влияния русских общинных элит в различных сферах власти и управления в стране. Разочарование репатриантов этой тенденцией развивалось на фоне осознания ими того факта, что «русские», как отмечалось, дали почти всем партиям больше, чем получили. Например, в Ликуде репатрианты составляют около 10% среди членов партии и лишь около 1% среди Центра; община, которая дала партии не менее 6–7 мандатов, представлена в Кнессете единственным депутатом, место которого в списке партии было определено в конце третьего десятка. Соответственной была и степень влияния представителей общины на процесс принятия политических решений, и в свою очередь, растущее недовольство израильскими элитами, включая и общенациональные партии, собравшие на выборах около 60% голосов олим, – Ликудом и Шинуем.

Общая картина разочарования «идеологической», в массе своей правонастроенной фракции «русской» общины была дополнена практическим переходом правительства А.Шарона от широкомасштабной борьбы с арабским террором к политике уступок («одностороннего отделения»), включая строительство

«забора безопасности» в непосредственной близости к «зеленой черте» и принятие программы ликвидации ряда еврейских поселений в секторе Газы и в Самарии.

Не меньшим было и разочарование тех избирателей, чьи интересы лежали не столько в «идеологической», сколько в социально-экономической сфере. Уже вскоре после выборов стало понятно, что интерпретация модели голосования этой группы, также разделившей в 2003 г. голоса между общеизраильскими Ликудом и Шинуем, как «выход из секторальной ниши» была несколько поверхностной и неточной. Видимо, в эту категорию входят и те избиратели, реакции которых предложил дождаться бывший пресс-секретарь ИБА, а ныне политический советник Н.Щаранского Давид Шехтер. По его мнению, «когда получающие различные социальные пособия репатрианты заметят недостачу на своих банковских счетах, они пожалеют о том, что в Израиле больше нет партии, которая может достойно защитить их социальные интересы»[12].

Этот прогноз оправдался довольно скоро. Первые признаки проявились уже через считанные дни после выборов 2003 г., когда новое руководство министерств абсорбции и строительства и развития отозвало свои обязательства по финансированию проекта субсидированного съема жилья для олим-пенсионеров на длительный срок. Следующим ударом стала проводившаяся новым министром финансов Б.Нетанияху политика ограничения государственного регулирования экономики и в ее рамках – сокращение социальных выплат малообеспеченным слоям населения (пенсионерам, родителям-одиночкам и т.д.). Хотя первые позитивные (в том числе и для многих репатриантов из СССР/СНГ, ставших частью израильского среднего класса) плоды экономических реформ Нетанияху оказались очевидны уже в середине 2004 г., для немалого числа репатриантов социальные последствия этих реформ, усугубленные сворачиванием программ поддержки выходцев из СССР/СНГ, стали фактором общественного недовольства.

Не случайно, что опрос, проведенный Тель-Авивским институтом «Мутагим» в начале ноября 2003 г. зафиксировал растущее недовольство «русских» репатриантов правительством Шарона. Лишь 35,2% респондентов были удовлетворены деятельностью правительства в сфере безопасности (42,5% были неудовлетворены ею), и лишь 14,1% (против 67,0%) были удовлетворены деятельностью Ариэля Шарона в социально-

экономической сфере, причем 51,4% считали, что руководство страны утратило контроль за социально-экономическим положением в Израиле[13].

Наконец, с конца 2003 г. вновь предметом общественного внимания стали уже, казалось бы, прочно забытые сюжеты полицейского произвола и этнической дискриминации по отношению к выходцам из СССР/СНГ. Так, громкий общественный резонанс вызвали многочисленные эпизоды предвзятого отношения и даже избиения полицейскими (в массе своей – восточного происхождения) выходцев из бывшего СССР[14].

С другой стороны, анализ, проведенный в 2004 г. Центром исследований и информации Кнессета по инициативе тогдашнего председателя комиссии Кнессета по внутренним делам, одного из лидеров партии «Исраэль Бейтейну» Юрия Штерна, показал, что в то время как доля русскоязычных израильтян среди трудоспособного населения страны превышает 15%, а доля лиц с высшим образованием среди них в полтора-два раза превышает долю обладателей академических степеней среди уроженцев страны и старожилов, выходцы из СССР/СНГ составляют лишь 4,4% сотрудников и 0,8% руководящих кадров государственных ведомств. (Наиболее вопиющая ситуация была отмечена в полиции, в министерствах обороны, просвещения, науки, спецслужбах, дипломатической службе и в Институте национального страхования «Битуах Леуми»). Весомым исключением, отчасти балансирующим картину, являются медицинские структуры (больницы, поликлиники и т.д.), где репатрианты составляют 27,3% работников этих учреждений, но при этом только 1% на руководящих должностях. При этом в шести министерствах, когда-либо возглавлявшихся русскоязычными министрами, средняя численность сотрудников – выходцев из СССР/СНГ 1989–2004 гг. оказалась более чем в два раза выше, чем в тех 14 министерствах, где русскоязычных министров никогда не было (6,8% против 3,2%)[15].

Полицейское расследование в отношении деятельности филиалов израильских банков «Хапоалим» и «Мизрахи» по обвинению в «отмывании» многомиллионных сумм, в ходе которого активно мелькали многочисленные имена крупных предпринимателей русско-еврейского происхождения – Владимира Гусинского, Михаила Черного, Леонида Невзлина, Семена Могилевича, Аркадия Гайдамака, Михаила Брудно, Владимира Дубова и т.д. – также, по мнению многих, почти сразу же пошло по накатанным рельсам «борьбы с русской мафией»[16].

Все эти факты, активно «раскручиваемые» русскоязычными и ивритоязычными СМИ с подачи различных групп политических интересов, постепенно подталкивали репатриантов к выводу о том, что «подобное было бы невозможно, существуй у них свое эффективное политическое лобби». В итоге проведенный еще в конце 2004 г. репрезентативный опрос общественного мнения выходцев из СССР/СНГ показал, что 67% респондентов были убеждены в необходимости коренных изменений в обществе, гарантией которых они считали «соперничество с традиционно сложившейся в стране элитой». Комментируя результаты этого опроса, известный специалист по общественным настроениям «русской улицы» д-р Элиэзер Фельдман отметил «значительное повышение политической активности репатриантов», ставшей фактором их разочарования тем, что они должным образом не представлены в политическом истеблишменте страны, и уверенностью, что это не просто стечение обстоятельств, а дискриминация, устранение которой большинство считает своим персональным делом»[17].

«Русские» партии возвращаются?

С течением времени становилось все более понятно, что общественное недовольство и общинный политический потенциал этих групп в свете набирающих силу негативных для общины тенденций неизбежно найдет свое политическое выражение. Разочарование в политике «израильских классов» сопровождалось возрождением у ряда русскоязычных израильтян ощущения «ущемленной общинной гордости», похожее на то, которое десять лет назад было одним из наиболее важных факторов формирования и электорального успеха партии «Исраэль ба-Алия».

Показательно, что согласно упомянутому опросу, в качестве рычагов борьбы за свои права более половины (55%) респондентов называли необходимость формирования новой «русской» партии, в то время как 23% были готовы поддержать влиятельные репатриантские организации в рамках общеизраильских партий, и лишь 12% посчитали, что существующие общеизраильские партии и так адекватно представляют их интересы.

Понятно, что появившаяся организационно-политическая ниша немедленно стала полем соперничества различных «русских» политических фракций и групп интересов. «Первыми в

очереди», естественно, оказались лидеры «русских» партий «первого поколения», уже, казалось бы без остатка растворившихся в общеизраильских движениях. Эти политики, впрочем, вполне осознавали возможность в очередной раз попасть в «капкан» противоречий между общинным и политическим аспектами своей деятельности. О том, что такая опасность вполне реальна, свидетельствуют неоднозначные итоги муниципальной «русской» политики после выборов в Кнессет 2003 г. (например, досрочные выборы в Иерусалиме привели к исчезновению «русской» фракции в горсовете, в ряде городов центра страны число «русских» муниципалов сократилось, а в Хайфе и Маале Адумим, напротив, увеличилось).

Все это заставило политических лидеров «русской улицы» и их сторонников срочно озадачиться выработкой адекватной политической стратегии. На каком-то этапе «русские» политики «первого призыва» все еще пытались одновременно играть и на общинно-социальном, и на общенационально-идеологическом поле. Так, общеизраильские блоки, в которые вошли «русские» партии, их нынешние и бывшие лидеры, первоначально расценивались как удобный канал присутствия в национальной политике, в то время как на муниципально-общинном уровне многие из них предпочитали быть представлены своим обычным партийным лицом[18]. Например, лидеры НДИ, независимо от блока «Ихуд Леуми», провели широкомасштабную кампанию муниципальных выборов 2003–2004 гг. Основываясь на опыте движения «Наш дом – Ашдод», ставшего основой инфраструктуры партии в 1999 г., под ее эгидой были сформированы муниципальные избирательные движения «Наш дом – Иерусалим», «Наш дом – Хайфа», «Наш дом – Ришон», «Наш дом – Ашкелон», а также аналогичные списки в Хадере, Беэр-Шеве, Бейт-Шемеше и других (всего около 30) городах страны[19]. На муниципальных выборах близкие по типу конкурирующие движения были созданы и на базе остатков отделений ИБА, а также под эгидой партии «Демократический выбор». Однако по мере углубления политического противостояния и классовой поляризации как в стране в целом, так и в общине выходцев из СССР/СНГ, в частности, это «сидение на двух стульях» становилось все более проблематичным и вынуждало «русских» общинных лидеров определяться со своим организационно-политическим статусом.

Сторонники Н.Щаранского, судя по всему, достаточно долго колебались между желанием использовать инерцию популярности Ликуда среди олим и механизмы влияния правящей партии, в которую влилась ИБА после выборов 2003 г., с одной стороны, и новой попыткой «самостоятельного партийно-политического плавания», с другой. Так, в октябре 2004 г. была проведена встреча Н.Щаранского и пяти десятков бывших высших функционеров ИБА, на которой обсуждались перспективы выхода бывших лидеров партии из Ликуда и воссоздания самостоятельной инфраструктуры массовой репатриантской партии. Основной причиной, по мнению участников встречи, стал тот факт, что покрыв 14-миллионный дефицит ИБА, лидеры Ликуда не спешили выполнять остальные пункты соглашения с ИБА – пополнить Центр партии 250 бывшими членами Центра ИБА и обеспечить сторонникам Щаранского адекватное представительство в руководящих органах движения[20].

Заметим, что немало активистов ИБА были изначально недовольны ее роспуском. Например, уже через неделю после присоединения фракции ИБА к Ликуду в феврале 2003 г. и начала подготовки к интеграции их структур с резким протестом против этого шага руководства выступило собрание активистов «Исраэль ба-алия» (включая 14 заммэров городов, более 40 депутатов муниципальных советов и ряд председателей городских партийных советов). В опубликованном заявлении делался акцент на массе далеко не решенных специфических социальных проблем алии (образование, жилье, трудоустройство, социальный статус и т.д.), вследствие чего, по мнению активистов ИБА, «неудача, постигшая партию, отнюдь не является фатальной... и ИБА не собирается уходить с политической арены, а тем более растворяться в Ликуде»[21].

Все эти инициативы, однако, не получили продолжения, по крайней мере, на уровне партийного руководства. В январе 2005 г. конференция Ликуда окончательно утвердила слияние с ИБА, бывшим членам которой было предоставлено 128 мест в Центре объединенной партии. В результате лидеры бывшей главной репатриантской партии, по крайней мере сейчас, сделали свой выбор. Объясняя свое решение, Натан Щаранский заметил: «Через пятнадцать лет после Большой Алии, большинство выходцев из СССР-СНГ больше не считает себя репатриантами. Они – русскоговорящие израильтяне, и рамки чисто репатриантской партии стали им тесны. Мощная группа

русскоговорящих израильтян в ЦК «Ликуда» – это огромный успех для Алии... Теперь у нас появились совершенно иные возможности, и можно не сомневаться, что мы используем их во благо Алии и Израиля»[22].

В свою очередь, имея похожую дилемму – с одной стороны, использовать потенциал солидарного общинного голосования, а с другой, – не потерять свой «идеологический» электорат[23], – лидеры главной оставшейся на «русской улице» политической силы – «русской несекторальной» партии «Наш дом – Израиль» сделали шаг прямо противоположного свойства. В ноябре 2004 г. НДИ вышла из парламентского блока «Национальное единство» с тем, чтобы идти на казавшиеся в тот момент неизбежными очередные досрочные выборы самостоятельно, с тем чтобы собрать максимальное число мандатов на «русской улице». Лидеры партии, судя по всему, пришли к выводу, что передача «русских» мандатов своим «туземным» партнерам была слишком высокой ценой за статус общенационального блока[24].

В то же время ситуация в обоих главных политических лагерях «русской улицы» – и в «распущенной» партии Щаранского, и в «обновленной» партии Либермана – развивается по схожему сценарию.

Очевидно, что после слияния с Ликудом бывшее руководство ИБА унаследовало принципиальную установку своей партии – попытку говорить от имени всей «русской» общины, тщательно балансируя между ее фракциями, по-разному относящимися к критическим для израильского общества темам – арабо-израильскому конфликту и светско-религиозному противостоянию. Это в сочетании с персональными противоречиями, часто пересекавшимися с идеологическими, дважды приводило к расколу ИБА[25].

Третий – и, видимо, последний – раскол ИБА произошел уже внутри Ликуда, вскоре после завершения процесса официального слияния двух партий. В феврале 2005 г. депутат Кнессета от Ликуда/ИБА Марина Солодкина, которая, несмотря на свою «левую» идеологию во времена ИБА, считалась последовательной сторонницей Щаранского и Эдельштейна, неожиданно выступила против своих давних «патронов». Причиной, судя по всему, стали не столько разногласия по поводу линии А.Шарона на «одностороннее отделение» от палестинских арабов (М.Солодкина проявила себя активной сторонницей премьер-министра в этом вопросе, в то время как Н.Щаранский и

Ю.Эдельштейн были среди лидеров сопротивления этому проекту), сколько личные политические амбиции и интересы сторон.

В конце февраля 2005 г. Марина Солодкина инициировала дискуссию о составе списка ИБА, который в соответствии с межпартийным соглашением должен был пополнить Центр партии. В ходе дискуссии сторонники М.Солодкиной заявили, что представленная ИБА 128-местная квота оказалась заполнена приближенными Щаранского и Эдельштейна, более 60% которых не имели прямого отношения к ИБА. В то же время многие активисты ИБА (особенно из отделений в экономически неблагополучных периферийных городах, где авторитет М.Солодкиной, признанного лидера борьбы за социальные права олим, был особенно велик) остались за бортом[26].

В свою очередь, Н.Щаранский, подчеркнув, что «в соглашении между ИБА и Ликудом речь шла об объединении двух партий, а не Центров двух партий», волне откровенно заметил, что в его список «были включены активисты, которые умеют работать в тесном контакте с Ликудом, а не находятся в состоянии конфликта с его местным руководством... Главной целью при составлении списка было создание единого, эффективно действующего и устойчивого к попыткам переманивания в другие лагеря, блока... Это список активных и преданных людей, которые будут достойно отстаивать интересы алии и способствовать увеличению ее силы в правящей партии»[27].

Очевидно, что за завесой личного и политического конфликта проступают контуры двух разных представлений о структуре и характере деятельности «русского политического лобби». Марина Солодкина явно отстаивает «общинную парадигму» такого лобби, имея в виду его превращение в сообщество, хотя и ассоциированное с Ликудом и имеющее несколько ограниченную свободу деятельности, но при этом собственную широкую и фактически автономную инфраструктуру, и работающее преимущественно на «русской улице». Натан Щаранский и Юлий Эдельштейн, в свою очередь, выступив за принятие существующих в общенациональных партиях правил игры, отстаивали образец «персонального политического лагеря», работающего не столько с «репатриантскими массами», сколько занимающегося кооперацией и обменом ресурсами с другими группами влияния в Центре партии. Таким образом, с точки зрения Солодкиной, «русскому Ликуду» нужны лидеры для работы на «русской улице», с точки зрения Щаранского, – «дис-

циплинированные бойцы» для продвижения интересов алии и ее лидеров через механизм Ликуда[28].

Близкие тенденции были характерны и для «обновленной» НДИ. В сентябре 2004 г., вскоре после выхода из правительства А.Шарона движения «Национальное единство», ядром которого была НДИ, ее фракция в Кнессете (которая все еще формально является «техническим блоком» партии «Алия» Ю.Штерна и М.Нудельмана и «первоначального» движения НДИ А.Либермана и А.Коэна) также пережила раскол, ставший следствием персональных и идеологических противоречий. Михаил Нудельман, до того момента – верный сподвижник Либермана и Штерна, поддержал в отличие от своих коллег по НДИ и блоку «Национальное единство» программу А.Шарона и заявил о восстановлении организационной самостоятельности партии «Алия»[29]. С другой стороны, в политических и журналистских кругах высказываются настойчивые предположения о том, что А.Либерман готов открыть свою партию для заметных «русских» политиков, перспективы которых в их прежних партиях выглядят сегодня туманно (среди последних наиболее часто упоминаются М.Солодкина – Ликуд/ИБА, С.Ландвер – Авода и И.Ясинов – Шинуй).

Все эти факты, очевидно, являются внешним проявлением бурного процесса новой перегруппировки политических сил «русской общины» и ее лидеров, которые в очередной раз готовы использовать опцию «секторальной», в том числе партийной политики в различных ее конфигурациях и вариантах.

Партии «нового поколения»: тенденции и перспективы

Не исключено, однако, и появление нового поколения «русских» партий, предпосылки для складывания которых заметны уже сейчас. Во-первых, базой для создания «русской» партии в какой-то мере может служить новая зонтичная структура русской общины, созданной объединением «правого» Сионистского Форума и «левого» Объединения олим – выходцев из СССР. В январе и феврале 2005 г. на базе этого объединения была предпринята попытка создания своего рода «русского общественно-политического лобби», представители которого, впрочем, решительно отвергли идею наличия у них партийных амбиций.

Во-вторых, новая попытка строительства репатриантских движений может начаться на этот раз с местного уровня (подобно тому, как это случилось с секторальными движениями выходцев из стран Востока), что в перспективе может обеспечить «прорыв» в структуры власти на национальном уровне. Так, вскоре после парламентских выборов 2003 г. появилась инициатива группы «русских» депутатов местных органов власти о создании общеизраильского «русского» внепартийного движения, которое бы представило единый список кандидатов на муниципальных выборах в ноябре и декабре 2003[30]. В реализацию этой идеи осенью 2003 г. было создано движение «С тобой и для тебя» (явная аллюзия с предвыборным лозунгом ИБА 2003 г.), члены которого попытались провести своих кандидатов в муниципальные советы некоторых городов севера страны[31] и завоевали по одному мандату в городских советах Хайфы и ее пригородов Кирьят-Ата, Кирьят-Моцкин и Кирьят-Ям.

Понятно, что к следующим выборам в Кнессет подобные списки, несмотря на их не слишком удачный муниципальный дебют, могли стать основой новой «русской» партии. И действительно, в начале марта 2005 г. организаторы движения «С тобой и для тебя» объявили о проведении намеченной на 11 марта всеизраильской конференции, которая должна была утвердить «новую структуру движения» и пополнить список действующих под его эгидой «отраслевых» комиссий (муниципальная, по делам малого бизнеса, по проблемам молодежи и т.д.)[32].

Определяя себя как «партию выросшего в Израиле и вполне культурно и профессионально адаптированного поколения русскоязычных израильтян» («русские с ивритским акцентом»), лидеры «С тобой и для тебя» тем не менее активно эксплуатируют тему «этнической дискриминации». По утверждению председателя движения Леонида Бравштейна, «власть в Израиле находится в руках пары десятков коррумпированных и раз и навсегда закрытых для чужаков семей... Поэтому выступать в роли просителей бесперспективно и глупо.... Ментально мы русские, и с первого дня в Израиле нам об этом не забывали напоминать..., мы выучили урок и тоже никогда этого не забудем»[33].

В-третьих, зимой 2004/05 года заинтересованность в создании новой «русской» партии стал проявлять бывший директор правительственного Бюро по связям с евреями Восточной Европы (Натив) и бывший видный активист подпольного сионистского движения в СССР Яков Кедми. Показательно, что

именно в этот период колоссальные усилия по возвращению в политику и к руководству партией Авода предпринял и бывший премьер-министр Э.Барак, давним сподвижником которого считается Я.Кедми. Последний активно поддержал Барака на выборах 1999 г. и руководил его «русским» штабом на выборах 2001 г. Известно также, что когда Барак убедился в невозможности восстановления сотрудничества с Щаранским и ИБА после их выхода из коалиции летом 2000 г., он уже тогда всерьез взвешивал возможность «сконструировать» новое «русское» всеобщинное движение во главе с Я.Кедми. В случае, если эта идея реализуется сегодня, такая партия может составить одновременно «общинную» и «левоцентристскую» по идеологии альтернативу «правой» общинной альтернативе Либермановской НДИ и одновременно стать привлекательной для разочарованных «русских» избирателей общеизраильских партий (прежде всего «Шинуя»). Такая партия может служить «убежищем» для «русских» политиков, больше не находящих себя в новых политических условиях и места в своих прежних партиях (таких, как М.Нудельман или Р.Бронфман, или даже М.Солодкина или С.Ландвер, в случае, если две последние не найдут себя в «обновленном лагере» А.Либермана).

Наконец, не исключен и принципиально иной вариант развития событий, который может реализоваться в случае, если «русские» партии – как «старые» типа ИБА, НДИ и «Демвыбора», которые на протяжении последнего десятилетия эффективно интегрировали и представляли все линии конфликтов внутри и вокруг общины, так и идеологические партии нового поколения – не сумеют сорганизоваться и заполнить имеющуюся общинную нишу.

В этом случае новый политический раскол в общине может пойти по линии углубления существующих этно-социальных противоречий, и на одних из последующих выборов «израильтян может удивить новая русская партия – [на этот раз] настоящая, без кавычек»[34].

Базу для такой партии, судя по всему, может составить часть выходцев из СССР/СНГ нееврейского или смешанного происхождения, обладающих сильно ослабленным еврейским и израильским самосознанием. По оценкам, электоральный потенциал этой группы, составляющей, по разным данным, от трети до половины галахических нееврев, прибывших в стра-

ну в соответствии с Законом о возвращении, может дать от двух до трех мандатов.

Накануне следующих выборов может появиться и выдвинуть претензии на эти мандаты одна или больше русских или славянских в прямом смысле этого слова партий, типа активно эксплуатировавших нееврейскую тему, но так и не прошедших в 2003 г. электоральный барьер партий А.Цинкера «Эзрах умедина» и Прогрессивной либерально-демократической партии «Лидер» А.Редько. Шансов пройти электоральный барьер у подобных явно маргинальных групп и на следующих выборах, вероятнее всего, практически не будет.

Несколько больше возможностей, вероятно, могут иметь партии, не столько педалирующие этническую славянскую тему, сколько поднимающие флаг борьбы за «гражданские и культурные права» лиц смешанного происхождения, за «религиозное равноправие» и концепцию «нееврейского государства всех граждан». Организационную и материальную базу такой партии могут составить разного рода «правозащитные» структуры типа ассоциаций смешанных семей, «центров гражданского и религиозного плюрализма» и т.п. При этом такой партии придется конкурировать с традиционными искателями симпатий неевреев и лиц этнически смешанного происхождения, в первую очередь с «Демвыбором» Р.Бронфмана в его возможных комбинациях с постсионистским «Мерецем» и антиклерикальным «Шинуем».

Заключение

Итак, присутствие «русских» политических организаций отнюдь не переводит политический конфликт в одномерное русло «этнических» противоречий, а существенно усложняет политическую и идеологическую палитру Израиля. Какая из описанных выше тенденций возобладает, мы, учитывая динамичный характер израильской политики, узнаем уже скоро.

[1] В израильской истории выборы «вовремя» проводились только четыре раза – в 1959, 1965, 1969 и 1988 гг.

[2] Zvi Gitelman and Ken Goldstein. Hamaapekha ha-'Rusit' ba-politika ha-israelit / in A.Arian and M.Shamir (eds.) // *Ha-bhirot ba-Israel' – 1999* (Israeli Elections 1999). Jerusalem: Hamakhon ha-Israeli le-demokratiya, 2001, c. 226.

[3] Vladimir Khanin. Israeli «Russian» Community and Immigrants Party Politics in the 2003 Elections // *Israel Affairs*, Summer 2004, Vol.

10, № 4, с. 178–180; Владимир (Зеэв) Ханин. *«Русские» и власть в современном Израиле: становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков*. – М.: ИИИБВ, 2004.

[4] См. например: Эпштейн А. Арафат против Щаранского // *Вести.*

[5] См. Vladimir Khanin. The 'Russian' Community and the Immigrant Party Politics at the 2003 Elections // *Israel Affairs*, London, Summer 2004, Vol. 10, № 4, с. 146–180.

[6] Цит по: Яков Шаус. Дайте мне другую алию! // *Вести*, 6 февраля 2003, с. 4.

[7] Алекс Прилуцкий. Перспективный Плот // *Новости недели-Политика*, 14 августа 2003, с 22.

[8] Цит по: ילילג ילויל, «גיהנמ מישפחמ מיטדנמ השיש», זראה, 28.02.2003.

[9] Яков Шаус. Мы поведем общину на муниципальные выборы // *Вести*, 13 февраля 2003.

[10] Движение «Алия за Эрец Исраэль» (АЗЭИ) было организовано в 2003 г. (формально учреждено в январе 2004 г.) как инициатива группы правонастроенных активистов русскоязычной общины, как реакция на поражение правого лагеря на выборах 1992 г. и начало «процесса Осло». Накануне выборов 1996 г. большая часть активистов АЛЭИ вступила в Ликуд и приняла участие в борьбе за место в избирательном списке, забронированное для новых репатриантов. После назначения первого председателя АЗЭИ З.Гейзеля советником премьер-министра по алии и абсорбции председателем организации стала журналист и правый политический активист Софа Рон (Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. *«Русские» и власть в современном Израиле: становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков*. – М.: ИИИБВ, 2004, с. 243–252.

[11] См. Vladimir Khanin. The 'Russian' Community and Immigrants Party Politics in the 2003 Elections, с. 150–54.

[12] Интервью автора с Давидом Шехтером, 11 августа 2003.

[13] См. результаты опроса на www.ispr.org

[14] «Репатрианты продолжают жаловаться на полицейский произвол в Ашкелоне // *Горские Евреи в Израиле* (http://www.mountain-jews.co.il/Community/Community29.htm)

[15] См. Алек Эпштейн. Неиспользуемый человеческий капитал: профессиональная интеграция репатриантов алии 90-х на израильском рынке труда (По материалам отчетов сотрудников Центра исследований и информации Кнессета Михаль Кора, Эллы Хелер и Дины Цадок «Ецугам шель олей хевер ха-мединот бе-шерут ха-тсибури

б'Исраэль» – по запросу депутата Кнессета д-ра Юрия Штерна). – Иерусалим: ЕСОД, 10 января 2005, с. 8–11, 13.

[16] Таково, в частности, было объявленное мнение практически всех «русских» депутатов Кнессета и видных политиков вне зависимости от их партийной принадлежности – Ю.Штерна, И.Ясинова, В.Брайловского, Р.Бронфмана, А.Либермана, М.Нудельмана, М.Солодкиной и т.д. См. «Русские» политики о банковском скандале в Израиле // MIGnews, 9 марта 2005. См. также: Авраам Шмулевич. Мир в обмен на Невзлина: «Олигархический аспект» российско-израильских отношений // *Русский Журнал*, 10 Марта 2005 (www.russ.ru/culture/20050310_smul.html)

[17] Нино Абесадзе. Кто разбудит «русскую улицу» // *Еврейский обозреватель*, январь 2005.

[18] Author's interview with Mark Gorin, Habehira Hademocratit Director for Public Affairs; Sonia Vasilyeva, Avigdor Liberman's political advisor.

[19] См. Марк Котлярский. Вхождение во власть, или как нам для начала обустроить Ришон ле-Цион, *Вести-2*, 4 июня 2003, с. 18; Римма Осипенко. Хадера: Хотим 'русского' вице-мэра // *Вести – Север-Ха-Шарон*, 19 июня 2003, с. 2. Яков Шаус. Ты за родину или за алию // *Вести*, 22 мая 2003; Владимир Дворецкий. Все мы – 'одна семья'. Интервью с заместителем мэра города Стеллой Вальтер // *Репортер* (Бейт-Шемеш), 31 июля 2003.

[20] *Русский израильтянин*, № 43/407, 26.10–1.11.2004, с. 1.

[21] См.: Заявление заместителей мэров городов, депутатов муниципальных советов от партии «Исраэль ба-алия», председателей городских партийных советов и активистов партии // *Вести*, 13 февраля 2003.

[22] «Ликуд и «Исраэль Ба-Алия» слились воедино // Заявление Пресс службы Министра по делам Иерусалима и диаспоры Н.Щаранского, января 2005.

[23] Выступление А.Либермана на встрече с представителями русскоязычной интеллигенции, Иерусалим, июль 2003.

[24] Яков Зубарев. Вставайте, люди «русские» // *Русский израильтянин*, № 43/407, 26.10–1.11.2004, с. 1, 12–13.

[25] Зимой 1999 г. ИБА покинула «правая» фракция Ю.Штерна и М.Нудельмана, принявшая название «Алия» и вскоре присоединившаяся к НДИ; летом 1999 от ИБА откололась «левая» фракция Р.Бронфмана и А.Цинкера, образовавшая партию «Демвыбор». Подробнее см.: Vladimir (Ze'ev) Khanin. The New Russian Jewish Diaspo-

ra and «Russian» Party Politics in Israel // *Nationalism & Ethnic Politics*, Boulder, December 2002, Vol. 8, № 4 с. 38–51.

[26] Передача «Суть дела», радио РЕКА, 28 февраля 2005.

[27] Ответ Марине Солодкиной. Заявление пресс-службы Министра по делам Иерусалима и диаспоры, 23 февраля 2005.

[28] Подобные взгляды, в сущности, были высказаны еще в ходе проходившей в 1994–1995 гг. дискуссии о стратегии создания «русского лобби» в израильской политике. Часть дискуссантов считала необходимым создание сильных «русских филиалов» общенациональных израильских партий с целью использования их механизма и возможностей для «продвижения» интересов «русской» общины. Другие были уверены, что «политический потенциал алии не может быть реализован в рамках существующих израильских партий», и лишь «русская» партия сможет предотвратить распыление сил общины и конфронтацию внутри сообщества новых репатриантов, и достичь намеченных политических целей, которые стоят перед ней. Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. «Русские» и власть в современном Израиле.

[29] Раскол сопровождался ожесточенными спорами о праве на это название (первую позицию в списке фракции «Алия» формально занимает Юрий Штерн) и собственность партии и ответственность за ее долги.

[30] Радио РЭКА, 18 марта 2003.

[31] См. Яков Шаус. Пирамида нуждается в ремонте // *Вести*, 9 октября 2003, с. 6.

[32] Движение расширяется // *Вести* (соб. информация), 3 марта 2005, с. 2.

[33] Цит. по: Леонид Луцкий. «Русские» идут: Дубль два // *Глобус*, февраль 2005.

[34] Дов Конторер. Результаты выборов в Кнессет // *Вести-2*, 6 февраля 2003, с. 4.

А.М.Вартанян

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА

В июле 2002 г. в Иране вступил в силу Закон о привлечении и защите иностранных инвестиций, который открывает качественно новый этап притока иностранных капиталовложений в ИРИ и расширяет сферу возможностей и гарантий действующим на территории Ирана иностранным, в том числе российским, инвесторам.

В этой связи обстоятельное изучение законодательного регулирования вопросов, связанных с иностранными инвестициями в ИРИ, а также анализ деятельности иностранных инвесторов в этой стране может представлять серьезный интерес для российских компаний на иранском инвестиционном рынке, где для них имеется существенный неиспользованный потенциал.

Законодательная база в области иностранных инвестиций

В соответствии с тенденциями мирового экономического развития и глобализацией международной экономической системы иранское руководство предпринимает шаги по дальнейшей интеграции ИРИ в мировые экономические структуры, включая ВТО, по закреплению позиций Ирана на международных финансовых и торговых рынках. Реализация этих задач диктует, в частности, необходимость привлечения в страну значительного объема иностранных капиталовложений, что требует, в свою очередь, совершенствования и реформирования инвестиционной сферы. В последние годы иранским государством проводится активная работа по обновлению законодательной базы в отношении иностранных инвестиций и предоставлению иностранным инвесторам более благоприятных условий и гарантий сохранности их средств, вкладываемых в иранскую экономику.

Законодательное регулирование в этой сфере осуществляется в соответствии с Законом о привлечении и защите иностранных инвестиций от 2002 г. Следует подчеркнуть, что до принятия данного акта, создающего принципиально новые условия для деятельности иностранных инвесторов в Иране, эта сфера регулировалась одноименным Законом от 1955 г., который явно устарел и препятствовал ее нормальному развитию в соответствии с тенденциями мирового экономического процесса.

Проект нового законодательного акта вызвал разногласия и длительные дебаты между либеральным парламентом 6-го созыва (2000–2004 гг.) и консервативным Наблюдательным Советом. Его принятие затянулось на несколько лет. В августе 2000 г. проект этого закона был принят в первом чтении, а в мае 2001 г. ратифицирован иранским парламентом. Однако Наблюдательный совет трижды подряд отклонял данный законопроект. В результате только в июне 2002 г. Закон о привлечении и защите иностранных инвестиций был окончательно утвержден Советом по определению политической целесообразности принимаемых решений, который в спорах между Парламентом и Наблюдательным советом выступает в качестве арбитра функции. В соответствии с установленным в ИРИ законодательным порядком 28 июля 2002 г., через 15 дней после публикации текста закона в так называемой «Официальной газете»[1], он де-юре вступил в силу.

Конечно, нельзя сказать, что новый закон об иностранных инвестициях в Иране соответствует основным западным стандартам и по своим положениям полностью совпадает с аналогичными законодательными актами стран с рыночной экономикой. Тем не менее для Исламской Республики Иран это – прогрессивный и существенный шаг вперед, позволяющий надеяться на привлечение в страну крупных иностранных инвесторов, на динамичный рост иностранных капиталовложений, в которых так нуждается иранская экономика.

Помимо указанного закона, правовая база ИРИ в области иностранных инвестиций включает ряд других законодательных актов, регулирующих отдельные аспекты в этой сфере. Среди них Закон об учреждении Министерства экономики и финансов от 15 июля 1975 г., Закон об Организации по инвестиционному, экономическому и технологическому содействию от 3 июня 1975 г., Закон о владении недвижимым имуществом

иностранными подданными от 6 июня 1931 г. Примечательно, что последний закон по-прежнему является действующим.

Основная характеристика иностранных капиталовложений

Иностранным инвестором в ИРИ считается физическое или юридическое лицо, имеющее иностранное, а также иранское гражданство, которое вправе осуществлять иностранные инвестиции на территории Исламской Республики Иран в соответствии с порядком, определяемым Законом о привлечении и защите иностранных инвестиций.

По иранскому законодательству, иностранный капитал, ввозимый в страну как в форме финансового (деньги, ценные бумаги), так и в форме нефинансового (объекты гражданских прав и имущества) капитала, подразделяется на следующие категории:

– денежные инвестиции в твердой валюте, конвертируемые в Иран преимущественно через банковскую систему или по другим каналам, однако при обязательном согласии и подтверждении Центрального Банка ИРИ;

– машины и оборудование;

– запасные части и компоненты, дополнительные детали и сырье;

– патенты, технологии «ноу-хау», торговые марки и специализированные услуги;

– переводимые из-за рубежа дивиденды иностранного инвестора.

Органы регулирования процесса привлечения иностранных инвестиций

Основным регулирующим органом в области иностранных инвестиций в Иран является Министерство экономики и финансов, а непосредственные исполнительные функции возложены на находящуюся в его подчинении Организацию по инвестиционному, экономическому и техническому содействию ИРИ (ОИЭТС), порядок деятельности которой определяется статьей 5 Закона об учреждении Министерства экономики и финансов от 15 июля 1975 г. Возглавляет ОИЭТС один из заместителей министра. Все обращения иностранных инвесторов по вопросам предоставления, ввоза, использования и вывоза капиталов должны быть направлены в данную организацию.

В своей деятельности ОИЭТС тесно взаимодействует с ключевыми министерствами и ведомствами экономического блока. С этой целью в каждом отраслевом министерстве или ведомстве назначается полномочный представитель, осуществляющий координацию между ОИЭТС и соответствующим подразделением. Кандидатуры полномочных представителей рассматриваются и назначаются руководителем каждого из таких министерств и ведомств, включая Министерство экономики и финансов, МИД, Министерство торговли, Министерство труда и социальных дел, Центральный Банк, Таможенную администрацию, Центральное бюро по регистрации компаний и промышленной собственности.

Разработка общих принципов инвестиционной политики в Иране осуществляется Высшим советом по инвестициям в соответствии со статьей 7 Закона об ОИЭТС от 3 июня 1975 г. Членами Высшего Совета являются главы ведущих экономических министерств государства – экономики и финансов, сельского хозяйства, промышленности и рудников, а также МИД.

Вложение иностранным инвестором капитала в новое или существующее экономическое образование возможно после получения разрешения на осуществление инвестиций. Определяющую роль в принятии решений по тому или иному инвестиционному проекту играет Комиссия по привлечению и защите иностранных инвестиций (КПЗИИ), которая возглавляется заместителем министра экономики и финансов, по совместительству занимающим пост руководителя ОИЭТС. В состав КПЗИИ входят также заместители министра промышленности и рудников, иностранных дел, а также вице-президент Центрального Банка, заместитель руководителя Организации по управлению и планированию и президент Палаты по вопросам торговли, промышленности и шахт Ирана. В случае необходимости в состав КПЗИИ могут быть включены представители других заинтересованных министерств на уровне заместителей министров.

Порядок осуществления иностранных капиталовложений

Процедура предоставления разрешения на привлечение иностранных инвестиций состоит из нескольких стадий и на первом этапе предусматривает согласование проекта в отраслевом министерстве, на втором – вынесение заключения ОИЭТС, на третьем – одобрение КПЗИИ и на четвертом – вы-

несение окончательного решения министром экономики и финансов и издание постановления Правительства ИРИ.

Как только иностранный инвестор определил своего потенциального иранского партнера, ему следует согласовать проект и получить разрешение в отраслевом министерстве. Имеется в виду получение т.н. установочной лицензии и заключение «базового соглашения». Затем подготовленный проект соглашения, копия ТЭО и соответствующая заявка, а также все необходимые документы, включая финансовые отчеты деятельности инвестора за три последних года, направляются в ОИЭТС. Эта организация обязана рассматривать заявки иностранных инвесторов и после соответствующей проверки давать свое заключение в форме подробного доклада Комиссии по привлечению и защите иностранных инвестиций в течение 15 дней с момента их получения. КПЗИИ, в свою очередь, после соответствующего рассмотрения вопроса выносит решение по заявке в течение 1 месяца. В случае положительного решения КПЗИИ по согласованию с Министерством экономики и финансов готовит представление в Кабинет министров. На последнем этапе требуется подтверждение данного решения министром экономики и финансов ИРИ, после чего издается постановление Кабинета министров, являющееся официальным разрешением для формирования совместного предприятия и начала практической реализации проекта.

Основные условия привлечения иностранных инвестиций

Привлечение иностранных инвестиций в ИРИ осуществляется при соблюдении внутренних законодательных актов и порядка его регулирования с целью развития производства в промышленной, горнодобывающей, сельскохозяйственной областях и сфере услуг. При этом руководство ИРИ исходит из следующих принципов:

1. Инвестирование должно сопровождаться обязательным стимулированием экономического роста и технологического развития, повышением качества производимой продукции, обеспечением выхода этой продукции на мировые рынки, ростом экспорта страны, увеличением занятости населения. Правительство ИРИ считает приоритетными те капиталовложения, которые способствуют увеличению национального до-

хода и приносят поступления в СКВ в государственный бюджет ИРИ.

2. Иностранное инвестирование не должно способствовать возникновению угрозы национальной безопасности, загрязнения окружающей среды, кризисов в национальной экономике или препятствовать производству, основанному на внутренних инвестициях.

3. Иностранное инвестирование не должно повлечь за собой наделение государством иностранного инвестора правом на учреждение концессии, подразумевающее предоставление иностранным инвесторам чрезвычайных прав на монополию в той или иной области.

4. Процентное соотношение производимой продукции с привлечением иностранного капитала и производимой на основе внутренних инвестиций должно быть таковым, чтобы выпуск продукции, производимой с привлечением иностранного капитала, не превышал 25% в каждом секторе экономики и 35% в каждом подсекторе, соответственно. Очень важным дополнением в этом отношении является то, что во всех отраслях производства экспортной продукции с привлечением иностранных инвестиций, кроме нефтедобывающей, данные процентные соотношения не являются строго обязательными.

Одновременно имеется ряд ограничений на привлечение и применение на территории ИРИ иностранного капитала. В частности, законодательство, регулирующее сферу иностранных инвестиций, распространяется на компании лишь тех стран, в которых иранские компании могут функционировать в режиме, не менее благоприятном, чем национальный. Помимо этого, не разрешается привлечение капитала в сферу услуг, в частности в торговый сектор и банковскую систему. Не дозволяется также создание предприятий со 100-процентным иностранным капиталом. Обязательным условием является отсутствие противоречий между формами, видами и целями деятельности иностранных инвесторов в ИРИ и исламскими принципами и нормами, в том числе в экономической сфере.

Правовая защита иностранных инвестиций

В случае принятия решения об инвестировании иностранные компании стремятся заручиться поддержкой ОИЭТС с целью получения гарантий сохранности своих инвестиций в ИРИ. В свою очередь, ОИЭТС выражает готовность к оказанию иностранным инве-

сторам правовой поддержки и защиты в тех проектах, в которых она (и, соответственно, иранское правительство) заинтересована.

Иранское законодательство предусматривает равные права в отношении защиты как иностранного, так и национального капиталов. При этом предполагается правовая защита в равной степени как капиталов в товарной форме (машины, оборудование), так и в денежной (кредиты, финансовые услуги).

Иностранные инвестиции могут пользоваться правовой защитой:

– в случае прямого инвестирования в те отрасли, где государство стимулирует активное развитие частного сектора;

– в случае инвестирования в невоенные (гражданские) отрасли, в частности в строительство, промышленное производство или при инвестированиях на принципах «бай-бэк».

Следует иметь в виду, что если иностранному инвестору предоставлена правовая защита, то все вопросы, связанные с разрешением споров, возникающих в связи с осуществлением иностранного инвестирования на территории Ирана, рассматриваются в иранских судебных органах.

В случае предоставления иностранному инвестору правовой защиты, его имущество не подлежит принудительному изъятию, в том числе реквизиции, национализации, за исключением случаев, затрагивающих национальные интересы ИРИ.

При вступлении в силу в Иране новых законодательных или иных нормативных актов, которые могут привести к отмене заключенных финансовых договоренностей об инвестировании иностранного капитала в ИРИ, а также к экспроприации имущества, иностранному инвестору гарантируется правовая защита. В этом случае страховые убытки и компенсация возмещаются иранским правительством, которое заранее определяет пределы допустимых гарантийных сумм. Производимые компенсационные выплаты равняются реальной стоимости инвестированных средств и выплачиваются непосредственно перед изъятием данного имущества. Любого рода обращение за компенсационной выплатой должно быть направлено в течение одного года после даты реквизиции или национализации имущества в Комиссию по привлечению и защите иностранных инвестиций.

Иностранный капитал не пользуется правовой защитой иранского государства в следующих случаях:

1. При условии, что он привлекается в те отрасли экономики, в которых запрещена деятельность частных национальных компаний;

2. Если он влечет за собой возникновение монопольного права или особых привилегий;

3. Когда иностранные инвестиции не являются полностью частными и в них участвует иностранное государство.

Регулирование вложения, ввоза и вывоза иностранного капитала

При осуществлении процедур ввоза, вывоза и движения иностранного капитала курс твердой валюты должен соответствовать официальному курсу национальной валюты. Это может быть плавающий курс, который определяется Центральным Банком ИРИ.

Основной иностранный капитал и полученные с него проценты, а также оставшиеся на территории ИРИ отдельные части основного иностранного капитала могут быть переведены за рубеж при условии оповещения Комиссии по привлечению и защите иностранных инвестиций (КПЗИИ) за 3 месяца до этого и последующего выполнения обязательств и необходимых процедур, в том числе получения одобрительной санкции КПЗИИ и министра экономики и финансов.

Полученные в ходе иностранного инвестирования доходы и прибыль могут быть переведены за рубеж после выполнения соответствующих налоговых и других процедур.

Выплаты по взносам, связанные с патентными соглашениями, технологиями «ноу-хау», техническим и инженерно-консультационным содействием, торговыми марками и т.п., могут быть переведены за рубеж также при условии получения одобрительной санкции КПЗИИ и министра экономики и финансов.

Оставшаяся в стране часть ввезенного в соответствии с разрешением на привлечение инвестиций иностранного капитала, которая не была использована по назначению, в дальнейшем не является предметом импортно-экспортного регулирования.

Принципиально новые моменты, содержащиеся в Законе о привлечении и защите иностранных инвестиций 2002 г., в сравнении с аналогичным законом 1955 г.

1. Новая редакция закона об иностранных инвестициях дает более подробное и обширное толкование прав иностранных инвесторов в ИРИ, гарантирует защиту и сохранность новых видов инвестиций, не включенных в закон 1955 года.

2. Другое принципиальное отличие заключается в том, что новый закон обеспечивает равные гарантии всем инвесторам, а в случае национализации или изъятия собственности иностранного инвестора гарантирует соответствующую компенсацию.

3. Условия компенсационных выплат при национализации или изъятии собственности, оговоренные в законах новой и старой редакции, также существенно различаются. Если в законе 1955 г. речь идет о «справедливой» выплате компенсаций, то в законе 2002 г. говорится о компенсационной выплате «на основе реальной рыночной стоимости», что является еще одним шагом в пользу прав иностранных инвесторов.

4. Порядок и условия перевода иностранным инвестором вложенного капитала и полученной с него прибыли из Ирана в свою страну в новом законе также имеют свои характерные особенности: такой перевод осуществляется в твердой валюте. Более того, расширились возможности в плане перевода из ИРИ за рубеж прибыли, полученной с иностранного капитала. В соответствии с законом 1955 г. существовали возможности перевода лишь той части прибыли, которая получена в результате экспорта продукции, однако процедуры законного вывоза из Ирана прибыли, полученной в результате инвестирования средств в производство продукции, реализуемой на внутреннем рынке ИРИ, не были прописаны. Новый закон предоставляет возможность иностранным инвесторам вывозить за рубеж прибыль, полученную не только за счет экспорта продукции, но и другую часть прибыли путем ее перевода в твердую валюту через банковскую систему ИРИ.

5. Порядок разрешения возникающих споров, оговоренный в новом законе, также имеет свои особенности. Если в прежнем законе право рассмотрения спорных вопросов предоставлялось исключительно иранским судам, то по закону 2002 г. этим правом наделяются арбитражные суды, хотя здесь имеется ряд ограничений. Обращение в арбитражный суд возможно только в том случае, если между государством, которое представляет иностранный инвестор, и Ираном подписано соответствующее двустороннее соглашение об иностранных инвестициях. Кроме того, вопрос о праве рассмотрения спора в

арбитражном суде решается лишь после получения разрешения парламента. Таким образом, арбитраж по делам, связанным с иностранными инвесторами, полностью зависит от иранских властей.

6. В соответствии с законом 2002 г. гражданство потенциального инвестора не имеет никакого значения. Учитывается лишь принадлежность самого инвестируемого капитала. Это означает, что любой иранский гражданин, в том числе покинувший страну эмигрант, может извлекать из этого закона выгоду и привлекать в ИРИ иностранные инвестиции.

7. Еще одно существенное отличие нового закона заключается в том, что он не ограничивает число потенциальных сфер, в которые могут привлекаться и обеспечиваться защитой иностранные инвестиции. Прежний закон 1955 г. гарантировал защиту иностранным инвестициям только в определенных сферах.

8. Закон 2002 г. вводит положение о привлечении в ИРИ иностранных инвестиций в таких формах, как «бай-бэк» и BOT (build-operate-transfer – «строй-управляй-передавай»), чего не было в предыдущем законе.

Перечень сохраняющихся в законе 2002 г. ограничений, оказывающих сдерживающее влияние на привлечение и защиту иностранных инвестиций

1. Существующие в сфере иностранного инвестирования ограничения содержатся не столько в самом законе об иностранных инвестициях, сколько в других законодательных актах, включая Конституцию ИРИ. Поэтому в первую очередь следует говорить о несовершенстве законодательства Ирана в целом.

2. Процесс получения разрешения на инвестирование в ИРИ достаточно сложный и длительный. Новый закон регламентирует создание большого количества ответственных органов, создает сложную схему подачи заявок и их рассмотрения различными органами, включая министра экономики и финансов.

3. Еще один непроработанный момент в законе 2002 г. связан с ограничением вовлечения иностранного инвестора в тот или иной сектор экономики Ирана (доля иностранных инвестиций в каждой отрасли не должна превышать 25%, а в каждом подсекторе, входящем в эту отрасль, – не более 35%).Поскольку подсчет процентного соотношения иностранных и внутренних инвестиций должен, согласно новому закону, производиться в

день предоставления лицензии с тем, чтобы не была превышена норма иностранных инвестиций в каждой отрасли, это вызывает неминуемые сложности. Как известно, в ИРИ отсутствует точная регулярная информация о произведенном в стране ВВП, о соотношении долей частного и государственного секторов и т.д., что не позволяет решить, какую же долю частного сектора должны составлять иностранные инвестиции.

4. Процедура рассмотрения заявок иностранных инвесторов занимает 45 дней, в то время как во многих странах она ограничивается сроком не более 7 дней, и если за этот период иностранного инвестора не проинформировали о решении в отношении его заявки, она считается принятой.

5. Нефтегазовый сектор по-прежнему остается закрытым для иностранной инвестиционной деятельности.

Практическое применение закона 2002 г.

Очевидно, что с принятием нового закона инвестиционная сфера получила значительный импульс для дальнейшего развития. Содержащиеся в нем прогрессивные положения, благоприятствующие иностранным инвесторам, способствовали увеличению притока инвестиций в Иран (за 1383 иранский год – с 21 марта 2004 по 20 марта 2005 гг. – в страну привлечено около 6 млрд. долл.)[2], став необходимой подпиткой для динамичного и поступательного развития его экономики.

В то же время имеющиеся в области иностранного инвестирования ограничения, связанные с исламским характером иранской экономической системы, продолжают оказывать сдерживающее влияние на активность иностранных инвесторов. Продолжающееся противоборство между консервативным и либерально-реформаторским лагерями иранского правящего духовенства проявляется, в том числе, и в инвестиционной сфере. Победа консервативных сил на выборах в иранский парламент (меджлис) в феврале 2004 г. была отмечена усилением контрпродуктивных тенденций в инвестиционной области. Парламент фактически блокировал реализацию двух крупнейших в истории современного Ирана (после 1979 г.) инвестиционных сделок с турецкими компаниями «Турксел» и «Тав» – стоимостью соответственно 3 млрд. и 1 млрд. долл. США.

Предыстория вопроса такова. Реформаторское правительство С.М.Хатами, рассматривая иностранные инвестиции в качестве одного из наиболее эффективных стимуляторов эконо-

мического развития страны, сделало ставку на турецких инвесторов (эта страна по объему инвестиций в ИРИ в 2004 г. входила в первую тройку): с консорциумом «ТАВ» был заключен контракт на сооружение и обслуживание двух терминалов современного аэропорта имени имама Хомейни в Тегеране (общая сумма сделки, по разным оценкам, варьируется от нескольких сот тысяч до 1 млрд. долл.), а в 2004 г. компания «Турксел» выиграла тендер на право создания в ИРИ первой частной компании мобильной связи. Консервативный парламент осенью прошлого года изменил механизм принятия решений по заключению контрактов с иностранными компаниями, взяв на себя роль определяющей инстанции в этом вопросе. Пересмотру на предмет изменения условий контрактных обязательств в первоочередном порядке были подвергнуты договоренности с турецкими компаниями. Контракт с «Турксел»ом» в октябре 2004 г. был передан в парламент на доработку, а в феврале 2005 года профильная комиссия меджлиса сократила долевое участие в проекте турецкой компании с 70 до 49%[3] и пропорциональном увеличении иранской доли. Проект контракта с принципиальной поправкой был утвержден парламентом, однако в марте 2005 г. его отклонил Наблюдательный совет и направил на доработку. Открытие первого терминала нового столичного аэропорта с мая 2004 г. (после официальной церемонии открытия с участием иранского руководства) было заморожено «из-за нерешенности вопросов безопасности»[4]. Истинная подоплека вопроса в том, что турецко-австрийский консорциум «ТАВ» частично связан с израильским капиталом. Оба проекта зависли на неопределенный срок.

Последствия «дискриминационной» политики в отношении турецких инвесторов могут быть самыми неутешительными. По оценкам правительства ИРИ, одна только задержка с «Турксел»ом» грозит обернуться убытком для иранского бюджета в размере более 560 млн. долл. С другой стороны, неуклонный рост числа абонентов мобильной связи (в 2000 г. – 490 тыс., в 2004 г. – 4 млн. 270 тысяч, в 2010 г. прогнозируется до 40 млн.) потребует значительных вложений и привлечения еще как минимум двух-трех частных операторов сотовой связи. Ущерб, причиненный Ирану в связи с приостановкой ввода в эксплуатацию нового аэропорта (планируемый пассажирооборот первого терминала – 6,5 млн. чел/год) уже исчисляется десятками миллионов долл. В случае окончательного срыва сделки с

«ТАВ» турки намерены потребовать компенсационную выплату в 15 млн. долл. При этом, по неофициальным данным, Министерство дорог и транспорта ИРИ издало директиву, предписывающую двум иранским частным компаниям компенсировать туркам 17,4 млн. долл. и взять в свои руки управление аэропортом (были намечены даже сроки его открытия – май 2005 г., но при условии прохождения этого решения через Меджлис)[5].

История с турецкими инвесторами независимо от ее окончательного исхода может нанести непоправимый ущерб инвестиционному климату в Иране, отпугнуть не только Турцию, но и других крупных инвесторов. Так, в феврале с.г. решение об уходе с иранского нефтяного рынка принял американский нефтяной гигант «Халибёртон», который ранее через свою дочернюю компанию «Ориентал» (зарегистрирована на о.Киш, Иран) выиграл тендер на освоение 9-й и 10-й фаз крупнейшего в ИРИ нефтяного месторождения «Южный Парс»[6]. До сих пор тормозится проект лицензионного производства в Иране французской компанией «Рено» автомобилей модели L90[7]. Складывающаяся негативная тенденция может парализовать практическое исполнение нового инвестиционного закона и сдерживать осуществление стоящих на повестке дня важнейших задач диверсификации и структурной перестройки иранской экономики, отхода от монопольной нефтегазовой ориентации, внедрения современных технологий, реализация которых требует притока новых инвестиций из-за рубежа.

[1] Официальная газета № 16709 от 13 июля 2002 года (полный текст нового Закона).

[2] Меджлис – не противник иностранных капиталовложений // Хамшахри, 02.02.2005.

[3] Меджлис одобрил контракт по Туркселу // Шарг, 14.02.2005.

[4] 17,4 m compensation for TAV // Иран Дейли, 07.03.2005.

[5] Там же.

[6] Халибёртон прощается с Ираном // Шарг, 01.02.2005.

[7] Реализация проекта производства автомобилей L90 затягивается // Иран, 30.01.2005.

А.А.Гурьев

К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ США И ТУРЦИЕЙ

Турция продолжает рассматривать США в качестве главного стратегического партнера в политической, экономической, военной областях, а также в сфере безопасности. Это обусловлено зависимостью Анкары от американских поставок вооружений и военной техники, поддержки Вашингтона при получении кредитов МВФ и Всемирного банка на программу стабилизации национальной экономики, лоббирования администрацией США интересов Турции для ее интеграции в Европейский Союз и обещания Белого дома предоставить турецкому бизнесу выгодные проекты и контракты в процессе послевоенного обустройства Ирака. Анкара тесно связана с Вашингтоном обязательствами и в рамках блока НАТО, который она считает единственным отлаженным механизмом обеспечения глобальной и региональной безопасности с реальной возможностью применения силы в случае необходимости.

Вместе с тем в последнее время турецко-американские отношения существенно осложнились. Вашингтон выражает недовольство по поводу недостаточной поддержки Анкарой операции в Ираке, жесткой критики действий американской администрации в процессе его послевоенного обустройства, включая подготовку, проведение и результаты парламентских выборов. Раздражение американцев вызвали неуступчивость нынешнего турецкого руководства по реализации планов усиления авиационной группировки ВВС США на базе Инджирлик, что на Средиземноморском побережье Турции, а также дислокации 18 тысяч американских солдат в приграничных с Ираком районах. Администрация США не удовлетворена сдержанной реакцией руководства Турции на предложенный ею проект «Большой Ближний Восток», раздражена расширением отношений Анкары с Москвой, Дамаском и Тегераном.

В свою очередь Анкара указывает Вашингтону на непоследовательность его линии в курдском вопросе. Несмотря на признание американцами террористической организацией Рабочей партии Курдистана (РПК) (новое название – Народный конгресс Курдистана KONGRA-GEL), США фактически отказались от проведения обещанных ранее операций против ее боевиков на севере Ирака. Вашингтон, по мнению Анкары, по сути, занял примиренческую позицию в отношении курдских экстремистов, ограничившись политико-дипломатическим давлением на эту организацию. Более того, по данным турецких спецслужб, уполномоченные американской стороной представители ведут с курдскими руководителями сепаратные переговоры, о содержании и результатах которых турецкая сторона не информируется. В турецком руководстве полагают, что таким образом американцы намерены сохранить боевой потенциал организации для его возможного использования в зависимости от развития ситуации в послевоенном Ираке, в частности, на севере этой страны.

При этом уровень и глубина возникших разногласий позволяет, на мой взгляд, говорить сегодня не столько о некоторых естественных между союзниками и партнерами «нестыковках» в оценках глобальных и региональных проблем, сколько о четко обозначенной тенденции к росту недоверия в отношениях между Анкарой и Вашингтоном.

Своеобразным катализатором усиления такой настороженности явились подготовка, проведение и последствия военной операции США против Ирака. В январе 2003 г. в разгар подготовки Вашингтона к силовой акции против Багдада Анкара настаивала на необходимости осуществления любых действий против режима Саддама Хусейна на основе решений СБ ООН и начала активную челночную дипломатию в регионе, целью которой являлось урегулирование иракской проблемы политическими средствами. В орбиту челночной дипломатии были включены Сирия, Иордания, Египет, Саудовская Аравия и Иран, а также Ирак. Был организован ряд встреч (первая из них по инициативе Турции в Стамбуле) на уровне министров иностранных дел и председателей парламентов этих стран, посвященных совместному решению иракской проблемы. Кроме того, государственный министр Турции Кюршад Тюзмен с личным посланием главы турецкого правительства посетил Ирак и имел двухчасовую беседу с Саддамом Хусейном. При-

мечательно, что в этот же период отмечалась активизация телефонной дипломатии между Анкарой и Москвой. В ходе телефонных переговоров на самом высоком уровне обсуждалось развитие ситуации вокруг Ирака, отмечались совпадение позиций России и Турции относительно путей урегулирования кризиса, необходимость координации действий двух стран по этой проблеме, значимость отношения стран региона к решению иракской проблемы.

В конце января 2003 г. в Анкаре впервые в заявлении лидера правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Тайипа Эрдогана прозвучала самая резкая оценка действий США в отношении Ирака. Элементарный анализ внутриполитической ситуации в Турции на тот период говорил о том, что именно Эрдоган в ближайшее время и на длительный срок возглавит турецкое правительство, учитывая имеющееся большинство представителей его партии в парламенте. Американская дипломатия, думается, из-за излишней самоуверенности недооценила этот факт, а потому не обратила должного внимания на это заявление. Эрдоган, выступая перед членами своей партии, подчеркнул, что акция, начавшаяся как борьба с международным терроризмом, вышла из всяких границ, и призвал США прислушаться к требованиям мировой общественности и сохранить мир.

Примечательно, что позицию высшего военно-политического руководства Турции относительно необходимости мирного урегулирования иракского кризиса активно поддержало население страны. Согласно результатам проведенных в тот период многочисленных социологических исследований, более 90% турецких граждан выступало против войны в Ираке. Представители 20 крупнейших общественных организаций Турции провели по всей стране массовые демонстрации и призвали США отказаться от военной операции против Ирака. Был сформирован «поезд мира», который отправился в провинцию Адана, где находится самая крупная военная база Инджирлик, используемая ВВС США и Великобритании для контроля над территорией Ирака. Председатель Великого национального собрания Турции Бюлент Арынч встретился с группой сторонников политико-дипломатических методов урегулирования ситуации вокруг Ирака. По итогам встречи он заявил, что турецкий парламент сделает все, чтобы страна не была втянута в военную операцию против Ирака.

Тем не менее Вашингтон продолжал предпринимать попытки склонить Турцию к широкомасштабному участию в военной акции против Ирака. Возросла интенсивность двусторонних контактов и переговоров. Одним из важных этапов такой работы следует рассматривать визит в феврале 2003 г. в США министра иностранных дел Турции Яшара Якыша. К этому времени американские военные эксперты сделали окончательный вывод о том, что «только полномасштабная поддержка Турцией силовой акции против Ирака может оказаться решающим условием быстрого и полного успеха Пентагона». Важнейшим же компонентом такой поддержки должна была стать дислокация на турецкой территории воинского контингента США для открытия «северного фронта». В соответствии со статьей 92 конституции Турции вопросы объявления войны, направления войск за границу, а также дислокации на турецкой территории иностранных военнослужащих входят в прерогативу парламента республики. Об этом в одном из своих заявлений напомнил и президент Турецкой Республики Ахмет Недждет Сезер.

Переговоры Якыша в США были сложными. Американцам не удалось склонить турецкую сторону к выполнению своих требований, хотя в ходе переговоров Вашингтон задействовал мощный финансовый рычаг. Президент США Буш пообещал предоставить Анкаре безвозмездные субсидии в размере 6 млрд. долл. и гарантии коммерческих кредитов на сумму 20 млрд. долл. Тем не менее глава турецкого внешнеполитического ведомства по возвращении из США заявил, что прохождение решения о размещении американских войск на турецкой территории будет очень сложным.

Предложения Вашингтона были тщательно обсуждены на многочасовом заседании правительства Турции. Заместитель премьер-министра страны Мехмет Али Шахин, давая оценку состоявшимся дебатам, заявил, что Турция извлекла урок из войны в Персидском заливе 1991 г. и не желает снова быть жертвой в результате военной акции США против Ирака. Напомним, что поддержка в ней американцев обернулась для Турции только материальными убытками, в т.ч. в экологической сфере, на общую сумму в 50 млрд. долл. Вашингтон неоднократно обещал компенсировать потери, однако и сегодня, спустя 14 лет, обещания так и остались на бумаге. Наученная горьким опытом Анкара заявила о необходимости направления

в этот раз США пакета условий, включающих политические, экономические и военные требования Турции. Только после получения на него определенного ответа в письменном виде турецкая сторона считала бы возможным для себя приступить к обсуждению вопроса о размещении на территории страны американских войск. Наряду с этим лидер правящей ПСР Р.Т.Эрдоган, выступая перед жителями черноморского города Ризе, заявил, что этот вопрос должен рассматриваться в рамках международного права и резолюций СБ ООН.

Однако, несмотря на целый ряд «осечек» в процессе подготовки Турции к принятию позитивного для США решения по вопросу дислокации своих войск на турецкой территории для участия в военной операции против Ирака, Вашингтон продолжал «лобовое» давление с целью добиться выполнения своих требований. В результате проект закона о разрешении на дислокацию американских войск на турецкой территории был внесен 1 марта 2003 г. на голосование в парламент. Законопроект не набрал требуемого в соответствии с конституцией страны для его одобрения абсолютного большинства голосов депутатов. О неожиданности для американской администрации такого итога голосования говорит тот факт, что ведущие телеканалы США CNN, MSNBC, Fox News после окончания дебатов в турецком парламенте, не дожидаясь окончательного объявления результатов, поспешили сообщить о «большом успехе команды Буша».

Крупнейшие турецкие средства массовой информации, в частности, газета «Миллиет», охарактеризовали голосование как «холодный душ для Вашингтона»[1], назвав его историческим свидетельством того, что Турция умеет отстаивать свои истинные национальные интересы. Анкара, пожалуй, впервые в истории турецко-американских отношений заставила Вашингтон уважать себя как партнера и союзника по НАТО.

Вашингтон, официально заявив об уважительном отношении к решению турецкого парламента, не удержался все же от резких высказываний в адрес политического и военного руководства Турции. Первый заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц назвал большой ошибкой отказ в размещении на турецкой территории американских войск и запрет Пентагону использовать турецкие базы для нанесения ракетно-бомбовых ударов по иракским объектам и добавил: «Нынешнее правительство Турции не знает, что делает». Турцию «неприятно по-

разило отсутствие понимания всей сложности ситуации, в которой она оказывалась в случае полного подчинения своих интересов интересам Вашингтона». Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган в ответ на заявление Пола Вулфовица разъяснил, что «Анкара не ошиблась в мерах, которые она выбрала для урегулирования иракской проблемы»[2].

Более того, США не ограничились лишь заявлениями и резкими высказываниями. Несмотря на декларацию уважительного отношения к решению турецкого парламента и обещания не применять каких-либо санкций против Турции, Вашингтон все же не удержался от ответного «укола». Конгресс США 5 марта 2003 г. принял закон о снижении таможенных пошлин на импорт ряда товаров из Пакистана, а также утвердил обычные правила торговых отношений с Сербией и Черногорией. Иными словами, американские законодатели предоставили этим странам в торговле режим благоприятствования. В то же время в отношении турецких товаров Конгресс с подачи администрации не одобрил законопроект, суть которого сводилась к введению специальных пониженных таможенных пошлин на импорт товаров, произведенных в так называемых промышленных зонах Турции, хотя предварительная договоренность об этом уже имелась.

Наряду с этим специалисты обратили внимание на значительное падение курса турецкой лиры и главного индекса на крупнейшей в стране Стамбульской фондовой бирже. Был отмечен также ощутимый сброс западными инвестиционными фондами ценных бумаг турецких компаний. Ряд независимых турецких экспертов сделал вывод, и не без оснований, что против турецкой национальной валюты за неустраивающее Вашингтон решение парламента Турции началась акция финансового возмездия. Кто обладает необходимыми рычагами и возможностями, чтобы дирижировать подобной акцией в международных финансовых организациях, думается, понятно.

Кроме этого, в мае 2003 г. посол США в Анкаре Роберт Пирсон передал в турецкий МИД ноту, в которой отмечалось, что Вашингтон недоволен деятельностью руководства генерального штаба вооруженных сил Турции. В документе отмечалось, что расположенные в соответствии с предварительной договоренностью в Северном Ираке турецкие подразделения не оказывают помощи американским войскам. Раздражающими и недопустимыми, по мнению Пентагона, являются также по-

стоянные требования к американскому военному руководству информировать турецкий генштаб о ситуации в Северном Ираке и напоминания об обязательствах Вашингтона по урегулированию курдской проблемы в этом районе. Начальник генштаба Турции армейский генерал Хильми Озкек, отвечая на критику Вашингтона, заявил, что приложит все усилия для сохранения стратегического партнерства с США. Вместе с тем он подчеркнул: «Наступили другие времена и условия, мир изменился. И это должны осознать наши партнеры».

Эксперты обратили внимание на массированную критику Вашингтоном правительства Турции, которое, по мнению американцев, «не знает, что делает», и турецких вооруженных сил, представители которых «излишне раздражают военное руководство США в Ираке». Они полагают, что это было связано с попытками Вашингтона продемонстрировать Анкаре возможные для нее тяжелые последствия несговорчивости высшего военно-политического руководства Турции в вопросе полномасштабной поддержки военных действий против Ирака и посеять, таким образом, напряженность в отношениях между правительством и армией Турции. В подтверждение такого вывода влиятельная британская газета «Financial Times» писала в те дни: «Потеря открытой поддержки со стороны США привела к росту напряженности между турецким правительством и военными страны». Чем может закончиться такой рост в Турции, пережившей три военных переворота, американские политтехнологи хорошо знают. Тем не менее попытка сыграть на возможных противоречиях политического и военного руководства Турции «и вставить страну, таким образом, в американскую колею отношений с Ираком» была Вашингтоном предпринята.

Конечно, в этот же период США и Турция на официальном уровне предпринимали попытки нормализовать свои двусторонние отношения. Был проведен ряд встреч и консультаций на уровне высокопоставленных сотрудников внешнеполитических и военных ведомств двух стран. Их главный итог – обещание США предметно консультироваться с Турцией по вопросам развития ситуации в Ираке. Однако все эти усилия были вновь «сведены на нет» американской стороной.

В июле 2003 г. в городе Сулеймания, что на севере Ирака, произошло неординарное событие. Впервые в истории НАТО американцы совершили вооруженное нападение на казарму с военнослужащими своего союзника по альянсу. В результате

нападения американского спецназа на турецкую миссию связи, открытую в Северном Ираке по согласованию с Вашингтоном, были арестованы 11 турецких офицеров. Они с наброшенными на головы мешками находились в плену свыше 60 часов. По мнению политологов, это «нанесло туркам, которые относятся к своим военнослужащим с глубоким уважением, тяжелую и глубокую рану». Инцидент разбирался на самом высоком уровне, включая вице-президента США Д.Чейни. «Это совершенно отвратительно», – так охарактеризовал инцидент глава турецкого правительства Р.Т.Эрдоган. «Никто не смеет оскорблять честь Турции. В этой истории проигравшей стороной стали США, а не Турция. Вашингтон, которому необходима поддержка Турции, совершил большую ошибку. С освобождением наших военнослужащих это дело не завершилось», – заявил в жесткой форме на заседании парламента страны глава турецкого дипломатического ведомства Абдуллах Гюль. По Турции вновь прокатилась волна антиамериканских митингов.

Для расследования инцидента была создана специальная турецко-американская комиссия. Официальных извинений со стороны Вашингтона за безосновательные действия в отношении турецких военнослужащих не последовало, что еще более усугубило и без того высокий уровень негативного отношения к США среди населения Турции. Совместная комиссия ограничилась лишь заявлением о необходимости улучшения координации действий представителей США и Турции в Северном Ираке с целью избежать подобных конфликтов в будущем.

Турецкие эксперты, анализируя это очередное обострение турецко-американских отношений, пришли к выводу, что оно привело к печальному концу стратегическое партнерство между Турцией и США. Известный турецкий политолог и публицист Сами Кохэн считает, что «военная операция Вашингтона против Ирака уничтожила концепцию стратегического партнерства в турецко-американских отношениях. Инцидент в североиракском городе Сулеймания вбил последний гвоздь в гроб этого партнерства».

Дальнейшее развитие ситуации в Ираке, в частности, отказ США на условиях Турции использовать турецких военнослужащих в оккупированном Ираке, а также подготовка и проведение в этой стране парламентских выборов, показали, что наладить такое взаимодействие между Анкарой и Вашингтоном действительно так и не удалось. Так, в ходе формирования

Переходного правящего совета Ирака американцы вычеркнули из его состава предварительно согласованную с турецкой стороной кандидатуру лидера Туркменского фронта Санана Ахмета Агу. А ведь эта организация представляет интересы почти полумиллиона этнически близких туркам иракских туркмен, проживающих в районе нефтяной столицы Северного Ирака города Киркук. Во время подготовки к парламентским выборам США неоднократно обещали турецкой стороне в соответствии с существующими договоренностями сохранить сложившийся в этом районе хрупкий этнический баланс между курдами, арабами, туркменами и самой малочисленной группой христиан-ассирийцев, а также до выборов предпринять конкретные меры по разоружению боевиков Народного конгресса Курдистана (KONGRA-GEL).

Однако договоренности Вашингтоном вновь не были выполнены. Это стало основанием для резких оценок турецкими руководителями действий американской администрации на иракском направлении. Турция не признала выборы справедливыми, указав на многочисленные нарушения в ходе их проведения, в частности, на ущемления прав туркменской общины. Глава турецкого правительства Р.Т.Эрдоган, выступая 1 февраля 2005 г. на заседании парламентской фракции правящей Партии справедливости и развития, где была дана оценка выборам в Ираке, вновь подверг резкой критике политику США по послевоенному обустройству Ирака. По его словам, Анкара неоднократно обращала внимание Вашингтона на необходимость более серьезного и справедливого отношения к решению этнических, религиозных и национальных противоречий между основными общинами в Ираке, которые могут привести к расчленению этого государства. Белый дом же продолжает игнорировать предостережения своего союзника. По мнению премьер-министра Турции, «если такая политика Вашингтона будет продолжаться и далее, она станет причиной широкомасштабных столкновений и значительным препятствием на пути мирного решения иракской проблемы»[3].

Рост антиамериканских настроений в Турции сегодня достиг такого уровня, что перестает быть временным явлением и становится скорее уже характерной чертой турецкого общества. Это подтверждают не только результаты многочисленных социологических исследований. Так, сегодня в Турции одной из наиболее продаваемых в истории республики книг является

роман «Металлический шторм». (В оригинале «Metal firtma», прим. автора.) В ней описываются события 2007 г. После столкновения с турецкими войсками на севере Ирака американская армия организует неожиданное нападение на Турцию, которая обращается, в конце концов, за помощью к России и Евросоюзу. Сообща они отражают атаку Америки.

Разумеется, сюжет романа – художественный вымысел, но, по мнению известного обозревателя «Christian Science Monitor» Игаля Шлейфера, «предпосылки, на которых он основан, стали настолько важной частью общественных дебатов в Турции, что порой грань между вымыслом и реальностью кажется размытой»[4]. Как сообщил корреспондент влиятельной турецкой ежедневной газеты «Radikal» Мурат Йеткин, «книгу внимательно читают в МИДе и генштабе, есть она и у всех членов правительства»[5]. Книгу прокомментировали и другие журналисты, высказав предположение, что описываемое в ней столкновение между двумя союзниками по НАТО может стать реальностью. Редактор газеты «Aksam» – одной из крупнейших в Турции Сердар Тургут в своей статье представил как реальный факт одну из посылок «Металлического шторма», а именно – члены тайного общества «Череп и кости», в которое президент Буш вступил во время обучения в Йельском университете, захватили контроль над внешней политикой США. Он также предположил, что «американские военные разрабатывают технологию, которая позволит вызывать землетрясения и, в конце концов, она будет использована против Турции»[6].

Один из американских дипломатов в Турции, пожелавший остаться неназванным, заявил: «Обычно ходким товаром является секс, а сейчас это антиамериканизм. К сожалению, над этим не стоит смеяться, потому что это действительно вредит национальным интересам как Америки, так и Турции. Мы из кожи вон лезем, пытаясь придумать, что с этим делать».

Авторы же популярного романа Бурак Турна и Оркун Учар, наоборот, полагают, что «Металлический шторм» – это их вклад в процветание Турции. Они не считают свою работу вымыслом. С их точки зрения, эта книга – больше чем роман, это философский и научный расчет.

Особенно впечатляющий момент книги, который много говорит о поразительных переменах в турецком общественном сознании, заключается в том, что Турцию от поражения в

войне с США спасают Европа и Россия, к которым турки долгие годы относились с большой долей подозрения.

И такая тенденция, вызвав беспокойство в Вашингтоне, подтолкнула американские власти к принятию конкретных мер. Госсекретарь Кондолиза Райс в ходе своего рабочего визита в феврале с.г. в Турцию обратила особое внимание ее руководителей на рост антиамериканских настроений в турецком обществе. Серьезность обеспокоенности американской стороны подтверждает и тот факт, что по инициативе администрации США в феврале с.г. создан специальный Комитет по работе с Турцией. В его задачу входит изучение природы такого негативного отношения к США в обществе одного из основных союзников и выработка путей его преодоления. Для этой работы в США был приглашен Эгемен Багыш, депутат от правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), председатель парламентской группы турецко-американской дружбы. Он считает, что непопулярная война в соседнем Ираке продолжает подогревать антиамериканские настроения в Турции, но они ничем не отличаются от неприятия политики Вашингтона на иракском направлении в других европейских и ближневосточных странах.

Однако американские представители не согласны с таким мнением. Заместитель госсекретаря США Марк Гроссман, выступая 10 февраля с.г. в Нью-Йорке на конференции Американо-турецкого общества, заявил о «тревоге и озабоченности степенью антиамериканских настроений в общественном мнении, политических кругах и средствах массовой информации Турции». Вашингтон, подчеркнул он, «ожидает от правительства Турции действенных мер по пресечению таких настроений»[7].

А вот мнение демократа Строуба Тэлбота. В команде Билла Клинтона он был «вторым номером» в госдепартаменте США. В феврале Тэлбот побывал в Турции и имел ряд важных встреч, в т.ч. с заместителем премьер-министра, министром иностранных дел Абдуллахом Гюлем и начальником генерального штаба ВС, армейским генералом Хильми Озкеком. Цель встреч и переговоров – понять причину всплеска антиамериканских настроений в Турции и помочь коллегам-республиканцам справиться с ними. Нам неизвестны рецепты, которые в этом плане предложил Белому дому Тэлбот, однако он откровенно признался, что уровень антиамериканизма в сегодняшней Турции, где он впервые побывал 32 года тому назад, поверг его в шок.

Примечательным фактом являются высказывания еще одного известного американского деятеля Ричарда Холбрука. В администрации президента Билла Клинтона он был постоянным представителем США в ООН, одним из архитекторов т.н. мирного решения проблем в Югославии, посредником в процессе кипрского урегулирования. Сегодня он политический обозреватель «Washington Post». Один из его рецептов нам стал известен. В одной из своих февральских статей он, на фоне озабоченности Вашингтона ростом антиамериканских настроений в Турции, вдруг дал оценку нынешним турецко-российским отношениям. По мнению Холбрука, «углубление отношений Москвы и Анкары, сближение России и Турции, в т.ч. в вопросах совместного решения региональных проблем, очень опасно и нежелательно для США»[8]. Он, не увязывая напрямую отношения Турции с США и Россией, прозрачно намекнул, что одной из причин антиамериканских настроений в Турции являются стабильно развивающиеся во всех областях опасные для Вашингтона российско-турецкие связи.

Ответ на подобные, мягко говоря, странные заявления – тема отдельной статьи. Сейчас же в качестве итога необходимо подчеркнуть, что США, без сомнения, были и остаются для Турции важным стратегическим партнером и союзником, как, впрочем, и Турция для США. Понятна и озабоченность сторон имеющими место разногласиями. Однако причину их все же надо искать не в Турции, которая, кстати, неоднократно доказывала верность своим союзническим обязательствам, и не в ее отношениях с другими странами.

А в Вашингтоне думают наоборот. При всей озабоченности ростом антиамериканских настроений в Турции Вашингтон все же никак не может отказаться от своего старого силового метода, который в случае необходимости применяется и в отношении союзников. В начале марта с.г. палата представителей Конгресса США по представлению Госдепартамента лишила в этом году Турцию выделенной ей ранее помощи в размере 1 млрд. долл., мотивировав это решение необходимостью использования этих средств в Ираке и Афганистане.

На наш взгляд, поможет найти источник растущего антиамериканизма хороший совет известного турецкого публициста и политолога Фикрета Била. В своем анализе нынешней ситуации в турецко-американских отношениях на страницах одной из самых влиятельных в стране газет «Миллиет» он отметил, что

«причину антиамериканизма в турецком обществе надо искать не в Турции и ее руководителях, а в политике, которую проводит нынешняя американская администрация»[9].

[1] Миллиет, Турция, 02.03.2003.

[2] Институт востоковедения РАН. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Турция в новых геополитических условиях. Материалы круглого стола, март 2004 года. М., 2004, с. 11.

[3] Телевизионный канал CNN TURK (Турция) 01 февраля 2005.

[4] Christian Science Monitor, США, 15.02.2005.

[5] Radikal, Турция, февраль 2005.

[6] Aksam, Турция, февраль 2005.

[7] Телевизионный канал NTV (Турция) 11 февраля 2005.

[8] Washington Post, США, 23.02.2005.

[9] Миллиет, Турция, 08.02.2005.

В.П.Цуканов

ЛАГОВАЯ СТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИЙ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА В ИРАНЕ (ЗА ПЕРИОД 1959–2002 гг.)

Под накоплением капитала обычно подразумевается сбережение текущего дохода и инвестирование сбереженной части с целью увеличения будущих доходов (см., например, 19, с. 302, 303). За счет накопления формируются капиталовложения в расширение основного капитала, что является необходимым условием экономического роста. Потребную и достаточную базу для своего роста экономика получает, если в результате инвестирования повышается отдача от используемых факторов производства, или, другими словами, если растет продуктивность этих факторов. Помимо капиталовложений к такого рода факторам следует отнести уровень научно-технического прогресса, численный и качественный состав рабочей силы, систему организации и функционирования рыночного механизма, географическую среду.

Было бы неправильным придавать абсолютно преобладающее значение какому-либо из названных факторов. Однако инвестиционный процесс занимает все же особое место в экономическом развитии. Так, инвестиции, взятые как запас произведенного основного капитала, материализуют в себе результаты НТП, а понимаемые как процесс вовлечения в производство свободных ресурсов, создают для НТП материальную базу. Качественные характеристики рабочей силы и ее использование также становятся одновременно и средством, и объектом для капиталовложений. Расходы государства, например, на образование – это капиталовложения в людские ресурсы, расходы студента на получение образования в частном учебном заведении – инвестиции в будущий уровень собственной квалификации. Внешнюю миграцию специалистов некоторые

называют «утечкой мозгов». Это же явление допустимо считать экспортом человеческого капитала с целью восстановления равновесия в соответствующих нормах прибыли. Инвестиционный подход в функциональной оценке многих экономических процессов получил сегодня такое широкое применение, что в некоторых случаях вообще перестала замечаться грань между капитальными затратами и расходованием средств на обычное непроизводительное потребление товаров и услуг.

Поскольку инвестиции представляют собой важнейший элемент совокупного спроса, а государство (и в развитых, и в развивающихся странах) играет в его формировании сразу две роли – регулирующего органа и инвестора, то вопрос государственного вмешательства в инвестиционный процесс остается актуальным на протяжении многих десятилетий. Опыт структурных реформ, проводимых в развивающихся странах с 70-х годов прошлого века и ориентированных на адаптацию экономик этих стран к условиям мирового рынка и мирового производства, подвел своеобразный итог многолетней дискуссии между государственниками и рыночниками. В оценке взаимодействия государства с рынком сегодня отвергнут подход, основанный на одностороннем принципе «или-или». Фактически признается, что рыночный механизм, призванный выполнять функции универсального и безошибочного регулятора экономики, в отношении самого себя регулятивными способностями не обладает. Поэтому для государства постулируется принцип взаимодействия с обратной связью: не оставлять решение экономических проблем рынку, но работать с рынком, имея в виду также и повышение эффективности самого рыночного механизма.

Уже в течение нескольких лет Всемирный банк осуществляет стратегию развития, которая направлена на борьбу с бедностью и обеспечение устойчивых темпов роста. В «Докладе о мировом развитии-2005: улучшение инвестиционного климата в интересах всех слоев населения» (подробнее см. 12) определяется новая стратегическая цель, о содержании которой можно судить уже по названию доклада. Основная идея доклада заключается в следующем. Снижение затрат и инвестиционных рисков – каждодневная забота самих компаний, заинтересованных в получении возможно большей прибыли. Однако на государство возлагается ключевая роль в формировании инвестиционного климата, по своему влиянию благопри-

ятного для всех слоев населения. Именно органы государственного управления создают такой режим для инвестиций, который приобщает к получению результатов развития не только компанию, но и работников и потребителей. Главное условие осуществления этой цели – устранение ограничений для развития конкуренции, а основное средство – производительные инвестиции.

Таблица 1

Динамика ежегодных темпов развития некоторых макропоказателей за период 1959–2003 г. (на базе цен 1997/98 г.)*

Показатели	Число лет					
	Увеличение (в %)			Уменьшение (в %)		
	Более 10%	От 5 до 10%	От 0 до 5%	От 0 до 5%	От 5 до 10%	Более 10%
1.Валовый внутренний продукт	13	11	11	5	3	1
2.Расходы на потребление в частном секторе	8	9	19	6	1	1
3.Расходы на потребление в госсекторе	15	4	9	10	2	4
4.Доход от экспорта нефти и газа (по данным торгового баланса)	19	4	6	3	4	6
5.Инвестиции частного сектора	18	7	4	2	3	10
6.Инвестиции госсектора	19	5	1	6	3	11

* Наш расчет по данным 1–5.

Инвестиционный процесс связан с экономическим ростом сложным, противоречивым образом. Ближайшим проявлением двойственности является тот факт, что сбережения как источник инвестиций и сами инвестиции по величине не совпадают. Согласно статистике национальных счетов, валовые внутренние сбережения представляют собой разницу между валовым национальным продуктом и потребительскими расходами общества (причем эта разница корректируется на величину статистических ошибок). В Иране за 2000–2003 гг. сумма валовых сбережений выражалась соответственно цифрами: 134,3; 128,2; 138,3; 153,0 трлн. реалов, а валовые внутренние вложения в основной капитал были равны 95,3; 108,8; 121,6; 133,9 трлн. риалов (в ценах 1997/98 г., см. 5). «Лишняя» по сравнению с капиталовложениями часть сбережений была израсходована для расчетов с внешним миром, другая часть могла осесть в виде товарно-материальных запасов. Различие между сбережениями и инвестициями усугубляется еще несколькими обстоятельствами. Как правило, участники процессов сбережения и инвестирования – это разные субъекты. Кроме того, сбережения функционально зависят от величины текущего дохода и доходов в прошлом, а движение инвестиций связано с колебаниями размера банковского процента и с действием механизма акселерации, когда спрос на товары конечного потребления порождает инвестиции в объеме, превышающем прирост производственного продукта. Среди ведущих макропоказателей инвестиции являются самым динамичным и самым неустойчивым из них.

Из таблицы 1 видно, что изменения умеренными темпами свойственны производству ВВП в целом и потребительским расходам в частном секторе. Распределение темпов прироста доходов от экспорта нефти и газа имеет сильный крен в сторону более высоких положительных темпов. На протяжении 44 лет 19 раз экспортная выручка нефтегазового сектора увеличивалась темпами более 10% в год, и только 6 раз сокращение притока нефтедолларов оказывалось ниже уровня 10%. Можно заключить, что интенсивность поступлений от экспорта нефти в связи с конъюнктурой мирового нефтяного рынка оказывалась для страны вполне благоприятной. Если объем поступающих нефтедолларов почти однозначно определяется ценовой ситуацией на рынке нефти, то освоение этих средств зависит от ряда других факторов, в частности, от структурного состояния экономики страны и государственной политики в области

экономического развития. Уже простое сравнение распределения потребительских и инвестиционных расходов госсектора с распределением доходов от экспорта нефти в таблице 1 по характеру частот позволяет сделать вывод, что использование нефтедолларовых поступлений в Иране в значительной мере ориентировано на обеспечение текущих расходов государства. На цели же экономического развития, согласно бюджетной статистике*, как правило, выделялось менее половины доходов от экспорта нефти Эти средства, независимо от их абсолютного и относительного размера, являются почти единственной финансовой основой для капитального строительства (в особенности, для новых капиталовложений) в госсекторе. Казалось бы, частотная картина изменений в объеме государственных инвестиций должна быть близкой к распределению темпов прироста доходов от нефти. Однако динамика инвестиционного процесса в государственном секторе выглядит весьма своеобразно и практически не отличается от распределения темпов прироста капиталовложений в частном секторе: в обоих случаях динамика тяготеет не к умеренным изменениям, а к крайним вариантам изменений. В динамическом ряде, который охватывает 44 года, положительные или отрицательные темпы прироста, по величине превышающие 10%, наблюдались около 30 раз, как в государственном, так и в частном секторе иранской экономики. Значительные колебания в темпах капитальных вложений лишают устойчивости экономическое развитие в целом. По данным Международного валютного фонда (МВФ), среднегодовой темп прироста ВВП в Иране на базе постоянных цен за период 1960–2002 гг. составил 4,6% со средним квадратическим отклонением 8,32% (см. 9, с. 10, 11). Те же самые показатели для нефтедобывающих стран региона Среднего Востока и Северной Африки (Алжир, Бахрейн, Кувейт, Ливия, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) равны соответственно 4,2% и 8,59% (см. 9, с. 10, 11). Для сравнения иранских

* Заметим, что данные о доходах и расходах государственного бюджета в Иране хронологически сравнимы только по 2001 год включительно. В 2002 г. бюджетная классификация была пересмотрена и изменена в соответствии с рекомендациями МВФ, что повлекло несопоставимость цифр с предыдущими бюджетами ни по статьям поступлений, ни по статьям платежей.

данных с цифрами по региону рассчитаем коэффициенты вариации, разделив среднеквадратическое отклонение на величину средних темпов. Для Ирана коэффициент вариации составит 1,8, а по региону в целом – 2,0. Возникает вопрос: эти показатели – большие или незначительные? Поскольку для «идеального» нормального распределения границей между однородной и неоднородной совокупностью является коэффициент вариации 0,333, то отсюда следует, что и в Иране, и в нефтедобывающих странах указанного региона колебания темпов прироста ВВП превышают норму однородности соответственно в 5,4 и 6,0 раз.

Статистика национальных счетов Ирана начинается с 1959 г. С этого момента и по настоящее время соответствующие временные ряды можно разделить на 4 периода, в границах которых происходят резкие изменения показателей, обусловливаемые появлением новых структурных факторов. Эти временные отрезки следующие.

1959–1970 гг. Проведение политики стабилизации, преодоление экономического застоя и поступательное развитие экономики в ходе индустриализации.

1971–1977 гг. В результате многократного повышения цен на нефть скачкообразно увеличиваются вложения в основной капитал, совокупный спрос расширяется намного быстрее, чем растет совокупное предложение, появляются признаки «перегрева» экономики в виде роста денежной массы и усиления инфляционных тенденций, происходит сбой в темпах экономического роста.

1978–1987 гг. После свержения шахского режима в стране устанавливается исламский республиканский строй, в ходе исламизации экономики происходит резкое усиление госсектора, война с Ираком приводит к свертыванию рыночных отношений и переходу к директивному регулированию экономических отношений, военные действия наносят значительный прямой ущерб хозяйству страны.

1989 – настоящее время. Начало реализации послевоенных программ восстановления и развития экономики, проведение структурных преобразований с целью раскрепощения рынка, большей экономической открытости и поддержки частного сектора.

Известно, что количественно инвестиции связаны с ростом производства продукции двумя характеристиками. Это – относительный объем инвестиций и приростной коэффициент капиталоемкости продукции, или, как сокращенно называют этот

показатель, капитальный коэффициент, который показывает величину инвестиционных затрат, необходимых для увеличения выпуска единицы продукции.

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста общественного продукта и доля валовых внутренних капиталовложений (ВВК) в общественном продукте*

Период, годы	С учетом сектора нефти			Без учета сектора не		
	Доля ВВОК в ВНП, %	Темп прироста ВНП, %	Коэффициент капиталоемкости	Доля ВВОК в ВВП, %	Темп прироста ВВП, %	Коэф капита
1959–1970	27,1	10,4	2,6	44,6	7,9	
1971–1977	42,9	8,9	4,7	70,6	12,8	
1978–1987	34,7	-2,2	-15,5	40,6	-8,6	
1989–2003	30,5	4,3	7,1	35,5	9,5	

* Наш расчет по данным источников 1–5.

Примечание: показатели по ВНП приведены в рыночных ценах 1997–98 г., по ВВП – в факторных 1997/98 г.

По данным таблицы 2 видно, что капитальный коэффициент подвержен значительным колебаниям, а в период, когда производство падает, величина коэффициента вообще становится отрицательной. Коэффициент со знаком минус наблюдался во время ирано-иракской войны, однако этот факт совсем не препятствовал притоку инвестиций в экономику по довольно высокой норме 34,7 от ВНП. Объяснение следует искать не только в особых условиях военного времени. Дело в том, что в странах, где финансовый рынок не очень развит и государство имеет достаточно сильные позиции для прямого вмешательства в экономику, реакция и государственных, и частных инвесторов на общую или на отраслевую конъюнктуру осуществляется крайне медленно, (см. подробнее 13). Здесь при ухудшении экономической конъюнктуры производители то-

варов и услуг не уходят с рынка, хотя по всем «цивилизованным» меркам они должны были бы свои дела ликвидировать. Из таблицы 2 видно, что приток инвестиций в экономику не останавливался ни в одном из периодов. Значительными объемами капиталовложений выделяются 70-е годы нефтедолларового бума, однако примечательно, что ненефтяной сектор иранской экономики по норме капитальных вложений стоит даже на более высоком уровне, чем страна в целом.

Валютные поступления, которые обеспечивает нефтяной сектор, помогают стране избежать и дефицита средств для оплаты импорта, и нехватки сбережений. Отсутствие валютного (внешнеторгового) ограничителя влияет на характер привлечения Ираном зарубежных инвестиций (в виде займов или прямых инвестиций). Интерес к такого рода сотрудничеству со стороны Ирана в значительной степени обусловлен стремлением внедрять в национальную экономику производства, использующие самые современные технологии. Объемы иностранных инвестиций особенно выросли в последние годы. Так, чистый приток иностранного долгосрочного капитала в 2002 и 2003 гг. составил соответственно 3,3 и 1,4 млрд. долл. (см. 5, с. 13).

Воспроизводственная структура капиталовложений характеризуется высоким удельным весом амортизационных отчислений. В целом за период 1959–2000 гг. чистые капиталовложения, т.е. средства, которые направлялись на расширение основного капитала, составили около 55% валовых инвестиций, а 45% шли в фонд амортизации. За годы, предшествовавшие революционным изменениям в Иране (1959–1977 гг.), на новое капитальное строительство в среднем направлялось 75% инвестиций, в последующее время (1978–2000 гг.) доля чистых капиталовложений снизилась до среднего уровня в 45%[*]. В иранской статистике национальных счетов отсутствуют данные о выбытии основного капитала и использовании амортизационных отчислений. Однако не будет ошибкой предположить, что рост фонда возмещения, ускорившийся с началом восстановления экономики в 1988 г., обусловлен инвестированием средств в капитал, срок службы которого предполагается не слишком долгим (см. также 14, с. 33).

[*] Здесь и далее при отсутствии соответствующей сноски все приводимые в тексте расчеты сделаны нами на базе источников 1–5.

Несмотря на доминирующие позиции иранского государства в национальной экономике, соотношение участия государства и частного сектора в инвестиционном процессе сложилось в пользу частного сектора. Его удельный вес в капиталовложениях за период 1959–1977 гг. был равен в среднем 69,5%, а за период 1978–2003 гг. доля частного сектора понизилась до 63,1%. Перестройка нормативно-правовой базы функционирования экономики в соответствии с исламскими установками, а также ирано-иракская война привели к резкому усилению экономических позиций государства и значительному ущемлению рыночных свобод, ослабив тем самым производственно-торговую деятельность частного сектора. В ходе восстановления экономики (с 1988 г.) политические и макроэкономические условия для деятельности частного сектора стали изменяться. Особенно со второй половины 90-х годов, после прихода к власти реформаторского крыла исламских политиков основным направлением экономической политики государства становится либерализация рынка и стимулирование деятельности частного сектора (см. 15, с. 7). Некоторые из принятых мер для иранских условий можно назвать без преувеличения революционными, хотя бы уже потому, что успешное проведение этих мер по ступенькам законодательного процесса потребовало от реформаторов немалого искусства в трактовке соответствующих положений иранской конституции. За последнее время получены законодательно оформленные разрешения на деятельность частных банков и страховых компаний, легализовано привлечение иностранного капитала в форме прямых инвестиций (лимит максимального иностранного участия в проекте установлен в размере 25% и в отрасли – 35%; лимитирование не распространяется на сектор нефти). Правительством отменена монополия Центрального банка на внутренние обменные операции с валютой, снижена (со 100 до 75%) квота обязательного отраслевого распределения банковских кредитов, при содействии Всемирного банка на международном рынке размещен государственный облигационный заем в валюте, разрешен вторичный рынок для государственных риаловых облигаций участия. Процесс реформирования рыночных отношений набрал темп. Затормозить его может только какой-нибудь сбой в финансовой системе, уязвимость которой растет вместе с либерализацией рынка. (Кстати, с такой ситуацией

столкнулось правительство Рафсанджани к концу 1-й половины 90-х годов).

Реформы, а также кредитная поддержка со стороны банков позволили частному сектору поддерживать участие в инвестиционном процессе в период 1988–2003 гг. на уровне 64% от общего объема капиталовложений.

Таблица 3

Материально-вещественная структура валовых инвестиций в основной капитал и относительные отличия структурных показателей

	Удельный вес структурных элементов инвестиций, %					Относительные отличия показателей по подпериодам от показателей за период 1959–2003 г., %			
	Период	Подпериод							
	1959–2003	1959–1970	1971–1977	1978–1987	1988–2003	1959–1970	1971–1977	1978–1987	1988–2003
1.Инвестиции частного сектора в машины и оборудование	38,3	45,5	47,9	25,1	40,3	18,9	25,2	-34,6	5,2
2.Инвестиции частного сектора в строительство	26,5	28,1	19,9	36,6	23,4	6,0	-24,9	38,0	-11,7
3.Инвестиции госсектора в машины и оборудование	13,0	6,8	10,6	17,4	12,7	-48,0	-18,9	33,8	-2,2
4.Инвестиции госсектора в строительство	22,2	19,6	21,6	20,9	23,6	-11,7	-2,6	-5,8	6,3

Источник: наш расчет по данным 1–5.

Примечание: показатели рассчитаны на базе рыночных цен 1997–98 г. Относительные отличия вычисляются по формуле: $(P_t/P_0-1)\times100$, где P_t – значение показателя в году t, P_0 – значение показателя в базисном году.

Технические структуры инвестиций прежде всего характеризуются удельным весом машин и оборудования, вводи-

мых в действие, их техническим уровнем. Если объем капиталовложений задан, то инвестиции будут действовать на темп прироста производства тем сильнее, чем выше доля машин и оборудования. Поэтому сравнивая динамику технической структуры инвестиций, ее можно, в известной мере, оценивать в категориях изменений «в лучшую» или «в худшую» стороны. По данным таблицы 3, в период 1959–1970 гг. структура инвестиций в частном секторе была лучше, а в госсекторе хуже, чем по стране в целом. За период 1971–1977 гг. структура в частном секторе улучшилась благодаря росту удельного веса вложений в машины и оборудование, а в госсекторе структура ухудшилась, поскольку любое капитальное строительство всегда начинается с вложения в здания и сооружения, а государство в тот период осуществляло весьма значительные инвестиционные проекты.

Если обратиться к таблице 2, то можно заключить, что некоторое снижение темпов прироста ВНП в указанный период и повышение капитального коэффициента были связаны с изменениями в технической структуре капитальных вложений. В период 1978–1987 гг. частный сектор сокращает долю инвестиций в машины и оборудование, а в государственном секторе структура перестраивается в пользу активной части инвестиций. По вполне понятным причинам инвестиции, сделанные в военное время, оказались не в состоянии предотвратить падение общественного производства в стране. В послевоенный период частный сектор стал направлять основную часть своих инвестиций в машины и оборудование, а в госсекторе возросли капиталовложения в здания и сооружения. Естественно, у страны не было ни экономических, ни финансовых возможностей держать норму капиталовложений на уровне военных лет (35,4%). Удельный вес инвестиций за период 1989–2003 гг. составил в среднем 29,2% ВНП, и экономика преодолевала спад военного времени по траектории поступательной, но не стабильной.

Некоторым непостоянством отличалась и отраслевая структура капиталовложений, которая зависит не только от природно-географических факторов, но также от политики государства в области инвестирования, и от взаимосвязанности отраслей.

Таблица 4

Распределение валовых инвестиций в основной капитал по отраслям и относительные отличия отраслевых структур

Отрасль	Удельный вес отрасли, %					Относительные отличия зателей по подпериода показателей за период 2000 г., %		
	Период	Подпериод						
	1959–2000	1959–1970	1971–1977	1978–1987	1988–2000	1959–1970	1971–1977	1978–1987
1.Сельское хозяйство	4,0	4,2	3,9	3,3	4,5	2,7	-2,8	-12,6
2.Нефть и газ	5,5	7,6	7,1	5,1	4,5	37,3	27,6	-8,7
3.Обрабатывающая и добывающая промышленность	11,7	12,2	13,6	8,0	13,3	4,0	16,6	-31,5
4.Энергетика и водоснабжение	10,0	7,3	11,1	9,4	10,4	-26,8	11,4	-5,6
5.Строительство	3,2	7,5	5,0	2,8	1,4	132,9	54,9	-13,0
6.Транспорт	11,8	15,4	10,2	10,2	13,0	31,1	-13,2	-13,9
7.Связь	2,6	1,2	4,1	2,6	2,1	-53,5	58,4	-1,7
8.Недвижимое имущество	22,9	20,8	17,0	31,5	20,2	-8,9	-25,5	37,5
9.Прочие	28,3	23,8	27,9	27,2	30,6	-15,8	-1,4	-4,3

Источники: наш расчет по данным 1.

Примечание: Показатели рассчитаны на базе цен 1997/98 г. Относительные отличия вычисляются по формуле: $(P_t/P_0\text{-}1)\times 100$, где P_t – значение показателя в году t, P_0 – значение показателя в базисном году.

Из данных таблицы 4 видно, что за период 1959–2000 гг. инвестиционные средства направлялись в основном в недвижимое имущество (22,9%), транспорт (11,8%), отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности (11,7%), энергетику и водоснабжение (10,0%).

Отраслевая структура таблицы сохраняет классификацию источника и позволяет судить о распределении инвестиций

между государственным и частным секторами весьма приблизительно. Вполне допустимо считать, что по преимуществу государственными являются инвестиции в такие отрасли, как нефть и газ, энергетику и водоснабжение, транспорт и связь. До революции удельный вес капиталовложений в эти отрасли держался на уровне 31–33%, а в период восстановления (с 1988 г.) доля соответствующих инвестиций повысилась до 43,5%. За этот подпериод вырос удельный вес вложений в сельское хозяйство, обрабатывающую и добывающую промышленность, энергетику и водоснабжение, в транспортную отрасль. В целом на уровне классификации отраслей, использованной в таблице 4, отраслевая структура инвестиций, за исключением периода военных лет, существенным образом не менялась.

Если даже норма капитальных вложений и их отраслевая структура остаются стабильными, то совсем необязательно, что производство общественного продукта будет расти поступательно и постоянными темпами. На практике между моментами, когда начинается осуществление капитальных затрат и когда начинается получение результатов, существует разрыв во времени, называемый временным лагом (или лагом).

Наличие лагов приводит к замораживанию капитальных средств, нарушению стоимостных и номенклатурных пропорций в элементах спроса и предложения и замедлению темпов экономического роста. Возникшие диспропорции иногда углубляются настолько, что снижается абсолютный уровень производства общественного продукта, причем кризис наступает и помимо воздействия каких-либо явных и скрытных внешних причин.

Возможна трактовка инвестиционного лага и под иным углом зрения. Воздействие на экономический рост инвестиций, произведенных в данный момент времени, не ограничивается этим отрезком времени, а растягивается на некоторый будущий или, что то же самое, экономический рост в данное время. Воздействие порождено капиталовложениями предыдущего периода. В общем случае, когда влияние одной переменной на другую сказывается в течение некоторого времени, во взаимосвязи между такими переменными «наблюдается распределенный во времени эффект воздействия» (13, с. 296).

Для анализа растянутого во времени эффекта используются экономические модели с распределенными лагами. (Математический и статистический аппарат построения такого рода моделей подробно излагается, например, в 16, гл. 3).

В нашей модели объясняемой переменной является производство условно чистой продукции в некоторых отраслях иранской экономики. Роль объясняющих переменных играют соответствующие отраслевые инвестиции, значения которых относятся и к текущему времени, и к годам запаздывания. Модель имеет вид:

$$y = a + b_0 \times x_t + b_1 \times x_{t-1} + ... + b_p \times x_{t-p} + \varepsilon_t ,$$

где y_t – добавленная стоимость отрасли в t-ом году;

x_t, x_{t-1}, … , x_{t-p} – капиталовложения в данную отрасль в текущем и предшествующих годах;

p – число запаздываний (например, индекс *t–6* означает, что последнее запаздывание относится к 6-му году);

коэффициенты b_1, … , b_p – числовые мультипликаторы, которые показывают воздействие текущих и лаговых капиталовложений на результат;

коэффициент *a* отражает воздействие на результат прочих, неинвестиционных факторов.

Модель основана на предположении, что влияние капиталовложений распределяется по годам неравномерно: сначала возрастает, а затем уменьшается. Для отображения такой динамики и для соответствующей трансформации исходных данных было использовано биномиальное распределение вероятностей. (Параметрические и другие характеристики биномиального распределения см. 17, с. 34). Параметр распределения и длина лага для каждой отрасли находились путем расчета модели по нескольким вариантам указанных величин. Выбор между вариантами производился на основе общепринятых статистических критериев.

Выше было отмечено, что динамика экономического развития не была поступательной. Она неоднократно менялась и в сторону повышения, и в сторону понижения под влиянием структурных перемен, которые в ряде случаев переживала не только экономика страны, но и страна в целом. Естественно, периоды, выделенные ранее в экономической динамике, были учтены и в модели. Для отображения соответствующих структурных перепадов использовались так называемые «фиктивные переменные». Эти переменные следующие: «*D1*» – имеет значение «1» для периода 1971–1977 гг., и «0» для прочих годов; «*D2*» – имеет значение «1» для периода 1978 -1987 гг., и «0» для прочих годов; «*D3*» имеет значение «1» для периода

1988 – последняя дата ряда данных, и «0» для прочих годов. Приведенные ниже результаты моделирования отвечают требованиям статистической значимости на уровне 5%-й вероятности совершения ошибки.

Для сельского хозяйства модель имеет вид:

$$y = 7183{,}6 + 6181{,}1 \times D2 + 21231{,}4 \times D3 + 0{,}634 \times x_t + 0{,}951 \times x_{t-1} +$$
$$+ 0{,}856 \times x_{t-2} + 0{,}599 \times x_{t-3} + 0{,}36 \times x_{t-4} + 0{,}194 \times x_{t-5} + 0{,}097 \times x_{t-6}$$

График 1

Примечание: Коэффициент детерминации (R^2) равен 0,894. Коэффициент средней ошибки аппроксимации 11%.

Напомним, что структуру распределенных лагов составляют коэффициенты при переменной *x* (капиталовложения). Коэффициент при x_t характеризует влияние на объем условно чистой продукции данного года тех капиталовложений, которые были сделаны в том же году. Другие коэффициенты отражают влияние инвестиций, сделанных в предыдущие годы. Если, например, 6 лет тому назад в сельское хозяйство было вложено 100 риалов, то в текущем году они добавят к условно чистой продукции отрасли 9,7 риалов (0,097×100). Сумма всех коэффициентов при переменных *x* дает величину общего эффекта

лаговой структуры. После деления каждого коэффициента на их сумму и выражения результата в процентах получают структуру в относительных величинах (см. таблицу 5).

Таблица 5

Сельское хозяйство.
Коэффициенты влияния инвестиций на производство добавленной стоимости. Период 1959–2002 гг.

Величина лага (число лет)	0	1	2	3	4	5	6
Весовой коэффициент влияния лаговой переменной	0,634	0,951	0,856	0,599	0,36	0,194	0,097
Относительный коэффициент влияния лаговой переменной (в % к сумме весовых коэффициентов	17,2	25,8	23,2	16,2	9,7	5,3	2,6

Источник: наш расчет по данным для сельского хозяйства.

Лаговая структура показывает, что капиталовложения в сельское хозяйство реализуют свою отдачу относительно быстро – приблизительно за 6 лет. Краткосрочный эффект, или результат, полученный в год осуществления инвестиций, составляет 17% общего эффекта воздействия, остальная часть полного эффекта проявляется на протяжении 6-летнего периода. Однако невозможно ожидать, что каждая единица сделанных капиталовложений реализует себя именно за 6 лет, ни больше и ни меньше. Существует средний срок реализации и, естественно, какой-то разброс вокруг среднего срока. Понятие среднего срока появляется в результате трактовки лаговой структуры в терминах распределения вероятностей. Допустимо сказать, что по данным табл. 5, отдача от единицы капиталовложений может быть получена в текущем году с вероятностью 17,2%, вероятность получения отдачи через год – 25,8%, через 2 года – 23,2%, и т.д. Здесь и возникает вопрос, каков же средний ожидаемый период получения отдачи, или, что то же самое, на протяжении какого периода в среднем инвестиции будут влиять на производство условно-чистой продукции.

График 2

Примечание: Коэффициент детерминации (R^2) равен 0,875. Коэффициент средней ошибки аппроксимации 16%.

Как отмечалось выше, модель основана на предположении, что структура лаговых коэффициентов может быть отображена биномиальным распределением вероятностей. По характеристикам, соответствующим данному распределению, был определен средний период отдачи, равный 2,1 года. Сельскохозяйственная отрасль в Иране пока еще слабо насыщена капиталом, и размер посевных площадей является главным фактором, от которого зависит объем собираемого урожая. В этих условиях наблюдаются значительные колебания периодов отдачи вокруг среднего уровня: среднеквадратическое отклонение (в дальнейшем – сигма) равно 1,75 года. Иначе говоря, колебания периода отдачи вокруг среднего уровня из расчета плюс-минус 1 сигма занимают интервал от 0,4 до 4 лет. Можно заключить, что период отдачи капиталовложений в сельском хозяйстве носит неустойчивый характер.

Для обрабатывающей и добывающей промышленности модель имеет вид:

$$y = -14807{,}5 \times D2 + 11480{,}6 \times D3 + 0{,}042 \times x_t + 0{,}127 \times x_{t-1} +$$
$$+ 0{,}232 \times x_{t-2} + 0{,}33 \times x_{t-3} + 0{,}403 \times x_{t-4} + 0{,}442 \times x_{t-5} + 0{,}45 \times x_{t-6} +$$
$$+ 0{,}431 \times x_{t-7} + 0{,}394 \times x_{t-8} + 0{,}347 \times x_{t-9} + 0{,}297 \times x_{t-10}$$

Таблица 6

Обрабатывающая и добывающая промышленность. Коэффициенты влияния инвестиций на производство добавленной стоимости. Период 1959–2000 гг.

Величина лага (число лет)	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Весовой коэффициент влияния лаговой переменной	0,042	0,127	0,232	0,33	0,403	0,442	0,45	0,431	0,394	0,347	0,297
Относительный коэффициент влияния лаговой переменной (в % к сумме весовых коэффициентов	1,2	3,6	6,6	9,4	11,5	12,7	12,9	12,3	11,3	9,9	8,5

Примечание: Наш расчет по данным 1–5.

Представляется, что модель достаточно адекватно отражает особенности промышленного развития страны за 40 лет. Все ключевые отрасли в горнорудной и обрабатывающей промышленности были созданы в результате массированных инвестиций, освоение которых (и по срокам строительства, и по срокам освоения мощностей) занимало довольно продолжительное время. По данным таблицы 6, длина лага составляет 10 лет. Динамика нормированных лаговых коэффициентов показывает, что отдача текущих инвестиций, равно и капиталовложений, которые делаются в течение трех последующих лет, имеет невысокий уровень, и половина совокупного эффекта инвестиций реализуется только через 6,3 года. Средний лаговый период оценивается в 7,8 лет, сигма (средний квадрат отклонений) – в 4,5 года. Период реализации эффекта капиталовложений в обрабатывающей и добывающей промышленности по сравнению с другими отраслями более неустойчивый. Среди причин подобной неустойчивости можно назвать чрезмерное распыление средств по инвестиционным проектам и наличие незавершенного производства в объемах, превышающих запро-

ектированные величины. Государственные программы капиталовложений на пятилетки экономического развития Ирана сейчас составляются с расчетом, чтобы в последние годы реализации плана новое капитальное строительство не начиналось, а ассигнования направлялись бы для объектов, которые находятся в стадии завершения. Так, требование сосредоточить ассигнования на незавершенном производстве зафиксировано в законах о бюджетах на 2003/04 и 2004/05 гг. (предпоследний и заключительный годы осуществления Третьего пятилетнего плана социально-экономического развития (2000/2001–2004/2005 гг.).

График 3

Примечание: Коэффициент детерминации (R^2) равен 0,796. Коэффициент средней ошибки аппроксимации 13%.

Для нефтегазовой промышленности, электроэнергетики и водоснабжения модель имеет вид:

$$y = 40809{,}5 + 29439{,}9 \times D1 - 22830{,}7 \times D2 - 9988{,}05 \times D3 +$$
$$+ 0{,}11 \times x_t + 0{,}221 \times x_{t-1} + 0{,}243 \times x_{t-2} + 0{,}194 \times x_{t-3} + 0{,}126 \times x_{t-4} +$$
$$+ 0{,}071 \times x_{t-5} + 0{,}035 \times x_{t-6} + 0{,}016 \times x_{t-7}$$

Таблица 7

Нефтяная отрасль, водо-, электро-, газоснабжение. Коэффициенты влияния инвестиций на производство добавленной стоимости. Период 1959–2002 гг.

Величина лага (число лет)	0	1	2	3	4	5	6	7
Весовой коэффициент влияния лаговой переменной	0,110	0,221	0,243	0,194	0,126	0,071	0,035	0,016
Относительный коэффициент влияния лаговой переменной (в % к сумме весовых коэффициентов	10,9	21,7	23,9	19,1	12,4	7,0	3,5	1,6

Примечание: Наш расчет по данным 1–5.

Конечно, в контексте интересующих нас вопросов нефтяная промышленность заслуживает отдельного рассмотрения. Однако данные, содержащиеся в статистике национальных счетов, исключают такую возможность. Дело в том, что отраслевые классификации в разделах производства общественного продукта и его использования не совпадают. В разделе по производству добавленной стоимости нефтяная отрасль и электро-, водо-, газоснабжение представлены отдельными позициями, а в разделе по использованию общественного продукта под одной рубрикой даются уже капиталовложения в нефтяную и газовую отрасль. Статистическое соответствие данных обеспечивается, если укрупнить группировку и две указанные отрасли включить в одну позицию. По своему содержанию образованная группа будет не совсем однородной: нефтяная промышленность – это добывающая высокодоходная отрасль, электро-, водо-, газоснабжение относится к инфраструктурной затратной отрасли. Однако в этом объединении доминирует нефтяная отрасль, и структура лага капиталовложений в большой степени формируется именно под ее влиянием.

По данным таблицы 7, 56,5% общего эффекта капиталовложений реализуется в течение 3 лет. Естественно, такую быструю отдачу не могут иметь инвестиции, сделанные в электро- и водоснабжение, где уровень рентабельности намного ниже, чем в нефтяной промышленности. Средний срок реализации капиталовложений (2,5 года) также отражает по преимуществу особенности функционирования нефтяной отрасли, прибыльность которой определяется (пока еще высокой) дифференциальной рентой и конъюнктурой мирового нефтяного рынка. Эти факторы придают изменениям в капиталоотдаче отрасли скачкообразный характер. В уравнении модели отрицательные коэффициенты при так называемых фиктивных переменных показывают, что в период войны с Ираком нефтяная отрасль не просто оказалась в неблагоприятном положении, но испытывала на себе колоссальные отрицательные последствия военных действий. Их инерция сохранилась, по крайней мере, до 2000 г., когда цены на нефть еще не выказывали своего стремления к росту.

График 4

Примечание: Коэффициент детерминации (R^2) равен 0,420. Коэффициент средней ошибки аппроксимации 17%.

Для строительной отрасли уравнение имеет вид:

$$y = 4674{,}3 \times D2 + 8839{,}4 \times D3 + 0{,}374 \times x_t + 0{,}56 \times x_{t-1} +$$
$$+ 0{,}56 \times x_{t-2} + 0{,}467 \times x_{t-3} + 0{,}35 \times x_{t-4} + 0{,}245 \times x_{t-5} +$$
$$+ 0{,}163 \times x_{t-6} + 0{,}105 \times x_{t-7} + 0{,}066 \times x_{t-8}$$

Таблица 8

Строительство.
Коэффициенты влияния инвестиций на производство добавленной стоимости. Период 1959–2002 гг.

Величина лага (число лет)	0	1	2	3	4	5	6	7	8
Весовой коэффициент влияния лаговой переменной	0,374	0,560	0,560	0,467	0,350	0,245	0,163	0,105	0,066
Относительный коэффициент влияния лаговой переменной (в % к сумме весовых коэффициентов	12,9	19,4	19,4	16,1	12,1	8,5	5,7	3,6	2,3

Примечание: Наш расчет по данным 1–5.

Структура нормированных коэффициентов отдачи в этой отрасли отличается своеобразием. Несмотря на то, что длина лага составляет 8 лет, эффект от капиталовложений реализуется относительно быстро. По данным таблицы 9, коэффициент долгосрочного влияния достигает максимума уже на следующий год после инвестирования и на протяжении трех следующих отдача держится или на максимальном, или на близком к максимуму уровне. С учетом краткосрочной отдачи, получаемой в первом году инвестирования средств, к концу 4-го года общий эффект воздействия оказывается реализованным на 80%. Средний период отдачи составляет 3 года, что делает отрасль привлекательной для капиталовложений частного сектора.

В цепочке отраслевых связей, выстроенных по технологическим стадиям, строительство как отрасль, поставляющая продукцию конечного потребления, стоит над другими отраслями. По данным межотраслевого баланса Ирана (последняя опубликованная разработка относится к 1991 г.), суммарный коэффициент полных затрат на производство единицы стоимости продукции строительной отрасли составляет 1,964 риала, из которых 0,495 риала – прямые, а 1,469 риала – сопряженные затраты (см. 6, с. 850–855). Если учесть, что именно величина сум-

марного коэффициента косвенных затрат отражает степень связанности отрасли со всеми другими отраслями, то согласно этому критерию, строительство среди производственных отраслей в балансе окажется на первом месте. Особое положение строительства в структуре межотраслевых связей позволяет отрасли быть источником спроса на продукцию многих других отраслей экономики. Государство поэтому традиционно рассматривает развитие строительной отрасли как одно из действенных средств сокращения безработицы.

Для сектора услуг модель имеет вид:

$$y = -18540{,}6 \times D2 + 16826{,}3 \times D3 + 0{,}431 \times x_t + 0{,}646 \times x_{t-1} +$$
$$+ 0{,}581 \times x_{t-2} + 0{,}407 \times x_{t-3} + 0{,}244 \times x_{t-4} + 0{,}132 \times x_{t-5} +$$
$$+ 0{,}066 \times x_{t-6} + 0{,}031 \times x_{t-7} + 0{,}014 \times x_{t-8}$$

График 5

Примечание: Коэффициент детерминации (R^2) равен 0,917. Коэффициент средней ошибки аппроксимации 7%.

Таблица 9

Сектор услуг.
Коэффициенты влияния инвестиций на производство добавленной стоимости. Период 1959–2002 гг.

Величина лага (число лет)	0	1	2	3	4	5	6	7	8
Весовой коэффициент влияния лаговой переменной	0,431	0,646	0,581	0,407	0,244	0,132	0,066	0,031	0,014
Относительный коэффициент влияния лаговой переменной (в % к сумме весовых коэффициентов).	16,9	25,3	22,8	15,9	9,6	5,2	2,6	1,2	0,5

Примечание: Наш расчет по данным 1–5.

Сектор услуг представляет собой конгломерат подотраслей, часть из которых имеет производственный характер, а другая часть – непроизводственного назначения. Непроизводственные услуги доминируют в объеме отраслевых инвестиций, их удельный вес несколько выше и в производстве условно-чистой продукции. Капитальные средства, которые расходуются на развитие сектора услуг, влияют на темпы экономического роста не только своим прямым участием в создании общественного продукта. Инвестиции в здравоохранение, образование, социальное обеспечение поддерживают экономическое развитие еще и тем, что создают условия для адаптации к научно-техническому прогрессу, повышают качественный уровень экономического роста.

Величина лага в отрасли составляет 8 лет, и эффект влияния распределяется по годам следующим образом. Краткосрочное воздействие инвестиций в год, когда они производятся, оценивается в 16,9%, остальной эффект реализуется в долгосрочном периоде. Половина эффекта исчерпывается уже через 2,1 года. Относительно быстрая отдача инвестиций обусловлена высоким удельным весом в отрасли таких видов услуг, как оптовая и розничная торговля, ресторанно-гостиничный бизнес, сделки с недвижимостью, услуги домашних хозяйств. Эти подотрасли отличаются быстрым оборотом капитальных средств и являются основными сферами приложения частного капитала вне производственного сектора. В этих же сферах концентрируется в основном малый и средний бизнес. Для государства, которое вкладывает средства в развитие транспорта и связи и в сферу услуг, мотив прибыли не играет первостепенной роли.

Рассмотренные выше особенности инвестиционного процесса относятся к уже произведенным капиталовложениям и их влиянию на экономический рост. Другая сторона вопроса – выявление факторов, которые определяют соотношение между сбережениями и инвестициями. В этом аспекте важная роль принадлежит политике государственного регулирования, которая должна решать непростую задачу по совмещению поддержки инвестиционного процесса и экономического роста с устойчивостью цен, валютного курса и платежного баланса. Общего рецепта для равновесного совмещения названных целей регулирования не существует. Поиски оптимума ведутся, во-первых, опытным путем и, во-вторых, таким образом, чтобы меры по решению одной макроэкономической проблемы не усугубляли остроту ситуации по другим макроэкономическим характеристикам.

В настоящее время в Иране, пожалуй, самой настоятельной проблемой является снижение безработицы, еще точнее – предотвращение ее роста. Государственные программы расширения занятости, которые стали осуществляться с конца 90-х годов, хотя и не считаются слишком капиталоемкими, но все же требуют значительных финансовых средств. Согласно официальным данным, оборудование одного рабочего места для объектов указанных программ обходится в 30 млн. риалов (см. 4, с. 11), а ежегодный приток новой рабочей силы на рынок труда составляет приблизительно 600 тыс. человек (см. 4 , с. 10). Простой расчет показывает: чтобы занять 100 тыс. человек, государство должно инвестировать 3 трлн. риалов. Далее, для увеличения занятости вне рамок специализированных программ государство предприняло довольно радикальные шаги по стимулированию капиталовложений частного сектора (в среднем на 5 пунктов сокращена норма обязательных банковских резервов, понижены ставки процента для банковских кредитов, принят относительно либеральный закон о прямых налогах). Все эти меры имеют проинфляционный характер. Представляется, что в среднесрочной перспективе сдерживание роста цен в заметной степени будет принесено в жертву необходимости преодоления кризисной ситуации в сфере занятости.

Четвертый план экономического, социального и культурного развития ИРИ на период 2005/06–2009/10 гг., закон о котором принят меджлисом в августе 2004 г., главной задачей в области экономического развития называет создание «произ-

водительной экономики» (пункт «α» статьи 5 упомянутого закона; см. 8, с. 6). Производительная экономика, в понимании составителей 4-го плана, развивается на базе роста производительности всех факторов, участвующих в процессе производства. Такой подход соответствует теории неоклассического синтеза (имеется в виду синтез государственного вмешательства в экономику и рыночной конкуренции), согласно которой производство ВВП (или выпуск продукции) является функцией, как минимум, трех переменных: применяемый труд, накопленный основной капитал (накопление капитала), научно-технический прогресс (применение передовых технологий, качественное улучшение рабочей силы). В статье 5 закона о 4-м плане говорится, что к концу планового периода «доля совокупной производительности факторов производства в росте внутреннего валового продукта составит минимально 31,3%. В этой же статье закона устанавливаются и дополнительные контрольные цифры: «среднегодовой прирост производительности рабочей силы, капитала и совокупности факторов производства, как минимум, должен составить соответственно 3,5; 1,0 и 2,5%» (см. 8, с. 6).

Полагаем, приведенные цифровые данные требуют содержательного разъяснения, что касается прежде всего термина «совокупная производительность факторов производства» Если считать рабочую силу, капитал и землю «традиционными» факторами производства, то в рамках теории неоклассического синтеза совокупная производительность факторов отражает, во-первых, совместное влияние «традиционных факторов» и, во-вторых, – влияние факторов, которые не принадлежат к традиционным. К последним относят научно-технический прогресс и все прочие факторы, которые напрямую не «улавливаются» переменными «рабочая сила» и «капитал». Как таковая, экономическая трактовка понятия «совокупная производительность факторов» трудности не представляет. Сложности появляются на другом этапе анализа, а именно, когда требуется количественное измерение воздействия каждого из факторов на экономический рост.

Дело в том, что получить количественную оценку факторного влияния на экономический рост возможно только на базе определенной экономической модели, а различное моделирование одного и того же экономического процесса, как известно, не приводит к однозначным результатам. Например, согласно одной из моделей, построенной с использованием известной

функции Кобба-Дугласа (см. 10, с. 13), среднегодовой темп прироста валового выпуска продукции (категория «аутпут») за период 1989–2002 гг. составил 4,7%, в том числе за счет влияния капитала – 2,3%, рабочей силы (без учета качественной характеристики) – 1,5% и совокупной производительности факторов – 1,0%. Если пренебречь небольшой неточностью из-за округления, то сумма влияния трех указанных факторов равна по величине общему темпу прироста. Отсюда можно определить масштаб воздействия каждого фактора на формирование темпа прироста. Они будут равны: 48,9% для капитала, 31,9% для рабочей силы и 21,3 для совокупной производительности факторов (СВП). Выше мы говорили, что 4-й план развития ставит задачу доведения доли участия СВП до 31,3%. Однако эта цифра и цифра, полученная на базе модели с простой функцией Кобба-Дугласа, не могут быть сопоставлены друг с другом, поскольку неизвестно, какую модель имеет в виду Четвертый план развития. Вообще применение какой-либо иной модели может изменить структуру факторного участия весьма существенным образом. Авторы модели по функции Кобба-Дугласа предприняли попытку вместо фактора «численность занятых» использовать переменную под названием «человеческий капитал». Новый фактор – фактически та же самая численность занятых, но оцененная с учетом уровня образования рабочей силы. Расчеты, согласно видоизмененной модели, показали следующую картину. Среднегодовой темп прироста валовой продукции («аутпут») за период 1989–2002 гг. составил 4,7%, участие факторов в формировании этого темпа распределилось: 2,3% за счет вещественного капитала, 4,3% за счет человеческого капитала и минус 1,8% за счет совокупной производительности факторов (см. 10, с. 14). Вряд ли целесообразно искать какую-либо интерпретацию для отрицательной связи, обнаружившейся между вложениями в человеческий капитал и влиянием НТП. Скорее всего, здесь требуется коррекция самой модели. Иранские планирующие органы пошли на, мягко говоря, весьма смелый шаг, узаконив для эффекта НТП в качестве контрольной цифру, полученную в результате моделирования.

Авторы упомянутой выше модели использовали следующую функцию:

$Y = a_0 \times K^{a_1} \times L^{1-a_1}$, где Y – данные валового выпуска продукции (категория «аутпут»); K – основной капитал, L – количе-

ство занятых, a_0 и a_1 – параметры производственной функции, значения которых определяются на основе статистических данных с помощью корреляционных методов. Параметр a_0 трактуется как показатель влияния совокупной производительности факторов, а параметр a_1 показывает, на сколько процентов увеличивается выпуск продукции, если затраты капитала увеличиваются на 1%. Данной модели можно придать следующую интерпретацию: Y – национальный доход, K – чистые капитальные вложения в основной капитал, L – заработная плата (см. 18, с. 52–56). Тогда за период 1989–2002 гг., используя статистику национальных счетов, можно определить суммарные величины названных показателей: (млн. риалов в ценах 1997/98 г.): Y=3990552,6; K=595077,0; L=1564174,5. Оценка зарплаты носит приблизительный характер. По данным межотраслевого баланса за 1986/87 г., заработная плата составляет приблизительно 27% от валовой добавленной стоимости (см. 7, с. 2). В модель был включен благоприятный вариант оплаты труда, а именно 33,3% от суммы ВНП в постоянных рыночных ценах.

После проведения соответствующих расчетов функция получает вид: $Y=2{,}95 \times K^{0,149} \times L^{0,851}$. За период 1989–2002 г. национальный доход увеличивался в среднем на 4,2% в год, из которых, согласно этой функции, 1,4 процентных пункта прироста было получено за счет фактора капитала, 3,1 процентных пункта – за счет труда; влияние совокупной производительности факторов оценивается в минус 0,3 процентных пункта. Используя параметры найденной функции, можно оценить зависимость между капиталовооруженностью труда и его производительностью: $\frac{Y}{L} = 2{,}95 \times \left(\frac{K}{L}\right)^{0,149}$. Отсюда следует, что если увеличить капиталовооруженность труда на 10%, производительность труда поднимется всего на 1,5%. Можно представить также масштаб задачи, когда Четвертый план развития говорит о необходимости иметь прирост производительности труда от всех используемых ресурсов: 3,5% за счет рабочей силы, 1,0% за счет продуктивности капитала и 2,5% – от научно-технического прогресса (см. 8, с. 6). Другими словами, в целом производительность труда должна ежегодно расти на 7%. В контексте отмеченной выше взаимосвязи производительности и капиталовооруженности труда получить 7% прироста

производительности труда в год возможно, если капиталовооруженность ежегодно будет увеличиваться на 47,0% (7÷0,149). Конечно, такой вывод является сугубо ориентировочным. Однако независимо от этого обеспечение столь значительного запланированного прироста производительности труда требует применения трудосберегающих технологий, что может самым отрицательным образом повлиять на решение проблемы занятости.

1. Национальные счета Ирана в текущих ценах и ценах 1369 (1980/81) г. и 1376 (1997/98) г. за период 1338–1379 (1959/60–2000/01)гг. Центральный банк Ирана. Эсфанд мах 1381 (февраль-март 2003 г.). На персидском языке.

2. Краткий обзор экономического развития страны за 1380 (2001/02) г. Центральный банк Ирана. Азар мах 1381 (ноябрь-декабрь 2002 г.). На персидском языке.

3. Краткий обзор экономического развития страны за 1381 (2002/03) г. Центральный банк Ирана. Абан мах 1382 (октябрь-ноябрь 2003 г.). На персидском языке.

4. Краткий обзор экономического развития страны за 1382 г. (2003/04) г. Центральный банк Ирана. Тир мах 1383 (июнь-июль 2004 г.). На персидском языке.

5. Экономические тренды. Ежеквартальный журнал № 36. Первый квартал 1383 (2004/05) г. Центральный банк Ирана. Шахривар мах 1383 (август-сентябрь 2004 г.). На персидском языке.

6. Национальные счета за 81 (2002/03) и 82 (2003/04) гг. Центральный банк Ирана. Абанмах 1383. (Октябрь-ноябрь 2004 г.) На персидском языке.

7. Таблица «инпут – аутпут» для экономики Ирана за 1365 г. (1986 г.). Планово-бюджетная организация и Статистический центр Ирана, 1373 г. (1994/95 г.). На персидском языке.

8. Закон о Четвертом плане экономического, социального и культурного развития Исламской Республики Иран. Организация управления и планирования Мехр, 1383 (сентябрь-октябрь 2004 г.). На персидском языке.

9. Iran Statistical Yearbook. 1337. March 1998 – March 1999. Statistical Centre of Iran.

10. IMF Country Report № 04/308. Islamic Republic of Iran. Selected Issues Papers. September 2004, Washington.

11. IMF Country Report № 04/306.Islamic Republic of Iran. Staff Report for the 2004 Article 4 Consultation. August 20, 2004.

12. Доклад о мировом развитии – 2005: улучшение инвестиционного климата в интересах всех слоев населения. Обзор на русском языке. Всемирный банк. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 1994.

13. Финансирование роста. Выбор методов в изменчивом мире. Научный доклад о политике Всемирного банка. / Коллектив авторов. М.: Весь мир, 2002.

14. Арабаджян А.З. Исламская республика Иран. Экономический потенциал. М., Восточная литература, 2002.

15. Иран и Россия. Сборник статей / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Институт Востоковедения РАН. М., 2004.

16. Айвазян С.А. Основы эконометрики. В двух томах. Том 2. М.: ЮНИТИ, 2001.

17. Хастингс Н., Пикок Дж. Справочник по статистическим распределениям. М.: Статистика, 1980.

18. Костина Н.И., Алексеев А.А. Финансовое прогнозирование в экономических системах. М.: ЮНИТИ, 2002.

19. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

И.А.Новиков

ПРОБЛЕМА ПРЕСНОЙ ВОДЫ И ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ТУРЦИИ

ПО МНЕНИЮ специалистов из Лондонского института стратегических исследований, в XXI веке главной причиной войн и конфликтов будет борьба за водные ресурсы. Эксперты предупреждают, что вода, становящаяся «международным товаром», в нынешнем веке будет тем, чем в XX столетии была нефть, а в ближайшем будущем цена литра воды будет значительно выше литра бензина[1].

В различных регионах мира пресная вода действительно становится дефицитом. Сегодня около 1,7 млрд. людей более чем в 80 странах страдают от ее нехватки. Так, по данным ООН, уже к 2025 г. две трети человечества будут страдать от недостатка воды или даже безводья[2].

По мнению специалистов ООН, ситуация в дальнейшем будет только усугубляться, поскольку население планеты сейчас увеличивается примерно на 80 миллионов человек в год и темпы потребления воды за последние десятилетия выросли вдвое. Повышение уровня жизни людей[3], рост доли мясных продуктов в их рационе питания, а также изменение характера распределения атмосферных осадков по земной поверхности еще более обострят дефицит пресной воды[4].

Сегодня различают две формы проявления водного дефицита. С одной стороны, это насильственное ограничение доступа к водным ресурсам: «конфликты, связанные с использованием озер, рек или грунтовых вод – особенно там, где через них проходят политические границы»[5]. Здесь могут возникать кризисы и обостряться противоречия между общинами, регионами и государствами. Другая форма дефицита воды воспринимается общественностью не столь остро, и она выражается в том, что постепенное сокращение водных ресурсов и отсутствие необходимой гидроинфраструктуры могут привести и приводят к тому,

что ведение необходимого для жизни хозяйства становится невозможным, и поэтому население вынуждено мигрировать.

В настоящее время Ближний и Средний Восток известны своими проблемами с пресной водой, поскольку это зона преимущественно пустынного климата, с малым количеством осадков и понижающимся уровнем грунтовых вод. В то же время для этого региона характерны быстрый прирост населения и традиция силового разрешения конфликтов. Так, например, Израиль, Иордания, Ливан и Сирия получают воду из бассейна реки Иордан, в то время как палестинцы и еврейские поселенцы на ее западном берегу зависят от грунтовых вод, скрытых в недрах спорных территорий.

Как полагают эксперты, к 2025 г. положение стран Ближнего Востока, некоторых стран Центральной, Северной и Южной Африки, а также Южной Азии заметно ухудшится. В категорию стран, которые, по прогнозам, столкнутся с «абсолютным дефицитом воды»[6], попадут, в частности, Алжир, Бурунди, Израиль, Йемен, Иордания, Кувейт, Ливия, Оман, Саудовская Аравия, Сингапур, Тунис, Объединенные Арабские Эмираты, районы Индии и Китая.

Тем не менее это не означает, что данные государства неизбежно должны стать ареной или даже участниками войн за воду. В мире существуют технические, организационные и политические возможности для того, чтобы предотвратить назревающие конфликты и исправить положение дел без применения силы.

Так, на III Всемирном форуме по водным ресурсам, прошедшем в Киото (Япония) в марте 2003 г., генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура объявил о создании специальной международной организации, которая будет предупреждать и улаживать межгосударственные конфликты, возникшие из-за нехватки воды. По его словам, новой структуре предстоит «реагировать на кризисные ситуации, помогать их разрешать и вмешиваться, если об этом попросят конфликтующие стороны». Она предназначена для решения прежде всего проблем, связанных с проектами строительства новых плотин на реках, протекающих по территории разных стран и др., а так же будет заниматься и общими вопросами, в том числе разведкой подземных водоносных пластов.

Новая организация, созданная по инициативе ЮНЕСКО и Всемирного совета по проблемам пресной воды, наиболее ав-

торитетного международного органа в области управления водными ресурсами, будет оказывать услуги разного уровня и масштаба – в зависимости от природы конфликта и запросов сторон. Это могут быть технические и юридические консультации, подготовка кадров, экспертиза, посредничество и создание условий для переговоров. Ее жизнеспособность обеспечит и Арбитражный суд в Гааге, призванный разбираться прежде всего в юридических аспектах межгосударственных «водных» споров[7].

По мнению профессора Орегонского университета (США) Аарона Т.Вольфа, дефицит воды еще ни разу не был единственной причиной войны между государствами[8]. Войны из-за таких восполнимых ресурсов, как вода, и сейчас маловероятны, поскольку их нельзя просто и быстро использовать как рычаг власти[9]. В свою очередь Питер Х.Глейк[10] констатирует, что «конфликты из-за воды не ведут с неизбежностью к применению силы, более того: большинство межгосударственных конфликтов из-за воды, имевших место в истории, удавалось уладить без насилия путем переговоров, дискуссий и резолюций»[11]. Однако, как отмечает Энтони Тертон[12], вода может быть целью[13] или прямой причиной войны (тому есть исторические прецеденты: так, в седьмом столетии до н.э. царь Ашурбанипал (Ashurbanipal)[14] Ассирийский захватил колодцы, принадлежащие его арабским противникам[15]). Острота вооруженного конфликта зависит от того, является ли водоем (река) или его гидросооружения целями или инструментом.

Таким образом, водная проблема[16] на Ближнем Востоке может стать одним из основных препятствий на пути к урегулированию многочисленных региональных, внутренних и локальных конфликтов и конфликтных узлов, превратившись в неразрешимую и перманентную проблему для вовлеченных в конфликты стран региона[17]. В этом смысле невозможно игнорировать мнение людей, не понаслышке знающих проблему водных ресурсов, в частности опасения бывшего премьер-министра Израиля Ицхака Рабина, который однажды сказал: «Даже если мы справимся со всеми другими проблемами на Ближнем Востоке, не разрешив должным образом водную, наш регион взорвется»[18]. А по словам другого ближневосточного лидера, покойного короля Иордании Хусейна, «вода может ввергнуть наши страны в большую региональную войну»[19]. О потенциальных войнах на Ближнем Востоке, которые

будут разворачиваться главным образом из-за контроля над водными ресурсами, предупреждал и бывший генсек ООН Бутрос Бутрос Гали.

ООН акцентирует внимание на регионах, которые могут стать аренами споров в ближайшие годы. Наряду с привычными очагами раздора – озером Чад и реками Брахмапутра, Ганг, Замбези, Лимпопо, Меконг, Сенегал, – обращается внимание на проблемы Аракса, Иртыша, Куры, Оби. Особо опасная ситуация, по мнению экспертов этой международной организации, складывается в регионах с ограниченными водными ресурсами. Так, в четырех водных бассейнах (Арал, реки Иордан, Нил, а также Тигр и Евфрат) уже пытались делить воду, угрожая силой. Когда в 1975 г. построенная в Сирии с помощью СССР дамба перекрыла Евфрат, Ирак выдвинул свои войска к границе, и лишь вмешательство ООН предотвратило войну. В 1990 г. Ирак оказался на грани войны с Турцией, когда та уменьшила сток вод Евфрата. В 1994 г. египетские войска вошли в Судан, чтобы обеспечить контроль над Нилом, из которого пьет почти весь Египет. А вскоре Египет и Судан уже объединились против Эфиопии, решившей увеличить забор воды из Нила. В 2002 г. Израиль угрожал применить военную силу против Ливана, если тот построит плотины в верховьях реки Иордан[20].

Особенностью же ближневосточной гидрогеографии является крайне неравномерное распределение водных ресурсов. На Ближнем Востоке основные гидроресурсы находятся в северной части региона (на востоке и юго-востоке Турции, в северных частях Ирана и Ирака – в основном на территории этногеографического Курдистана) и «транспортируются» на большие расстояния в зоны дефицита воды через систему водных артерий (рек и подземных источников). Наглядным примером является речная система Месопотамии – бассейны рек Тигра и Евфрата и их притоков, являющихся жизненными артериями региона, на берегах которых возникли первые мировые цивилизации. Эта естественная гидросистема транспортирует водные ресурсы из богатых водой регионов Восточной и Юго-Восточной Анатолии (Турецкого Курдистана) и северовостока Месопотамии (Иракский и запад Иранского Курдистана) в сухую зону юга и дает, таким образом, жизнь арабским пустыням, занимающим территориально большую часть региона Ближнего Востока.

Следует отметить, что в контексте более масштабных региональных или глобальных проблем, таких как, например, арабо-израильский конфликт, проблемы воды могут при определенных условиях приобретать более резкое звучание и способствовать дополнительной эскалации напряженности. Вопросы использования речной воды изначально имеют асимметричный характер, поскольку тот, кто владеет верхним течением, контролирует весь сток и обладает более сильной позицией, что наглядно демонстрирует Турция во взаимоотношениях с Ираком и Сирией.

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы обеспечения безопасности Турции, ее взаимоотношений по водопользованию с Сирией, Ираком, а также в связи с курдской проблемой.

Дефицит водных ресурсов создавал большие проблемы в области межгосударственного водопользования Турции, Сирии и Ирака.

Кроме того, историческая вражда, вызванная смесью исторических, географических, политических, религиозных, идеологических и материальных факторов, связанных с соседними странами, а также курдская проблема и радикальный ислам только добавляют беспокойства Анкаре.

Следует отметить, что в связи с водопользованием конфликты в регионе уже случались, в том числе и с участием Турции. Когда 13 января 1990 г. турецкие гидротехники для заполнения водохранилища плотины имени Ататюрка на месяц остановили сток Евфрата в Сирию, русло реки от южных границ Турции до искусственного озера Эль-Асад в районе города Алеппо стало полностью сухим. Анкара продемонстрировала свое мощное «водяное оружие». Межгосударственные отношения между Турцией и Сирией были накалены до предела. Хотя Турция и утверждала, что приняла все необходимые меры для минимизации ущерба Сирии и Ираку, вызванного «технической необходимостью» строительства плотины, в арабском мире эти действия Турции однозначно оценивались как преднамеренное лишение арабских стран вод Евфрата. Однако и ранее односторонние действия Турции по использованию водных ресурсов не раз являлись причиной кризисов в отношениях между ней, с одной стороны, и Сирией и Ираком – с другой (например, в 1974 и 1981 годах во время строительства плотин Кебан и Каракайя) или вызывали острые дипломатические трения между этими странами.

Сирия и Ирак неоднократно обвиняли Турцию в одностороннем незаконном использовании вод Тигра и Евфрата в ущерб интересам этих стран. Анкара же даже не уведомляла их о своих новых проектах, как этого требуют международно-правовые нормы. Турция же утверждала, что эти страны получали всю необходимую информацию в рамках заседаний Совместного технического комитета, включающего представителей трех стран.

Вследствие того, что единственными оазисами сирийской пустыни являются те, которые орошаются водами, имеющими свои истоки в горах Курдистана, Сирия чрезвычайно зависима от турецких гидротехнических проектов. Необходимо добавить, что река Ефрат обеспечивает сток примерно 80% совокупных водных ресурсов сирийских рек. Сирийское руководство добивается классификации Тигра и Евфрата как «международных водных бассейнов» («международных водных путей») и настаивает на использовании их вод совместно всеми тремя сторонами по квотам, определяемым на основе «математической формулы». Со времен начала строительства плотины имени Ататюрка Сирия не раз обвиняла Турцию в нарушении духа добрососедства и причинении значительного ущерба сирийскому сельскому хозяйству, гидроэнергетике и водоснабжению.

Дамаск пытается перенести решение водной проблемы между двумя странами на международный уровень, предлагая урегулировать ее с помощью Международного суда и Международной правовой комиссии и Лиги арабских государств.

Между тем и Сирия сама не позволяет водам реки Оронт протекать к плато Амик в провинции Хатай вблизи сирийской границы, из-за этого Турция, согласно заявлениям официальных лиц, «вынуждена» использовать для ирригации района воды рек Джейхан и Сейхан, что ставит под сомнение возможность осуществления продажи воды из этих рек в соответствии с «проектом Озала». В Турции утверждают, что Сирия, имеющая на Оронте две плотины (Дестан и Махерде) и водный регулятор в городе Джизр-аль Угхур, «забирает» 90% водных ресурсов реки, «оставляя» Турции из совокупного стока в количестве 1,2 млрд. куб. метров в год лишь 120 млн. Однако и это количество воды, по мнению турков, находится под угрозой, так как строительство в Сирии на этой реке еще двух водохранилищ – Зезун и Кастун – уменьшит объем воды для Турции до 25 млн. куб. метров в год. При этом, согласно сирийско-ливанскому соглашению от 20 сентября 1994 г., Ливан, имею-

щий на Оронте два водных регулятора, использует 80 млн. куб. метров речной воды в год. Таким образом, как заявляет турецкая сторона, проблема распределения воды реки Оронт является весьма показательной, если в отношении Евфрата Сирия вместе с Ираком обвиняет Турцию (как страну, находящуюся в верховьях реки) в несправедливом использовании водных ресурсов, которое возможно благодаря привилегированному положению Турции, то в отношении Оронта Сирия сама, пользуясь своим гидрогеографическим положением, поступает точно таким же образом – использует почти все водные ресурсы реки, оставляя Турции лишь мизерную часть.

Примечательно, что Сирия имеет еще два водных конфликта – с Израилем по поводу использования водных ресурсов Голанских высот и с Иорданией из за реки Ярмук.

Нельзя не отметить наличие определенной зависимости межгосударственных отношений Турции с государствами региона от водной проблемы, которая тем не менее, является лишь одним из факторов во взаимоотношениях Анкары со своими соседями, но вольно или невольно накладывается на и так непростые отношения Турции с сопредельными государствами и в совокупности с ними представляет собой комплекс проблем, которые необходимо Анкаре решать как сегодня, так и в не столь отдаленной перспективе. Укажем хотя бы кратко основные противоречия, имеющиеся у Турции с ближайшими соседями.

Так, в частности, в турецко-сирийских отношениях существуют два источника напряженности и имели место два реальных конфликта. Как наследие Османской империи живуч сам факт турецко-арабской вражды. Вторая проблема – территориальная (провинция Хатай[21]). Дамаск требует возврата этой провинции, которая в 1939 г. была присоединена к Турции. Однако наиболее опасными конфликтными ситуациями между двумя странами являются прежде всего «проблема водных ресурсов и поддержка сирийцами турецких курдов»[22].

Кроме того, невозможно не учитывать крайне негативное отношение Сирии к турецко-израильскому сотрудничеству, в том числе и в военной сфере, которое получило свое развитие в период и в ответ (как утверждают в Анкаре) на военное сотрудничество между Сирией и Грецией[23].

Ирак также заявлял о своих исторических правах на воды Тигра и Евфрата. В отношении раздела водных ресурсов Багдад придерживался сходной с Сирией позиции о квотах на потребле-

ние водных ресурсов, определяемых на основе «математической формулы», настаивая на выделении воды Турцией в количестве не менее 700 куб. м/с вместо получаемых 500. Учитывая, что среднегодовой поток вод Евфрата составляет около 1000 куб. м/с, Турция, по мнению Ирака, должна использовать около трети этого количества, оставляя не менее 700 куб. м/с Сирии и Ираку.

Такая позиция Багдада объяснялась тем, что сооружение плотины Кебан в Турции и плотины Табка в Сирии значительно уменьшило сток реки Евфрат в Ирак, что стало причиной ее нехватки для ирригации.

Ирак открыто заявлял, что «путем реализации гидропроектов Турция хочет установить полный контроль над водами рек Тигр и Евфрат, что приведет к засухе и большому дефициту воды в Ираке и Сирии», не раз со времен строительства плотины имени Ататюрка Багдад обвинял Турцию в нарушении международного права. Так, в августе 1998 г. иракские власти заявили о возможности предъявления иска Турции, «если Анкара не откажется от планов строительства дамб на главных водных артериях региона, так как это создает дополнительные проблемы для Ирака и Сирии». Ирак ранее заявлял также о возможных судебных исках в отношении иностранных фирм, имеющих контракты в Проекте Юго-Восточной Анатолии. Однако подобные заявления являлись в большей мере реакцией на заключенное в очередной раз сепаратное соглашение об «окончательном решении» проблемы распределения вод Евфрата между Сирией и Турцией, вызывавшее беспокойство Багдада по поводу игнорирования иракских «водных интересов».

Дополнительным раздражителем в иракско-турецких отношениях стали и проведенные в 1986 и 1987 годах турецкими вооруженными силами на территории Ирака рейды против курдов, которые стали причиной возрастания напряженности между двумя странами. Другой проблемой, являющейся узлом противоречий между двумя странами, была, да и остается провинция Мосул. Эта территория, богатая нефтяными месторождениями, по мнению турецкой стороны, была потеряна ими в 1926 году, когда молодая Турецкая Республика была слаба и не смогла отстоять права на эту землю[24]. Нынешняя же ситуация в Ираке ставит перед турецкими властями больше вопросов, чем ответов. И если сейчас проблемы воды во взаимоотношениях двух стран не столь актуальны, то в ходе восстанов-

ления иракской экономики и стабилизации ситуации в стране в целом эта проблема может зазвучать с новой силой.

Таким образом, перечень угроз Турции носит многоплановый характер, ситуация осложняется еще и тем фактором, что страна «расположена в центре наиболее неустойчивой области мира – Балканы, Кавказ и Ближний Восток, которая продолжает оставаться нестабильной из-за нерешенных старых проблем, кризисов и конфликтов, которые теперь дополняются новыми»[25].

Геоэкономическое противоборство в турецко-сирийско-иракском треугольнике по поводу пресной воды наряду с извечным геополитическим соперничеством подтолкнуло эти страны к использованию курдского фактора в качестве одного из козырей в противостоянии с Анкарой. В то же время с 80-х годов вода стала стратегическим оружием в старом споре между соседями по курдскому вопросу.

Поддержка РПК, в немалой степени обусловленная водными противоречиями с Турцией, стала удобным предлогом для оправдания своей «водной стратегии» и демонстрации Турцией своего «водяного оружия». Так, с конца 80-х годов турецкое правительство, неоднократно обвиняя Сирию в нарушении Протокола к соглашению о безопасности и экономическом сотрудничестве от 17 июля 1987 года, предусматривавшего борьбу с «террористическими группами», использующими территории одной из этих стран против другой, угрожало последней уменьшением (или даже прекращением) стока реки Евфрат в Сирию, если та не прекратит помощь РПК. Премьер-министр Тургут Озал в 1988 г. заявлял: «Мы не имеем намерения сделать плохое кому-нибудь. Если мы задержим воду реки Евфрат, то вниз она не потечет, однако мы всех приведем к благоразумию». Тургут Озал заявлял также, что Турция «в один прекрасный день» перекроет Евфрат и тем самым заставит Сирию прекратить поддержку «курдских сепаратистов».

Необходимо отметить, что некоторые исследователи рассматривают конфликт в Турецком Курдистане сугубо в контексте «водной геополитики», что не лишено оснований. По мнению ведущих турецких специалистов в области «водной политики», вода стала одним из важнейших средств давления на Сирию для прекращения ею поддержки РПК и выдворения в свое время из этой страны Абдуллы Оджалана. Однако эти тактические соглашения не смогли разрешить и не разрешают

стратегических водных противоречий между Сирией и Турцией, в том числе в контексте объективной нехватки воды на Ближнем и Среднем Востоке, как не могут разрешить водную проблему Сирии. «Курдистанская вода» может остаться перманентным противоречием в сирийско-турецких отношениях и одновременно катализатором обострений курдской проблемы.

Помимо военной составляющей проблемы безопасности Турции, связанной с водопользованием в регионе, вопросы пресной воды затрагивают также политическую, экономическую, экологическую и социальную составляющие безопасности Турецкой Республики.

Вопросы экономической безопасности в контексте проблематики водных ресурсов, по турецким оценкам, являются важными для страны, поскольку экономический потенциал, который Турция перераспределяла в пользу реализации водной проблемы, оказал значительное негативное влияние на экономику государства в целом, особенно после отказа ряда международных финансовых организаций осуществлять финансирование Турции по этой проблематике. Кроме того, свое время экономические санкции против Ирака нанесли косвенный удар и по Турции; совокупные потери страны от прекращения работы иракского нефтяного месторождения Киркук/Юмурталык составили сумму в размере 32 млрд. долларов США[26].

В области экологической безопасности для Турции существуют две составляющие: научная и политическая. О них нередко упоминалось в турецких СМИ и в ходе общественных дебатов, однако в глобальном понимании данный вопрос как один из аспектов национальной безопасности политиками не рассматривался как приоритетный. Качественное ухудшение и количественный дефицит воды – единственные проблемы, которые будут рассматривать и политики, и ученые в связи с реализацией водных проектов Турцией.

Свои гидростратегические планы Турция осуществляет в рамках грандиозного Проекта Юго-Восточной Анатолии GAP (*Guneydogu Anadolu Projesi*)[27.] Этот проект стоимостью 32 млрд. долл. США[28] охватывает приблизительно 10% (78000 км^2) общей площади страны[29] и, по словам бывшего президента Турции Сулеймана Демиреля, является «крупнейшим в истории Турецкой Республики». Идея GAP, по мнению историков, может быть отнесена к создателю современ-

ной Турции Мустафе Кемалю Ататюрку, инициировавшему идею «развития Евфрата как колыбели человечества»[30].

Весь проект включает в себя создание 22 плотин, 19 крупных электростанций и предусматривает увеличение площади орошаемых земель на 1,7 млн. гектаров (1,1 млн. водами Евфрата, а 0,6 млн. – Тигра). Производство электроэнергии, по оценкам турецких специалистов, достигнет 27 млрд. киловатт-часов в год, что составит более половины всей производимой Турцией электроэнергии. Дешевая электроэнергия, производимая в Курдистане в рамках этого проекта, стимулировала в 90-х годах экономический бум и резкий рост промышленного производства в Турции. На плотину Ататюрка, одну из крупнейших в мире, являющуюся «сердцем проекта» (строительство ее обошлось Турции в 4 млрд. долл. США), приходится выработка 8,9 млрд. киловатт-часов в год. Проект посредством использования речной системы Верхней Месопотамии – Тигра и Евфрата и их притоков предусматривает также создание социально-экономической и гидроэкологической системы наиболее плодородного региона – «турецкой» части Благодатного полумесяца[31], которая полностью приходится на курдский регион. В результате осуществления Проекта GAP Турция практически всеохватно сможет контролировать весь Благодатный полумесяц.

Кроме того, идею, выдвинутую премьер-министром Тургутом Озалом еще в 1987 г., о постройке «водовода» или «трубопровода мира» для переброски излишков воды из влажных районов Турецкого Курдистана в засушливые страны Ближнего Востока (Сирию, Иорданию, Израиль и страны Персидского залива), арабские страны небезосновательно рассматривают в контексте «мечты Турции» достичь лидерства в регионе посредством экономического и политического доминирования, сделав зависимыми эти страны от «турецкой воды». Кроме того, Сирия напоминает о том обстоятельстве, что Турция, постоянно заявляя о дефиците водных ресурсов, тем не менее предлагает экспортировать воду[32].

При этом контроль над водными ресурсами рассматривается Турцией все же в качестве ключевого элемента своей «будущей мощи». Природные ресурсы в настоящем историческом отрезке времени являются инструментом политики и источником благосостояния стран, располагающих ими. Турция предпринимает шаги по монополизации водных ресурсов меж-

дуречья, противопоставляя себя арабской и иранской монополии на нефть. Турецкие генералы открыто заявляют, что, «контролируя воду (путем строительства плотин), идущую в арабские страны, Турция может контролировать арабскую политику»[33]. В 1988 г. Турция пригрозила вообще перекрыть Евфрат. Кроме того, в 1990 г. в ходе принятия в эксплуатацию дамбы имени Ататюрка премьер-министр Турции Озал заявил: «Дни бессилия Турции ушли»[34]. Правда, как будет Турция реализовывать свой обретенный потенциал, и что она от этого получит, покажет время.

Однако данная ситуация не устраивала и не устраивает руководство находящихся ниже по течению стран. Так, по их оценкам, к 2010 г. реализация GAP может привести к потере Сирией до 40% ее водных ресурсов из Евфрата, а Ираком до 90% от обеих рек.

С самого начала осуществления Проекта GAP совокупный сток Евфрата на турецко-сирийской границе уже уменьшился с 30 куб. км до менее чем 16 куб. км в год[35]. Начиная с середины 70-х годов совокупное уменьшение стока Евфрата в Сирию, вызванное наполнением в Турции водных бассейнов и т.д., составило 150 куб. км, то есть сумму, равную пятилетнему совокупному стоку Евфрата[36]. Все это угрожает амбициозным проектам Сирии и Ирака, связанным с использованием вод бассейнов Тигра и Евфрата.

По наблюдениям некоторых экспертов, воздействие парникового эффекта привело к увеличению количества лет с повышенной среднегодовой температурой и девять из них зафиксированы в данном регионе с 1988 года[37]. А любое повышение температуры влечет за собой вероятность возникновения засухи в Сирии и Ираке, что потребует повышенного водозабора пресной воды этими странами из Тигра и Ефрата, и данный факт не может не вызывать их озабоченности односторонними действиями Турции.

Необходимо добавить, что арабские страны Персидского залива, не желая попадать в зависимость от турецкой воды, ищут вместе с другими соперниками Турции на региональной арене альтернативные способы получения гидроресурсов. Так, например, Армения предлагала в свое время водный проект[38], предусматривающий продажу воды Катару посредством прокладки трубопровода от реки Аракс по территории Ирана до

участка реки Карун, откуда возьмет начало водная коммуникация Иран-Катар.

Таким образом, любой турецкий проект по использованию вод Тигра и Евфрата является определенным раздражителем для соседей и безусловно не способствует снятию напряженности в турецко-сирийско-иракских отношениях[39].

Заключение

Проблема пресной воды в рамках программы GAP действительно аккумулирует в себе военные, экономические, экологические, и социальные факторы. Водная тематика была, да и остается источником напряженности в отношениях Турции с Сирией и Ираком. Установление турецкого контроля над водными ресурсами региона следует рассматривать как своеобразный ответ на арабскую монополию в нефтяном секторе и, кроме того, как попытку правительства Турции через GAP решить курдскую проблему.

Турция, как и любая другая страна, стояла и стоит перед множеством угроз своей безопасности. Однако курдский сепаратизм может стать фактором, ставящим под угрозу турецкие амбиции в отношении реализации проекта GAP, имеющего стратегическое значение для страны. Водная проблема, на наш взгляд, стоит в ряду самых важных составляющих в стратегии обеспечения национальной безопасности Турецкой Республики на ближайшую перспективу.

[1] О.А. Молдалиев, Директор Исследовательского центра «Седеп». Еще раз о воде без воды. http://ecoin.host.net.kg/bibliodocs/ovode.htm.

[2] United Nations, Comprehensive Assessment of the Freshwater Resources of the World, Report of the Secretary-General, Commission on Sustainable Development, 4. 2. 1997, пункт 2, E/CN. 17/1997/9; через: http://www.un.org/esa/search/.

[3] Рост благосостояния: в соответствии с общей тенденцией при улучшении условий жизни расход пресной воды растет непропорционально быстро. Среднеевропейский уровень (от 200 до 300 литров пресной воды для бытовых целей на душу населения в день) превышает минимальный расход в 10–15 раз. Для обитателей же зоны Сахель, ведущих очень простой образ жизни, достаточно примерно 20 литров в день. В Северной Америке среднедушевой расход воды составляет около 500 литров в день. Растущий уровень жизни, таким образом, в первую очередь обуславливает рост потребности в пресной воде.

Шпильманн Курт Р. Причина войн для грядущего поколения? Борьба за воду. http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/iii/bibliothek/internationale-politiky2000-12/article05.html

[4] На производство тонны зерна уходит 1000 тонн воды; тонна картофеля требует 500–1500 тонн; то же количество курятины производится при помощи 3500–5700 тонн, а говядина «потребляет» от 15 000 до 70 000 тонн воды.

Тошич К., Волков К. Битва за воду. Правда.Ру.

«Потому что без воды – и ни туды, и ни сюды».24.02.2003.

http://www.kprf.ru/articles/7108.shtml.

[5] Water Wars. Privatization, Pollution, and Profit. By Vandana Shivay 2002 ISBN 0-89608-650-X. BBC News. Sunday, 9 January, 2000. Water wars and peace.

http://news.bbc.co.uk/l/hi/programmes/from_our_own_correspondent/596039.stm

[6] Brown L., Gardner G., Halweil B. Beyond Malthus, c. 39–40.

ISBN: 1-878071-45-9. 89 pages. September 1998. Worldwatch Institute.

[7] Известия, 25.04.2003. Бесценный дар или «яблоко раздора». Юрий Елдышев – заместитель главного редактора журнала «Экология и жизнь».

[8] «So, while no 'water wars' have occurred, there is ample evidence that the lack of clean freshwater has led to occasionally intense political instability and that, on a small scale, acute violence can result». Aaron T. Wolf/Jesse H. Hamner Trends in Transboundary Water Disputes and Dispute Resolution

http://www4.gve.ch/gci/GreenCrossPrograms/waterres/middleeast/wolf.html

[9] Ср.: Thomas F. Homer-Dixon Environment, Scarcity, and Violence, Princeton/Chichester 1999, c. 179.

[10] Директор Тихоокеанского института исследований проблем развития, окружающей среды и безопасности. (США) (Pacific Institute for Development, Environment, and Security).

[11] Ср.: Gleick The World's Water ..., (op. cit: прим. 8), с. 124. +См. так же. http://www.demoscope.ru/weekly/2002/077/tema05.php

[12] Anthony Richard Turton . Руководитель исследовательской группы по проблемам пресной воды в Африке (African Water Issues Research Unit -AWIRU) (Южная Африка, Кейптаун)).

[13] Turton A.R. Water Wars in Southern Africa: Challenging Conventional Wisdom, unpublished paper presented at Pretoria University, February 24, 2000, c. 2.

[14] Царь Ассирии (669–627 гг. до н.э).

[15] Example quoted in G.Kemp and R.Harkavy, Strategic Geography and the Changing Middle East. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1997, c. 101.

[16] Нодар Мосаки. Если арабы владеют нефтью, то турки владеют водой // Независимая газета, 18.01.2001.

[17] На Ближнем Востоке за последние 40 лет население снизило потребление воды с 3300 до 1250 литров в год. И там нарастает напряженность именно из-за ее нехватки.

«Потому что без воды...», 01.07.2003 http://www.kapitalist.lv/?path=l,113&st=50.

[18] Если арабы владеют нефтью, то турки владеют водой

Бывшие генсек ООН и король Иордании предупреждали, что гидропроблемы могут привести к большой войне на Ближнем Востоке. Нодар Мосаки. // Независимая газета, 18.01.2001. http://www.versti.ru/arcnumer.cfm?header=Утоление20%жажды&number=93&d=2002-08-15.

[19] Там же.

[20] Известия, 25.04.2003. Бесценный дар или «яблоко раздора». Юрий Елдышев, заместитель главного редактора журнала «Экология и жизнь».

[21] Район, прилегающий к низовьям Эль-Аси (по-турецки – Аси-Нахри), не признается сирийцами в качестве законной турецкой территории. Лежащий здесь турецкий ил (провинция) Хатай исторически известен как Александреттский санджак. Это ареал со смешанным арабо-турецким населением, во времена Османской империи входивший в Халебский вилайет (то есть кровно связанный с сирийской территорией), после распада Османской империи был включен в состав Сирии. Сирийскую территорию Лига наций передала Франции под мандатное управление. Однако во второй половине 30-х годов XX в., когда французы договорились с сирийскими арабами о скором предоставлении Сирии независимости, турки потребовали Александреттский санджак себе. Франция поначалу ответила отказом, но под давлением англичан сдалась, и низовья Оронта вместе с окрестностями Александретты-Искендеруна были переданы туркам, и с 1939 г. официально включены в состав Турции под наименованием «ил Хатай».

[22] Turkey's national security strategy. N.Cem Orekli M.A.Candidate at the Paul H. Nitze School of Advanced International Studies of the Johns Hopkins Univerity. http://www.pubinfo.gov.nc.tr/h261298e.htm

[23] Egypt Joins Greece to Counter Israeli-Turkish Bloc – At Russian Prompting? Global Intelligence Update. Red Alert. November 25, 1998. http://www.ariga.com/5759/stratfor008.htm.

[24] Fisk R. Jerusalem Draws in the Turks to Spy on Arab Foes // Independent, February 24, 1999, c. 16.

[25] Fuller G.E. Turkey's New Geopolitics: From the Balkans to Western China, G.E. Fuller and I.O. Lessor, eds. Boulder: Westview, 1993, с. 62.

[26] Sariibrahimoglu L. Arming For Peace // Jane's Defence Weekly, August 19, 1998, с. 26.

[27] Buzan B., Waever O. and De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis, с. 141.

[28] Waxman D. Turkey's Identity Crisis: Domestic Discord and Foreign Policy. Conflict Studies 311(1998), с. 16.

[29] Mufti M. Daring and Caution in Turkish Foreign Policy // The Middle East Journal, 52, № 1 (Winter 1998), с. 32–50.

[30] Quoted by Dr. I.H. Olcay Unver(GAP President), speech at GAP Seminar, Turkish Embassy, Washington, DC, February 17, 2000.

[31] Большинство событий в Библии происходит в небольшой области восточного Средиземноморья, на узкой прибрежной полоске земли, примыкающей к обширной Аравийской пустыне. Два мира – море и пустыня – разделены «Благодатным полумесяцем». Так называются плодородные земли, протянувшиеся поясом с юга от Нильской долины через влажную область на Восточном побережье Средиземного моря к плодородным землям Месопотамии с ее великими реками – Тигром и Евфратом.

«Благодатный полумесяц» – самая привлекательная область Ближнего Востока. К этим землям всегда стремились жители пустыни с юга и горные народы с севера.

[32] Турция намерена экспортировать воду в страны Ближнего Востока, 03.04.2000, № 10
http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mld_21960_ald_20126.html

[33] http://www.kapitalist.lv/7patlv-l,113&st=50

[34] Sabah, 11 temmuz, 1990.

[35] Большая игра // Великий водораздел.
WWW.EURASIA.RU/magarticle.php?id=46

[36] Нодар Мосаки. Если арабы владеют нефтью, то турки владеют водой // Независимая газета, 18.01.2001.

[37] Godrej D. Gathering Storm // New Internationalist, December 1999, с. 8.

[38] В начале февраля 1999 года Либерально-демократическая партия Армении стала инициатором «проекта века», по которому предполагается построить водный трубопровод из Армении через Иран в страны Ближнего Востока. Пустить по трубам примерно 5% стока реки Аракс. Стоимость проекта – 6 млрд. долл.

Школа целостного анализа. Выпуск 5 (1999). Выпуск 5. Раздел III. СНГ и другие. Узел 4. Битва за Кавказ.

http://kurg.rtcomm.ru/publ.shtml?cmd=sch&cat=553&vip=13

[39] This is reflected in official Turkish documents released for the media; for example, see L. Sariibrahimoglu, Arming for Peace // Jane's Defence Weekly, August 19, 1998, c. 24–43.

Е.В.Загорнова

ДРУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА: ИЗРАИЛЬСКИЕ РЕАЛИИ

Политические процессы, проходившие на Ближнем Востоке в XX веке, неразрывно связаны с противоборством арабского мира с Израилем. Открытая конфронтация арабов и израильтян на региональном уровне постепенно вовлекала в конфликт ряд сторон, одной из которых стала община друзов. Непосредственное участие друзов в вооруженных столкновениях привело к тому, что в самой общине произошел ряд трансформаций, неизменно отдаляющих ее от первоначально установленных принципов существования, разработанных идеологами вероучения. Наиболее рельефно эти изменения прослеживаются в друзской общине Израиля, чему в большей степени способствуют внешние факторы, нежели стремление самих друзов к социальным переменам.

Через год после появления Израиля на его территории насчитывалось около 14 тыс. друзов. К началу 60-х годов их численность составила 27 тыс., а к 90-м годам – 82 тыс.[1] По данным за сентябрь 2003 г., в Израиле (с учетом Голанских высот) насчитывается около 108 тыс. представителей общины, что составляет около 2% общей численности населения страны и около 10% – от национальных меньшинств[2]. Главным образом они проживают в районах Верхней и Западной Галилеи, в районе горы Кармель и на Голанских высотах. Несмотря на то, что друзы являются меньшинством среди арабского населения Израиля, в 1957 году они были признаны самостоятельной религиозной общиной, управление которой осуществляет официальный орган – Религиозный совет друзов Израиля, возглавляемый в настоящем шейхом *аль-акль* Муфаком Тарифом.

На первый взгляд, израильская община друзов ничем не отличается от общин Сирии и Ливана. По своей сути она является сравнительно закрытым обществом. Для друзов харак-

терны эндогамия, ортокузенные браки и единобрачие. Основные виды их деятельности – земледелие, ткачество, производство ковров и народные ремесла. Тем не менее само понятие «друзская община Израиля» не подразумевает под собой друзского анклава. Помимо изначально установленного деления на религиозные страты, друзы Израиля разделены на две части, политические взгляды, социально-экономическое положение и морально-этические ориентиры которых если не прямо противоположны то, по крайней мере, в значительной степени отдалены друг от друга.

Когда говорят об израильских друзах, как правило, подразумевают потомков тех представителей общины, чьи предки сотрудничали с евреями и внесли определенный вклад в создание государства Израиль. Будучи этническими арабами, первоначально они выступали на стороне палестинцев в противоборстве с «Хаганой». Однако после переговоров в 1948 году с Моше Даяном часть из них перешла на сторону израильтян и расселилась в Верхней Галилее. Неоднократно друзы выступали посредниками в вопросах выкупа еврейской земли, что давало им впоследствии возможность выбора дальнейшего места проживания для собственных семей. Многие предпочли остаться в Сирии и Ливане, но было немало и тех, кто переехал в Израиль, который гарантировал таким друзам определенные льготы в социальных вопросах. Из них сформировалось новое общество, в котором сохранился традиционный уклад жизни, но изменился политический вектор, постепенно ставший доминантой во взаимоотношениях израильских друзов с арабским миром в целом.

Являясь полноправными гражданами государства, друзы практически не голосуют за арабские партии. Первоначально избиратели отдавали предпочтение Аводе (долгое время они проходили в партии по арабскому списку), но к середине 90-х годов ситуация изменилась, и уже в 1999 году в самом крупном друзском поселении Далит эль-Кармель большинство представителей общины поддержало Ликуд[3]. В Ликуде места для друзов начали бронироваться по инициативе Менахема Бегина с 1974 года. В 1977, 1981 и 1984 годах от партии в Кнессет вошел А.Н. аль-Ядин, в 1992 году Асад Асад, в 1999 году Аюб Кара. В 2003 году от Ликуда прошли 2 друза – Маджали Ваххаба и Аюб Кара. При правительстве Эхуда Барака в 1999 году друз от партии Труда Салах Тариф был назначен министром

без портфеля. До этого Салах Тариф входил в Кнессет в 1992 и в 1996 годах. В период с 1977 по 1981 год друзы З.Атаси и Ш.Асад представляли в Кнессете партию Даш[4].

В 1963 году израильское правительство учредило Друзский религиозный суд, деятельность которого контролируется министерством по делам религии. Квалификация судей, их назначение, сроки пребывания на занимаемой должности, жалование и вознаграждение регламентируются «Законом о друзских религиозных судах» 1962 года. Под юрисдикцией суда находятся вопросы, связанные с обслуживанием и содержанием *хальв* (культовых сооружений), и распределение пожертвований, вносимых членами общины. Друзские религиозные наставники – *аджавид*ы («совершенные»)[*] сохранили за собой право регламентации социальной жизни общины, находящейся в Сирии и Ливане целиком в компетенции гражданских организаций. Одним из направлений их деятельности является обеспечение благоприятных условий для повышения уровня образования среди друзов. Обеспокоенные крайне низкими показателями в этой сфере (из 100% высшее образование имеют лишь 5%)[5], *аджавид*ы предпринимают разносторонние шаги для улучшения сложившейся ситуации. Они выступают посредниками между правительством и общиной в вопросах выделения дополнительных ассигнований на постройку и техническое обеспечение друзских учебных заведений. Не ограничиваясь непосредственно Израилем, *аджавид*ы сотрудничают с представителями зарубежных образовательных учреждений и, заключая с ними договоры, уделяют особое внимание возможности предоставления льгот для студентов. Так, в 2004 г. делегация из высокопоставленных представителей друзской общины посетила с рабочим визитом Иорданию. Ключевой темой, обсуждавшейся в ходе встречи, стала программа по выделению средств иорданским правительством для обучения друзских студентов Израиля в вузах Хашимитского королевства[6].

---

[*] На протяжении десяти веков друзы разделены на «разумных» (*аль-'укаль*) и «не ведающих» (*аль-джуххаль*). В свою очередь страта *аль-'укаль* разделена на ступени, верхнюю из которых занимает шейх *аль-'акл* (араб. *аль-'акл* – разум), за ним следуют *аль-аджавид* («совершенный»), *ад-да'и* (букв.: «призывающий», в данном случае «миссионер», «проповедник», «распорядитель»), *аль-ма'зун* («получивший разрешение») и *аль-мукассир* («представляющий истину и ею разрушающий сомнения»).

На сегодняшний день представители общины занимают достаточно прочные позиции в израильском обществе. Весомое положение друзов в политических и военных кругах лишний раз доказывает их окончательное объединение с Израилем. Первоначально друзы, не владеющие ивритом, испытывали определенные трудности в общении с евреями, но в настоящее время они свободно общаются на государственном языке. На иврите выходят друзские печатные издания, рассчитанные на широкую аудиторию. С развитием информационных технологий в Израиле появился Интернет-сайт, рассказывающий о жизнедеятельности общины, ее традициях и культурном наследии друзов[7]. Тем не менее совершенное владение друзами ивритом отнюдь не говорит о том, что арабский язык отходит у них на второй план. Он остается языком внутриобщинного общения и одной из основ религиозной идентичности друзов. Незнание арабского языка подразумевает под собой отказ от изначально установленных религиозных традиций, что совершенно неприемлемо для общины, в которой по-прежнему сохранен синкретизм ее социальной жизни с жизнью духовной[*].

Вторая часть общины – это друзы Голанских высот. Из общей площади Израиля 22,145 кв. км Голанские высоты, находящиеся на северо-востоке страны, занимают площадь 1,176 кв. км. Сегодня здесь проживают около 18 тыс. друзов. Их политические и социально-экономические ориентиры значительно отличаются от ориентиров друзов, проживающих в Израиле с момента его становления как государства. Друзы Голанских высот всячески демонстрируют свою лояльность сирийскому правительству. В период переговоров Ицхака Рабина и Шимона Переса с сирийским руководством по вопросу о возвращении Голан (1993–1996 годы) друзы проводили митинги и акции в поддержку Сирии. Они неоднократно посылали свои делегации к президенту Хафезу Асаду с просьбами добиться от Израиля возвращения Голанских высот.

---

[*] Одним из основных источников своего вероучения друзы считают «Послания мудрости» (*Раса'иль аль-хикма*), чтение которых и тем более правильное их толкование возможно лишь при совершенном владении арабским языком. Несмотря на то, что к работе с рукописями допускаются лишь «посвященные», их толкование на друзских религиозных собраниях ведется исключительно на арабском языке.

Ежегодно в поселениях Маджаль Шамс, Буката, Масада и Айн Киния проводятся мероприятия, приуроченные к дате принятия Израилем закона о присоединении Голанских высот. По установившейся традиции в этот день друзы общаются со своими родственниками, проживающими в Сирии. На вершинах холмов сопредельных государств устанавливаются громкоговорители, которые друзы используют как средство общения. Со временем один из холмов поселения Маджаль Шамс, ближе всего расположенный к сирийской границе, в простонародье стал называться «Холм крика». Израильские СМИ указывают, что эти мероприятия проходят в праздничной атмосфере с массовыми увеселительными гуляниями и развлекательными программами[8]. Однако значительная часть друзов (в основном представители старшего поколения) рассматривает этот день как дополнительную возможность обращения к сирийскому руководству с призывом принять решительные меры в разрешении вопроса Голан. По этой причине все мероприятия проходят под наблюдением полиции, которая мобилизует свои силы, опасаясь возможных столкновений и провокаций.

Социально-экономические реалии Голан таковы, что израильское правительство больше заинтересовано в их территориальных и природных факторах, нежели в использовании рабочей силы друзов. Израильтяне активно застраивают кибуцами аннексированную у сирийцев землю. На ней выращивают высококачественные сорта винного винограда, из которого на экологически чистом предприятии в Кацрине производят шампанское, красное и белое вино, целиком идущее на экспорт. Согласно друзским религиозным догмам, любая деятельность, связанная с производством алкогольных напитков, запрещена, в связи с чем, несмотря на тяжелое экономическое положение, значительная часть друзов воздерживается от трудоустройства на указанные предприятия.

Сравнительно небольшое число представителей общины работает на заводе по розливу в бутылки питьевой воды, которая поступает из единственного в своем роде источника, расположенного на озере Кинорет. Оплата труда на вышеуказанных предприятиях значительно ниже, чем оплата, установленная для евреев, что также удерживает друзов от найма на работу. Достаточно прочные позиции друзский контингент занимает в сфере туристического бизнеса, который позволяют развивать климатические и природные условия Голанских высот[9].

Друзская молодежь, проживающая на Голанских высотах, предпочитает получать образование в Сирии или выезжает для этого в страны Европы. Приоритет отдается профессиям, связанным с юриспруденцией, медициной и журналистикой. Свое нежелание обучаться в Израиле молодое поколение объясняет как политическими мотивами, так и определенной дискриминацией в образовательной сфере по отношению к неевреям. Одним из камней преткновения, как правило, становятся израильские общеобразовательные дисциплины, разработанные таким образом, что основное место в них уделяется выработке у учащегося скорее менталитета еврея, нежели полноценного гражданина многонационального государства с соответствующим сознанием.

Неоднозначным продолжает оставаться вопрос, связанный со службой друзов в армии Израиля. 3 мая 1956 года израильские власти и 16 руководителей общины подписали соглашение о призыве друзов на срочную службу. Несмотря на то, что в Израиле всеобщая воинская повинность распространяется и на женщин, друзские женщины от нее освобождены, так как приравниваются к ультраортодоксальным еврейкам. Достаточно высокий процент израильских друзов достигает в армии руководящих должностей, что в дальнейшем, безусловно, отражается на их политических карьерах и социальном благополучии. Так, все друзские депутаты Кнессета, представляющие различные партии и блоки, являются отставными военными. Аюб Кара служил в боевых частях ЦАХАЛа, в 1985 году демобилизовался в чине майора. Асад Асад закончил военную карьеру в звании подполковника. Маджали Ваххаба с 1976 по 1995 год проходил службу в десантных войсках израильской армии, вышел в отставку полковником. Его брат, Самир Ваххаба, бывший помощник Ариэля Шарона по делам национальных меньшинств – капитан в отставке.

В настоящем выходцы из общины продолжают удерживать прочные позиции в армейском руководстве страны. Друзами являются командир бригады «Гивати» Амиад Парс, координатор по правительственным делам на территориях генерал-майор Юсуф Мишлиб, начальник штаба десантных войск полковник Имад Фарес и его брат Хусейн Фарес, командующий Пограничной полицией (МАГАВ). До недавнего времени Хусейн Фарес занимал руководящую должность в созданном 30 лет назад пехотном батальоне «Хорев» (Меч), входящем в состав

Галилейской дивизии. Возглавляемый в настоящее время подполковником Муниром Амаром «Хорев» контролирует западный сектор израильско-ливанской границы. В 2001 году батальон был признан лучшим подразделением израильской армии. На его эмблеме изображены скрещенные мечи со «щитом Давида», символизирующие единство евреев и друзов[10].

Однако свыше 40% представителей общины (в основном это друзы Голан) отказываются от службы в армии. Возрастные категории так называемых отказников различны. С одной стороны, это юноши, уклоняющиеся от срочной службы, а с другой, – 30–40-летние мужчины, отказывающиеся от службы в резерве[11]. Причины для уклонения колеблются от политических до социальных, но основным фактором остается неурегулированность проблемы Голанских высот. Развитие ближневосточной ситуации может привести к тому, что друзы, проходящие службу в рядах израильской армии, будут вынуждены отстаивать интересы Израиля в территориальных спорах с Сирией, что в значительной степени удерживает друзский контингент от призыва[12]. В ряде случаев они объясняют свое нежелание призываться морально-этическими соображениями, так как не хотят воевать против палестинцев, с которыми их связывают общие этнические корни. Стараясь предупредить подобные ситуации, израильские власти зачастую идут на компромисс и предлагают друзам проходить службу во внутренних войсках. Из них формируют боевые подразделения, призванные поддерживать порядок внутри страны.

Друзы Голан используют в качестве предлога для отказа от службы в армии и религиозные причины. Как правило, они ссылаются на то, что служба в израильской армии приведет к нежелательным для них последствиям внутри общины, в жизни которой влияние религиозного фактора остается весьма значимым[*].

---

[*] Традиции, изначально установленные в израильской армии, рассчитаны на службу в ее рядах исключительно еврейского контингента, что выражается в пищевом рационе, распорядке дня и распределении отпусков. В свою очередь, для друзской общины характерны замкнутость и противостояние всякого рода внешним вмешательствам и навязыванию иных религиозных или культурных ценностей. История существования общины знает немало примеров, когда друзское духовенство выступало противником привлечения молодежи в армию иноверцев, опасаясь за «чистоту их друзизма»[13].

Безусловно, наряду с вышеперечисленными существуют и другие причины, в частности социального и личного характера, когда молодые друзы, указывая на невысокие оклады «срочников», предпочитают уклоняться от призыва*.

С начала второй Интифады численность друзов, отказывающихся от службы в армии, резко возросла. К ним применяются более жесткие меры наказания, чем к евреям, что выражается в длительности сроков заключения. В основном друзы идут по статье «дезертирство», так как в большинстве случаев просто игнорируют день призыва и призывные комиссии. С целью защиты своих прав в 1972 году представители общины создали Инициативный комитет друзов за отказ от военной службы (ИКДО). Несмотря на достаточно, если судить по названию, узкую сферу деятельности, активность Комитета выходит за рамки собственно вопроса о призыве друзов в израильскую армию. Он выступает за отмену всеобщей воинской повинности в Израиле и за прекращение вмешательства правительства в дела национальных меньшинств и религиозных объединений. Комитет также активно отстаивает интересы друзов в случаях угрозы конфискации их земель израильскими властями.

Членами Комитета являются представители различных социальных и религиозных групп. По их убеждению, обязательный призыв друзов в израильскую армию является одной из основных причин социального неблагополучия всей общины в целом. После возвращения со службы большинство друзов оказывается в невыгодном положении по сравнению с арабами, получающими в этот период образование и, как следствие, более охотно принимаемыми на работу.

К настоящему времени, несмотря на такую ситуацию, у так называемых израильских друзов с друзами Голанских высот сложились вполне ровные взаимоотношения. Не без определенной выгоды для обеих сторон они сотрудничают в сфере бизнеса. В религиозном отношении друзы, проживающие в Израиле, сохранили традиционное деление на «умудренных» (*аль-'уккаль*) и «непосвященных» (*аль-джуххаль*). Независимо

* Справедливости ради следует отметить, что недостаточное денежное довольствие рядовых военнослужащих и, как следствие, затруднительное финансовое положение их семей отталкивает от службы в армии не только друзов, но и определенную часть евреев[14].

от территории проживания духовные наставники продолжают пользоваться непререкаемым авторитетом со стороны основной массы верующих.

Политические разногласия, однако, по-прежнему раскалывают общину на две части. Факты участия друзов Голан в акциях протеста, направленных на дестабилизацию израильского общества, рассматриваются израильскими друзами как «страх перед возможностью возвращения Голанских высот Сирии». Друзские политики Израиля утверждают, что основу недоверия государству со стороны друзов Голан заложили соглашения, подписанные в Кэмп-Дэвиде (сентябрь 1978 года)[15].

Помимо всесторонних проявлений солидарности с сирийским руководством, друзы, проживающие на Голанских высотах, поддерживают тесные отношения с различными палестинскими организациями и группировками. В 2000 году после объявления палестинцами 29 сентября начала «Интифады Аль-Акса» по стране прокатилась волна массовых беспорядков. Друзы Голан участвовали в акциях протеста, выражавшихся в погромах административных зданий и поджогах лесных массивов[16].

В период с 2003 по 2004 год израильское правительство при посредничестве Германии провело серию переговоров с Высшим консультативным советом ши'итского движения «Хизбалла» по вопросу обмена военнопленными. Одним из условий обмена, выдвинутым генеральным секретарем «Хизбаллы» шейхом Хасаном Насраллой, стало освобождение израильтянами ливанского друза Самира Кунтара и нескольких друзов Голанских высот, обвиненных в «расстреле мирных жителей»[17].

Расчет на друзов как на внутреннюю дестабилизирующую силу достаточно часто используется оппонентами Израиля. Среди политических деятелей, активно ведущих диалог с представителями общины, особо выделяется лидер Прогрессивной социалистической партии Ливана (ПСП) Валид Джумблат. В 2003 г. на встрече с друзским экс-министром Израиля Салахом Тарифом он призвал друзов к отказу от службы в израильской армии, к «выработке общеарабского сознания» и к «помощи палестинским братьям»[18].

В настоящее время призывы к консолидации с палестинцами со стороны друзов становятся обыденным явлением внутриобщинной жизни. В 2004 году несколько крупных телеканалов получили видеокассету с записью обращения ассистента продюсера CNN Райада Али, похищенного палестин-

скими боевиками 27 сентября в Газе, к израильским друзам. В нем он призывал к сотрудничеству с палестинцами, отмечая при этом, что «друзы являются частью палестинского народа, и недопустимо, чтобы они воевали на стороне оккупанта против своих собратьев». После освобождения, основную роль в котором сыграло личное вмешательство Ясира Арафата, Райяд Али тем не менее заявил на пресс-конференции, что видеоматериал был записан по принуждению удерживавших его палестинцев[19]. Похищение привлекло внимание всей друзской общины Израиля.

То обстоятельство, что, похитители не выдвинули ни одного требования, привело к появлению ряда версий, ключевой из которых стала малопродуктивная попытка привлечения части друзов на сторону палестинцев. В этом убеждает и сам факт выбора фигуры похищенного. Считая себя этническим арабом, он в свое время отказался от службы в армии по политическим мотивам. По этой причине факт записи обращения под давлением палестинцев вызвал неоднозначную оценку среди друзов. Комментируя вышеуказанный инцидент, политические деятели общины отметили, что похищение Райада Али лишь укрепило преданность друзов израильскому государству, служба в армии которого для них является добровольной. Тем не менее они признали, что лояльное отношение представителей общины к Израилю регулярно подвергается нападкам со стороны его оппонентов, что может привести к нежелательным последствиям. Оценивая настоящую ситуацию, Маджали Ваххаба отметил: «Они (палестинцы) открывают фронт, который может перерасти в тяжелое кровопролитие»[20]. Таким образом, внешнее вмешательство в социальные процессы общины может стать импульсом к окончательному расколу между обеими ее частями, что негативно отразится в первую очередь на самих друзах.

[1] Статистический справочник Государства Израиль. 1997, с. 49.

[2] http://slomo-groman.narod.ru/demography/demoisrael. 31.12.2003.

[3] Рон С. На ближнем Востоке не говорят на идише. Вести-2, htmlatticles2000. 27.07.2000.

[4] Эпштейн А., Меламедов Г. «Двунациональное еврейское» государство и проблемы арабоязычного населения Израиля // Ближний Восток и современность. Вып. 20. М., 2003, с. 30–31.

[5] Smooha S. and Ghanem A. Ethnic, Religious and Political Islam among the Arabs in Israel. Research report. University of Haifa, 1998. c. 5.

[6] www.i14u.org.il/press/nu. 08.04.2004.

[7] www6.snunit.k12il/druz

[8] MIGnews.com. 14.02.2004.

[9] Беленькая М. Иногда экология мешает миру. // Независимая газета, 18.01.2001.

[10] www.russian-bazaar.com. 04.08.2004.

[11] Сандлер С. Отказ от военной службы в Израиле. http://www.israel.marxist.com/izr/obzor.htm

[12] http://www.newizv.ru 28.10.2003.

[13] Камаль С. Салиби. Очерки по истории Ливана. / Пер. с англ. Лейфертовой С.М. – М., 1969, с. 82.

[14] Симановский С. Вооруженные силы в современном Израиле // Ближний Восток и современность. Вып. 21. – М., 2004, с. 180.

[15] Рон С. Указ. соч.

[16] Эпштейн А., Меламедов Г. Указ. соч., с. 19.

[17] www.i14u.org.il/press/nu. 09.10.04.

[18] www.russian-bazar.com. 04. 08.2004.

[19] Новости Израиля, 29.09.2004.

[20] http://base.ijc.ru 07.10.2004.

Л.П.Зудина

ТУРИЗМ В АЛЖИРЕ

Алжир, как и соседние страны Магриба (Марокко, Тунис, Ливия), обладает значительным потенциалом для развития туризма по природным и по историческим объектам. Разница между соседями заключается в том, что в таких странах, как, например, Марокко или Тунис, имеющийся потенциал активно используется, и туризм здесь является важной статьей поступления твердой валюты, в то время как в Алжире он задействован крайне недостаточно.

В данной связи уместно отметить, что в Тунисе, к примеру, в последние годы туристический сектор превратился в основного поставщика иностранной валюты, который принес стране в 1999 г. более 1,5 млрд. долл. США[1]. Аналогичная картина наблюдается и в Марокко, где туризм также является одним из важнейших источников дохода. В 2000 г. он обеспечил поступление в казну 2 млрд. долл. и дал возможность получить работу 600 тыс. человек. Марокко посетили около 2,5 млн. туристов, причем их число постоянно увеличивается, а к 2010 г. правительство страны рассчитывает принять до 10 млн. иностранных туристов[2]. Небольшой по размерам, но уютный и гостеприимный Тунис принял в 1999 г. 5,9 млн. иностранных гостей, из них число туристов из Европы составило 3,5 млн. человек[3]. И в Тунисе, и в Марокко существуют специальные программы по развитию туризма.

Хотя статистические сведения, касающиеся развития туризма в Алжире, довольно скудны, они все же дают возможность составить общее представление о состоянии отрасли. Так, в 1999 г., по официальным данным министерства по делам туризма, страну посетили около 755,3 тыс. гостей, причем по сравнению с предыдущим годом их число возросло на 14,3%. Однако из них лишь 147,6 тыс. человек были иностранцами, остальной контингент составляли алжирцы, проживающие за рубежом, которые решили посетить родные места и навестить родственников[4].

Совершенно очевидно, что туристический сектор Алжира находится в состоянии стагнации, и причин здесь несколько. К числу наиболее важных из них относятся: нехватка финансовых средств при начавшейся крупномасштабной перестройке экономических структур и проведении экономической реформы, недостаток политической воли руководства страны изменить отношение к сектору и повернуть его лицом к нуждам страны, а также продолжающаяся внутренняя нестабильность как следствие вооруженного противостояния властей и исламских экстремистов, что, естественно, отпугивает потенциальных туристов.

Вместе с тем вопросы развития туризма в Алжире в последние годы приобретают все большую актуальность. Как известно, основой стратегии экономического развития страны все прошедшие годы был и до настоящего времени остается нефтегазовый сектор, являющийся важнейшим источником валютно-финансовых накоплений. Экспорт углеводородов, несмотря на значительное развитие обрабатывающей промышленности, дает стране до 95% всех инвалютных поступлений (до 12 млрд. долл. в год). Между тем нефтяные ресурсы Алжира не беспредельны. Они постепенно сокращаются, и при нынешних темпах их добычи, по мнению специалистов, прогнозный срок эксплуатации нефтяных ресурсов в начале 90-х годов составлял 30 лет, а к началу XXI века – уже 19,8 лет. Что же касается природного газа, то при существующих темпах добычи имеющихся запасов голубого топлива должно хватить на 50,7 лет[5]. Это обстоятельство, естественно, не может не вызывать озабоченности алжирских властей, и в последние годы развитие туристического сектора как одного из важных альтернативных источников поступления иностранной валюты вызывает растущую заинтересованность в правительственных кругах.

В связи с этим обстоятельством вполне резонно встает вопрос, существуют ли в стране при нынешнем положении возможности для развития туризма на современном уровне и сможет ли правительство превратить эту отрасль в конкурентоспособную, хотя бы на уровне соседних Туниса и Марокко.

Что касается природных условий, то они, как и в других странах Магриба, вполне располагают к развитию туризма. Большая протяженность территории страны с севера на юг (почти до 2000 км) обусловила разнообразие ландшафтных зон, расположенных в разных природных поясах: от субтропи-

ков южного Средиземноморья и северных склонов Телль-Атласа, сухих субтропиков, занимающих внутреннюю часть северного Алжира, Высоких плато до пустыни Сахара, одной из самых жарких пустынь мира. Средиземноморское побережье, простирающееся с востока на запад на 1300 км, имеет хорошие пляжи различной ширины, полого уходящие под воду. Это, несомненно, один из наиболее притягательных районов для иностранных туристов.

Между тем и другие регионы Алжира могут представлять не меньший интерес: горные массивы Телль-Атласа с расположенными между ними равнинами и узкими горными ущельями, цепь хребтов Сахарского Атласа, обрывающихся отвесной стеной высотой 1500–1600 м к пустыне Сахара, поражают воображение. Подвергшиеся выветриванию скалы образуют причудливые скопления утесов различных цветов: от голубоватого до красного с оттенками розового и фиолетового. В нескольких местах между горными хребтами Сахарского Атласа имеются проходы – как бы ворота в пустыню, самый живописный из которых – Эль-Кантара между горами Заб и Орес назван алжирцами «устами Сахары», «золотыми воротами».

Пустыни и полупустыни занимают свыше 5/6 территории страны, но и они могут стать объектом посещения туристами. Ландшафты Алжирской Сахары весьма разнообразны: от каменистых равнин до покрытых галькой и щебнем пространств, от мрачных гор с глубокими каньонами и высохшими руслами рек до песчаных массивов, покрывающих около 20% территории пустыни, с цветущими оазисами.

Большую известность получило нагорье Ахаггар в юго-восточной части Сахары в связи с открытием в 1956 г. французским ученым Анри Лотом в гротах и пещерах Тассилин-Аджера фрагментов наскальной живописи, так называемых «фресок Тассили». В последние годы в связи с заметным ростом интереса к «пустынному туризму» на Западе роль Сахары как потенциального туристического объекта существенно возрастает.

Иностранных туристов привлекают в Алжире не только мягкий средиземноморский климат и прекрасные пляжи северного прибрежного региона, обладающего, кстати, и наиболее развитой туристической инфраструктурой. Здесь расположена и основная часть отелей международного класса. Притягивает туристов и своеобразная культура Алжира, впитавшая многовековые традиции народа, и, в первую очередь, богатейшее

архитектурное наследие. Памятники материальной культуры финикийцев, ценнейшие экспонаты и памятники древнеримской эпохи, музеи под открытым небом, интереснейшие памятники арабо-мусульманской цивилизации XI–XVIII вв. – все это могло бы привлечь в страну множество туристов из-за рубежа и существенно пополнить алжирскую казну.

Следует заметить, что с самого начала становления независимого алжирского государства туристический сектор был в поле зрения властей, однако по мере роста значения нефтегазового сектора в экономике страны как важнейшего поставщика иностранной валюты внимание к туристическому сектору ослабевало. В эпоху этатизации и расцвета государственного и кооперативного секторов в экономике государство в лице административных органов видело себя в роли полновластного хозяина, единственной руководящей и направляющей силы, способной обеспечить расцвет туристической отрасли. Акцент был сделан на развитие «массового народного туризма».

Политика государства в сфере туризма концентрировалась вокруг так называемых зон развития туризма, которые, по идее, должны были мобилизовать крупные инвестиции, создать новые рабочие места, развить региональную инфраструктуру и обеспечить приток туристов из-за рубежа.

Первый президентский декрет, санкционировавший создание таких зон, относился к 1966 г. Декрет, подписанный в 1981 г., в соответствии с изменениями в экономической политике, уже предоставлял министерству по делам туризма мандат на выдачу разрешений на строительство туристических объектов как на средства государства, так и за счет частного сектора.

В 70-е годы усилия алжирских властей были направлены в первую очередь на строительство крупных туристических комплексов и рекреационных центров в разных районах страны, но преимущественно на побережье для обслуживания главным образом иностранных туристов, а также и местного населения. Недалеко от г.Алжир был построен громадный комплекс Сиди-Ферруш с гостиницами, ресторанами, смотровыми башнями, лодочными станциями, казино. Затем близ столицы было построено еще несколько подобных комплексов. Крупные туристические объекты были также воздвигнуты в Эль-Уэде, Сиди-М'саде, Туггурте, Уаргле, Бискре, Тимгаде, Аррисе и некоторых других районах страны. Строительство такого рода крупных комплексов носило в какой-то степени пропагандистский ха-

рактер, оно было направлено на создание впечатления, что Алжир является признанной страной туризма, и с целью привлечь как можно больше гостей из-за рубежа.

В то же время, поскольку алжирская экономика базировалась в основном на развитии нефтегазового сектора, власти уделяли недостаточно внимания подъему туристического сектора и превращению туризма в динамично развивающуюся отрасль, способную к восприятию современных технологий и продуцированию качественно новых услуг. Мало внимания уделялось также подготовке специальных кадров для туристического дела. Новые гостиницы были, как правило, дорогими, а обслуживание в них подчас не отвечало мировым стандартам.

Одним из недостатков развития туристических объектов явилось то, что правительство сосредоточило свое внимание на строительстве крупных дорогостоящих гостиничных комплексов и обустройстве курортных зон в ущерб строительству отелей среднего уровня для потребностей массового туризма.

Бюрократическая практика принятия решений, многочисленные проволочки в их оформлении и строительстве объектов парализовывали инициативу предпринимателей, вынуждая их в ряде случаев вообще отказываться от строительства и создания столь необходимых стране рабочих мест.

При отсутствии у правительства четкой программы развития туристического дела и должного контроля за развитием зон туризма и при существовавшей в административном аппарате коррупции выделенные под строительство отелей земельные участки нередко попадали в руки спекулянтов, которые вкладывали средства не в туристические объекты, а в строительство жилых домов, что являлось весьма прибыльным делом. Иные предприниматели, получившие разрешения на строительство гостиниц, дробили полученную землю на более мелкие участки для перепродажи их по спекулятивным ценам лицам, имевшим достаточный капитал для приобретения земельной собственности в престижных районах. В то же время, кто действительно хотел вложить средства в развитие туризма, но зачастую не имел достаточно средств, вынужден был откладывать строительство базовой инфраструктуры до лучших времен в поисках подходящих иностранных партнеров, способных завершить строительство. Однако инвесторы из Италии, Испании, стран Залива отказывались участвовать в реализации предложенных проектов именно из-за отсутствия

базовой инфраструктуры и непредсказуемости своих потенциальных местных партнеров.

Изрядное число земельных участков, входивших в зоны туристического развития, пришло в плачевное состояние из-за бесконтрольной и беспорядочной застройки жилья вблизи или вообще на участках, выделенных под строительство туробъектов. Часть пляжей в прибрежных районах была безнадежно испорчена многочисленными строительными фирмами, добывавшими здесь песок.

Для того, чтобы воплотить в жизнь намерения правительства по развитию туризма, региональные власти в конце 90-х годов объявили о начале реализации так называемого «голубого плана» в рамках создания уже упоминавшихся выше зон туристического развития на Средиземноморском побережье. Была предпринята широкая информационно-рекламная кампания по привлечению инвесторов для создания туристической инфраструктуры на побережье. Однако два года спустя после начала кампании усилия местных властей постепенно сошли на нет и вся затея фактически провалилась.

По сравнению с процветающим туристическим бизнесом в Тунисе или Марокко, которые обладают развитой туристической инфраструктурой и опытными кадрами, ведут активную рекламную кампанию и могут предложить иностранным гостям поездки на любой вкус и для любого кошелька, туризм в Алжире в середине 90-х годов переживал значительные трудности не только из-за сложной внутренней обстановки, но и из-за недостаточного внимания властей.

Многие комплексы, гостиницы и другие объекты находились в состоянии упадка. Число приемлемых отелей оказалось недостаточным даже для тех туристов, которые все же рискнули посетить страну, а обслуживание в них зачастую не отвечало требованиям современного туристического бизнеса. К тому же в нем не хватало опытных кадров в сфере управления и маркетинга. В 2000 г. в Алжире насчитывалось лишь 5 пятизвездочных отелей по сравнению с 76 отелями такого класса в Тунисе и Марокко, вместе взятыми. Алжир располагал всего 15 четырехзвездочными отелями против 245 таких же отелей в Тунисе и Марокко[6].

К середине 90-х годов в гостиницах Алжира насчитывалось 57290 мест. По своему предназначению гостиничный фонд подразделялся таким образом: на бальнеологические курорты

и курорты термальных вод приходилось 22986 гостиничных коек, на гостиницы городского туризма – 27874 места, на сахарский туризм – 5146 мест, на климатический туризм – 1234 места[7].

Наибольшим числом спальных мест располагали трехзвездочные отели (1-е место) и гостиницы самой последней, 6-й категории (2-е место). В соответствии с классом предоставляемых услуг отели распределялись следующим образом: отели категории 5* (люкс), «Хилтон» и «Софитель» в г. Алжире – 1606 мест, другие отели 5* – 3810 мест, отели 4* – 3257 мест, отели 3* – 21653 места, отели 2* – 6475 мест, отели 1* – 2766 мест и гостиницы 6-й категории – 18923 места[8].

Несмотря на сложную политическую обстановку внутри страны, правительство в последние годы усилило свое внимание к туристическому сектору, стремясь оживить его деятельность. Для того, чтобы взять под контроль уже существующие зоны туризма, наладить работу гостиничных комплексов и привести их в соответствие с мировыми стандартами, в туристической сфере было создано специальное Национальное агентство по развитию туризма. Однако впоследствии, к сожалению, оно не проявило должного внимания и активности, чтобы перебороть негативную тенденцию, и ему не удалось сдвинуть дело развития туристического бизнеса с мертвой точки. Как считают алжирские специалисты, власти стремились лишь исправить допущенные ранее ошибки, не заботясь о том, чтобы выработать четкую стратегическую линию, отвечающую современным требованиям развития туристического бизнеса в условиях рыночных отношений с учетом осуществляемых в стране экономических реформ. Пока что дело ограничилось тем, что власти запретили на территории «зон» какие бы то ни было сделки с недвижимостью.

К началу века в Алжире насчитывалось 174 зоны развития туризма. Правительство предполагает ускорить строительство в них объектов базовой инфраструктуры, включая, в первую очередь, строительство водопроводной и очистной систем. В связи с этим власти стремятся найти заинтересованных инвесторов в стране или за рубежом, с тем чтобы распределить между ними земельные участки за умеренную плату.

В надежде поднять резко упавшие за последние годы доходы от туризма власти стремятся повысить качество обслуживания иностранных гостей, расширить строительство новых гостиничных комплексов, отвечающих международным стан-

дартам. К слову, доходы от туризма в Алжире сократились с 75 млн. долл. в 1992 г. до всего лишь 6 млн. долл. в 1997 г., при этом доходы, полученные в 1992 г., составили только 23% от доходов 1972 г. К концу 90-х годов положение еще более ухудшилось, о чем свидетельствуют статистические данные: в 1997 г. иностранные поступления от туризма составили лишь 1,6% от суммы поступлений 1972 г.[9] Для иллюстрации отставания туристического сектора Алжира по сравнению с некоторыми другими странами Средиземноморья можно, например, отметить, что доходы этой отрасли в Алжире составляют только 0,03% от величины доходов туриндустрии в Испании и 0,4% от доходов этой отрасли в Тунисе[10].

Решение проблем туристического сектора в Алжире власти видят в приватизации как составной части реформы по трансформации экономических структур. В рамках реформирования сферы туризма была подвергнута децентрализации Национальная компания по туризму, которая отныне утратила контроль над управлением гостиничным хозяйством, а многочисленные туристические центры и отели стали автономными единицами, хотя по-прежнему принадлежали государству.

После длительных раздумий и переговоров с крупными компаниями относительно возможности введения в некоторых комплексах и гостиницах иностранного управления с целью повышения качества обслуживания было принято решение подписать контракты с иностранными фирмами по управлению некоторыми гостиницами. Первой ласточкой в этом деле стала гостиница «Софитель». Гостиничный комплекс «Хилтон» также является совместным предприятием южнокорейской компании «Дэу» и местной «Сафекс», занимающейся экспортом и организацией торговых ярмарок в стране. Создание совместных предприятий в гостиничном деле рассматривается в качестве основного направления в планах по развитию крупных туристических комплексов. В осуществлении более мелких проектов лидирующая роль сохраняется за национальным частным сектором.

Заинтересованность в алжирском рынке, проявленная такими крупными компаниями, как «Аккор», «Шератон», «Сафир», побудила алжирские власти ускорить процесс приватизации в туристическом секторе. К тому же на этом также настаивали МВФ и другие западные кредиторы.

Сразу же после принятия закона о приватизации в 1995 г. правительство объявило о продаже 5 принадлежавших госу-

дарству отелей. В принятом в 1999 г. декрете среди 89 госкомпаний, подлежавших приватизации, были выставлены на продажу и отели. Всего же программа первого этапа приватизации затрагивала 20 гостиниц. С сожалением, однако, приходится признать, что процесс приватизации в Алжире, включая и объекты туристической индустрии, столкнулся с многочисленными трудностями различного характера, включая и глухое сопротивление части представителей правящей элиты.

Из-за отсутствия должного контроля и коррупции в госаппарате некоторые объекты туризма оказались в руках лиц, которые использовали их не по прямому назначению, а в конъюнктурных целях, для извлечения быстрой прибыли. Министерство по делам туризма, курирующее процесс приватизации в отрасли и предлагающее к продаже туристические объекты, видит причины пробуксовки приватизации и ее ошибки преимущественно в самой ее организации. По мнению чиновников министерства, одна из причин задержки и неудач приватизации кроется в недостатках финансового аудита и оценке предлагаемых к продаже объектов, а также давлении со стороны профсоюзов, представляющих интересы тружеников гостиничного хозяйства и выступающих против массовых увольнений работников и передачи гостиниц частным владельцам. Профсоюзы выступают против объявления торгов и банкротства убыточных предприятий, за продажу акций самим работникам гостиничных комплексов. В некоторых случаях дело доходило до прямого противостояния между профсоюзом и властными структурами. Так, в январе 1998 г. после объявления о продаже нескольких принадлежавших государству отелей профсоюз работников туризма и гостиничного хозяйства пригрозил вообще сжечь один из отелей в знак протеста против банкротства предприятия и продажи государственных активов[11].

Для создания туристического сектора, способного конкурировать на международной арене, нужна политическая воля и ясная, последовательно проводимая программа развития туризма, крупные финансовые вложения, которые государство сможет обеспечить, если цены на нефть будут держаться на достаточно высоком уровне. При этом следует учитывать, что в Алжире существует и ряд других проблем, требующих безотлагательного решения, среди которых: высокий уровень безработицы, острая нехватка современного жилья, низкий жизненный уровень населения, проблемы в области здравоохранения и об-

разования. В данном контексте развитие туристического сектора не является на нынешнем этапе для алжирских властей первоочередной задачей. Для решения всех этих проблем необходимо привлечь стабильный приток инвестиций как внутренних, так и из-за рубежа. Несмотря на определенный интерес к алжирским проектам со стороны известных иностранных компаний, иностранные инвесторы пока не проявляют желаемой активности на алжирском рынке туристических услуг. Причина в недостаточной внутренней стабильности в стране, несмотря на принятый закон о гражданском согласии и проводимую правительством политику примирения. Многие иностранные инвесторы не хотят рисковать, не говоря уже о простых туристах. Учитывая эти обстоятельства, можно предположить, что процесс укрепления и модернизации туристического сектора Алжира будет сложным и займет достаточно длительное время.

[1] Middle East Economic Digest (MEED) L. 18.02.2000, с. 26.
[2] MEED, 08.06.2001, с. 16.
[3] MEED, 18.02.2000, с. 26; 08.06.2001, с. 16.
[4] The North Africa Journal, Boston, June 2000, с. 18.
[5] MEED, 21.01.2000, с. 14, 16.
[6] The North Africa Journal, Boston, June 2000, с. 18.
[7] Algeria. Guide des indicateurs économiques et sociaux. 1994–1997, с. 59.
[8] The North Africa Journal, Boston, June 2000, с. 19.
[9] Ibid., с. 19.
[10] Ibid., с. 18.
[11] The Middle East and North Africa. L. 2000, с. 320.

В.А.Исаев

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И АРАБСКИХ СТРАН В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная система хозяйствования возникла на основе эксплуатации так называемой дешевой нефти (вплоть до октября 1973 г. 1 барр. нефти стоил меньше 2 долл. США). Конец XX в. и начало XXI в. показывают, что эра дешевых невозобновляемых энергоресурсов завершилась, хотя при этом возможны колебания цены на нефть и газ в сторону уменьшения, как это было, например, в середине 90-х годов прошлого века. Тем не менее, учитывая все возрастающее потребление этих энергоресурсов, нефть уже не способна быть дешевым товаром хотя бы в силу своей массовости, а следовательно, больших объемов экспорта и импорта. Это означает, что страны-экспортеры нефти и газа постоянно будут находиться в центре внимания всего мира (во всяком случае до тех пор, пока нефть и газ не будут вытеснены каким-либо другим энергоносителем).

По разным оценкам, на арабские страны приходится 60–65% мировых подтвержденных запасов нефти, а из стран, занимающих первые 10 мест по этому показателю, 6 относятся к арабскому миру. Нефтяной дефицит США, Канады, ЕС, Японии и Ю.Кореи ныне составляет около 25 млн. барр./сутки, тогда как все страны ОПЕК, большинство из которых – арабские, экспортируют примерно 26 млн. барр./сутки[1]. Десять государственных компаний ОПЕК, Россия и Мексика обладают более 65% мировых запасов нефти и газа, причем на Саудовскую Аравию приходится более 14% этих запасов, на Газпром – 10,2%, «Kuwait Petroleum Company» (KPC) – 4,9%, ADNOC (ОАЭ) – 4,4% и т.д.[2]

Сегодняшняя ситуация вряд ли изменится в течение ближайших 5–10 лет, т.к. начиная с 2000 г., т.е. после открытия Кашаганского месторождения (Казахстан), не было обнаружено ни одного крупного нефтяного месторождения. Более того, с тех пор коммерческая ценность открытых месторождений

нефти даже не оправдывает средств, затраченных на их поиски. Например, в 2003 г. BP, Shell, Chevro Texaco, Conoco Phillips, Exxon Mobil, ENI, Total, Repsol-YPF, Statoil и Petrobras затратили на геологоразведочные работы 8 млрд. долл., а стоимость обнаруженных запасов составила только 4 млрд. долл.[3]

В настоящее время арабские страны являются безусловными лидерами по такому показателю, как обеспеченность добычи нефти ее разведанными запасами. В частности, при текущем уровне добычи KPC и ADNOC обеспечены нефтью на 160 лет, Saudi Aramco – на 83 года, «Сибнефть» – на 20 лет, ЛУКОЙЛ и «Татнефть» – на 34 года, тогда как этот индикатор для западных и международных компаний не превышает 10 лет (наибольший – у Conoco Philllips, Exxon Mobil и Total – 13 лет)[4].

Отсюда, являясь главными участниками мирового энергетического рынка, Россия и арабские страны не могут не сотрудничать в данной области. Эта заинтересованность в совместных действиях распространяется на такие важнейшие сферы, как национальный контроль над нефтегазовыми ресурсами, установление справедливых цен на экспортируемое энергетическое сырье, обеспечение стабильных поступлений от его экспорта, разработка механизмов экологической безопасности, стратегия развития нефтегазового рынка и др.

При этом одной из важнейших задач России и арабских стран является устранение перекосов, исторически возникших в системе: запасы – переработка. Так, крупнейшей в мире по переработке нефти компанией является Exxon Mobil с объемом переработки более 300 млн. т нефти в год, Royal/Datch Shell и BP отстают от этой компании почти в 2 раза. В РФ крупнейшими являются ЛУКОЙЛ (34,3 млн. т) и ЮКОС (31 млн. т.)[5]. В арабских странах – примерно такие же цифры. Получается, что добывают нефть одни страны, а прибыль от переработки получают другие. Примерно такие же различия по уровню капитализации. Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, арабским странам и России, видимо, следует не только повышать объемы переработки нефти, но и более быстрыми темпами развивать смежные области (нефтехимию, электроэнергетику и т.п.), чтобы повысить эффективность сбыта нефтепродуктов за счет приближения нефтеперерабатывающих и нефтехимических отраслей к основным рынкам их потребления.

Схожесть стоящих перед арабскими странами и РФ задач в сфере нефтегазового хозяйства настоятельно ведет обе сто-

роны к налаживанию экономического сотрудничества. Нельзя сказать, что в этой области ничего не делалось *в* последние годы. В качестве положительного примера можно привести подписание соответствующего соглашения между РФ и Саудовской Аравией, благодаря которому стало развиваться сотрудничество между ЛУКОЙЛом и Сауди-Арамко, «Техпромэкспорт» активно работает в Ливии по проекту «Западный Триполи», для Сирии были построены 4 буровые установки, ЛУКОЙЛ запустил в эксплуатацию нефтепровод в Египте, «Стройтрансгаз» выиграл тендер в Судане на строительство нефтепровода и т.д.

Но все это пока — «капля в море». Потенциал сотрудничества огромен. Не секрет, например, что РФ может арабским странам предложить в сфере нефтегазового хозяйства свой опыт и технологии, которые по ряду параметров не уступают западным образцам, а в ряде случаев и превосходят их. Непочатый край совместной работы в деле нефтепереработки и нефтехимии. Например, доходы стран ОПЕК в 2003 г. достигли 160 млрд. долл.[6] Эти страны с выгодой для себя могли бы вложить часть этих средств в обустройство российских нефтегазовых месторождений на шельфе (Приразломное, Штокмановское и др.).

Однако чтобы хотя бы некоторые из обширных проектов потенциального сотрудничества России и арабских стран в нефтегазовой области стали реальностью, обеим сторонам придется приложить немало усилий в таких важнейших для них сферах, как обеспечение эффективного контроля над собственными невозобновляемыми природными ресурсами, в рамках которого природная рента оставалась бы в странах-обладательницах этих ресурсов, налаживание координации совместных действий в случае внешнего давления или энергетического саботажа, выработка принципов экологической безопасности и др.

Учитывая в целом низкую по сравнению с международными нефтяными компаниями стоимость акций российских и арабских нефтяных компаний сравнительно их запасов и добычи, Россия и арабские страны неизбежно будут вынуждены увеличивать объемы переработки нефти и газа, в том числе за счет приобретения и создания активов в центрах потребления нефте- и газопродуктов за рубежом, что России и отдельным арабским странам не под силу, а следовательно, им необхо-

димо будет не только налаживать и расширять сотрудничество в этой весьма специфической сфере, но и совместно развивать смежные секторы (нефте- и газохимию, электроэнергетику), вести действия по модернизации и реальной оценке стоимости основных фондов их нефтегазового хозяйства.

При этом вполне вероятны уже опробованные в мире схемы сотрудничества, при которых российская сторона могла бы взять на себя обеспечение долгосрочных и крупномасштабных проектов российско-арабского экономического взаимодействия значительной частью технологий, испытаний и производства, а арабские нефтеэкспортирующие государства – инвестициями, маркетингом и сбытом. Понятно, что подобные схемы сотрудничества не исключают возможности, когда арабская сторона, помимо инвестиций, может участвовать и в производственном цикле. Кстати сказать, и Россия, и арабские страны при этом могут вполне эффективно задействовать опыт времен советского сотрудничества с арабским миром, когда с помощью СССР был создан ряд энергетических объектов, например, в Египте, Сирии, Ираке, Алжире, Ливии, Йемене.

Конечно, подъем уровня российско-арабского сотрудничества в нефтегазовой сфере потребует от обеих сторон выработки определенной внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии, могущей преодолеть негативные последствия развития отношений между Россией и арабскими странами в первой половине 90-х годов XX в., когда были во многом разрушены организационные структуры экономических связей между обеими сторонами, произошло своеобразное размывание их ориентиров, проявилась неопределенность хозяйственных интересов.

Только на рубеже XX и XXI вв. и Россия, и арабские страны стали осознавать, что несмотря на многие различия в реалиях политической и экономической жизни, они объективно заинтересованы в формировании многополярного мира, в котором обе стороны заняли бы достойное место, наиболее адекватно отвечающее их долгосрочным стратегиям развития. А для этого, естественно, обеим сторонам следует восстановить необходимый уровень доверия и предсказуемости, чтобы экономические партнеры были бы уверены, что их усилия по развитию сотрудничества – это не конъюнктурный момент, который может быть нарушен какими-то политическими амбициями. Это тем более важно, поскольку и по настоящий момент в России имеются политические силы, негативно настроенные по отно-

шению к мусульманскому миру вообще и арабскому, в частности, так же, как и в арабском политическом истеблишменте сохраняют серьезные позиции группы, которые не забыли «безбожный Советский Союз» или считают нашу страну «предателем интересов арабского дела» из-за восстановления отношений с Израилем.

Без преодоления этих и других предубеждений весьма трудно прогнозировать налаживание эффективного и широкомасштабного хозяйственного сотрудничества между Россией и арабскими станами не только в нефтегазовой, но и других областях. Также к числу неотложных задач по развитию российско-арабского сотрудничества следует отнести расширение информационного взаимодействия, пересмотр некоторых положений законодательства, регулирующего иностранные инвестиции (это относится не только к России), урегулирование ряда правовых вопросов, связанных с приобретением иностранным партнером земельных участков, с проблемами вывоза прибыли, судебной защиты по гражданским и арбитражным искам и т.п.

Иначе говоря, налаживание сотрудничества в жизненно важной для России и арабских стран нефтегазовой сфере основывается не только на общности объективных интересов обеих сторон, но и на соответствующем уровне доверия друг к другу. И в этом направлении обоим партнерам предстоит немало работы.

[1] Россия и арабский мир, М., 2004, с. 21.
[2] Нефтегазовая вертикаль, 14/2004, с. 27.
[3] Коммерсант, 18.10.2004.
[4] Нефтегазовая вертикаль, 14/2004, с. 27.
[5] Там же, с. 28.
[6] Время новостей, 23.07.2004.

В.И.Сажин

ИРАН, «ХЕЗБОЛЛА» И ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Трансформация исламской революции в Иране

Любая революция со временем теряет свой революционный политико-идеологический запал. Тускнеет цвет знамен, ослабевает ультрареволюционный радикализм, меняются приоритеты, приходят новые лидеры.

Так было с Октябрьской революцией 1917 года в России. Аналогичные процессы наблюдаются и в недрах Исламской революции в Иране.

Как известно, новое государство, появившееся на карте мира в 1979 г. в результате революции в шахском Иране – Исламская Республика Иран, – сразу же после возникновения заявило о своих претензиях на руководство исламским движением в мире и конечной цели – мировой исламской революции.

В соответствии с военно-политической доктриной, разработанной лидером этой революции и создателем ИРИ аятоллой Хомейни, вся государственная машина Ирана нацеливалась на осуществление политики шиитских клерикалов по экспорту исламской революции по иранскому образцу в другие страны.

Однако минувшие с той поры *26* лет наглядно продемонстрировали иранскому руководству утопичность и несбыточность воплощения в жизнь идей Хомейни о мировой исламской революции. Не в последнюю очередь это отразилось и на существенном изменении взглядов иранских идеологов и политиков на основополагающий доктринальный принцип – «экспорт исламской революции».

Но трансформация воззрений никоим образом не снизила активности во внешнеполитической деятельности исламского государства.

Напротив, нынешняя руководящая военно-политическая верхушка ИРИ (вне зависимости от политической ориентации –

либералы – консерваторы – неоконсерваторы) все чаще демонстрирует способность (когда это необходимо) освобождаться от идеологических шор «хомейнизма», объективно оценивать тенденции и динамику современного развития своего общества и мировых социально-экономических процессов, координировать внутри и внешнеполитические векторы и интенсифицировать свою активность на тех направлениях, где, по мнению исламского руководства, присутствуют в первую очередь государственные (а не религиозно-идеологические) интересы Тегерана.

В полной мере это относится и к деятельности ИРИ в регионе Ближнего и Среднего Востока. Причем следует подчеркнуть, что Исламская Республика все целеустремленнее стала осуществлять на практике идеи достижения региональной гегемонии, которую начал претворять в жизнь еще сорок лет назад свергнутый радикальными шиитами шах Мохаммад Реза Пехлеви.

Есть основания констатировать, что утопическая идея всемирной исламской революции преобразовалась в более реальную идею доминирования персо-шиитов на региональном уровне, то есть на Ближнем и Среднем Востоке. Причем религиозная составляющая этой идеи прагматично переплелась с националистической, которая все сильнее и отчетливее проявляется прежде всего в реальной политике. Постепенно националистически окрашенный прагматизм в государственной политике Тегерана стал превалировать над идеологическими соображениями.

Вспомним, как в свое время советский вождь И.В.Сталин, используя коммунистическую идеологию и пропагандистскую риторику Октябрьской революции, возвеличивая покойного лидера этой революции и основателя СССР В.И.Ленина, проводил жесточайшую внутреннюю и внешнюю имперско-полицейскую политику, о которой не могли и мечтать все российские императоры и императрицы. При этом Сталин оказывал поддержку коммунистическим и любым просоветским движениям по всему миру, спонсировал экстремистские группировки, готовые действовать в первую голову в его государственно-имперских (а не чисто идеологических) интересах, зачастую объективно в ущерб международному коммунистическому движению.

Безусловно, подобные исторические параллели условны. Однако сходства нельзя не заметить. Так, для достижения

своих регионально-имперских целей Иран продолжает применять шиитские инструменты для укрепления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Одновременно Тегеран, используя пропагандистскую риторику Исламской революции, возвеличивая покойного лидера этой революции и основателя ИРИ аятоллу Хомейни, проводит активную националистическую внутреннюю и внешнюю политику, которая могла бы стать образцом и для последнего шахиншаха Ирана. Тегеран оказывает ощутимую поддержку проиранским силам по всему миру, уделяя особое внимание, естественно, Ближнему и Среднему Востоку.

Трансформация исламской революции в Иране выразилась, в частности, не только в отказе от силового экспорта революционных идей и прямолинейной пропаганды исламского фундаментализма, но и в корректировке всего внешнеполитического курса ИРИ. Можно констатировать, что в последние годы Исламская Республика Иран, выйдя из изоляции, в определенной степени «открылась» и стала проводить наступательную внешнюю политику в регионе, основываясь исключительно на собственных интересах, которые, оставаясь по форме клерикальными, постепенно меняют свою сущность, становясь все больше националистическими и имперскими.

Инструменты внешней политики Ирана

Примечательно, что эта старая-новая политика осуществляется религиозным руководством ИРИ все теми же тремя основными методами: «мирным» (пропагандистским), «полувоенным» (специальным) и «военным».

О «военном», надеемся, говорить не придется никогда.

Ныне среди методов внешнеполитической деятельности ИРИ первое место занимает пропагандистский. Отказавшись от экспорта исламской революции, Тегеран сделал ставку на экспорт исламской культуры и на создание положительного образа Исламской Республики. Однако это отдельная и масштабная тема, которая требует специального исследования.

Ныне в связи с последними событиями на Ближнем Востоке – палестино-израильское перемирие, кризис в Ливане, ситуация в Ираке – интерес представляет специальная деятельность Тегерана.

Иран, являясь важной составляющей частью огромного ареала, географически включающего Ближней и Средний Во-

сток, а конфессионально – практически четверть планеты, то есть мусульманский мир, с пристальным неослабевающим вниманием следит за развитием ситуации в Ираке, в Афганистане, а также за процессами, происходящими в рамках палестино-израильского мирного урегулирования. При этом ИРИ практически на протяжении всех 26 лет своего существования стремится не только наблюдать, но и оказывать непосредственное влияние на ситуацию в этом регионе.

Не секрет, что для осуществления данной политики Тегеран обладает эффективными инструментами, которые способны обеспечивать решение этих проблем уже упоминавшимися тремя методами.

Это прежде всего вооруженные силы. Исламская Республика Иран обладает крупнейшими по численности на Ближнем и Среднем Востоке вооруженными силами. Регулярные вооруженные силы Ирана на 1 января 2003 г., по данным Лондонского института стратегических исследований, насчитывают свыше 900 тыс. человек, что очень много для государства, не ведущего военных действий[1]. Особенностью организационной структуры вооруженных сил Ирана является наличие в их составе двух независимых компонентов – Армии и Корпуса стражей исламской революции (КСИР). В каждом из них имеются собственные сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, практически полностью развернутые даже в мирное время. Кроме того, в условиях чрезвычайного положения под их командование поступают Силы охраны правопорядка[2].

В составе КСИР действуют также и так называемые Силы сопротивления «Басидж», являющиеся, по сути, милиционным народным ополчением, насчитывающим около 400 тыс. человек и подготовленным резервом для вооруженных сил, достигающим почти десятка миллионов человек[3].

Таким образом, ВС ИРИ обладают значительной мощью. Однако необходимо отметить, что КСИР, входящий в иранские ВС, помимо чисто военной функции выполняет и многие другие. Причем эти «другие» зачастую играют более приоритетную роль во внешней и внутренней политике ИРИ.

Так, Корпус представляет собой систему органов, наряду с официальным МИДом проводящих международную политику Исламской Республики Иран своими специфическими способами, которые отличаются большим разнообразием.

КСИР является одной из самых многочисленных и авторитетных организаций, занимающихся исламской пропагандой, распространением идей Хомейни по всему миру, а также в религиозной упаковке идей персидского национализма. Вся система КСИР контролируется лидером страны (рахбаром) и верховным главнокомандующим аятоллой Али Хаменеи. КСИР – важнейший инструмент политико-идеологического воздействия как внутри страны, так и за рубежом[4].

Но особое место в системе КСИР занимают силы специального назначения «Коде». «Коде» (от Аль-Кудс – одно из арабских названий Иерусалима) непосредственно обеспечивает иранские интересы за рубежом с использованием особых методов. Деятельностью «Коде» руководит главнокомандующий КСИР. В силах «Коде» есть девять управлений: по Турции и Закавказью; по Ираку; по Ливану; по Центральной Азии, СНГ, Пакистану, Индии, Афганистану; по Северной Африке; по Центральной и Южной Африке; по Европе, Северной и Южной Америке; по странам Персидского залива; по специальным операциям[5]. Примечательно, что Ливан и Ирак выделены в самостоятельные подразделения.

«Коде» выполняет стратегические разведывательно-диверсионные функции. В частности, эта организация отбирает наиболее преданных делу исламской революции иранцев, готовит из них оперативных работников внешней разведки. После прохождения специальной подготовки они работают за границей под легальным прикрытием или в качестве нелегалов. Кроме самостоятельного непосредственного ведения разведки сотрудники «Коде» за рубежом создают агентурную сеть путем вербовки местных исламистов, прежде всего в иранской диаспоре стран Европы, Северной и Южной Америки, Азии и Африки. В странах, где укоренен шиизм, эта иранская спецслужба опирается на сеть местных мечетей, медресе, культурных и благотворительных организаций[6]. Помимо этого, «Коде» осуществляет контроль и координацию деятельности проиранских шиитских организаций.

Задачи, которые решают силы «Коде», вытекают из военно-политической обстановки, складывающейся в конкретное время в регионе и мире.

Сегодня эта обстановка характеризуется тремя основными факторами:

1. Изменения в политической ситуации в регионе, связанные со смертью Ясира Арафата и избранием Махмуда Аббаса

президентом Палестинской Национальной Администрации, что открыло позитивные возможности для урегулирования арабо-израильского конфликта.

2. Кризис в Ливане в связи с убийством бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири.

3. Состоявшиеся выборы в Ираке и избрание президента страны и высшего руководства.

Однако необходимо признать, что все эти факторы в той или иной мере воздействуют на главную проблему – проблему израильско-арабских отношений. Не секрет, что она весьма болезненна для Ирана. Поэтому все усилия иранских спецслужб направлены на ее решение, естественно, в пользу Тегерана.

Палестино-израильское урегулирование

Иран является одной из немногих, а быть может, единственной страной, не признающей возможность самого существования Государства Израиль. Позиция ИРИ по этому вопросу чрезвычайно радикальна. Ее неоднократно выражали иранские политики. Так, министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази заявил, что единственный путь к миру и спокойствию в Палестине заключается в создании свободного демократического государства с участием всех палестинцев, в том числе христиан и иудеев[7]. По сути, этот проект предусматривает уничтожение Государства Израиль путем его поглощения и перевод его граждан в положение религиозного меньшинства в большой Палестине, находящейся под управлением арабов-мусульман. Вполне понятно, что этот утопический план нереалистичен. Он идет вразрез как с позицией абсолютного большинства стран мира, так и решениями ООН.

Однако, несмотря на это, иранский лидер аятолла Али Хаменеи по-восточному образно, но решительно назвал Израиль «раковой опухолью на теле Ближнего Востока, подлежащей удалению»[8].

Али Акбар Мохташами – представитель реформистов и один из основателей организации «Хезболла», – чрезвычайно аллегорично сравнив Израиль с «ножом в сердце исламского мира», заявил, что «настало время сопротивления агрессии великих держав и особенно агрессии их незаконного, не легитимного представителя в регионе – Израиля, который должен быть уничтожен»[9].

На этой константе держится все палестинское направление ближневосточной политики Тегерана.

Совершенно ясно, что, занимая такую радикальную позицию, нынешнее руководство ИРИ выступает против любого сближения палестинцев и израильтян в вопросах разрешения этой важнейшей проблемы. Совсем недавно официальный представитель МИД Ирана Хамид Реза Ассефи заявил, что не видит варианта мирного урегулирования ближневосточного кризиса. «Политика Израиля основана на создании напряженности и кризисных ситуаций, поэтому нельзя даже предположить, что сионистский режим и Палестина достигнут мира, это не реально», – заявил Ассефи. По его мнению, «никакой связи между урегулированием ближневосточного кризиса и непризнанием Ираном Израиля как государства не существует». При этом он особо подчеркнул, что «Исламская Республика в любом случае никогда не признает Израиль, и это наше дипломатическое право»[10].

В иранской столице прекрасно понимают, что возможность разблокирования ближневосточного мирного процесса может привести к ослаблению позиций Ирана и в целом – изменению баланса сил на Ближнем и Среднем Востоке не в пользу ИРИ. Поэтому последние события в регионе, давление США (и по палестинской проблеме также) на Сирию и Ливан, которые являются одними из главных союзников Тегерана, вызывают особую озабоченность иранских руководителей. При этом Тегеран постоянно выражает твердое намерение поддерживать исламское сопротивление на юге Ливана и в Палестине. Иран крайне заинтересован в том, чтобы не дать США изолировать себя от участия в важнейших политических процессах на Ближнем Востоке. Этим целям служит проиранская шиитская военно-политическая организация «Хезболла».

Организация «Хезболла» – креатура Ирана

Одним из основных орудий в осуществлении секретной миссии ИРИ на Ближнем Востоке является движение «Хезболла»[11].

Организация «Хезболла» появилась на свет после победы исламской революции в Иране. И это не случайно. Новое исламское государство – ИРИ – сразу же с момента возникновения заявило о своей бескомпромиссной борьбе против Израиля и США. Для этого Тегерану необходимо было иметь эффек-

тивное орудие. Таким орудием была призвана стать шиитская военно-политическая организация «Хезболла».

При создании «Хезболлы» основной частью ее политико-идеологического базиса был определен джихад, направленный против сионизма и империализма. Цель организации – уничтожение Израиля, установление исламского контроля над Иерусалимом, создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. В декларации «Хезболлы» от 1985 г. сказано: «Решение ливанских проблем – учреждение Исламской республики, так как только этот тип режима может гарантировать правосудие и равенство для всех ливанских граждан. Все это самым непосредственным образом совпадало с идеями аятоллы Хомейни. Даже больше того: – идеологией новой организации стала идеология «хомейнизма».

Усиливая с помощью Ирана свое влияние в Ливане, Сирии, во всем регионе, «Хезболла» превратилась в базу вербовки, подготовки, обучения иранской и арабской агентуры для проведения активных мероприятий в регионе с целью дестабилизации там внутриполитической обстановки и создания условий для начала исламских революций. Эта деятельность осуществляется путем партизанской войны, террора, а также саботажа, покушений на видных политических и государственных деятелей, проведения диверсий, захвата заложников, инициирования беспорядков и т.д. Часто отряды «Хезболлы» вели прямые боевые действия подобно кадровым вооруженным силам.

Необходимо отметить, что использование боевиков-смертников для осуществления террористических актов было своеобразным ноу-хау «Хезболлы». Появление боевиков-самоубийц начинает свой отсчет с 1983 г. Тогда в Ливане члены шиитской организации садились за руль грузовиков, начиненных тоннами взрывчатки, и направляли их на казармы американских и французских войск в Бейруте. Эти теракты ускорили вывод из Ливана воинских контингентов США, Франции, Англии и Италии.

Эффект, достигнутый террористами, вдохновил их на новые «подвиги». За этими атаками последовали другие[12].

В январе этого года Международный институт контртеррористической политики (МИКП), находящийся в Израиле, опубликовал данные по терактам, совершенным боевиками-смертниками за десятилетний период (с 1994 по 2004 год). Первое место по количеству таких атак за последние десять

лет занимает Израиль. Его граждане подвергались нападениям палестинских смертников 120 раз. За ним следует Ирак – 39 нападений, Шри-Ланка – 23, Россия – 14, Кашмир (Индия) – 5[13].

Однако к началу нового столетия в связи с известными изменениями в доктринальных установках и корректировкой политического курса Ирана интенсивность мероприятий, проводимых «Хезболлой», несколько снизилась.

Несмотря на это, «Хезболла» продолжала оставаться своеобразным иранским плацдармом на широком поле сложнейших взаимоотношений в многоугольнике: Израиль – Ливан – Палестина – Сирия – Иран. Причем следует отметить, что как в самом Ливане, так и в Палестине борются, часто вооруженным путем, различные военно-политические группировки. Кроме того, в Израиле, Сирии и самом Иране в высших эшелонах власти также нет абсолютного единства взглядов на процесс урегулирования ближневосточного кризиса в целом, а также конкретно – израильско-палестинских, израильско-ливанских, израильско-сирийских и израильско-иранских отношений.

Нет единства и в самом Движении «Хезболла». Часть из его лидеров настаивает на переводе активности «Хезболлы» в легальное политическое русло. Другие продолжают требовать радикализации ее деятельности.

Более того, в странах дислокации «Хезболлы» отношение к этой шиитской группировке неоднозначное. Например, сирийское руководство, имеющее к ней самое непосредственное отношение, все же с долей настороженности относится к этой боевой структуре. Как считают наблюдатели, президент Сирии Асад терпит ее у себя, поскольку других рычагов давления на Израиль у него под рукой нет. Израиль аннексировал в 1967 г. сирийские Голанские высоты, а на Востоке в ходу поговорка: «Враг моего врага – мой друг». Воюющая с Израилем террористическая «Хезболла» – как раз тот случай.

А чтобы шиитские боевики не слишком зарывались, асадовские «ассасины» время от времени убирают их полевых командиров, подкладывая мины в машины или другими не менее изобретательными способами. Разумеется, потом всё списывается на коварный «Моссад». Весь сирийский народ дружно погружается в траур по очередному «герою, павшему в борьбе с израильскими оккупантами»[14].

По оценкам зарубежных СМИ, организация Хезболла насчитывает 3–3,5 тыс. человек (в т.ч. до 150 военнослужащих

иранского КСИР). По некоторым другим, – до 20 тыс. человек[15]. Наблюдатели отмечают, что от 500–600 до 1000 человек входят в состав элитных подразделений боевиков.

Остальные представляют собой вспомогательные и учебные подразделения. На вооружении исламистов имеются артиллерийские орудия, минометы, ракетные установки, ПТРК «Малютка» и «Фагот», безоткатные орудия, ПЗРК, зенитные установки. Организация имеет РЛС для отслеживания кораблей и катеров ВМС Израиля. «Хезболла» формирует подразделения морских «коммандос», подготовка которых осуществляется в Иране.

Как уже было сказано, главным и наиболее тесным союзником организации с момента ее основания является ИРИ. Иранская помощь своим экстремистским союзникам носит всеобъемлющий характер: финансирование, дипломатическая и политическая поддержка, подготовка идеологических и военных кадров, поставки вооружения, военной техники, боеприпасов и снаряжения, гуманитарные поставки. Вместе с тем отметим, что в связи с некоторой коррекцией внешней политики ИРИ к началу нового столетия ежегодная финансовая помощь «Хезболле» сократилась с 60–100 млн. долларов до 30 млн.

Однако не надолго. По сообщению египетского информационного агентства MENL, в течение 2001–2003 гг. под руководством Фуада Балбизи, активиста иорданского отделения Организации Освобождения Палестины (ООП), возглавляемого членом политбюро ООП Фаруком Каддуми, практически полностью воссоздан канал перекачки финансовых средств из Ирана военизированным группировкам ФАТХ, действующим в Иудее, Самарии и в секторе Газы. Кроме этого, уточняет MENL, Ф.Балбизи организовал финансирование деятельности «Танзим» шиитской организацией «Хезболла»[16].

Иранские субсидии в «Хезболлу» достигли рекордного размера – до 200 млн. долларов[17]. Подобное увеличение финансирования «Хезболлы» объясняется необходимостью для Тегерана укрепить позиции этой организации в условиях нарождающихся позитивных сдвигов в израильско-палестинском мирном процессе, возможные результаты которого не вполне соответствуют (или совсем не соответствуют) интересам ИРИ.

Сегодня Иран и его сторонники полны решимости подорвать мирный процесс, который стартовал в очередной раз, теперь уже в рамках «Дорожной карты». Как считают западные

обозреватели, смерть Ясира Арафата и избрание на пост главы ПНА Махмуда Аббаса стали поворотным пунктом палестинской политики[18].

Однако «Хезболла», ХАМАС, «Исламский джихад», «Бригады мучеников Аль-Акса» – все с одобрения Ирана пытаются не допустить движения палестинских властей навстречу Израилю.

В конце января Хасан Насралла – лидер «Хезболлы» и Халед Машаль – политический лидер ХАМАС, встретившись в Бейруте, заявили, что сопротивление Израилю – единственный путь освобождения всей Палестины[19].

В этой связи функционеры ПНА выражают серьезную озабоченность. Один из них сказал: «Мы знаем, что «Хезболла» пыталась вербовать террористов-смертников из «Бригад мучеников Аль-Акса» для осуществления терактов, саботирующих мирный процесс». Другой палестинский чиновник процитировал перехват электронной почты с банковскими документами, которые свидетельствуют, что «Хезболла» увеличила выплаты террористам. «Теперь они готовы платить по 100000 долларов за проведенную операцию, тогда как ранее эта сумма составляла 20000, в последствии – 50000 долларов»[20].

Увеличение финансовых вливаний в «Хезболлу» усилило в последнее время активность этой организации. Это отмечают и израильские спецслужбы. Они подчеркивают, что особо эта активность стала проявляться после смерти Ясира Арафата.

Если раньше «Хезболла» ограничивала свою сферу деятельности лишь Самарией, то в последнее время ее агенты обнаружены и в районе Бейт-Лехема.

Наряду с чисто диверсионно-террористической деятельностью Иран и «Хезболла» в последнее время активизировали сбор разведывательной информации.

Так, недавно израильским военным удалось задержать палестинца, в распоряжении которого находился прибор (GPS), позволяющий с помощью спутниковой системы определять и передавать точные координаты нужного места. При этом палестинец был задержан недалеко от одной из израильских военных баз.

В памяти прибора были обнаружены координаты военных и стратегических объектов, мостов, блокпостов и т.п.

Незадолго до этого агенты «Хезболлы» в секторе Газы пытались наладить там производство небольших беспилотных са-

молетов, которые предполагалось заминировать и взорвать на территории соседних еврейских поселений.

Данный план был раскрыт после ареста членов этой группировки[21].

Как считают в Израиле, целью иранцев является торпедирование внутрипалестинских переговоров о прекращении огня и новый виток эскалации напряженности в зоне конфликта.

Недавняя история показывает, что Иран в своих подходах к вопросам финансирования подобных группировок, как правило, ориентируется на результат.

Тегеран всегда платил «Хезболле», исходя из ее успехов по подготовке террористических групп, причем не только подчиненных непосредственно «Хезболле». Часто эта организация выступает финансовым посредником между Тегераном и другими террористическими группировками. Так, она, используя иранские деньги, финансировала в середине 90-х годов ХАМАС и «Исламский джихад», ФАТХ и «Танзим». Причем строго пропорционально террористической активности их боевиков[22]. Показательно, что денежные вливания увеличиваются, когда группировки боевиков успешно выполняют задания, и, напротив, – уменьшаются в случае неудач или когда операции отменяются. Однако в настоящее время неблагоприятное для Тегерана развитие ситуации в регионе требует от ИРИ, можно сказать, авансирования действий «Хезболлы».

Надо отметить, что «Хезболла» в отличие от других организаций подобного типа находится в привилегированном положении. Ей не приходится заботиться об источниках финансирования, отмывании денег и беспокоиться о других связанных с этими сложными процессами делах. Щедрость Ирана предоставляет «Хезболле» значительный и постоянный поток надежного финансирования[23].

Иран оказывал и оказывает содействие «Хезболле» и ее сателлитам в различных сферах – различную поддержку и помощь.

1. Политике – идеологическая поддержка

Она зиждется на единстве взглядов, идеологических и политических установок Тегерана и «Хезболлы» на палестинскую проблему.

На протяжении более 20 лет с момента создания группировки «Хезболла» Иран пытался придать ей легитимность, представляя ее как законную организацию, борющуюся с окку-

пационным режимом, как одно из подразделений мирового антиимпериалистического и антисионистского движения.

Для этого Тегеран в последние годы провел несколько, конференций, посвященных так называемому национально-освободительному движению Палестины. В ходе первой из них, состоявшейся в октябре 1991 г., была обнародована фетва, запрещающая любое прекращение джихада для освобождения Палестины и объявляющая такую приостановку незаконной[24]. На подобных конференциях обычно присутствовали представители более 40 мусульманских стран, а также руководители практически всех боевых организаций Палестины[25].

На этих конференциях, а также на различных форумах Тегеран обрушивается на «сионистский режим» с самой яростной критикой.

Такая работа Ирана неразрывно связана с его пропагандистской деятельностью.

2. Пропагандистская поддержка

Кроме всего прочего, Иран также обеспечивает деньгами хорошо смазанную пропагандистскую машину «Хезболлы». Телевизионный канал «Аль-Манар» – официальный рупор организации – используется «Хезболлой» совместно с Ираном для радикализации исламской молодежи и прославляет насилие, особенно в контексте ситуации внутри и вокруг Израиля и Ирака. Нареченный «телевизионным каналом сопротивления» «Аль-Манар» выполняет роль пропагандистского инструмента «Хезболлы» для распространения в исламском арабском мире идей самопожертвования и продвижения, как говорят специалисты по пиару, террористической деятельности. Канал «Аль-Манар» прославляет террористические акты смертников, призывает к активным действиям против Израиля, Соединенных Штатов, сил коалиции в Ираке.

Во время своего создания в 1991 г. канал «Аль-Манар», получающий денежные средства из Ирана, имел годовой бюджет в 1 млн. долларов[26]. К 2002 г. его бюджет возрос приблизительно до 15 млн. долларов[27]. Ближневосточные аналитики и журналисты утверждают, что большая часть этих средств идет из Ирана[28].

Ави Джориш, автор книги «Маяк Ненависти: внутри телевидения «Аль-Манар» – телевидения «Хезболлы» пишет, что «Иран ежегодно передает «Хезболле» порядка 100–200 мил-

лионов долларов. Эта организация в свою очередь часть денег передает телеканалу «Аль-Манар», таким образом косвенно финансируя этот канал[29]. Это было подтверждено прежним директором программ «Аль-Манар» Шейхом Назиром Аль-Ахдаром, который утверждал, что этот телеканал получает большую часть средств через субсидии «Хезболлы»[30].

Как заявил один из сотрудников департамента художественной графики телеканала «Аль-Манар», передачи этого канала направлены на то, чтобы «помочь людям в их движении на пути самопожертвования, что на Западе вы называете миссией самоубийства»[31].

Соединенные Штаты наряду с Израилем остаются главной мишенью пропагандистских залпов программ «Аль-Манар». На канале США представлены как глобальный угнетатель.

В своей речи, транслировавшейся на волнах «Аль-Манар», генеральный секретарь организации «Хезболла» Хассан Насралла заявил: «Наша ненависть к Большому Сатане абсолютна и безгранична… Наш бесконечно повторяющийся лозунг останется надолго: “Смерть Америке!”».

«Аль-Манар» в своих передачах в визуальном ряду дает священные коранические тексты с изображениями сцен мученичества мусульман, чтобы подвигнуть телезрителя на поддержку такого героизма или даже нацелить его на совершение террористического акта ценой собственной жизни.

У потенциальных террористов-самоубийц канал пытается сфокусировать внимание на загробной жизни и Судном дне.

Матерям внушается мысль о необходимости отдать своих сыновей Богу и благословенной загробной жизни.

В идеологемах «Хезболлы» вера в Судный день – самое мощное оружие перед лицом современных военных технологий. Такая вера, по мнению пиарщиков из «Хезболлы», внесет страх в сердца израильских солдат[32].

3. Социальная поддержка

Другим средством, которое использует ИРИ для радикализации исламского общества и воспитания (а точнее – индоктринации) будущих террористов, является пропаганда успехов таких организаций, как «Хезболла» и ХАМАС на поприще социального обеспечения. Согласно данным Государственного департамента США, ХАМАС использовал палестинские благотворительные учреждения для укрепления собственного поло-

жения среди палестинцев, за счет и в ущерб авторитету Палестинской Национальной Администрации[33].

Действительно, в докладе, подготовленном в июне 2000 г. для тогдашнего главы ПНА Ясира Арафата, описывается встреча в Дамаске официальных представителей Ирана и лидеров ХАМАС, на которой согласовывались вопросы использования сферы социального обеспечения в битве за общественное мнение[34].

Палестинские аналитики с готовностью соглашаются, что ХАМАС имеет «проект позиционироваться в качестве альтернативы ПНА, хотя и не афиширует это»[35].

Финансирование Ираном «Хезболлы» и через нее ХАМАС служит не только делу радикализации палестинского общества, но и создает необходимую для этих организаций тыловую структуру поддержки.

Израильские аналитики пришли к выводу, что одним из способов, при которых органы соцобеспечения, находящиеся под контролем ХАМАС, служат аппаратом поддержки террористических группировок, является создание рабочих мест в благотворительных обществах и других подобных структурах, которые занимают оперативные сотрудники террористических организаций или члены их семей. Тем самым обеспечивается их легальное, юридически обоснованное прикрытие[36].

Кроме этого, Иран переводит в социальную сферу напрямую или используя каналы «Хезболлы», миллионы долларов. Перевод финансовых средств палестинским террористическим организациям осуществляется, в том числе, и через благотворительные фонды. Одним из финансовых каналов перекачки средств является благотворительный фонд «Аль-Ансар». Формально эта организация выплачивает стипендии студентам и оказывает финансовую помощь семьям погибших и палестинских заключенных. Часть этих денег предназначается семьям террористов-самоубийц и палестинских боевиков, раненых при столкновениях с израильтянами. Некоторые раненые переправляются в иранские госпитали для оказания им медицинской помощи. Напомним, что ранее эти функции выполняли представители Ирака в ПНА по личному указанию Саддама Хусейна.

О связях этого фонда с «Хезболлой» и Ираном стало известно после того, как некоторое время назад в секторе Газы были задержаны три брата, являвшиеся сотрудниками этой организации. Как выяснилось в ходе следствия, они занима-

лись переводом средств, получаемых от «Хезболлы» и КСИР, различным адресатам в Самарии.

В ходе следствия, к примеру, установлено, что через них проходили и средства, использованные впоследствии для финансирования подготовки теракта на железнодорожном вокзале Кфар-Сабы[37].

4. Военная помощь

Основным направлением военной поддержки Ираном группировок «Хезболла» является военная подготовка их членов. Она осуществляется в созданных и контролируемых иранцами учебных лагерях, которые действуют под эгидой «Хезболлы» и Народного фронта освобождения Палестины – Объединенное командование (НФОП – ОК). В этих лагерях, расположенных на территории Сирии и Ливана, иранские инструкторы обучают рекрутов различных национальностей – арабов и курдов, армян и палестинцев, представителей других национальностей диверсионно-разведывательной деятельности[38].

Кроме того, как считает палестинский ученый-юрист Зияд Абу-Амр, «Иран обеспечивает общую тыловую поддержку не только «Хезболле», но и ХАМАС, осуществляя военную подготовку его членов»[39]. По данным канадской разведки, ХАМАС имеет учебные лагеря в Иране, Ливане, и Судане. Причем лагеря ХАМАС в Ливане находятся под иранским наблюдением и контролем[40].

Большое место в иранской помощи «Хезболле» занимает обеспечение оружием, боевой техникой и другими техническими средствами ведения партизанской войны.

Незадолго до начала последней войны в Ираке ИРИ под давлением американской администрации приостановила поставки оружия «Хезболле». Но уже через полгода Тегеран возобновил снабжение организации оружием.

В частности, в 2004 г. для отправки оружия использовались сирийские самолеты, которые доставляли в Иран гуманитарную помощь пострадавшим в результате землетрясения в Баме. Обратно в Дамаск эти самолеты прибывали с грузом иранского оружия, которое затем переправлялось в Ливан[41]. Правда, позже, не без давления Москвы, руководство Сирии после визита в российскую столицу президента Башара Асада пошло на некоторые корректировки в своей политике. Это привело к прекращению поставок «Хезболле» оружия из Ирана через Дамаскский аэропорт[42].

Мирные перспективы

Существуют ли они? Да, существуют.

Особенно сейчас, когда Израиль и новое руководство Палестины пришли к согласию, им не должны мешать экстремисты с обеих сторон.

17 марта лидеры некоторых палестинских экстремистских группировок согласились прекратить нападения на израильские войска и объекты до конца 2005 г. К такому заключению пришли в результате 48-часовых переговоров представители официального руководства Автономии, ФАТХ, «Исламского джихада» и ХАМАС. Переговоры проходили в Египте.

В совместном заявлении сторон говорится: «Участники данного соглашения обязуются в течение 2005 г. поддерживать наступившее в настоящий момент перемирие в ответ на выполнение Израилем обязательств по прекращению агрессии во всех формах в отношении палестинских территорий и палестинцев вне зависимости от их местонахождения, а также по освобождению всех заключенных и пленных»[43].

Как заявил представитель ХАМАС Мохаммад Назал, предоставленное Израилю время – максимальный срок, за который он должен реализовать план по передаче городов на Западном Берегу и освобождению заключенных.

По мнению главы ПНА Махмуда Аббаса, согласие среди радикальных группировок заставит Израиль ускорить процесс передачи городов на Западном Берегу под контроль палестинских сил безопасности. Также Аббас высказал надежду, что перемирие позволит возобновить диалог с Израилем о независимости Палестины.

Израильские официальные лица, в свою очередь, заявили, что ожидают от Аббаса разоружения группировок. «Истинная цена словам главы ПА будет определена на деле. До тех пор, пока эти организации остаются при оружии, есть все основания сомневаться, что они будут придерживаться условий мирного соглашения», – сказал один из высокопоставленных израильских чиновников. Также МИД Израиля высказал надежду, что через какое-то время Аббас начнет разоружение экстремистов[44].

При всем этом некоторые израильтяне считают, что главное в проблеме прекращения огня со стороны исламистских экстремистов – деньги. Так, представитель израильского Генерального штаба отметил, что «настоящий камень преткновения

в переговорах, которые ведет Махмуд Аббас (с экстремистами), – никакие не идеи, а наличные. ХАМАС и «Исламский джихад» согласны прекратить теракты и держать перемирие достаточно длительный срок, но они получают за террор «сдельно» напрямую от Ирана или через «Хезболлу» и боятся остаться на мели, если присоединятся к прекращению огня». Все, чего радикальные исламисты требуют от Аббаса – это чтобы ПНА «компенсировала им финансовый ущерб» от прекращения убийства евреев[45].

Возможно, конечно, это преувеличение, но, с другой стороны, проблема денег, а в широком плане – социальная проблема в целом – существует. Десятки тысяч палестинцев и их братьев по борьбе, которые с пеленок научились лишь стрелять, могут остаться без средств к существованию. Ведь другой работы они не знают, да и ее нет в регионе. Это важнейшая социально-политическая и даже гуманитарная проблема, которую решать надо всем миром с подключением не только руководства Израиля или ПНА, но и международных организаций, включая ООН.

Другая проблема – это помощь извне экстремистским группировкам в Палестине. Было бы, наверное, более продуктивно не инициировать финансированием террористические акты, а направить средства исключительно на гуманитарные цели. Мало разоружить боевиков – это лишь часть огромной работы. Главное – создать политико-экономические условия перехода боевиков с тропы войны на тропу мира. И здесь, как это ни парадоксально, роль «Хезболлы» могла бы быть центральной.

«Хезболла» является одной из самых авторитетных и активных организаций Ливана, она располагает собственной фракцией в ливанском парламенте, а также пользуется мощной поддержкой среди мусульман-шиитов. При всем своем не совсем привлекательном международном имидже (ее признали террористической и США, и Европарламент) эта организация – не только боевики, не только террористическая активность, но неумеренные исламисты и политическая, в том числе и парламентская деятельность Движения. Это дает основание с определенной долей условности сравнить «Хезболлу» с Ирландской Республиканской Армией (ИРА), внутри которой также борются две тенденции – политическая и военная.

В этой сложнейшей и неоднозначной ситуации мировое сообщество должно поддерживать политическое крыло «Хезболлы», поощрять умеренных политиков этой организации и

все их позитивные шаги, которые могли бы привести к нормализации обстановки в регионе. Было бы прагматично, используя возможности «Хезболлы», втянуть экстремистские группировки, действующие в регионе, в мирный процесс, хотя бы в качестве нейтральных субъектов.

Поэтому не лишены резона предложения, к примеру, Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о необходимости признания со стороны Организации Объединенных Наций ливанской партии «Хезболла». «Это сила, с которой следует считаться...» – заявил Генсек[46].

В том же ключе построены и заявления министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова: «...В интересах Ливана и всего Ближнего Востока, чтобы политическая роль «Хезболлы» была принята во внимание и получила возможность представлять свои интересы через выборы в структурах власти, которые будут формироваться в Ливане». Председатель Прогрессивно-социалистической партии Ливана, сын известного ливийского политика Камаля Джумблата, Валид Джумблат в одном из своих выступлений намекнул на возможную роль «Хезболлы» в строительстве Ливана, не зависимого от сирийских спецслужб[47].

Однако в случае с «Хезболлой» многое зависит от Тегерана, от его политической воли и готовности содействовать нормализации обстановки в регионе. Сможет ли руководящая военно-политическая верхушка ИРИ снять идеологические шоры и на деле продемонстрировать способность объективно оценить тенденции и динамику современного развития мировых и региональных социально-экономических процессов. Захочет ли Иран поступиться своими антиизраильскими принципами и хотя бы не мешать позитивному развитию мирного процесса на Ближнем Востоке? Вот в чем проблема. Хотя вполне вероятно, что настойчивость Тегерана в осуществлении им своей эгоистичной политики в регионе может привести, с одной стороны, к расколу «Хезболлы», возможно, и других экстремистских группировок на более радикальные и менее радикальные фракции. С другой, – к отторжению Ирана от участия в решении кардинальных проблем современности. Это может стать причиной новой изоляции (или самоизоляции?) Исламской Республики, что отрицательным образом скажется на социально-политическом развитии страны и ее будущем.

[1] Цитируется по: Штейнберг М. Три армии одной страны // Независимое военное обозрение (НЕО). 04.07.2003.

[2] Сажин В.И. Вооруженные силы Ирана // Зарубежное военное обозрение (ЗВО), 2000, № 12.

[3] См. подробнее: Сажин В.И. Силы сопротивления «басидж» Исламской Республики Иран // ЗВО, 1998, № 3.

[4] Тарабрин С. Религия как источник конфликта. Кто занимается распространением исламской идеологии? // НВО. 30.08.2002.

[5] Там же.

[6] Штейнберг М. Три армии одной страны // НВО. 04.07.2003.

[7] Сайт: Иран.ру. 21.11.2003).

[8] Кочанов Е. Свежий ветер с востока // Партнер (Германия), № 3 (90), 15.03.2005.

[9] Iran reformist says state of Israel must be eliminated. // Agence France Presse. 22.04.2001.

[10] Российское информационное агентство «Новости», 17.04.2005

[11] «Хезболла» («Партия Бога»). Название движения буквально переводится с арабского языка как партия Аллаха (коранический термин, антипод партии сатаны, т.е. врагов ислама). Другие названия: «Исламский джихад», «Организация исламского джихада», «Организация революционного правосудия», «Организация угнетенных на Земле», «Исламский джихад за освобождение Палестины», «Организация правоверных против неверных», «Ансар аллах», «Последователи пророка Мохаммада».

«Хезболла» – группировка, образованная в Ливане в 1982 г. во время израильского вторжения в Ливан, является объединением радикальных шиитских групп и организаций, разделяющих идеи лидера иранской революции аятоллы Хомейни, прежде всего его непримиримость к «сионистскому образованию» – Израилю и установку на вооруженную борьбу против него до полного освобождения Палестины.

Иран был одним из спонсоров и организаторов «Хезболлы». С конца 1982 года военнослужащие КСИР принимали непосредственное участие в формировании отрядов Хезболлы и осуществляли всестороннее обеспечение их деятельности – военно-политическое, идеолого-пропагандистское, финансовое.

Главная цель – создание в Ливане исламской республики иранского образца и удаление из этого региона всех неисламских влияний. «Хезболла» решительно настроена против Запада и Израиля. Поддерживает тесные связи с Ираном и нередко действует по его указанию, но не исключено проведение ею и операций без согласования с Тегераном.

Духовным лидером Движения является шейх Мухаммед Хусейн Фадлалла, аятолла, главный муджтахид (знаток шариатских законов) шиитской общины Ливана.

Генеральным секретарем Движения в настоящее время является Хасан Насралла (в начале 80-х гг. полномочный представитель шиитского движения «Амаль» в долине Бекаа, порвавший с этим движением и перешедший в «Хезболлу» со своими многочисленными сторонниками).

«Хезболла» создала свои ячейки в Европе, Африке, Южной и Северной Америке и в других регионах.

На всем протяжении 80–90-х гг. «Хезболла» вела непрерывную партизанскую войну против израильских войск на оккупированном юге Ливана. (Цитируется по сайту – http://www.religio.ru/dosje/21/93j3rint.html, Источник: ICT – Terrorism & Counter-Terrorism).

[12] Иванов В. Террористы-смертники наступают // Независимая газета, 01.04.2005.

[13] Там же.

[14] Путилов С. Сирия: лучше Асад, чем джихад // Информационное агентство Росбалт, 16.03.2005. http://www.rosbalt.ru/2005/03/16/200241.html.

[15] Шестаков Е. Разрывная политика // Российская газета, 29.03.2005.

[16] Иран и «Хезболла» финансируют террористов из ФАТХа // Информационное агентство Cursor, 20.01.2004.

[17] Scott Wilson. – «Lebanese Wary of a Rising Hezbollah». – The Washington Post, December 20, 2004.

[18] Matthew Levitt. Iran: Foremost State Sponsor of Terror. February 16, 2005. (Iranian State Sponsorship of Terror: Threatening U.S. Security, Global Stability, and Regional Peace Testimony of Matthew A. Levitt Senior Fellow and Director of Terrorism Studies The Washington Institute for Near East Policy. Joint Hearing of the Committee on International Relations Subcommittee on the Middle East and Central Asia, and the Subcommittee on International Terrorism and Nonproliferation United States House of Representatives).

[19] Hezbollah, Hamas Leaders Meet, Agree «Resistance» Only Option // Global News Wire – Asia Africa Intelligence Wire, Copyright 2005 BBC Monitoring/BBC, BBC Monitoring International Reports, January 31, 2005.

[20] PA officials say Hezbollah is trying to disrupt cease-fire // Reuters and Haaretz Service, February 9, 2005.

[21] Сайт: Израиль для вас. Калейдоскоп событий. Новости Израиля. – http://www.il4u. org.il/press/ksarticle. php?reqdate=12.09.2004.

[22] Susan Weinstein et al v. The Islamic Republic of Iran et al // United States District Court for the District of Columbia, Civil Action № 00-2601 (RCL), February 6, 2002.

[23] Matthew Levitt. Iran: Foremost State Sponsor of Terror, February 16, 2005.

[24] Hatina Meir. Islam and Salvation in Palestine. – The Moshe Dayan Center for Middle Eastern And African Studies. Tel Aviv University. Tel Aviv: 2001.

[25] Khameini: «Zionists had close relations with Nazis». // Jerusalem Post. April 25, 2001.

[26] Jorisch interview with Lebanese Hezbollah expert, October 11, 2002 in Avi Jorisch, Beacon of Hatred:Inside Hezbollah's al-Manar Television (Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy,2004), Page 32.

[27] Nicholas Blanford. Hezbullah Sharpens Its Weapons in Propoganda War. // Christian Science Monitor, December 28, 2001.

[28] Robert Fisk. Television News Is Secret Weapon of the Intifada // The Independent (London), December 2, 2000.

[29] Ali Nuri Zada. Iran Raises Budget of «Islamic Jihad» and Appropriates Funds to Fighters // Al-Sharq al-Awsat (London), June 8, 2000.

[30] Hizbollah Inaugurates Satellite Channel via ArabSat // Al-Ra'y (Amman), May 29, 2000. BBCSummary of World Broadcasts, May 31, 2000.

[31] Matthew Levitt. Iran: Foremost State Sponsor of Terror, February 16, 2005.

[32] Там же.

[33] Testimony of E. Anthony Wayne, Assistant Secretary of State for Economic and Business Affairs, Department of State, to the Senate Banking Committee, September 25, 2003.

[34] Amos Harel. The PA Steals from Me, Hams Takes Care of Me // Ha'aretz, June 27, 2002.

[35] Nidal al-Mughrabi. Analysis: Hamas Plays Key Role in Palestinian Uprising // Reuters, August 1, 2001.

[36] Interpal, Part I. – Special Information Bulletin, Intelligence and Terrorism Information Center at the Center for Special Studies. – Israel, December 2004, available online at
http://www.intelligence.org.il/eng/sib/12_04/interpal.htm

[37] Сайт: Израиль для вас. – Калейдоскоп событий. – Новости Израиля. http://www.il4u.org.il/press/ksarticle.php?reqdate=2004-12-09.

[38] Senior Fatah Militant in Lebanon Directed and Financed Serious Terror Attacks in Territories and Israel. – Press Release Communicated by Israeli Prime Minister's Media Advisor, May 26, 2002, at http://www.imra.org.il

[39] Ziad Abu-Amr. – «Islamic Fundamentalism in the West Bank and Gaza: Muslim Brotherhood and Islamic Jihad. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994, c. 88.

[40] Terrorist Group Profiler. – Canadian Secret Intelligence Service (CSIS), June 2002, Author's personal files; See also Stewart Bell. Hamas May Have Chemical Weapons: CSIS Report Says Terror Group May be Experimenting // National Post (Canada), December 10, 2003.

[41] Иран переправляет оружие для «Хезболла» на самолетах гуманитарной помощи. – Lenta.Ru. 09.01.2004.

[42] Яременко Валерий. Ближневосточный лабиринт. – Сайт: Утро. 15.04.2005. http://www.utro.rU/articles/2005/04/l 5/429024. shtml

[43] Lenta.ru: Новости:
http://lenta.ru/news/2005/03/18/palestine/18.03.2005.

[44] Lenta.ru: Новости:
http://lenta.ru/news/2005/03/18/palestine/18.03.2005.

[45] Палестинские бандформирования готовы на прекращение огня, если им заплатят больше, чем платят Иран и «Хезболла» за продолжение террора // Агентство еврейских новостей. 24.01.2005.

[46] Аннан К. ООН должна признать «Хезболлу». – IslamOnline.Com. 09.03.2005. http://www.islamonline.com/cgi-bin/news_service/middle_east_full_story.asp?service_id=7087).

[47] Информационно-аналитическое агентство «Маркетинг и Консалтинг» (МиК). События. 16.03.2005. –
http://www.iamik.ru/20756.html.

А.О.Филоник

АРАБСКАЯ ДЕРЕВНЯ: РЕСУРСОПОЛЬЗОВАНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС

Проблема щадящего ресурсопользования и поддержания экологического баланса в арабском аграрном секторе возникла не сразу после того, как в середине 70-х годов прошлого века начался процесс интенсификации сельского хозяйства. Как общеарабская, она стала трактоваться ближе к концу тысячелетия, когда в разных сегментах его аграрного пространства получили апробацию новые технологии, интенсивные модели развития, включались факторы, стимулировавшие ускоренный экономический рост. Эти новшества резко усилили нагрузки на природные ресурсы и локальные экосистемы и не только повысили продуктивность поля, но и породили грозные явления, связанные с разрушением окружающей среды, масштабы которого стали ныне вызывать в обществе обоснованную тревогу.

В ряде традиционных районов арабского интенсивного земледелия уже, по-видимому, достигнут потолок производительности, оптимальный при данных природно-климатических условиях и при современном уровне механизации и агротехнологий. Подъем, связанный с развернутым применением в 70-е годы прошлого века сельскохозяйственных машин, химических средств и активной мобилизацией наиболее технически подготовленных контингентов носителей живого труда, инициированный в целях подтягивания сельского хозяйства в качественном отношении к уровню промышленности, был достигнут за исторически короткий промежуток времени. Это привело, помимо повышения урожайности, к ускоренному, в течение двух десятков лет, истощению земель и перерасходу водных ресурсов, но и вообще к переходу в фазу развития, знаменовавшуюся перенапряжением возможностей всех составляющих окружающей среды. Возникла ситуация, при которой дальнейшее насыщение продвинутых хозяйств агросферы техническими средствами утрачивает смысл из-за того, что

невозможно достигнуть адекватной отдачи от их применения в сложившихся обстоятельствах. Мало помогают и такие приемы, как изменение севооборотов, сокращение земель под паром, более обильный, где это возможно, полив и т.п. Тем более, что подобные попытки сохранить продуктивность чреваты нарастающим ущербом не только природе, но и самому производству, поскольку его состояние зависит от равновесия природных и производительных сил.

По существу, это означает, что в ряде сельскохозяйственных регионов близки к исчерпанию возможности приращения аграрной продукции на базе технологий, которые еще в 80-е годы определяли облик крупных сегментов арабской деревни как прогрессивный и были мерилом ее способности реально решать перспективные задачи. К тому же техногенный фактор входит в противостояние с фактором экологическим, в результате чего возникли мощные ограничители для дальнейшего наращивания производства товарной продукции прежними методами. Попытки любой ценой вести сельское хозяйство в этих условиях, не изменяя подходов к нему, могут привести только к удорожанию сельхозпродукции, поскольку снижение плодородия почв в зонах, в прошлом благоприятных для земледелия, становится суровой действительностью.

Тем не менее это явление, хотя оно и имеет перспективы к разрастанию, преувеличивать не следует. Во-первых, запас прочности таких локальных экологических зон все же больше, чем, например, в степных, периферийных аграрных ареалах, а во-вторых, предпринимаются смягчающие меры, чтобы не доводить ситуацию до открытого кризиса , хотя в рамках нынешней системы землепользования такие меры выступают более как паллиативные, и поддерживаемая с их помощью устойчивость аграрных экосфер все же не бесконечна.

Представляется, что интенсификация сельского хозяйства путем наращивания преимущественно физических показателей модернизации производительных сил деревни только на время принесла плоды, но в перспективе обернулась новым этапом ухудшения условий аграрного воспроизводства как раз в тех районах, с которыми связываются основные надежды на щедрые урожаи.

Возникает как бы замкнутый круг, при котором, с одной стороны, экологические императивы требуют отказаться или ограничить, по крайней мере, масштабы давления на аграрную экосферу. А с другой, растущие общественные потребности серьезно затрудняют отречение от еще недавно бывших успешными мето-

дов и пугают непредсказуемостью напрашивающихся иных решений, экономическая и социальная цена которых в случае возникновения слишком болезненных последствий их применения может оказаться слишком высокой для общества.

Но, в конечном итоге, будущее сельского хозяйства зависит от его способности обеспечивать экономическое благосостояние и социальный прогресс, недостижимые без восприятия инноваций, имеющих объективный характер и лежащих на магистральных путях мирового развития в хозяйственной сфере вообще и в аграрной, в частности. Тем не менее на конкретно-исторических этапах текущие интересы общества, связанные, например, со стремлением ускорить темпы экономического роста за счет дальнейшей индустриализации, могут оказываться сильнее интересов, связанных с модернизацией элементов воспроизводственных механизмов в деревне. Особенно в условиях кажущейся лабильности аграрных структур, инерционности внутренних процессов в них и того факта, что сельское хозяйство само по себе не является генератором прогресса в обществе, а стимулы к его развитию создаются во вне его.

В связи с этим есть примеры, когда правящие режимы в арабских странах с крупной аграрной составляющей и в условиях ограничения тенденций к коммерциализации аграрного сектора оказываются перед соблазном презреть потребности модернизации аграрных структур путем внедрения рыночных моделей их развития и продолжают усовершенствование производства исключительно за счет изменений физических характеристик капитала.

Изначально программы перемен коснулись тех зон, которые исстари обеспечивали относительно эффективное хозяйствование на земле, были лучше освоены и стали объектом внимания властей именно в силу этих обстоятельств. Другие же территории, менее плодородные, но весьма обширные, до поры оставались вне сферы хозяйственного развития или образовывали оборотный резерв второй и третьей очереди. Ныне же они могут такое внимание привлечь. Ведь в условиях растущего демографического прессинга и в отсутствие развитых рыночных механизмов, которые могли бы служить универсальным регулятором активного включения в производство разнотипных аграрных структур, порожденных многоукладностью и отличающихся различной степенью стадиальной зрелости, их освоение представляется связанным с меньшими социальными издержками. По сравнению с ними экономические не являются для правящих режимов столь

же определяющими (хотя не подлежит сомнению, что экономические факторы в виде дефицита инвестиций и капиталов - мощный «подрывной» момент, преодоление которого не менее значимо для властей, чем следование идеологическим или политическим императивам). Ведь переход к рыночной экономике, которая будет настойчиво стремиться к окончательному утверждению капиталистических принципов в деревне и к формированию развитого современного агробизнеса, чреват серьезной угрозой тем режимам, что могут существовать, только удерживая контроль над своей социальной базой. Поэтому они опасаются любых действий, которые могут нарушить устоявшееся равновесие, в том числе и за счет массового изменения социальных характеристик сельских товаропроизводителей.

Подобное чревато реформой системы в отличие от реформ внутри системы, к которым власть порой прибегает, чтобы минимизировать наиболее одиозные последствия собственного игнорирования законов функционирования сферы материального производства. Правящие режимы не могут идти на действия, несущие в себе заряд отрицания их как общественно-политических систем, утвердившихся в специфический постколониальный период на волне поиска социально справедливых моделей хозяйственного устройства, склонности к общественным экспериментам и неприятия западных шаблонов развития. Противоположное дискредитировало бы концепции развития национально-демо-кратических сил, усвоивших те или иные элементы социалистической идеи или предлагавших следовать неким формам доморощенных идеологий, ориентированных на развитие капитализма в усеченной форме.

Новые аграрные реформы, имеющие рыночное содержание, о необходимости которых говорят некоторые арабские политики и эксперты, по понятным причинам рассматриваются правящими кругами в арабском мире как фактор, способный привести скорее к деградации аграрной сферы, чем к ее подъему. При этом они исходят из того, что полный перевод деревни на капиталистические рельсы приведет к безудержной эксплуатации земельного фонда и водных ресурсов. Кроме того, хотя в период завоевания независимости в арабских странах уже был сделан максимум возможного для высвобождения производительных сил деревни и оптимизации ресурсопользования, все же по прошествии почти полувека видно, что рост в аграрном секторе все еще во многом остается экстенсивно-интенсивным, тогда как современные экономические темпы, основанные на интенсивных формах труда,

остаются отдаленной перспективой практически для всего арабского сообщества аграриев.

Исключение, возможно, являют собой только «капиталоизбыточные» арабские государства, которые, видимо, намерены и дальше поддерживать свой потребительский рынок аграрной продукции за счет импорта, хотя «благодаря» максимальному насыщению современными средствами производства своих аграрных секторов вышли на рекордный уровень капиталозатратности в области интенсификации земледелия. Что касается стран капиталодефицитных, то их политика, наверное, состоит в том, чтобы, сохраняя социальные параметры аграрного сектора, продолжить движение в русле неустойчивого прогресса в надежде на то, что мировая динамика будет и дальше чисто механически увлекать их сельское хозяйство на путь поступательного развития, и они будут двигаться в догоняющем режиме, заимствуя новые агротехнологии по мере их доступности.

Такой способ действия позволит избегать продолжения аграрных реформ, которые трактуются как неуместные в условиях, когда требуется консолидация общества перед лицом многих вызовов, в частности, угрозы дестабилизации продовольственных рынков в арабском мире в результате воздействия внутренних трудностей и внешних обстоятельств, острота которых усилится после вступления в ВТО.

Между тем реформы – это в то же время и вопрос использования ресурсов. Их оборот в арабском сельском хозяйстве в целом ряде аспектов нерационален и нуждается в оптимизации. Здесь в ряде его сегментов бытует практика, вступающая в противоречие с новыми потребностями развития, поскольку настала пора иных взглядов на оперирование ресурсами, их распределение, формирование каналов обмена ими и т.п., свои требования предъявляют глобализация и интернационализация мирового экономического пространства. Сегодня в арабском мире ресурсосбережению еще не отведено должное место в системе национальных приоритетов.

Стратегия направлена на то, чтобы поддерживать интенсивный сектор и наращивать его размеры за счет создания дополнительных зон устойчивого хозяйствования. Подобный проект осуществляется в рамках политически детерминированной экономической системы и не влечет за собой ее перестройки. Ведь новое землеустройство ведется рядом, а не на месте устоявшихся форм земельной собственности.

Эта система позволяет достичь большого социального эффекта. В частности, обеспечивается занятость, поскольку освоение территорий – крайне трудоемкий процесс, требующий множества рук, а кроме того, образовавшиеся полезные угодья обеспечивают занятость для контингентов потенциальных товаропроизводителей из числа безземельных крестьян. Параллельно с этим, как отмечалось, достигается политический эффект: не вытесняются устоявшиеся формы землевладения и землепользования, т.е. социальная структура деревни остается прежней, т.е. способной служить базой и опорой правящих политических сил. Налицо и экономический результат: физический рост объема урожаев, увеличение продовольственных ресурсов. Явления эти, особенно связанные с ресурсопользованием, только отчасти обеспечивают стабильность воспроизводственного процесса. Его параметры сохраняются только в том случае, если в зоне его действия регулярно идет включение в оборот новых угодий, которые заменяют выпавшие в силу ускоренной деградации антропогенного происхождения.

Такая ситуация при видимости внешней активности процессов развития аграрной сферы скрадывает реальную картину, маскируя медленную динамику ее роста и сдерживая возможность технологического обновления деревни.

Как правило, угодья в зоне рискового земледелия переводятся в годное для культурного использования состояние с помощью государства. При этом не столько потому, что государство стремится реализовать свое право верховного собственника земли, сколько в связи с тем, что такая трансформация недоступна местным товаропроизводителям. К расширению клина пахотнопригодных земель государство вынуждают обстоятельства уже форсмажорного плана, т.е. обострение дефицита продовольственных ресурсов. К тому же освоение площадей сопряжено с необходимостью более рационального размещения масс населения и производительных сил и гармоничного их слияния, а также более плодотворного использования природных ресурсов в соответствии с общенациональными интересами.

Здесь вырисовываются два пути активного включения в оборот периферийных земель. Первый связан с практикой ускоренной интенсификации угодий, при которой упор делается на получение быстрого результата без учета последствий для ресурсной базы в зоне производства. Второй - с осторожным вмешательством в природную экосферу и с постепенным использованием

элементов продвинутого хозяйствования в агросфере, основным критерием чего должна стать экологичность, т.е. ненарушаемость главных параметров окружающей среды и поддержание ее в состоянии равновесия. Это - тяжелое условие, поскольку всегда есть соблазн в погоне за высокими показателями пренебречь интересами среды. Однако в арабских странах нет достаточных финансовых и технических ресурсов для фронтальных действий, и это единственное, что служит пока гарантией сохранения периферийных участков от излишнего давления даже при использовании только традиционной, т.е. малопроизводительной техники. Тем более, что легко перейти грань, которая отделяет облагораживание природы путем создания на малопригодных ландшафтах продуктивных хозяйств от разрушения этих ландшафтов за счет изменения их экологических характеристик. Особенно, если набор средств для мягкого взаимодействия с природной средой в хрупких экологически зонах невелик.

Экологически безопасное сельское хозяйство может быть создано, только если добиться его сбалансированного развития, т.е. исключить возникновение очагов антагонизма между хозяйством агросферы и природной экосферой. Включение в хозяйственный оборот периферийных территорий на этих условиях – верный способ запуска программ создания экологически устойчивого сельского хозяйства. Это может быть достигнуто двумя путями. Первый связан с ослаблением общего давления на земли и водные ресурсы в старых зонах интенсивного хозяйствования для их регенерации, что предполагает замещение отдельных интенсивных операций более щадящими, хотя подобное может сопровождаться и некоторым сокращением сельскохозяйственного производства. Второй сопряжен с тем, что такое сокращение в определенной степени возможно компенсировать за счет более широкой эксплуатации частей периферийного земельного фонда, где традиционные методы хозяйствования дополняются более продвинутыми, но в рассчитанных пропорциях, обеспечивающих сохранение природной экосферы на будущее в пригодном состоянии.

Однако это чрезвычайно сложный процесс, и сегодня в арабском мире можно найти немного примеров гармоничного развития, позволяющего избегать деструктивных шоков с их угнетающим воздействием на воспроизводственные процессы в аграрной сфере. Представляется очевидным, что пока здесь усвоены преимущественно грубые механизмы взаимодействия общества и природы, ресурсы которой расходуются не с той степенью эко-

номности и осторожности, которые могли бы гарантировать равновесие антропогенных и природных факторов.

Пропорции экономического роста в арабском мире за последние полвека складывались под влиянием попыток утвердить новые формы хозяйственной организации в деревне и инициировать более приемлемые модели развития, гарантирующие преодоление окраинного статуса арабского региона. За этот период структура национального производства в большой части арабских стран поменялась таким образом, что они смогли отойти от преимущественно аграрной специализации и поднять свой индустриальный компонент. При этом изменились техническая вооруженность и уровень не только промышленного производства, но и сельского хозяйства, в котором возникли анклавы индустриального труда. Существенно важно, что новая система производительных сил деревни, призванная повысить отдачу от эксплуатации локальных агросфер, вошла в противоречие с ресурсными возможностями местных экосистем. Диспаритет привел к возникновению в них очагов депрессии и к появлению сбоев в воспроизводственном процессе.

Ресурсная база арабского сельского хозяйства так или иначе имеет выраженные пределы, и выход за них ведет к чрезмерному напряжению природного потенциала. Но за счет этого арабскому миру удалось к началу третьего тысячелетия при опоре в той или иной мере на собственные силы сузить разрыв между приростом населения и продовольственными ресурсами, которые в отдельных случаях даже превышают по некоторым товарным группам внутренние потребности. Подобные результаты были достигнуты именно ценой усиления давления на землю и водные источники. Хроническая перегрузка их может повлечь за собой качественное изменение ситуации и, возможно, даже знаменует начало перехода от относительного дефицита природных средств производства к абсолютному.

В этих обстоятельствах возникает двуединая проблема. С одной стороны, в условиях деградации экосферы поддержанию самообеспеченности по ряду культур, достигнутому в прежний период, может быть положен конец в процессе хронического убывания плодородия почв. С другой стороны, восполнение ресурсной базы земледелия может оказаться настолько трудным предприятием, что земельный голод способен превратиться в реальность и угрозу национальной безопасности арабского мира. Такая возможность уже обозначилась в некоторых его частях и имеет тенденцию

охватить достаточно обширный ареал. Проблема лишь пока не обрела масштабов кризиса благодаря некоторым резервным возможностям, например, применению технологий, позволяющих отодвигать момент, при котором ситуация становится необратимой.

Тем не менее проблема существует, и с каждым годом для своего решения требует все более серьезного напряжения бюджетов и аккумулирования средств, мобилизация которых сама по себе представляет немалую трудность для большой части арабского мира. В этих обстоятельствах здесь все более настойчиво говорят о наступлении некоей предкризисной фазы, которая при неблагоприятных условиях может перерасти в полномасштабный кризис, когда увеличение объемов производства продовольствия перестанет обгонять прирост населения, а возможности импорта не смогут компенсировать возникший дефицит.

При всей опасности такого развития событий в арабском мире существует некая убежденность, что силы прогресса науки, появление новых технологий, новых же продуктов питания отведут угрозу катастрофы. Однако есть и понимание того, что в драматических обстоятельствах арабскому миру придется быть более адекватным и реактивным, чтобы уловить близость переломного момента, изменить политику и суметь сориентироваться таким образом, чтобы адаптировать генерируемые вовне инновации к собственным потребностям. Между тем такая мобильность нарабатывается десятилетиями опыта, активного поиска, маневра средствами и т.п., т.е. такими свойствами, которые явно не составляют сильную сторону арабской ментальности.

На иной стадии развития ситуации в аграрном секторе у арабских стран не будет другого выхода, кроме как преодолеть индивидуализм и перейти к коллективным действиям в вопросах ресурсопользования и экологической защиты среды обитания аграрных зон. Острая потребность в этом может послужить и реальным стимулом для запуска механизмов арабской интеграции, инертный подход к которой может быть преодолен только при появлении серьезной мотивации. Оптимизацию ресурсопользования и природоохранных действий возможно осуществить либо через межарабскую консолидацию сил с целью освоения сельскохозяйственных ресурсов на свободных угодьях Судана или группы стран и придания такому мероприятию статуса общеарабского проекта, либо за счет специализации ряда национальных сельскохозяйственных сегментов по отдельным культурам, наиболее приемлемым для них, либо в процессе синтеза этих решений.

Э.В.Павлуцкая

ПРАВОЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МАРОККО

Первые десятилетия независимого существования Марокко отличались социально-политической нестабильностью. Период становления государственности сопровождался тяжелым социально-экономическим положением, связанным с переходом от колониализма к самостоятельному развитию. В условиях крайней общественной дезинтеграции и слабости государственной власти страну сотрясали социальные, этнические, религиозные конфликты, борьба кланов за власть, соперничество политических элит.

Арабо-берберский дуализм марокканского общества (по некоторым оценкам, берберы составляют около 60% населения) породил центробежные тенденции, вдохновляемые местными феодальными кланами. Сложной внутриполитической обстановкой воспользовались племена Рифа, поднявшие в 1958 г. восстание против гегемонии самой авторитетной буржуазной партии «Истикляль», стремившейся занять руководящее положение в обществе. Активно участвуя в национально-освободительном движении, берберы завоевали право на равное участие в политической жизни. Восстание было жестко подавлено наследным принцем Муляй Хасаном и министром М.Уфкиром с использованием напалма.

В берберских районах межэтнические проблемы накладывались на социальные. Именно горные районы, где традиционно проживают берберы, оказались и наиболее отсталыми. Здесь больше всего ощущается нехватка воды, недостаточно налажена электрификация населенных пунктов. Среди берберов выше уровень неграмотности и безработицы. Традиционная эмиграция берберов в Европу несколько снизила угрозу социального взрыва. Но не устранила проблему сохранения берберской идентичности, их языка и культуры. До недавнего

времени власти игнорировали требования берберов признать их язык в качестве второго национального, а их культуру – неотъемлемой частью национальной культуры. Когда один из берберских деятелей осмелился утверждать, что берберский язык является таким же языком, как и арабский, он был осужден на годичное заключение в тюрьме.

В оппозиции к власти оказалась не только протестующая берберская, но и арабская элита. Соперником правительства стала влиятельная партия «Истикляль». После ее раскола оппозиционных партий стало больше, борьба политической элиты за власть привела к ряду покушений на короля. Подъем республиканизма в соседних странах повлиял и на идеологию марокканской оппозиции. В 1969 г. был раскрыт заговор молодых офицеров, на которых оказало влияние свержение короля в Ливии и приход к власти М.Каддафи. Наиболее громкими были покушения на короля Хасана II в 1971 и 1972 гг., в которых участвовала армейская верхушка.

После всех этих событий правительство встало на путь репрессий и казней. Начались судебные процессы по делу военных, последовали многочисленные аресты среди активистов Национального союза народных сил (НСНС), Национального союза марокканских студентов (НСМС). В ответ на репрессии часть оппозиции встала на путь вооруженной борьбы с монархическим режимом. Ее вдохновителем стал руководитель зарубежной секции НСНС М.Басри.

Наиболее массовые выступления недовольных внутренней политикой правительства прошли в 1965, 1981, 1984 и 1990 гг. Каждый раз на улицах городов проливалась кровь. Но со временем изменились движущие силы этих выступлений. Оппозиционные силы начального периода руководствовались идеями классовой борьбы. Если вначале основную роль играли ультралевые, то характер последующих движений определяли исламисты.

В основе социального протеста лежала сложная экономическая ситуация и связанная с ней проблема безработицы, вызванная, в частности, неравномерным перераспределением населения между городом и деревней.

В конце 70-х – начале 80-х годов особенно широкий размах приобрело забастовочное движение. Одновременно с крупнейшими забастовками в 1981 г. по призыву профцентров Марокканского союза труда (МСТ) и Демократической конфедерации труда (ДКТ) начались бунты в трущобах Касабланки. Они пере-

кинулись на другие районы города и сопровождались погромами богатых кварталов. Правительство двинуло против населения войска и полицию. В ходе столкновений погибли 637 человек.

Часты случаи разгона демонстрантов с помощью водометов и резиновых пуль в Рабате, Касабланке (в том числе выступлений против действий Израиля). То же наблюдалось и в провинции (например, в деревне Тармилет на заводе по розливу воды, где забастовщики выступили против увольнения временных рабочих, 12 рабочих были ранены и 12 арестованы). В 1999 г. от действий полиции пострадали участники демонстрации из Национальной ассоциации дипломированных безработных, которую не хотели узаконить власти, Группы 314 (организация безработных врачей и инспекторов) и других отдельных групп. Совершенно беспрецедентный случай – разгон 26 июля, а затем и 12 сентября 1999 г. демонстрации дипломированных инвалидов.

Права на создание ассоциаций и проведение забастовок постоянно нарушаются властями. Такая ситуация связана и со слабой организацией лиц наемного труда. Из 9 млн. трудящихся только 500 тыс. были объединены в профсоюзы, среди которых насчитывается 17 отраслевых федераций[1]. Министерство внутренних дел, имея информаторов в профсоюзах, стремится инспирировать избрание своих представителей в руководство профсоюзов. В результате послушное руководство не меняется много лет.

Доклад Международной организации труда в мае 1999 г. отметил нарушения в Марокко права на ассоциации и угрозу свободе слова. В докладе говорилось об арестах и тюремных сроках профсоюзным работникам. Правительство препятствовало или задерживало проведение коллективных переговоров предпринимателей и трудящихся.

В Марокко до сих пор нет такого предприятия, где бы ни нарушались те или иные статьи трудового законодательства. Особенно часты нарушения положения о сверхурочной работе, о пособиях по несчастным случаям, об оплачиваемых отпусках и т.п. В результате профсоюзы все чаще обращаются в трибуналы для разрешения конфликтов. Инспекторы же министерства труда немногочисленны, и у них нет возможности проконтролировать все конфликтные ситуации. До сих пор нет закона, запрещающего предпринимателям антипрофсозную дискриминацию. Поэтому часты случаи увольнения рабочих за активную профсоюзную деятельность. Несовершенство трудового кодек-

са дает возможность предпринимателям для всяческого рода нарушений трудового законодательства, а полиции – расправы с бастующими, отстаивающими свои права. Условия же труда в неформальном секторе вообще не подпадают под действие закона. Инспекторам не всегда удается проконтролировать применение принудительного труда, запрещенного законодательством. Законом же запрещен и детский труд (7–12 лет), но он также нарушается.

Предпринимаются некоторые меры для привлечения неблагополучных детей в школы и усиления контроля за их здоровьем. Но, как всегда, правительство не имеет средств для отслеживания ситуации с детской рабочей силой в домашнем труде, хотя и такой труд способен отвлекать от преступной деятельности и проституции.

Ощутимым явлением стало молодежное и студенческое движение в стране, наиболее грозно проявившее себя в 1965 г., что повлекло за собой введение на пять лет чрезвычайного положения. Студенческие забастовки в крупнейших университетах Рабата, Касабланки, Феса и других городов стали постоянным явлением. Быстрый подъем левого радикализма сопровождался открытым антимонархизмом и организацией партизанского движения, руководимого из-за границы. В начале 80-х годов студенты выдвинули не только экономические, но и политические требования: соблюдение гражданских свобод, освобождение политических заключенных.

Инициаторами студенческих выступлений стали как левые радикалы, так и исламистские группировки. Оппозиционные мусульманские течения появились в середине 60-х годов. Тогда власти попытались путем репрессий (аресты фундаменталистов, казнь в 1966 г. лидера марокканских «реформаторов» К.Сайеда) подавить какую бы то ни было оппозицию в среде религиозных деятелей. Однако полностью им это не удалось.

С начала 70-х годов, когда действия властей привели к организационному краху левых идей, вакуум заполнили исламистские идеи. Началась активизация и организационное оформление исламистского движения. Исламизм стал и формой социального протеста, и попыткой мусульманского общества отстоять свою самобытность, что предопределяет его значительную устойчивость в демократическом пространстве. Исламисты хотят поставить себе на службу современное государство, чтобы использовать его для исламизации общества.

В январе 1984 г. «Хлебные бунты» после отмены государственных субсидий на продукты первой необходимости были спровоцированы религиозными экстремистами. Это был их ответ на попытки правительства поправить финансовое положение страны путем увеличения цен на продовольственные товары (по рекомендации МВФ), что привело к массовым антиправительственным выступлениям и возникновению политического кризиса. В 1990–1991 гг. в Фесе прошли наиболее кровопролитные столкновения между исламистами и леваками, исламистами и силами правопорядка. Всеобщая забастовка 1990 г. по призыву Всеобщей организации трудящихся Марокко (ВОТМ) и ДКТ сопровождалась столкновениями демонстрантов с силами правопорядка, спровоцированными исламистами. Погибли до 200 человек, сотни были арестованы и осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Исламисты выступали против участия Марокко в войне в Персидском заливе на стороне США.

События 1991 г., спровоцированные в университете исламистами, положили конец существованию единственного сохранившегося леворадикального движения в рамках Национального союза марокканских студентов. Кроме НСМС исламисты контролируют профцентр – Национальный союз трудящихся Марокко, возглавляемый А.Маати. На начало 1998 г. исламисты удерживали под контролем значительную часть университетов в стране. Их социальная база расширилась за счет лавочников, ремесленников и безработных.

Националистическая партия «Истикляль» фактически стоит на позициях исламистов и зачастую служит им прикрытием для легальной деятельности. Бывший ее лидер М.Бусетта (до 1998 г.) неоднократно высказывался за создание легальной исламистской партии. Оформление перед парламентскими выборами в 1992 г. Демократического блока четырех партий стало и целью исламистов, чтобы взять под свой контроль оппозиционное движение, возглавить и использовать его в своих интересах. Исламисты увидели в демократии действенное средство борьбы за власть, за вхождение в политическую жизнь, став ее полноправным участником. В результате демократизация политической системы, как и в других арабских странах, выявила совершенно определенную тенденцию – быстрый рост влияния исламистских движений. Но и королю Хасану II удалось найти компромисс с политическими партиями и сохранить сильные левые партии как достаточно реальный противовес исламистам.

Однако основным методом властей в борьбе с противодействием общества было беспощадное подавление, террор против своих граждан. Демократическая общественность окрестила годы государственной нестабильности в правление Хасана II «свинцовыми годами». Государство, вышедшее из тоталитаризма, не могло не быть жестоким и репрессивным. Правительство жестко подавляло инакомыслие. Аресты, пытки, казни, ссылки в неблагоприятные зоны, высылки из страны стали обычным явлением при наличии обвинительного уклона в правосудии. На практике часто не закон, а беззаконие главенствовало над правами человека. Практиковалось и физическое устранение наиболее ярких представителей оппозиции, как похищенный в Париже в 1965 г. М.Бен Барка и убитый исламистами по заданию спецслужб в 1979 г. член политбюро Социалистического союза народных сил (ССНС) О.Бенджеллун.

Предпринимались жесткие меры по подавлению левого, а затем и религиозного экстремизма. Репрессии обрушивались на левые партии и профсоюзы, на левые молодежные организации. Их руководители подвергались тюремному заключению. В 60–70-е годы арестовывались руководитель компартии А.Ята и генеральный секретарь МСТ М.Бен Седдик, руководство НСМС. Наиболее ощутимый урон понесла партия НСНС, лидеров которой обвинили в организации заговора против короля в 1963 г. Ставший в 1998 г. премьер-министром А.Юсуфи, в 70-е годы был приговорен к смерти, а в 80-е годы был помилован королем. К длительным тюремным срокам были приговорены левые лидеры: Серфати (17 лет тюрьмы и 8 лет ссылки), А.Муршид (22 года тюрьмы), А.Шауи (15 лет тюрьмы) и т.п. Десять лет без судебного решения находился под домашним арестом с 1989 г. лидер запрещенной исламистской организации «Аль-Адль валь-Ихсан» А.Ясин.

Многие арестованные исчезли бесследно. С середины 60-х годов до конца 90-х пропали без вести свыше 900 человек. Многочисленные смертные приговоры, длительные тюремные заключения, высылки в Сахару и за пределы страны, расстрелы митингов и демонстраций, участников забастовок стали повсеместным явлением.

В 60–70-е годы репрессии обрушивались и на марокканскую прессу. Закрывались неугодные издания и печатавшие их типографии, арестовывались директоры и главные редакторы проштрафившихся газет и журналов. Официально цензура пе-

чати была отменена в 1977 г., но негласно она сохранилась, а руководство изданий несло личную ответственность за смелые публикации (вплоть до ареста).

Власти продолжают оказывать давление на неугодных издателей. Существующая на деле запретительная и карательная цензура сужает доступ к информации, обеспечивая жесткий контроль над населением, создавая широкие возможности для преследования непокорной прессы, ограничивая плюрализм мнений. Ведь свобода прессы – это глас общественного мнения, которое высказывает свою точку зрения на все проблемы, это самый острый политический механизм. Именно общественная солидарность гарантирует независимость СМИ – одной из главных составляющих демократии.

Следует отметить, что в условиях тяжелейшего, экономического кризиса выросла и уголовная преступность, особенно среди молодежи. При этом правонарушения имеют характер от самых тяжких до незначительных, например, занятие розничной торговлей без патента. Голод, нужда, скученность, отсутствие жилья превращает безработных в «дно» городского общества. Столичный район Тур Хасан пресса в свое время сравнивала с «дном» Чикаго, где было опасно появляться на улицах после захода солнца. Беспросветность существования толкала на преступления молодежь и в мелких городах.

По данным министерства юстиции, в 1972 г. из 15,6 тыс. осужденных и находящихся под следствием 6,6 тыс. составляла молодежь 15–25 лет[2].Только в июле 1975 г. было зарегистрировано свыше 2 тыс. преступлений, среди которых были нередки убийства с целью ограбления[3].

В самые суровые 60–70-е годы тюрьмы были переполнены. В 1975 г. в них, рассчитанных на 28 тыс. чел., содержалась 31 тыс. заключенных. Особенно тесно было в отделениях для несовершеннолетних. Из 31 тыс. арестованных 12 тыс. находились в предварительном заключении за мелкие проступки. Ежегодно освобождалось 7 тыс. человек[4]. Об условиях содержания можно судить по гражданской тюрьме г. Инезгана (провинция Агадир), которая напоминала «средневековые застенки». Пятьдесят заключенных в ней содержались «как сардины в банке», слуховые окна и решетки были недостаточны для вентиляции помещений, кишащих насекомыми. Заключенные страдали от туберкулеза и нервных болезней[5].

В 1984 г. сразу после выхода была запрещена книга бывшего политзаключенного А. Шауи «Неоконченное прошлое» о тяжелых условиях существования в тюрьме повышенной безопасности в Кенитре, где автор провел 15 лет. Студент-левак А.Муршид в 1974 г. был осужден на 22 года тюрьмы. Огромную роль в его освобождении сыграли правозащитные организации, сферой внимания которых стало несовершенство пенитенциарной системы. В 1999 г. власти разрешили Муршиду опубликовать книгу «Крыс морят голодом» об условиях тюремного содержания. По сравнению с тем, что он пишет, ничто не изменилось и в конце XX века. Для марокканских тюрем попрежнему характерна перенаселенность. По некоторым данным, в 43 тюрьмах содержались 53 тыс. заключенных. По свидетельству правозащитников, 20 тюрем нуждалось в расширении и обновлении, а 20 других – в замене зданий[6]. Отмечалась переполненность тюрьмы г. Сале. В центральной тюрьме Укаша в Касабланке вместо 4 тыс. содержались 9 тыс. заключенных. Перенаселенность, плохое питание, отсутствие санитарных условий продолжают угрожать их здоровью. Недостаточное медицинское обслуживание приводит к их смерти, хотя в 1998–1999 гг. были выделены средства из бюджета на увеличение медицинского персонала в тюрьмах[7].

Правозащитники обращают внимание и на проблему трафика наркотиков и сексуальных злоупотреблений, как, например, в тюрьме Тушка в г. Эр-Рашидия, где даже возник протест заключенных по этому поводу.

До прихода к власти «левого» правительства А.Юсуфи правозащитников в тюрьмы не допускали. В настоящее время сотрудничество министерства юстиции и администрации тюрем с правозащитниками позволило решить некоторые проблемы. Закон разрешил посещение тюрем членами парламента, представителями прессы, правозащитниками и иностранными дипломатами, которые только в 1999 г. пятнадцать раз посетили места заключения[8]. Обследовав условия содержания задержанных участников различных демонстраций в центре Айн Атик (близ Рабата), правозащитники призвали к запрещению этого и подобных центров.

Правозащитное движение в Марокко возникло в условиях «надзаконности» королевской власти как противодействие властному беспределу. Юстиция стала инструментом преследования оппозиции, часть которой со временем из бунтарей

переродилась в конформистов. Правозащитники приучали соотечественников думать правовым способом: чем более подготовленными в правовом отношении будут граждане, тем неудобнее власти манипулировать их сознанием.

Благоприятные условия для деятельности правозащитных организаций сложились с середины 70-х годов после провозглашения политики демократизации «сверху». Власти освободили из тюрем 450 политзаключенных, дали возможность политическим партиям проводить митинги и съезды, возвратили им помещения. Было разрешено создание новых партий. Возобновилось издание оппозиционной прессы, постепенно ослабла цензура. В целях самосохранения власти стремились создать уравновешенное общество.

Вместе с тем одной из особенностей правозащитного движения стало то, что его возникновение совпало с расцветом исламизма. Правозащитное движение набрало силу в условиях дефицита политического оппонирования власти, когда левые партии были встроены во власть. Парадокс в том, что исламисты использовали демократические институты для осуществления своих прав. Адвокаты из партии «Истикляль» брали под контроль процессы по делу исламистов, защищали их в судах.

Со временем сфера деятельности борцов за права человека расширялась. С конца 70-х годов возникли условия для создания широкого спектра правозащитных организаций со своей специализацией. Они стали одним из элементов формирования гражданского общества в стране, где существовала традиционная правовая культура и осуществлялся тотальный контроль над внутренней жизнью общества, генетически взращенного на авторитаризме.

Началось формирование активной части общества, желающего участвовать в расширении прав граждан и в претворении их в жизнь. Благодаря правозащитникам, в обществе стала формироваться современная правовая культура. Постепенно правозащитное движение превратилось в институциональное явление. Первоначально насчитывались три группы организаций по защите прав человека, действовавших на национальном уровне. В 1979 г. была создана Марокканская ассоциация по правам человека (МАПЧ), в 1988 г. – Марокканская организация по защите прав человека (МОЗПЧ). Их целью стало положить конец насилию в стране. Кроме них возникла Марокканская лига защиты прав человека (МЛЗПЧ), а в 1992 г. быв-

шие члены МАПЧ создали Комиссию защиты прав человека (КЗПЧ). Были сформированы многочисленные региональные организации по правам человека. В 1999 г. возникли еще две организации. Одна занимается без вести пропавшими людьми и незаконно содержащимися под стражей. Другая федерация специализируется на вопросах улучшения содержания в тюрьмах и проведении реформы в области уголовного права.

Среди правозащитных организаций следует отметить берберскую Тамаунут и Марокканскую ассоциацию по исследованию и культурному обмену, занимающуюся проблемами сохранения берберской общности, противодействуя насильственной ассимиляции берберов арабами. Обе организации требуют признания их языка в качестве национального, а их культуры – как составной полноценной части жизни марокканского сообщества. Они настаивают на использовании берберского алфавита, на отказе от арабизации берберских имен, на регистрации берберских детей как берберов. Организации протестуют против постоянных придирок властей к их деятельности, в частности, против угроз, которым подвергалась организация «Масеиниза» в Танжере и лавочники, пользовавшиеся берберским языком в своих заведениях. Протест вызвал закрытие программы на берберском языке на телевизионном канале 2М, хотя они были оплачены берберскими ассоциациями.

Правда, есть и некоторые сдвиги в берберском вопросе. Еще в 1995 г. по решению короля было разрешено обучение в школе на трех берберских диалектах. Одна из главных национальных ежедневных газет раз в месяц посвящает целую страницу статьям по берберской культуре, печатает поэмы, но латинским шрифтом. Правительство Юсуфи признало берберскую культуру частью марокканской идентичности. В 2002 г. тамазиг стал вторым государственным языком, открыта Академия берберского языка.

С возникновением рынка женской рабочей силы сферой внимания правозащитников стали и феминистские проблемы. Возникла необходимость в защите интересов и этой категории населения. Женщины, составляющие 35% рабочей силы, трудятся в основном в промышленности, сфере услуг и сельском хозяйстве. Часть из них работает в области образования, медицины, права, в администрации. Но здесь для женщин затруднено продвижение по служебной лестнице.

По официальным данным, в 1997 г. женскими проблемами и защитой прав женщин занимались 76 организаций. Среди них Демократическая ассоциация женщин Марокко, Союз за женскую активность, Марокканская ассоциация прав женщин[9]. В области социальной поддержки семьи и ребенка Марокко активно сотрудничает со структурами ЕС, помогавшими открыть Национальный центр по поддержке женщин.

Женщины постоянно являются объектом дискриминации, им трудно доказать и в полиции, и в суде факт жестокого обращения в семье и добиться развода. Женские проблемы, касающиеся замужества, развода, наследства, сохранились и после реформы 1983 г., в результате которой претерпел изменения персональный статут Муддавана. Больше всего от неравенства страдают женщины в деревне, занятые домашним трудом.

Особое противодействие разрешению проблемы женской эмансипации оказывают исламисты и некоторые исламские деятели. Так, 12 марта 1999 г. около 50 тыс. манифестантов прошли по улицам Рабата, отмечая Международный день женщин и требуя политических реформ в области женских прав. В тот же день исламисты организовали контрманифестацию в Касабланке в 150–200 тыс. человек против этих реформ.

Президент Всеобщей национальной организации женской солидарности А.Шенна предложила правительству проект социальной реинтеграции в общество незамужних матерей и внебрачных детей. С резким протестом против проекта выступили в июне 1999 г. имамы мечетей, находящихся под контролем государства. Организация возложила ответственность на правительство за то, что происходит в мечетях.

Некоторые женские организации занимаются такими конкретными проблемами, как планирование семьи, вопросы общей гигиены, обучение своих детей грамотности. Неграмотность женщин в деревне в 1998 г. составляла 85%, в среднем по стране – 65%[10].

В начале 2004 г. по инициативе короля Мухаммеда VI был принят новый семейный кодекс, который уравнял в правах мужчин и женщин. Местной прессой он был назван «революционным». В соответствии с кодексом марокканки получили право самостоятельно решать вопрос о замужестве, не подчиняясь воле отца. Они могут требовать развода, принимать решение о том, какое образование давать детям. Пока все это,

правда, теоретически. По-прежнему сохраняется многоженство, но оно тоже будет строго регламентироваться. Появилось понятие «брачный контракт», в который изначально можно внести пункт об отказе супруга обзавестись второй женой.

В мае 2004 г. в целях пропаганды женского равноправия по инициативе почтового ведомства и Международной амнистии открылась филателистическая выставка, посвященная правам женщин. Был организован «круглый стол» с участием правозащитников, журналистов и представительниц женских организаций. Они обсуждали, в частности, проблему насилия в семье.

В сферу внимания правозащитников попали и проблемы подрастающего поколения. Согласно закону, обязательным считается начальное школьное образование для детей 7–13 лет. Однако не все дети посещают школу, особенно в сельской местности. Это касается прежде всего девочек, которые эксплуатируются в домашнем хозяйстве. Часто они используются в качестве прислуги, помогая таким образом своей семье дополнительным заработком. Особенно это касается сирот. Тысячами человек насчитывается детская проституция в городах (по большей части девочки, в меньшей степени мальчики).

По инициативе принцессы Лаллы Айши, давно занимающейся женскими проблемами, бюро ЮНИСЕФ в Марокко – Национальный наблюдательный пункт по правам ребенка – начал кампанию, направленную на улучшение участи «маленьких бонн». Эта кампания широко освещается в официальной прессе. Еще одна проблема – отсутствие гражданского положения о сиротах обоих полов, что необходимо для составления актов о рождении, выдачи удостоверений личности и для женитьбы. Некоторые организации, среди которых – Бейти и Марокканская лига помощи ребенку, специализируются на юридической помощи детям, особенно тем, кто подвергался насилию. За особые заслуги правозащитной деятельности президент Бейти Н.Мжид, возглавляющая ассоциацию в течение 17 лет, была в 1999 г. награждена французским правительством престижной медалью. В декабре этого года ООН назначила Мжид на пост специального докладчика по проблемам торговли и эксплуатации детей. В главных городах Марокко было создано несколько центров, где находят приют и материальную поддержку дети улицы. Среди них есть филиал международной организации, находящейся в Швеции.

Одной из проблем, которой занимаются частные организации, стало вовлечение в жизнь общества инвалидов. Их насчиты-

вается 2,2 млн. чел. или 7% населения. Ежегодные отчисления из государственного бюджета на нужды инвалидов составляют всего 0,01%[11]. В марте 1999 г. власти создали специальную комиссию по интеграции инвалидов в общественную жизнь, которую возглавил премьер-министр. Ее задача – разработка программы реабилитации инвалидов. С этой целью комиссия провела в марте же «Национальный день инвалидов», надеясь привлечь к этой проблеме общественное мнение. 30 марта король Мухаммед VI посетил центр для детей-инвалидов в провинции Хемисет и выделил 7,2 млн. дирхамов на его расширение[12].

Спектр деятельности правозащитников оказался достаточно широк. В сферу их внимания входит защита гражданских прав политических и общественных деятелей, профсоюзных работников, участников демонстраций и забастовок, а также религиозных деятелей. Своей обязанностью они избрали защиту политических заключенных, жертв политических репрессий, родственников заключенных. Они отстаивают права на объединение в общественные группы, политические партии, ассоциации, выступают за свободу прессы, борются против цензуры, защищают от репрессий журналистов. Правозащитники отвергают дискриминацию по расовому, языковому, половому признаку, социальному статусу, защищая женщин, детей, инвалидов. Они отстаивают право на труд, на свободу перемещения по стране, на эмиграцию и возвращение на родину.

По-существу, правозащитники выступают адвокатами общества перед государством, на практике обучая граждан тому, как пользоваться своими правами. При этом они действуют в рамках существующего законодательства, защищая конституционное право граждан на свободный выбор с помощью формальных судебных процедур. И хотя правозащитники по идее должны быть независимы от политики, на деле же они волей-неволей превращаются в политиков. Поэтому в течение многих лет правозащитники, требовавшие конституционного поведения от властей, соблюдения норм гражданского и семейного права, сами подвергались давлению и ограничениям со стороны правительства за защиту прав граждан от государства, а также и от других граждан. Например, с 9 по 11 декабря 1999 г. по всей стране разгоняли активистов в области прав человека, членов Организации справедливости и милосердия и безработных выпускников университетов. Силы порядка дубинками разогнали 9 декабря и демонстрацию перед парламентом ак-

тивистов МАПЧ во главе с президентом А.Бенамором и Форума за правду и справедливость, выступавших против произвольного заключения в тюрьму, похищения людей и других нарушений гражданских прав. Сорок демонстрантов были арестованы, из них 39 предстали перед судом. У журналистов были конфискованы фотокамеры. Свою озабоченность инцидентом выразила Международная федерация по правам человека. Ведь мировое сообщество выработало единые нормы правового поведения, которые считаются обязательными для всех государств, стремящихся занять подобающее им положение в системе международных отношений. Формы и методы обращения государства со своими гражданами на законных основаниях стали объектом внимания всей мировой общественности.

Обращение к проблеме прав человека связано и с общими процессами глобализации, развитие которых характерно для периода 90-х годов. Эта проблема стала одной из составляющих процесса демократизации общества, перестала быть только внутренним делом. Это проблема, в решении которой заинтересовано все мировое сообщество. Совершенствуя конституционное законодательство, Марокко приводило его в соответствие с нормами ООН, поскольку властям было небезразлично мнение «цивилизованного» Запада. Марокко ратифицировало большинство международных конвенций в области прав человека. В том числе о запрещении пыток, о правах ребенка, о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и др.

В 1990 г. при короле был создан Консультативный совет по правам человека. Он состоит из пяти групп, которые занимаются уголовным правом, условиями содержания осужденных, поисками политзаключенных, связями национальных организаций по защите прав человека, негуманными условиями содержания военнопленных марокканцев в лагере Фронта ПОЛИСАРИО в Тиндуфе (Алжир), а также вопросами экономических, социальных и культурных прав населения. В своей тронной речи 30 июля, а затем в речи 9 декабря 2000 г. в день 52-й годовщины Всемирной декларации прав человека король Мухаммед VI объявил о планах реформирования деятельности совета, сделав ее более эффективной.

Одним из требований политической оппозиции стало проведение глубокой конституционной реформы с тем, чтобы создать правовое государство, в котором закон гарантировал бы демократизацию и модернизацию органов власти на всех

уровнях. В преамбулу принятой на референдуме 1992 г. конституции было включено положение о том, что королевство Марокко подтверждает свою приверженность правам человека. Власть постепенно пришла к пониманию, что социальные конфликты надо решать в рамках закона, гарантирующего демократические права граждан в соответствии с конституцией и международными требованиями. Это повлекло за собой прогрессивные перемены, отвечающие интересам общества.

Проблема прав человека была возведена в ранг государственной, хотя на ее решение оказывают влияние различные общественные и политические силы. Впервые в арабском мире был создан министерский департамент по правам человека, а затем и соответствующее министерство. В мае 2000 г. правительство присвоило статус «общественной полезности» ассоциациям и организациям по защите прав человека, что обеспечило им финансирование и признание службой общественных интересов. Таким образом, была выстроена иерархическая структура правозащитных организаций, пошедших на компромисс с властью, которая, в свою очередь, взяла на себя обязанность соблюдать законность. В результате, с одной стороны, государство возглавило борьбу за права человека, а с другой, поставило под контроль организации, призванные защищать граждан от произвола государства. Некоторые руководители правозащитных организаций заняли административные посты в правительстве Юсуфи. Получилось, что государственные органы, по-прежнему допуская произвол, сами себя контролируют.

Министерство организовало просветительскую работу в области прав человека для полицейских и других властных чиновников. Оно направило усилия для внедрения просвещения в области прав человека в школьные программы пока в качестве эксперимента. В марте 1999 г. Ассоциация марокканских адвокатов открыла в Рабате центр по правам человека, который занимается приведением в соответствие местных законов с международными конвенциями по правам человека.

Марокканские власти начали активно пересматривать устаревшие законы в соответствии с внесенными поправками в конституцию 1992 г. В июле 1994 г. парламент отменил закон 1935 г., позволявший бросать в тюрьмы участников демонстраций по обвинению в деятельности, наносящей ущерб общественному порядку, или в неуважении к власти. На протяжении десятилетий этот закон служил основанием для арестов активистов оп-

позиционных партий, профсоюзных лидеров, журналистов и др. Против продолжающегося его применения выступали оппозиция, а затем и созданные правозащитные организации. Трижды они пытались провести через парламент постановление об отмене устаревшего акта, пока не добились успеха. Однако, как отмечалось в докладе госдепартамента США о правах человека в Марокко в 1997 г., «если власти в целом сдержанно относятся к мирным формам протеста, то они не терпят марши и демонстрации». По-прежнему «правительство ограничивает свободу слова и прессы в некоторых областях, держит в определенных рамках свободу собраний, совести, создания ассоциаций»[13].

В июле же 1994 г. была объявлена амнистия всем политическим заключенным. Однако правозащитные организации продолжали критиковать органы внутренних дел за «превышение полномочий», хотя в докладе госдепартамента США говорилось о том, что в 1997 г. не было зарегистрировано случаев внесудебных убийств лиц, арестованных полицией. По данным авторов доклада, «власти без шума освободили несколько сотен человек, числившихся пропавшими без вести, в том числе около 300 человек в июне 1996 г., но никаких объяснений по поводу их арестов представлено не было». Правительство ежемесячно выплачивает 5 тыс. дирхамов (500 долл.) 28 бывшим узникам тюрьмы в Тазмамарте, выжившим после 18–20-летнего заключения. Это бывшие рядовые военнослужащие, арестованные в связи с попытками покушения на короля Хасана II в 1971 и 1972 гг. После освобождения правительство запретило им публичные выступления относительно их пребывания в заключении[14]. После помилования 28 арестантов власти объявили, что судьба бывших политзаключенных «окончательно» решена, хотя это далеко не так.

Определенное влияние на политику по отношению к политзаключенным оказал приход к власти «левого» правительства Юсуфи в марте 1997 г. Уже в апреле 1997 г. было освобождено 19 арестованных активистов левацкой Организации национально-демократического действия, представленной тогда в парламенте. В октябре 1998 г. король Хасан II поручил правительству в шестимесячный срок «окончательно решить все проблемы в области прав человека».

Консультативный совет по правам человека впервые опубликовал списки лиц, пропавших без вести в период с середины 60-х до середины 90-х годов. В нем фигурировали имена 112 человек, из которых 56 уже не было в живых. 12 человек из это-

го списка были признаны еще живыми и находящимися на свободе. Судьба или, точнее, имена еще 44 оставались неизвестными. В отдельный список из 18 человек были объединены лица, которые исчезли «при неизвестных обстоятельствах». Среди них профсоюзный активист А.Руисси, похищенный в 1964 г. До сих пор остаются неизвестными общественности обстоятельства гибели руководителя НСНС М.Бен Барки.

Премьер-министр Юсуфи заявил в 1999 г., что правительство возместит жертвам похищений и произвольного заключения финансовые потери. В королевскую арбитражную комиссию поступило до 5900 заявлений от жертв или их семей. Правозащитные организации взяли этот процесс под свой контроль, оспаривая состав комиссии, которому не хватает независимости, критикуя за отсутствие прозрачности в ее решениях и т.п.

В апреле 1999 г. правительство ассигновало 40 млн. дирхамов (4 млн. долл.) для 39 заключенных на каторге в Тазмамарте или их семей в качестве временного пособия на медицинские расходы. Позднее было выделено около 140 млн. дирхамов в пользу 354 человек, а затем продолжились выплаты от 250 тыс. до 350 тыс. дирхамов каждому заключенному или их наследникам. Первые выплаты получили в июле 1999 г. некоторые заключенные западносахарцы, оказавшиеся в тюрьме в результате войны Марокко с Фронтом ПОЛИСАРИО, или семьи без вести пропавших военнопленных.

В феврале 1999 г. было объявлено о создании Ассоциации по реабилитации жертв репрессий, открытии центра по их реабилитации в Касабланке. В ноябре 1999 г. с разрешения властей были созданы правозащитная организация «Справедливость и правда», занимающаяся розыском пропавших. 29 октября был объявлен Днем Памяти жертв репрессий.

В августе 1999 г. было принято решение о реформе пенитенциарной системы. 9 октября 1999 г. активисты Марокканской ассоциации по правам человека и Форума за правду и справедливость собрались перед парламентом. Они потребовали осуждения руководителей, ответственных за похищения людей и произвольное заключение в тюрьму. В открытом письме министру юстиции 23 октября 1999 г. МАПЧ опубликовала в марокканской и иностранной прессе список из 14 лиц, ответственных за аресты. Среди них были руководители жандармерии и секретных служб. Раскритиковав министерство юстиции за бездеятельность, правозащитники потребовали наказания виновных.

Еще в феврале 1999 г. под трибунал попали два офицера полиции, которые были осуждены на 10 лет за применение силы, повлекшей смерть задержанного. Комиссар полиции, не признавший свою ответственность за эту смерть, был осужден на 8 лет лишения свободы. Так что процесс наказания виновных начался. В ноябре же 1999 г. левая оппозиция добилась, чтобы в отставку был отправлен министр внутренних дел с двадцатилетним стажем М.Басри, виновный в похищении людей. Из ряда вон выходящим случаем стало публичное покаяние на страницах прессы в 1999 г. бывшего офицера секретных служб М.Холти, виновного в жестокостях над политзаключенными в 70–80-е годы. Покаяние полицейских может стать стимулом для национального примирения.

Длительное время марокканские правозащитники выступают за отмену смертной казни, широко применявшейся в стране. В очередной раз в апреле 2002 г. МАПЧ призвала правительство отказаться от вынесения смертных приговоров. По ее данным, к расстрелу были приговорены не менее 110 марокканцев. Правозащитники потребовали от правительства подписать специальный протокол о запрещении смертной казни к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод[15].

Постепенно правозащитное движение стало выходить на международный уровень. Марокканские организации активно участвуют в общеарабском правозащитном движении. Как известно, Организация Исламская Конференция (ОИК) в 1990 г. приняла Каирскую декларацию прав человека, призванную подтвердить, что исламские законы не противоречат международным нормам, касающимся защиты прав человека и доказывающим универсальность проблемы прав человека.

В октябре 2000 г. марокканские ассоциации по защите прав человека стали организатором регионального арабского конгресса по поддержке правозащитников и продвижению демократии в арабском мире. Этот конгресс призвал к конституционным реформам во всем арабском мире для обеспечения демократии и гарантирования политических свобод. На конгрессе присутствовали марокканский министр по правам человека и арабские юристы.

В марте 2000 г. в Каире Совет Лиги Арабских Государств избрал на пост президента будущей Арабской комиссии по правам человека одного из лидеров МОЗПЧ, юриста и университетского преподавателя Х.Насири (на ближайшие два года).

В октябре 2000 г. после генеральной ассамблеи в Каире Арабская организация по правам человека избрала двух: марокканцев, тоже активистов МОЗПЧ с мандатом на три года в совет секретарей организации.

Еще в сентябре 2000 г. в стране был проведен семинар по подготовке специалистов в области прав человека для руководителей государств и неправительственных организаций арабского мира. Активную работу проводит в Марокко Международная амнистия (МА), организовавшая вещание на Рабат, Касабланку и Марракеш. В сентябре 1999 года она поддержала национальный форум молодежи, обсуждавший права человека и, в частности, права ребенка.

Прошло несколько встреч на высоком уровне по поводу сотрудничества МА с Марокко. Марокко сотрудничает с международными организациями в области подготовки учебных программ и преподавателей по правам человека. В апреле 1999 г. страну посетила Верховный комиссар ООН по правам человека М.Робинсон, открывшая в Рабате центр документации, подготовки и информации в этой сфере. Он должен был содействовать диалогу правительственных инстанций с лицами, занимающимися практической деятельностью (офицеры полиции, судьи, адвокаты, правозащитники).

В мае 1999 г. в страну приезжала делегация Международного центра по реабилитации жертв репрессий, которая заявила о намерении провести в Марокко очередной всемирный конгресс. Страна демонстрирует перед всем миром свою приверженность демократическим преобразованиям. За свое 38-летнее правление король Хасан II подготовил своему сыну Мухаммеду VI возможность перехода к другому, более либеральному типу авторитарного правления. В этом есть заслуга и правозащитников: несмотря на издержки контролируемой демократии, правозащитное движение стало этапом на пути создания правового государства.

Многочисленные правозащитные организации создавались независимо от воли и желания правительства в ответ на нарушения гражданских прав и свобод. Они стали свидетельством того, что в общественном сознании все более утверждаются новые понятия: плюрализм, политическая свобода и демократия. Правозащитная деятельность подстегивает развитие гражданской и политической активности, создание демократических институтов. В развитие законодательства она также внесла свой вклад, способствуя некоторому приближению к правовому государству.

Общение с властью от противостояния переходит к компромиссу. Но сама власть ощущает потребность в изменении своих незаконных решений. Одним из способов стало создание иерархической структуры правозащитных организаций. Инициатива «снизу» была перехвачена властью, держащей под контролем всю политическую систему страны. В процессе этого правозащитные организации из общественных превратились в правительственные. Правозащитная деятельность стала монополией государства независимо от того, из каких мировоззренческих посылок эта деятельность исходит. Волей-неволей правозащитники стали заложниками их взаимоотношений с властью. Такова специфика демократизации страны.

Встраивание правозащитного движения во власть свидетельствует о сохранении авторитарности, являющейся нормой правления. Налицо стремление создать жестко централизованное государство при общей слабости либеральных и демократических тенденций. Марокканские правозащитники понимают, что еще не скоро государство станет действительно демократическим и правовым, но своей деятельностью они стремятся приблизить это время. Важной задачей на этом пути является ликвидация пропасти между народным правосознанием и правовой культурой европейски образованных профессиональных юристов.

[1] Rapport Du Departement D'Etat Americain Sur La Situation Des Droits de L'Homme Au Maroc En 2000. Casablanca, 14 Juin 2001, с. 55.

[2] Al-Bayane, Casablanca, 6.07.1975.

[3] Там же, 22.08.1975.

[4] Там же, 9.01.1973.

[5] Rapport Du Departement D'Etat Americain Sur La Situation Des Droits de L'Homme Au Maroc En 2000. Casablanca, 14 Juin 2001, 11.12.1974.

[6] Там же, с. 15.

[7] Там же, с. 14.

[8] Там же, с. 14.

[9] Там же, с. 52.

[10] Там же.

[11] Там же, с. 53.

[12] Там же.

[13] Цит. по: Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2001, с. 291.

[14] Там же, с. 292.

[15] ИТАР-ТАСС. М., 5. 04.2002, с. 7.

Г.И.Смирнова

ЛИВИЯ НА ПУТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

В конце 90-х годов Ливия перешла к проведению экономической и финансовой реформ, которые предусматривали частичную либерализацию экономики, преобразование ряда государственных предприятий в государственные акционерные компании, введение плавающего курса ливийского динара. Предусматривалась отмена государственного контроля почти во всех отраслях экономики.

Как известно, в ливийской экономике долгое время преобладал государственный сектор (за исключением сельского хозяйства). К началу 80-х годов на него приходилось более 70% валовой продукции промышленности. По данным официальной статистики, государственные предприятия обеспечивали около 80% ВВП[1]. Но в середине 80-х годов в условиях неблагоприятной конъюнктуры мирового нефтяного рынка и введения экономических санкций против Ливии ее руководство было вынуждено вновь разрешить деятельность частного национального капитала.

Экономическое положение в стране продолжало ухудшаться. Поступления от экспорта нефти снизились до 6 млрд. долл. в 1986 г. по сравнению с 22,5 млрд. в 1983 г. Особенно негативно на развитии экономики сказалось введение дополнительных санкций против Ливии в 1992 и 1993 гг., поскольку они предусматривали запрет на импорт технологического оборудования и запасных частей для нефтеперерабатывающих заводов, нефтегазопроводов в соответствии с утвержденным перечнем. В сложившихся тяжелых финансово-экономических условиях ливийское руководство приступило к проведению курса на осуществление рыночных реформ, преодолению внешнеэкономической изоляции, созданию условий для привлечения в страну иностранных инвестиций и возвращения американских нефтяных компаний.

В декабре 2003 г. Ливия согласилась допустить инспекторов ООН по вооружениям, сделала доступной международной

общественности всю информацию относительно оружия массового поражения (ОМП) и прекратила начавшуюся реализацию дорогостоящей программы по созданию ядерного оружия. Кроме того, она начала осуществлять выплаты компенсаций (в размере 2,7 млрд. долл.) родственникам жертв авиакатастрофы, происшедшей в 1988 г. над шотландским городом Локерби. Ливия согласилась также на дополнительные выплаты каждой семье в размере 4 млн. долл. Одновременно велись переговоры с германской стороной относительно размеров компенсации семьям жертв теракта в берлинской дискотеке в 1986 г.

В ответ на ливийские инициативы США в марте текущего года разрешили своим гражданам поездки в Ливию, а 23 апреля 2004 г. было объявлено о смягчении санкций, введенных в 1986 г., которые запрещали американским компаниям торговать с Ливией. Был открыт путь к участию фирм США в тендерах на получение нефтяных контрактов. В июне Триполи и Вашингтон возобновили прямые дипломатические отношения, прерванные в 1980 г.

В конце 2004 г. в Триполи состоялась конференция, организованная Middle East Assosiation (Англия) и Compass Rose International, на которой присутствовали официальные ливийские лица и иностранные бизнесмены. Иностранным предпринимателям был представлен список проектов для инвестирования во всех секторах ливийской экономики. На конференции с большой речью выступил сын лидера ливийской революции Сейф аль-Ислам, в которой он обрисовал экономическую политику и ливийскую модель приватизации. Новая экономическая политика предусматривала сокращение расходов на военные цели и развитие экономики на основе приватизации и привлечения иностранных инвестиций. К 2007 г. намечено приватизировать 360 государственных предприятий, из них 260 – к концу 2005 г. Иностранным инвесторам предлагаются для приватизации 80 государственных предприятий[2].

Что касается стратегии экономического развития, то, как заявил секретарь Высшего народного комитета Джамахирии (премьер-министр) Шукри Ганем 14 декабря 2004 г. на Арабском стратегическом форуме, проходившем в Дубае, «доходы от продажи нефти не должны поддерживать развитие всей экономики, нефть должна использоваться в качестве мотора для развития….Осознавая, что нефти не хватит надолго, Ливия ищет альтернативные источники доходов и развивает новые отрасли

промышленности». По словам премьер-министра, некоторые нефтедобывающие страны плохо распоряжаются своими доходами от продажи нефти. Хотя это помогло разрешить ряд важных финансовых проблем, сам по себе этот источник доходов стал огромной проблемой из-за того, что система распределения поступлений находилась не на должном уровне[3].

С целью привлечения новых средств для финансирования Ливия разрешила некоторым иностранным банкам осуществлять инвестиции в ее экономику. «Этот шаг является попыткой развить экономику и дать шанс национальному банковскому сектору реализовать свой потенциал», – заявил Ш.Ганем[4]. При этом Ливия ищет пути либерализации своего банковского сектора, прежде всего путем открытия его для арабских инвесторов и приватизации главных государственных банков. Так, управляющий Центральным банком Ливии заявил, что два из пяти крупнейших банков «Sahara Bank» и «Wahda Bank» могут быть приватизированы в течение ближайшего года[5].

В своем видении плана реформ Сейф аль-Ислам уделил большое внимание совершенствованию законодательства, банковской системы и экономики в целом. План намечено обсудить с ливийским народом и с международными экспертами. При этом он подчеркнул, что Ливия имеет тесные контакты с МВФ и МБРР, а также пользуется поддержкой такого независимого государства, как Германия. Финансовую поддержку проведению реформ в размере 200 тыс. долл. окажут частные ливийские предприниматели. «Мы хотим создать новый вид предпринимательства, новую систему защиты рабочих. Мы намерены сотрудничать с частными иностранными компаниями на основе долгосрочного управленческого контракта (management contract), подписанного с нашим правительством на 30 лет»[6]. Модернизацию экономики предполагается начать с цементной и металлургической промышленности, затем перейти к сельскому хозяйству, и на последнем месте – сфера услуг. Ливийское руководство отдает себе отчет в том, какой вред может нанести стране открытие ее экономики без защиты государством ключевых отраслей. Некоторые важные секторы экономики, например банковский, будут открыты для иностранных инвесторов не сразу. Для начала им будет предложено создать соответствующие структуры и подготовить персонал. Затем будут рассмотрены предложения от различных банков, и только после этого банковский сектор будет открыт для операций.

Все это вызывает разочарование ходом реформ у некоторых иностранных инвесторов, приехавших в Ливию. Выражая их мнение, посол Великобритании Энтони Лейден заявил: «У меня складывается впечатление, что с января энтузиазм в деле проведения рыночных реформ ослабевает. Я объясняю это тем, что в течение 35 лет люди жили при государственном секторе, и поэтому они позволяют руководству возвращаться обратно к планированию и регулирующей роли государства». Мало того, что иностранные инвестиции пока не идут в экономику Ливии, и ни один из коммерческих контрактов не был заключен. Английский экспорт товаров в Ливию за семь месяцев 2004 г. сократился на 20% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. То же самое наблюдается и в отношении других стран[7]. Однако трудно согласиться с последней фразой вышеприведенного заявления. Еще в декабре 2003 г., сразу после отмены Советом безопасности ООН 12 сентября 2003 международных санкций, Национальная нефтяная корпорация (ННК) подписала первый контракт на добычу нефти и газа стоимостью 100 млн. долл. с международным консорциумом Вуд Энерджи, в который входят нефтяные компании Греции и Испании. ННК готовила также подписание ряда контрактов на разработку месторождений газа с перспективой его поставок в страны Европы.

Руководством Ливии не было сделано официальных заявлений по поводу данной ситуации. Некоторые официальные лица считают, что Ливия ожидает возрастания интереса со стороны американских компаний, что увеличит конкуренцию между инвесторами. Такое мнение не лишено оснований, поскольку после снятия значительной части санкций 23 апреля 2004 г. Национальная нефтяная корпорация Ливии заключила первую за 18 лет сделку по продаже нефти с американской нефтяной компанией. В сентябре 2004 г. глава ливийского правительства заявил телекомпании «Аль-Арабия», что Ливия планирует начать экспорт нефти в США. 25 апреля базирующаяся в Вашингтоне юридическая фирма «Butera Andrews» объявила о соглашении с ливийской фирмой об оказании помощи американским компаниям, осуществляющим бизнес в Ливии[8]. Каковы бы ни были причины, мнение британского посла отражает опасения многих бизнесменов относительно трудностей, с которыми они столкнутся в этой стране, начиная с отсутствия законодательства, регулирующего иностранные

инвестиции, и кончая трудностями при получении визы, требованием нанимать местных менеджеров, отсутствием визитных карточек и т.д.

Следует отметить, что задача уменьшения зависимости экономики Ливии от нефти выдвигалась ливийским руководством и ранее. Разработанный в конце 90-х годов план социально-экономического развития на 2001–2005 гг. с общей суммой капиталовложений в 2 528,5 млн. лив. дин. также предусматривал повысить долю не связанных с нефтью отраслей обрабатывающей промышленности в ВВП до 15% к 2005 г. Предусматривалось строительство более 9 тыс. промышленных предприятий и создание 80,6 тыс. рабочих мест. Источники финансирования пятилетнего плана распределялись следующим образом: самофинансирование – 47%, кредиты – 12%, иностранные инвестиции – 19%, государственный бюджет – 22%. Из государственной казны должно было финансироваться также развитие базовых отраслей промышленности, создание промышленных зон, проведение научно-исследовательских работ, сооружение объектов с участием иностранного капитала.

Тем не менее, несмотря на большое внимание, уделенное в плане обрабатывающей промышленности, приоритетной отраслью для инвестирования является прежде всего нефтегазовая. Ливия занимает первое место в Африке и пятое среди стран-членов ОПЕК (после Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Ирака) по разведанным запасам нефти. На долю Ливии приходится около 2% всех мировых нефтяных ресурсов. Доказанные запасы ливийской нефти составляют 29,5 млрд. барр. (разведанные запасы – 45,5 млрд. барр.), запасы природного газа оцениваются в 46,3 трлн. куб. футов (1 310 млн. куб.м). Добыча нефти составляет 1,4 млн. барр. в сутки (из них экспортируется 1,26 млн. барр. в сутки), газа – около 220 млрд. куб. футов в год. ННК намерена удвоить добычу нефти и довести ее до 3 млн. барр. в сутки в течение ближайших 20 лет[9]. Для реализации этих планов потребуется 250 млн. долл. Были получены заявки на осуществление проектов в рамках EPSA-4 (соглашение о разработке и долевом участии в производстве) и получение лицензий на разработку нефтяных и газовых месторождений. В августе 2004 г. Ливия объявила открытый международный тендер по концессионной разработке 15 шельфовых и материковых контрактных нефтегазовых площадей. Прием заявок на конкурс, проводимый Национальной нефтяной корпорацией,

должен был завершиться 10 января 2005 г. Презентация проекта пройдет 14 сентября в Лондоне. Всего к реализации предлагается 60 нефтегазовых блоков, расположенных в бассейнах Мурзук и Гадамес (на западе страны), в центральном бассейне Сирт и Киренаика (на северо-востоке). Общий потенциал предложения к концессиям – 250 блоков в семи бассейнах. Следует подчеркнуть, что впервые после смягчения американских санкций против Ливии компании из США имеют возможность принять участие в тендере. Ожидаются заявки от таких крупных американских нефтяных компаний, как Conoco Phillips, Amerada Hess, Marathon, входящих в группу Oasis, а также Anadarco и Apache. Интерес к разработке нефтегазового потенциала Ливии проявляют КНР, Россия, Италия, Испания, Индия, Индонезия. Немецкая компания Wintershall (дочернее предприятие концерна BASF) и норвежская компания Norsk Hydro намерены совместно участвовать в тендере. В норвежской компании присутствует и российский капитал. В апреле 2004 г. в Великобритании начало действовать совместное предприятие Hydro Wingas, (образовано Norsk Hydro и компанией Wingas, являющейся, в свою очередь, совместным предприятием Wintershall и «Газпрома»). С компаниями, выигравшими тендер, будут подписаны контракты на условиях Соглашения о разделе продукции в рамках EPSA-4. Если на стадии проведения разведочных работ организаторы тендера примут технические предложения компаний-победителей, то на этапе промышленной добычи ливийская сторона предъявит свои условия, касающиеся раздела доходов между ННК и иностранными компаниями в пропорции 40:60 или 30:70[10].

Необходимо отметить, что условия соглашения EPSA-4 (первого из государственных лицензионных раундов) являются более привлекательными для иностранных компаний, чем предыдущего EPSA-3. По каждой концессии будут вестись индивидуальные переговоры с ННК, доля которой (back-in-right) во вновь открытом месторождении, имеющем коммерческое значение, будет уменьшена до 50% по сравнению с 85% по прежнему соглашению. Кроме того, будет введен мультипликатор добычи – «М» как первый фактор оценки предложенной компанией стоимости разработки месторождения. Для каждого блока будут установлены бонус, производственный налог, который обязаны платить компании. При этом налоги и роялти также будут снижены, а расходы на обустройство месторождения будут делить

между собой ННК и иностранная компания. Следует подчеркнуть, что EPSA-4 – первое соглашение, которое Ливия разработала после ее отказа от производства ОМП. Дальнейшее ослабление санкций означает, что EPSA-4 может привлечь большое число американских и английских компаний, стремящихся получить преимущества в использовании практически нетронутого потенциала энергоносителей Ливии. Новый руководитель ННК Абдулла аль-Бадри начал переговоры о возвращении компаний Oasis Group (Maraton Oil, Conoco Philips и Amerada Hess) и Occidental Petroleum на территорию их концессий Вафа и Зуетин. Однако Ливия требует финансовых компенсаций за обслуживание концессий во время отсутствия американских компаний. Число нефтегазовых площадей, предлагаемых Ливией иностранным компаниям в лицензионном раунде EPSA-4, возросло до 15 по сравнению с заявленным ранее числом 8. Это свидетельствует о возросшем интересе иностранных компаний инвестировать свои капиталы в нефтегазовый сектор Ливии. В 2004 г. велись переговоры между ННК, Petroleum Canada и консорциумом, возглавляемым австрийской компанией OMV и включающим испанскую Repsol и германскую Wintershall, по поводу предыдущего EPSA-3. Контракт на проведение второй очереди работ на месторождении Мабрук (запасы оцениваются в 1,3 млрд. барр.) был присужден компании Joaannou & Paraskevides (J & P Overseas). Предполагается увеличить добычу нефти на этом месторождении с 18 до 40 тыс. барр. в сутки[11]. Немецкая компания Wintershall расширяет свое присутствие в Ливии. Она занимается добычей нефти в этой стране с 1958 г. За это время компания пробурила здесь 120 скважин и инвестировала в разведку и добычу нефти около 1 млрд. евро. В результате проведенных в последнее время разведочных работ Wintershall открыла на территории Ливии еще два новых нефтяных месторождения. Во время визита в Ливию 15 декабря 2004 г. канцлер Германии Герхардт Шрёдер присутствовал на церемонии начала добычи нефти на одном из открытых компанией месторождений. В ближайшие три года компания намерена инвестировать более 300 млн. евро в добычу ливийской нефти.

Другая нефтяная компания Petroleum-Canada намерена заключить новое соглашение о разработке и долевом участии в производстве с ННК на несколько нефтяных и газовых блоков. Эта компания действует в Ливии уже свыше 40 лет. Она эксплуатирует более 20 месторождений через компанию Veba

Oil Operations, совместное предприятие с ННК, акции которой распределяются в соотношении 49:51%. Это соглашение явилось последним из раунда торгов на выдачу лицензий на условиях EPSA-3[12].

Возобновил свои работы в Ливии англо-голландский нефтяной концерн Shell, действовавший в стране с 1950 г., подписав соглашение о долгосрочном сотрудничестве с ННК в области разведки газовых месторождений. Британские компании в течение долгого периода действия санкций ООН и США против Ливии не могли работать в этой стране. Между тем в последнее время в Великобритании резко увеличился спрос на газ в связи с ростом его использования на электростанциях, а запасы в Северном море резко истощились.

Вообще разработка газовых месторождений является одним из приоритетных направлений экономической политики. Ливия может стать одним из крупнейших производителей газа в регионе. Кроме того, ННК также планирует вложить 7 млрд. долл. в строительство сети газопроводов и увеличение мощностей по производству сжиженного газа. Еще в августе 2002 г. китайская компания China National Petroleum Company выиграла контракт стоимостью 320 млн. долл. на строительство двойного трубопровода (для перекачки одновременно нефти и газа) от месторождения Вафа до г. Мелита, вблизи Триполи. В марте 2004 г. Royal Dutch Shell Group одобрила ряд соглашений с ННК, которые включают осуществление нескольких проектов по сжижению газа. Единственный завод такого рода в Марса эль-Брега существует уже 35 лет, его оборудование устарело и не обновлялось из-за введения эмбарго. Его годовая производительность составляет 600 тыс. т в год. Предполагается увеличить мощности по переработке газа до 2,9 млн. т в год[13]. В течение ближайших 10 лет Ливия намерена экспортировать ежегодно 40–50 млрд. куб. м природного газа. Реализации этих планов будет способствовать состоявшееся 7 октября открытие газопровода протяженностью 540 км между Ливией и Италией в городе Мелита, на котором присутствовали М.Каддафи и премьер-министр Италии С.Берлускони. В реализации этого проекта принимал участие крупнейший итальянский концерн ЭНИ.

Большие средства предполагается направить в нефтеперерабатывающую и нефтехимическую промышленность. Нефтеперегонные заводы были построены еще в 70–80-х годах. Их производственные мощности не превышают 400 тыс.

барр. в сутки. Запрет на поставку оборудования и запасных частей для нефтеперерабатывающей промышленности во время санкций не позволил осуществить намеченную на вторую половину 90-х годов модернизацию заводов, и сейчас эта задача – в числе первоочередных.

В области электроэнергетики еще в 2000 г. началось осуществление десятилетнего плана развития с общей суммой капиталовложений в 3,5 млрд. долл., предусматривающего строительство восьми новых электростанций. Из них четыре уже построены, строительство еще одной мощностью 2400 МВт будет завершено в конце 2007 г., мощностью 5500 МВт в 2010 г. и по 10 тыс. МВт к 2020 г. Еще в 2003 г. Генеральная компания электроэнергетики Ливии (Gecol) пригласила подрядчиков принять участие в торгах на подписание контракта, предусматривающего сооружение новой электростанции, работающей на газе в г. Мисурата мощностью 750 МВт. Немецкая компания Lahmeyer осуществила предварительную подготовку проекта. В торгах приняли участие Hyundai Engineering and Construction Company, Daewoo Engineering and Construction (Южная Корея), немецкая Siemens, французская Alstom и российская «Технопромэкспорт». Gecol уже сдала несколько подрядов на производство работ в области электроэнергетики, в том числе индийской компании Bharat Heavy Electricus Ltd. (BHEL) на строительство электростанции Западная гора (Western Mountain) мощностью 625 МВт стоимостью 300 млн. долл. и южнокорейской компании Hyundai на расширение электростанции в Эз-Завия мощностью 800 МВт. Стоимость последнего проекта оценивается в 280 млн. долл. На начало 2004 г. установленная мощность электростанций составляла 4600 МВт. Генеральная компания электроэнергетики планирует вложить 3500 млн. долл. для финансирования работ по увеличению общей мощности электростанций до 10000 МВт к 2010 г., из которых 6000 МВт пойдет на удовлетворение внутренних потребностей страны[14].

Расширяется сотрудничество в сфере энергетики со странами Европейского союза. Во время пребывания в Триполи 4 и 5 октября 2004 г. заместителя председателя Еврокомиссии, комиссара по энергетике и транспорту Лойолы де Паласио руководство Ливии выразило заинтересованность в том, чтобы присоединиться к Барселонскому процессу сотрудничества ЕС с ближайшими южными соседями и предложило увеличить поставки энергоносителей в страны Евросоюза. В коммюнике по

итогам поездки была подчеркнута ключевая роль, которую могла бы сыграть Ливия в долгосрочной перспективе интеграции энергетических рынков вокруг Средиземного моря, в частности, путем объединения рынков Машрека и Магриба, что должно замкнуть кольцо линий электропередач и газовых систем. Ливия сотрудничает со странами ЕС также в осуществлении проектов, использующих нетрадиционные источники энергии. Так, германская фирма CUBE Engineerings готовит подрядные документы для первой крупной ливийской электростанции мощностью 25 МВт, использующей энергию ветра. Ее предполагается построить на побережье между Тобруком и Бенгази. Заказчиком является Gecol, немецкая компания будет управлять электростанцией в течение первого года с момента ввода ее в эксплуатацию в 2005 г. Электростанция – один из проектов, использующих возобновляемые источники энергии в Северной Африке[15].

Как известно, Ливия испытывает большие трудности со снабжением водой. Она намерена и дальше разрабатывать имеющиеся на ее территории подземные источники пресной воды (они уже используются путем создания Великой искусственной реки – ВИР). Для этого ей необходимо получить помощь в размере не менее 5,5 млрд. лив. дин.(4 167 млн. долл.) в течение 10 ближайших лет. Из них 3,8 млрд. лив. дин. (2879 млн. долл.) предполагается выделить на осуществление грандиозного водного проекта и еще 1 700 млн. лив. дин. (91300 млн. долл.) для других более мелких проектов. Планируется также строительство завода по опреснению морской воды мощностью 900 тыс. куб. м воды в день.

Довольно остро стоит и жилищная проблема. В ближайшие 10 лет понадобится 250 тыс. единиц жилья. Для этого необходимо строить до 35 тыс. домов ежегодно. Но решение жилищной проблемы упирается в нехватку стройматериалов, особенно цемента в размере около 3 млн. т в год.

Для привлечения иностранных инвестиций был издан новый закон. Он предоставил много различных льгот и преимуществ иностранным инвесторам, в том числе: освобождение от налогов в течение первых пяти лет, снижение корпоративного налога, создание зоны свободной торговли в Мисурате и открытие государственных компаний для иностранных инвестиций. Немаловажным фактором является устранение бюрократических препятствий. Процесс проведения торгов иногда длится годами, и даже когда контракт заключен, окончатель-

ное оформление его зачастую затягивается, и он может быть аннулирован.

И все же существующие в Ливии правила регулирования деятельности и налогообложения иностранных компаний сдерживают приток иностранных инвестиций. Сравнительный анализ существующей здесь системы налогообложения со странами других регионов показывает, что она увеличивает долю нефти, идущей в пользу ливийского государства. Детали нового Соглашения о разработке и долевом участии в производстве – EPSA-4, касающиеся числа блоков и условий, предлагаемых иностранным фирмам, пока до конца не разработаны.

Иностранные компании заинтересованы в разработке нефтяных и газовых месторождений Ливии. Здесь уже работают: итальянская ENI, испанская Repsol, австрийская OMV, австралийская Woodside, греческая Hellenic. Открыто представительство американской компании Occidental. Их привлекают богатейшие запасы энергоносителей. В последнее время оценки запасов нефти увеличились до 100 млрд. барр. Если эти данные подтвердятся, то Ливия будет располагать почти 10% мировых запасов. Производственные расходы на добычу одного барреля нефти составляют в среднем всего 2,5 долл. По мнению представителя руководства компании Wintershall, Ливия располагает большим неосвоенным потенциалом углеводородов, 70% ее территории, по данным ННК, еще не прошли системного исследования на нефть. По оценкам правительства, в ближайшие 6–7 лет ей предстоит вложить не менее 30 млрд. долл. в модернизацию нефтегазовой промышленности, поскольку в период многолетнего действия санкций страна не имела доступа к современным технологиям.

Ливийское руководство надеется на возвращение в страну американских компаний. Имеются, однако, ограничения, препятствующие этому: ливийские активы в сумме около 1 млрд. долл. заморожены, прямое воздушное сообщение между двумя странами ограничено, Ливия остается в списке Департамента США как государство, спонсирующее терроризм. Очевидно, по мере дальнейших шагов со стороны руководства Ливии по созданию благоприятных условий для деятельности иностранных компаний эти препятствия могут быть устранены. Усиливаются внешнеэкономические связи Ливии и с ее традиционными партнерами – странами Европы. В конце апреля 2004 г. во

время посещения М.Каддафи Брюсселя обсуждалась возможность участия Ливии в зоне свободной торговли (ЗСТ), которую предполагается создать к 2010 г. между ЕС и средиземноморскими странами. Глава Европейской комиссии Р.Проди сообщил ливийскому лидеру о намерении Евросоюза поддержать усилия Ливии по вступлению в ВТО и проявил интерес относительно готовности ливийского руководства подписать Барселонскую декларацию, которая требует от участников вышеупомянутой ЗСТ открыть национальную экономику и следовать по пути постепенной ликвидации торговых барьеров. В ходе переговоров в Брюсселе выяснилось, что пока М.Каддафи не готов идти на серьезные уступки.

Разработка новых нефтяных и газовых месторождений и интенсификация работ на уже действующих, даже поддержание объема добычи на прежнем уровне требуют не только внедрения самых новых передовых технологий, но и замены устаревшего, зачастую изношенного оборудования. Все это потребует огромных финансовых средств. В этих условиях руководство Ливии, очевидно, вынуждено будет пойти на дальнейшие шаги по либерализации своей экономики, на создание условий, способствующих привлечению иностранного капитала.

[1] Смирнова Г.И. Опыт ливийской революции (преобразование социально-экономических и политических структур). М. 1992, с. 80.

[2] БИКИ, № 62, 2 июня 2004; MEED, 29 Oct/ – 4 Nov., 2004, v.48, № 44, с. 5.

[3] www.Kom.ru leaders

[4] Там же.

[5] БИКИ, № 62, 2 июня 2004.

[6] MEED, 29 October, v.48, № 44, 2004.

[7] Ibid.

[8] БИКИ, № 62, 2 июня 2004.

[9] The Middle East and North Africa, 2005, 51-st Edition, L.2005, с. 823.

[10] Europed.ru

[11] MEED, 2–3 July, 2004, v. 48, № 27.

[12] MEED, 14–20 May,2004, v. 48, № 20.

[13] MEED, June 2004, v. 48, № 23.

[14] MEED, 2004, 10 October; 11–17 June 2004, v. 48, № 24; The Middle East and North Africa, 51-st Edition,… с. 823.

[15] MEED, 16–22 July, 2004, v.48, N 29.

А.А.Волович

ЛИВАН И СИРИЯ ПОСЛЕ ХАРИРИ: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Драматические события, которые происходят сегодня в Ливане после убийства Р.Харири 14 февраля с.г. получили различные названия: «кедровая революция» (по-арабски – «саурат аль-арз»), «интифадат истикляль» (восстание за независимость) или «сирийско-ливанский кризис». Однако, на наш взгляд, эти названия не отражают сути происходящих в Ливане событий ни по форме, ни по существу. Назвать события в Ливане «кедровой революцией», по меньшей мере, некорректно, поскольку кедры принадлежат всем ливанцам, независимо от того, к какому лагерю они себя относят – к провластному или оппозиционному. Название «интифадат истикляль» также не отличается корректностью, поскольку в Ливане не много людей как в рядах оппозиции, так и среди лоялистов, которые хотят быть зависимыми (от США, Израиля или Сирии). Впрочем, если к Сирии в Ливане многие питают симпатию, то этого нельзя сказать об отношении к Израилю и США. На наш взгляд, нет достаточных оснований также употреблять термин «сирийско-ливанский кризис», поскольку на государственном уровне между Бейрутом и Дамаском существует полное взаимопонимание. Сирия и ее политика «не нравятся» части ливанской оппозиции, в основном представителям христианских конфессий, но они представляют не более трети ливанского общества.

Убийство Рафика Харири еще раз продемонстрировало, что уничтожение видных политических деятелей в Ливане является «традицией» политической борьбы. Вот далеко не полный список жертв внутриполитических противостояний в Ливане за последние полвека: 1951 г. – премьер-министр Рияд Сольх, 1977 г. – лидер друзов и Прогрессивной социалистической партии Камаль Джумблат, 1982 г. – президент Башир Жмайель, 1987 г. – премьер-министр Рашид Караме (брат бывшего премьер-министра Омара Караме), 1989 г. – прези-

дент Рене Муаввад, 1990 г. – лидер маронитской Национально-либеральной партии Дэни Шамун, 2002 г. – лидер партии «Ваад» (Обет) Илие Хобейка. По числу политических убийств Ливан является лидером на Арабском Востоке. При этом следует заметить, что внутриполитическая борьба в Ливане всегда происходила на фоне иностранного вмешательства как со стороны соседних стран, так и со стороны западных.

Очевидно, понять движущие силы нынешней ситуации в Ливане, возникшей после убийства Р.Харири, и тем более в какой-то мере спрогнозировать ее возможное развитие в ближайшие годы достаточно сложно без ретроспективного взгляда на предшествовавший период, в котором, собственно, зарождались корни нынешнего ливанского кризиса.

Лахуд и Харири: вынужденное сосуществование

Неординарность и существенное отличие Харири от большинства ливанских политических лидеров заключалось в том, что он сам создал себя, пройдя путь от выходца из бедной крестьянской семьи до миллиардера и лидера страны. Его знали в мире как главного представителя Ливана независимо от того, занимал он пост премьер-министра или нет. Политическая карьера Р.Харири началась в конце 80-х годов, когда наследный принц Фахд бен Абдель Азиз (нынешний король) направил его в Ливан для заключения перемирия в гражданской войне, продолжавшейся с 1975 г. по 1990 г. В октябре 1989 г. при содействии Р.Харири и Лиги Арабских Государств в саудовском городе Таифе состоялось подписание так называемых Таифских соглашений, которые и на сегодня остаются общепризнанным документом, регулирующим внутриполитическую жизнь в Ливане. В соответствии с этими соглашениями Сирия получила право дислоцировать свои войска в Ливане для поддержания стабильности в этой стране.

В октябре 1992 г. президент Ливана Ильяс Храуи назначил 46-летнего Рафика Харири премьер-министром. Несмотря на невероятные трудности восстановительного периода, на этом посту Харири продержался до 1998 г., когда к власти при поддержке Дамаска пришел новый президент – генерал Эмиль Лахуд. Сначала мало кто в Ливане сомневался в том, что новый президент поручит сформировать новое правительство Харири. Однако отказ Харири сформировать новый кабинет мини-

стров для многих стал неожиданным. Хотя союз двух амбициозных политиков вряд ли мог быть длительным, однако то, что он распался буквально через две недели после президентских выборов, стало полной неожиданностью как в Ливане, так и за его пределами.

Лахуд не мог оставить Харири, который до него уже практически 6 лет правил страной при слабовольном Ильясе Храуи. Оставить Харири для Лахуда означало бы исполнять исключительно протокольные функции и не иметь серьезного влияния на ситуацию в стране. Кроме того, Лахуд представлял те кланы, экономические интересы которых входили в противоречие с интересами Харири. В декабре 1998 г. премьер-министром был назначен С.Хосс, который до этого несколько раз возглавлял правительство в 70–80-х годах.

Политическую активность в период 1998–2000 гг. Р.Харири в основном осуществлял в рамках парламентской деятельности, а также через контролируемые им СМИ. Р.Харири продолжал поддерживать личные связи с лидерами арабских и западных государств, особенно Сирии, Саудовской Аравии, Кувейта, Франции, Великобритании, США, где его всегда принимали на уровне государственного деятеля, а не оппозиционного политика. Многие в Ливане считали, что Харири избрал политику новой сферой своего бизнеса. Как утверждали оппоненты Харири, его значительные финансовые возможности были основной движущей силой его политических достижений. Это особенно выразительно проявилось на парламентских выборах в Ливане в сентябре 2000 г., на которых Р.Харири одержал убедительную победу, что стало определяющим моментом в процессе его назначения главой правительства. После того, как подавляющее большинство депутатов парламента поддержало кандидатуру Харири на пост премьер-министра, Лахуду ничего не оставалось, как утвердить это решение в соответствии с конституцией.

Практически открытая борьба продолжалась между двумя лидерами все четыре года второго премьерства Р.Харири вплоть до октября 2004 г., когда Рафик Харири, имея поддержку в парламенте, тем не менее демонстративно ушел с поста премьер-министра. Непосредственной причиной его отставки стало продление при поддержке Сирии срока президентского правления Э.Лахуда. Ливанский парламент проголосовал за внесение поправки к 49 статье Конституции для продления срока полномочий президента Э.Лахуда на три года. Это про-

изошло 3 сентября 2004 г., на другой день после принятия резолюции 1559 СБ ООН, которая потребовала вывода сирийских войск из Ливана, разоружения иррегулярных военных формирований на территории страны и проведения свободных президентских выборов[1].

Примечательно, что сам Р.Харири проголосовал за пролонгацию президентского срока Э.Лахуда и всего лишь два депутата из его фракции голосовали против. Эта позиция Р.Харири объяснялась якобы его «нежеланием нанести вред интересам Сирии», хотя, как позже стало известно, именно Харири приложил немало усилий для того, чтобы резолюция 1559 была принята. Маскировка истинных намерений была всегда присуща методам борьбы Харири с политическими противниками, что, впрочем, является характерным для арабской культуры политической борьбы.

На посту премьер-министра Р.Харири провел в общей сложности 10 лет – с 1992 по 1998 и с 2000 по 2004 г. За это время ему удалось восстановить экономику страны, добиться международной помощи, списания долгов, возобновления туризма и привлечения иностранных инвестиций в больших объемах. Не исключено, что в октябре 2004 г. Харири уходил в отставку лишь на полгода до следующих парламентских выборов в мае 2005 г., на которых он снова одержал бы победу и снова вынудил бы Лахуда передать ему бразды правления. Дальше бороться с Харири у Лахуда не оставалось бы ни времени, ни необходимых ресурсов.

Уйдя в отставку, Харири продолжил активную политическую деятельность, став достаточно умеренным оппозиционером, не порывая при этом окончательно отношений с Сирией, а также с Лахудом и Караме. В отличие от В.Джумблата Р.Харири никогда не позволял себе чрезмерно осложнять свои отношения с Дамаском. За несколько дней до гибели Харири имел встречу с заместителем министра иностранных дел Сирии Валидом Муаллимом, в ходе которой обсуждалась программа предстоящего визита Р.Харири в Дамаск.

После отставки Харири правительство возглавил один из «дежурных» кандидатов на пост премьера – престарелый Омар Караме, брат убитого в 1987 г. премьер-министра Рашида Караме. При этом следует отметить, что состав первого правительства О.Караме (30 министров), сформированного 26 октября 2004 г., стал одной из причин, приведших к нынешнему

кризису. Ввиду того, что представители ливанской оппозиции отказались принимать участие в работе любого кабинета при президенте Э.Лахуде, состав правительства оказался откровенно просирийским и далеким от того, чтобы называться правительством «национального единства», к чему призывали Э.Лахуд и О.Караме[2].

Кто убил Харири? Взаимные обвинения

Сразу после убийства Р.Харири начали выдвигаться различные версии относительно тех сил, которые могли быть причастны к этому. Лидеры внутренней (В.Джумблат) и внешней (генерал Мишель Аун) ливанской оппозиции обвинили в убийстве Харири Сирию и власти Ливана и призвали мировое сообщество создать специальную международную комиссию для расследования этого преступления. В интервью французской газете «Либерасьон» бывший президент Ливана Амин Жмайель заявил: «Если Сирия не причастна к убийству Харири непосредственно, то она виновата в том, что не предотвратила это преступление, так как, имея на территории Ливана 15 тысяч солдат, она обязана была отвечать за безопасность нашей страны»[3].

В то же время министр внутренних дел Сулейман Франжье выступил против проведения международного расследования, рассматривая это как признание неспособности ливанского государства провести расследование убийства Харири. Подобную позицию занял также министр юстиции Аднан Аддум. Вместе с тем они не исключили возможности привлечения иностранных специалистов. С.Франжье осудил попытки оппозиции взвалить всю вину за произошедшее на государство и власть и «спекулировать на крови Харири».

Генеральный секретарь ливанской партии «Хезболла» Хасан Насралла заявил, что убийство Р.Харири является национальной катастрофой. По мнению Х.Насраллы, Р.Харири был связующим звеном между оппозицией и властью и играл уникальную роль в достижении взаимопонимания и выходе из кризиса. По словам Х.Насраллы, «Харири всегда находился в центре политической жизни страны и постоянно генерировал идеи, инициативы и проекты, с которыми мы не всегда соглашались, однако это нисколько не уменьшает его роли как государственного деятеля, всегда готового к диалогу и поискам взаимопонимания»[4].

Со своей стороны, Сирия обвинила в убийстве экс-премьера Ливана Израиль, расценивая это как «попытку снова ввергнуть

страну в хаос, анархию и гражданскую войну». В интервью эмиратской газете «Аль-Баян» министр обороны Сирии Хасан Туркмани заявил, что «за убийством Харири стоит Израиль, не желающий, чтобы Ливан был стабильным». Дамаск также обвинил ливанскую оппозицию в использовании убийства Харири в предвыборных целях. Газета «Ас-Саура» назвала убийство Харири попыткой «подорвать ливанское государство и единство ливанского народа», подчеркнув, что «большой друг Сирии Р.Харири был убит в тот момент, когда он четко проявил взвешенный подход к оценке ситуации в Ливане и заявил о своей приверженности «Таифским соглашениям». В телефонном разговоре с президентом Э.Лахудом сирийский лидер Б.Асад заявил, что он готов оказать максимальное содействие следствию, чтобы узнать – кто стоял за этим «подлым преступлением»[5].

В своем выступлении перед сирийским парламентом 5 марта 2004 г. Б.Асад подчеркнул, что вывод сирийских войск из Ливана будет осуществлен в соответствии с «Таифскими соглашениями», а также резолюцией 1559 СБ ООН. По мнению Б.Асада, настало время пересмотреть отношения между Сирией и Ливаном. Б.Асад признал, что сирийское военное присутствие было использовано некоторыми силами в своих политических целях[6].

В вопросе о выполнении резолюции 1559 СБ ООН Б.Асад проявил достаточную гибкость, чем сильно разочаровал «ястребов» в США, стремившихся «наказать» Сирию. 6 марта в интервью журналу «Тайм» Б.Асад заявил, что его не следует сравнивать с С.Хусейном, поскольку он «открыт для сотрудничества и готов выполнить требования международного сообщества». В ответ на вопрос о том, кто мог стоять за убийством Харири, Б.Асад ответил, что Сирия, которая понесла наибольший ущерб от этого, не могла подрывать собственные позиции[7].

Комментируя заявления Б.Асада о выводе сирийских войск из Ливана, министр иностранных дел Израиля С.Шалом заявил, что «Сирия делает все возможное, чтобы не выполнять резолюцию 1559 СБ ООН». Заодно С.Шалом обвинил сирийцев в причастности к террористическим нападениям на Израиль и на американцев в Ираке, а также в контрабанде наркотиков в Ливан.

Министр обороны Израиля Шауль Мофаз, в свою очередь, заявил, что «убийство Рафика Харири совершено, скорее всего, просирийской организацией, руководимой из Дамаска». По словам Мофаза, Сирии было выгодно ликвидировать Харири, так

как тот выступал против присутствия сирийских войск на территории Ливана. Израильский министр также утверждал, что Сирия поддерживает террористов не только в Ливане, но и в Ираке.

Депутат израильского Кнессета арабского происхождения Азми Башара высказал предположение о возможной причастности (в роли заказчика) израильских и американских спецслужб к убийству Харири с целью принудить Сирию выполнить резолюцию 1559 СБ ООН. Арабские аналитики также утверждают, что наибольшую выгоду от убийства Р.Харири получил именно Израиль. По их мнению, технически провести такую операцию в Ливане, как убийство Р.Харири, могли только израильские спецслужбы.

В поисках ответа на вопрос – кто убил Харири? – большой интерес представляет мнение британского политолога-ближневосточника Патрика Сила, который считается крупным специалистом по сирийско-ливанским отношениям. Практически П.Сил исключает причастность Дамаска к ликвидации Р.Харири, поскольку, на его взгляд, это выглядело бы как самоубийственный акт сирийского режима. П.Сил считает, что убийство Р.Харири – дело рук одного из многочисленных врагов нынешнего сирийского режима, главными среди которых являются Израиль, правохристианские и ультраисламистские политические группировки в Ливане. Вместе с тем П.Сил считает, что Дамаск совершил ряд грубых ошибок в Ливане, среди которых вмешательство сирийской военной контрразведки во внутренние дела Ливана и особенно – подталкивание ливанского парламента к принятию поправки к конституции, позволяющей Э.Лахуду продлить срок своих полномочий на 3 года[8].

Смерть Харири оставила большой зияющий след в суннитском политикуме Ливана, который не скоро может быть заполнен. Сегодня возникает вопрос о политическом наследнике Рафика Харири из среды суннитской общины Ливана. В соответствии с ливанской традицией, сыновья, как правило, занимают место своих отцов или дедов на политическом поприще. Так было с Валидом Джумблатом, Амином Жмайелем, Сулейманом Франжье и другими известными политиками Ливана. 20 апреля в клане покойного Р.Харири объявили, что продолжат дело своего отца. При этом было объявлено, что Назик Харири – вдова – займется благотворительной деятельностью, а второй сын Р.Харири Саад (35 лет) станет политическим наследником своего отца. Саад Харири принял решение баллотиро-

ваться на парламентских выборах, проведение которых намечено на 29 мая. 24–26 апреля Саад Харири сопровождал саудовского принца Абдаллу бен Абдель Азиза в его поездке в Вашингтон, где встретился с представителями нынешней и бывшей американской администрации.

Странная ливанская оппозиция

Чтобы продемонстрировать наличие некоторых «странностей» в политике и практике ливанской оппозиции, очевидно, следует обратиться к ее программным заявлениям. Наиболее влиятельным оппозиционным объединением является христианская коалиция «Курнат Шехван», названная так по селению в районе Метн в Горном Ливане, где 30 апреля 2001 г. состоялось первое собрание членов этой коалиции. Упомянутая структура практически полностью состоит из маронитских политических деятелей и пользуется покровительством маронитского кардинала Н.Сфейра. В настоящее время в ее состав входят партия «Катаиб» (Фаланги), «Маронитская лига», «Национально-либеральная партия», а также ряд независимых политиков. В последнее время с «Курнат Шехван» активно сотрудничает Прогрессивная социалистическая партия В.Джумблата и депутаты-друзы.

Политическая коалиция «Курнат Шехван» придерживается следующих принципов: разрешение противоречий между конфессиями и политическими силами путем диалога, соблюдение буквы и духа «Таифских соглашений», Израиль – основной источник опасности для народа и страны, Ливан и Сирия должны строить свои отношения на равноправной основе, Ливан является неотъемлемой частью арабского мира. Основные цели коалиции: вывод всех сирийских войск из Ливана и восстановление полного суверенитета страны, национальное примирение, возвращение изгнанников, принятие нового избирательного закона, всеобъемлющее и справедливое мирное урегулирование с Израилем, содействие созданию палестинского государства со столицей в Иерусалиме[9].

На наш взгляд, «странность» вышеупомянутых принципов и целей ливанской оппозиции состоит в том, что они практически не представляют никакой альтернативы постулатам лоялистских партий и политических сил. Кроме того, принципы и цели оппозиции носят исключительно политический характер, в них отсутствует экономическая составляющая. Ливанская оппозиция также игнорирует вопрос реформирования политиче-

ской системы страны (ликвидации конфессиональной системы). Принципы и цели оппозиции носят чисто декларативный характер и не являются программой конкретных действий.

На своем собрании 19 февраля в Бейруте представители ливанской оппозиции, неформальным лидером которой стал В.Джумблат, заявили о начале «мирной и демократической интифады за независимость». В заявлении оппозиции содержится обращение к международному сообществу и ливанской диаспоре за рубежом оказать содействие в защите «плененного ливанского народа, находящегося под угрозой государственного терроризма». Оппозиция потребовала «отправить в отставку утратившую законность власть и сформировать переходное правительство для защиты ливанского народа, обеспечения немедленной эвакуации сирийских войск из Ливана и создания необходимых условий для проведения честных и свободных парламентских выборов».

По мере того, как В.Джумблат начал избавляться от переполнявших его эмоций, вызванных убийством Харири, он начал более трезво оценивать ситуацию и приглушать свой радикализм. Находясь 9 марта в штаб-квартире ЕС в Брюсселе, В.Джумблат «предостерег» президента Дж.Буша «от использования ситуации в Ливане в любом конфликте с Сирией» и завил, что он выступает против насильственной смены существующего режима в Сирии. В.Джумблат подчеркнул, что ливанская оппозиция придерживается «Таифских соглашений», однако не приемлет резолюцию 1559 СБ ООН. Лидер ливанских друзов призвал к диалогу с ливанской «Хезболлой» и назвал авантюрой попытки ее разоружения. Он также подверг критике попытки некоторых европейских стран и США внести в список террористических организаций «Хезболлу», которая «состоит из сыновей нашего народа, освободивших нашу страну от израильской оккупации»[10].

Пытаясь найти выход из политического тупика, в котором оказалась оппозиция, в начале апреля В.Джумблат провел встречи с лидером «Хезболлы» Х.Насраллой, председателем парламента Н.Берри и и.о. премьер-министра О.Караме. После этих встреч политическая риторика В.Джумблата стала более умеренной и конструктивной. «Непримиримым» лидер друзов остался лишь по отношению к президенту, хотя в недалеком прошлом его «размолвки» с Лахудом, как правило, заканчивались заверениями в дружественных чувствах. Похоже, что на этот раз «красная черта» в их взаимоотношениях все же была перейдена.

В рамках консультаций по кандидатуре главы нового правительства президент Э.Лахуд встретился также с представителями парламентской оппозиции (44 депутата) – депутатами Ганвой Джалуль и Фаресом Саидом, которые вместо предложения кандидатуры на пост премьер-министра попытались вручить Э.Лахуду «официальные» требования оппозиции (проведение расследования убийства Р.Харири, выполнение «Таифских соглашений», вывод сирийских войск, выполнение резолюции 1559 СБ ООН, отставка руководителей спецслужб и силовых структур). Основное «неофициальное» требование оппозиции касается отставки самого Э.Лахуда. Однако некоторые лидеры оппозиции, и среди них маронитский патриарх Н.Сфейр, считают это требование преждевременным. Однако Э.Лахуд отказался принять упомянутые требования под тем предлогом, что «они не содержат ничего такого, чем бы не занималось правительство и президент». Кроме этого, Э.Лахуд посоветовал оппозиции реализовать свои требования путем практического участия в деятельности нового правительства[11].

По существу, ливанская оппозиция не имеет общей программы общественно-политических и социально-экономических реформ. Основное отличие оппозиции состоит в ее антисирийской направленности и, как следствие, в неприятии просирийской ливанской власти. Тем не менее, выступая против президента Э.Лахуда, оппозиция не предлагает своего кандидата. Критикуя попытки О.Караме сформировать правительство, оппозиция не предлагает своего кандидата на пост премьер-министра и не создает своего теневого кабинета. Внутри самой оппозиции постоянно ведется борьба за лидерство и бесконечные дискуссии по выдвигаемым оппозицией требованиям. Среди оппозиции нет согласия по поводу основных положений нового избирательного закона. При этом грань между оппозицией и лоялистами достаточно условна, о чем свидетельствует наличие «перебежчиков» как с одной, так и с другой стороны. Таким образом, ливанская оппозиция достаточно ситуативна, и ее прочность и долговечность весьма зыбки.

Позиция Э.Лахуда и его окружения

12 марта президент Ливана Э.Лахуд провел специальную пресс-конференцию для ливанских СМИ, во время которой впервые со времени начала кризиса дал свою оценку происходящим в стране событиям. В частности, Э.Лахуд заявил, что

государство пока в состоянии контролировать безопасность и стабильность, однако, по его мнению, «в случае продолжения забастовок может произойти катастрофа». Э.Лахуд обвинил оппозицию в нежелании поддерживать диалог, особенно после принятия резолюции 1559 СБ ООН и оказания ей поддержки со стороны США и Франции.

При этом ливанский президент высоко оценил деятельность правительства О.Караме с октября 2004 г. Глава государства отметил, что целью убийства Р.Харири было создание смуты и хаоса в стране. Лахуд подчеркнул, что ливанские власти оказывают все возможное содействие международной группе по расследованию обстоятельств убийства Р.Харири. Э.Лахуд отметил, что СМИ в Ливане пользуются практически неограниченной свободой. Далее он отметил, что оппозиция может принять участие в формировании правительства и добиваться своих целей, находясь в правительстве.

Э.Лахуд определил три основных направления деятельности правительства и администрации президента: поиск лиц, причастных к убийству Р.Харири, проведение честных и прозрачных выборов, безоговорочное выполнение «Таифских соглашений». Комментируя принятие Советом Безопасности ООН резолюции 1559, Э.Лахуд утверждал, что «ее проект был подготовлен по заказу Тель-Авива еще в июне прошлого года, поскольку Израиль видит в ливанском сопротивлении угрозу своим агрессивным замыслам».

Лахуд отметил, что те, кто громче всех требует сегодня вывода сирийских войск (намек на В.Джумблата. – *А.В.*), в свое время больше всех пользовались сирийским военным присутствием в Ливане. Э.Лахуд напомнил, что, будучи командующим вооруженными силами Ливана, он обращался с просьбой ко многим западным странам о поставках военной техники и вооружений, однако только Сирия откликнулась на эту просьбу.

Относительно требования оппозиции об отставке руководителей силовых структур и сил безопасности президент Лахуд подчеркнул, что на данный момент для этого нет никаких оснований и что только лишь результаты расследования убийства Р.Харири могут показать, кто из этих руководителей отвечает или не отвечает занимаемой должности. Лахуд также подчеркнул, что, несмотря на некоторые политические разногласия между ним и Р.Харири, их личные отношения оставались дружественными до самой смерти Р.Харири. Э.Лахуд высоко оце-

нил деятельность патриарха Насраллы Сфейра, как «кардинала всего Ливана, а не только маронитской церкви». Президент Э.Лахуд предложил противоборствующим политическим группировкам немедленно перейти к диалогу и сесть за стол переговоров в любом месте, включая президентский дворец[12].

17 марта генеральный директор Общественной службы безопасности генерал Джамиль Сейид провел конференцию, на которой призвал оппозицию представить свои обвинения в установленном порядке генеральному прокурору Ливана или любому компетентному международному органу. Дж.Сейид обвинил «некоторых» представителей оппозиции в использовании убийства Харири для того, чтобы обвинить силы безопасности Ливана во всевозможных «грехах», включая политические и экономические проблемы, коррупцию и тем самым «отмыть руки» от следов преступлений, совершенных ими против ливанцев до 1990 г. Дж.Сейид обвинил некоторых оппозиционеров в разворовывании государственной казны и попытках использовать нынешнюю ситуацию для того, чтобы «спрятать концы в воду» и уйти от правосудия. Он утверждал, что многие из представителей нынешней оппозиции виновны во всех бедах ливанского народа, и об этом свидетельствует их прошлое и настоящее. Дж.Сейид обвинил оппозицию в сохранении отжившего конфессионального устройства политической системы страны[13].

По данным бюро госдепартамента США по вопросам демократии, прав человека и труда, ливанские службы внутренней и государственной безопасности якобы многократно нарушали права человека и задерживали граждан «по инструкциям сирийских разведывательных агентств», однако при этом никаких конкретных данных не приводится[14].

«Третья сила» и умеренная оппозиция

28 февраля, в день, когда О.Караме подал в отставку, в Бейруте состоялось собрание так называемой третьей силы, которую возглавил бывший премьер-министр Салим Хосс. Собравшиеся, среди которых были бывшие министры, как христиане, так и мусульмане, позиционировали себя «третьей силой», стоящей между лоялистами и оппозицией. Свою главную задачу «третья сила» видит в том, чтобы остановить «разрушительную внутриполитическую предвыборную конфронтацию, которая угрожает национальному единству и существованию самого ливанского государства»[15].

С.Хосс считает, что можно спорить и не соглашаться во многом, но конституция и национальное единство не может быть предметом спора. Среди причин раскола ливанского общества С.Хосс называет неполное выполнение «Таифских соглашений». Кроме проблемы пребывания сирийских войск на территории Ливана, С.Хосс напоминает о пункте в указанных соглашениях, который предусматривает создание Высшего совета по аннулированию конфессиональной системы в Ливане. Как и передислокация сирийских войск в долину Бекаа, ликвидация конфессиональной системы должна была состояться еще в 1992 г. При этом С.Хосс подчеркивает, что конфессиональная система является причиной всех ливанских кризисов, которые не прекращаются со времени обретения независимости в 1943 г.

На взгляд сподвижника С.Хосса – бывшего ливанского министра Джорджа Карама, лишь введение в Ливане всеобщей избирательной системы вместо конфессиональной может привести к власти новые политические силы. Продолжение использования прежней избирательной системы репродуцирует одни и те же правящие политические кланы и элиты. Бывший депутат парламента Наджах Ваким обращает внимание на то обстоятельство, что некоторые «столпы оппозиции» не один год пребывали в составе той власти, против которой они сегодня выступают. Он обвинил оппозицию в реализации американского сценария для Ливана и соседних арабских стран. С.Хосс назвал в высшей степени неприемлемым предложение К.Райс ввести американские войска в Ливан вместо сирийских.

Центристская позиция сестры покойного экс-премьер-министра, депутата парламента Бахии Харири вполне может быть отнесена к «третьей силе». Ее предложения, направленные на урегулирование ситуации в стране, с которыми она выступила 14 марта, вызвали заинтересованность и поддержку как со стороны оппозиции, так и со стороны лоялистов. В частности, она предложила создать комиссию для ревизии выполнения «Таифских соглашений», заявила о необходимости сохранения движения сопротивления (вооруженных подразделений «Хезболлы»), о необходимости установления новых «здоровых» отношений между Сирией и Ливаном. Б.Харири отвергла ревизию «Таифских соглашений», которые, по ее мнению, стали «конституцией». В то же время она призвала к единению Ливана с арабским миром и выразила убеждение в том, что «Бейрут был и останется столицей арабов и арабизма». Она

призвала ливанцев крепить дружбу с «братским сирийским народом» и стоять с ним плечом к плечу вплоть до освобождения оккупированных Израилем Голанских высот. Вместе с тем Б.Харири потребовала отставки руководства ливанских спецслужб и выяснения обстоятельств убийства Р.Харири[16].

Представители «Хезболлы» никогда ранее не входили в правительства Р.Харири, С.Хосса и О.Караме, оставаясь в оппозиции, при этом практически не имея ничего общего с христианской оппозицией. Весьма условно «Хезболла» может быть представлена как левая, проарабская и просирийская оппозиция, а христианские партии – как правая, прозападная и антисирийская. Однако учитывая то обстоятельство, что мусульманская «Хезболла» в отличие от христианской оппозиции не находится в конфронтации с президентом-христианином Э.Лахудом, можно утверждать, что в определенной мере она также выполняет некоторые функции «третьей силы». Впервые «Хезболла» выразила готовность войти во второе правительство О.Караме, если бы оно было создано. Хотя «Хезболла» и не оказала поддержки Н.Микати, тем не менее она получила один министерский пост в его правительстве, что в целом не означает ее выхода из оппозиции. При этом главным оппонентом «Хезболлы» остается ливанская христианская оппозиция.

Отставка О.Караме и его попытки сформировать правительство

Омар Караме подал в отставку 28 февраля, несмотря на то, что более 70 депутатов из 127 были готовы выразить ему доверие. Иными словами, он «ушел в отставку» с позиции силы, что и помогло ему получить поручение президента о формировании нового состава правительства. В соответствии с пунктом 2 статьи 53 ливанской конституции после проведения консультаций с большинством членов ливанского парламента (78 из 127) 10 марта 2005 г. президент Ливана Э.Лахуд своим указом поручил О.Караме сформировать новое правительство[17]. 69 депутатов, с которыми встречался президент Э.Лахуд, поддержали кандидатуру О.Караме. Среди них был и председатель парламента Набих Берри, который призвал к формированию правительства национального спасения, которое включало бы представителей оппозиции. В случае же, если оппозиция не согласится принимать участие в правительстве Караме, Берри заявил, что «мы не покончим жизнь самоубийством ради удовле-

творения желаний оппозиции». Депутаты от партии «Хезболла» также поддержали кандидатуру О.Караме. Впервые за много лет депутатская фракция «Хезболлы» в парламенте заявила о своей готовности войти во второе правительство О.Караме[18].

Ливанская оппозиция с возмущением встретила поручение Э.Лахуда Омару Караме сформировать новое правительство. В.Джумблат выразил свое большое разочарование повторным назначением О.Караме на пост премьер-министра, считая, что «это приведет к затягиванию кризиса, поскольку многие члены предыдущего кабинета О.Караме несут ответственность за тот кризис, результатом которого стало убийство Р.Харири». В.Джумблат подчеркнул, что в нынешних условиях на пост премьер-министра следовало бы назначить нейтральное лицо[19].

О.Караме неоднократно заявлял, что, в случае, если ему не удастся сформировать правительство «национального единства», он уступит место другому кандидату на пост премьер-министра. И действительно, ему пришлось это сделать. 13 апреля президент Э.Лахуд объявил об отставке и.о. премьер-министра О.Караме. После отставки О.Караме заявил о своем выходе из возглавляемой Набихом Бери пропрезидентской группировки «Айн-ат-Тини». Свое решение он туманно пояснил «столкновением позиций». Одной из причин неудачи О.Караме в формировании правительства была позиция бывшего просирийского министра внутренних дел Сулеймана Франжье, который отказался снова возглавить это министерство, требуя для себя портфель министра здравоохранения, а также министерский пост для одного из своих союзников. На наш взгляд, и оппозиция, и лоялисты пришли к одному выводу: О.Караме – не та фигура, которая может вывести страну из кризиса. При этом оппозиция угрожала объявить всеобщую забастовку с целью отстранения его от процесса формирования правительства.

Бывший премьер-министр С.Хосс обвинил президента и провластных депутатов в том, что они поручили О.Караме после его отставки формировать новое правительство. По словам С.Хосса, это лишь усугубило кризис и привело к затягиванию процесса выхода из него. При этом 76-летний С.Хосс не исключил возможности самому возглавить правительство, если бы выбор пал на него и если бы его условия были приняты. Однако, судя по всему, кандидатура С.Хосса серьезно не рассматривалась.

Назначение Наджиба Микати

Как и ожидалось, после провала попыток О.Караме на протяжении полутора месяцев сформировать правительство, основными претендентами на пост премьер-министра стали бывший министр обороны Абдель Рахим Мрад и бессменный министр во всех правительствах с 1998 г. Наджиб Микати. Борьба между ними за голоса депутатов была достаточно напряженной и драматичной. Занимая в правительстве Р.Харири пост министра транспорта и общественных работ, Н.Микати всегда его поддерживал, чем вызывал неудовольствие Э.Лахуда. После отставки Р.Харири в октябре 2004 г. Н.Микати не вошел в правительство О.Караме, отношения с которым у него были достаточно сложными, хотя оба они представляют суннитов Севера Ливана.

15 апреля после проведения соответствующих консультаций с членами парламента президент Э.Лахуд поручил формирование правительства 50-летнему Наджибу Микати. Из всех депутатов парламента, с которыми президент Э.Лахуд проводил консультации по поводу кандидатуры будущего премьера, 57 высказались в пользу Н.Микати и 39 – в пользу А.Мрада. Н.Микати оказался более приемлемым для оппозиции, чем А.Мрад, которого оппозиция обвиняет в слишком откровенных симпатиях к сирийскому режиму. Несколько оппозиционных депутатов не голосовали за Микати. Хотя в пользу Микати высказались как провластные (20), так и оппозиционные (37) депутаты, все же оппозиция объявила поручение Микати формировать правительство своей победой.

Кандидатура А. Мрада была абсолютно неприемлемой для оппозиции не только по причине его явной просирийской ориентации, но и по причине его сложных отношений с покойным Р.Харири, результатом которых было увольнение А.Мрада с поста министра образования в 2003 г. Семья Р.Харири назвала «провокационными» попытки назначить А.Мрада на пост премьер-министра.

В своем заявлении сразу после назначения Н.Микати подчеркнул, что настало время «ограничить разговоры и активизировать работу». Микати предложил сформировать небольшой переходный кабинет для выполнения следующих основных функций: проведение выборов, содействие международному расследованию убийства Р.Харири, концентрация на вопросах

стабилизации экономики Ливана. Микати также заявил о своей готовности следовать букве «Таифских соглашений» и одинаково конструктивно сотрудничать как с оппозицией, так и с политическими силами, поддерживающими президента.

Следует заметить, что глава парламента Набих Берри сыграл решающую роль в назначении Н.Микати. Он и его фракция из 13 человек, кроме Бахии Харири, никому не отдали предпочтения – ни Мраду, ни Микати. Поступив таким образом, Н.Берри укрепил свои новые отношения с оппозицией, начало которым положила встреча с В.Джумблатом в начале апреля[20].

Неучастие Н.Микати и членов его будущего правительства в парламентских выборах было основным условием поддержки со стороны оппозиции. После поручения сформировать правительство Н.Микати подтвердил, что он и будущие члены его кабинета не будут участвовать в парламентских выборах. (Ливанский закон не запрещает членам правительства быть одновременно депутатами парламента).

Получивший образование в Гарварде, преуспевающий бизнесмен, депутат и министр, Микати считается «умеренным просирийским» политиком. Впервые он был избран в парламент в 2000 г. После убийства Харири он несколько дистанцировался от просирийски настроенных ливанских политиков и приблизился к оппозиции. Однако до сих пор имеет бизнес в Сирии и поддерживает нормальные контакты с сирийским руководством, являясь личным другом президента Б.Асада. В заявлении после своего назначения Н.Микати подчеркнул, что его правительство «будет символом умеренности и национального согласия», а его рука будет протянута ко всем, кто захочет с ним сотрудничать во имя интересов Ливана.

Свое правительство Н.Микати сформировал практически за три дня. Уже 19 апреля Н.Микати огласил состав правительства, состоящего из 14 министров, из которых никто не выдвигался кандидатом на парламентских выборах. Министерские портфели были распределены примерно поровну между представителями оппозиции и лоялистами. Состав правительства не вызвал особых нареканий ни с той, ни с другой стороны. Э.Лахуд выразил надежду, что формирование правительства Микати «будет способствовать активизации национального диалога, который является основным средством единения между ливанцами»[21].

Примечательно, что за месяц до того, как Н.Микати было поручено формирование нового правительства, он побывал в

Москве во главе официальной ливанской делегации по приглашению Госдумы. В составе делегации находился президент Ливанского союза промышленников и председатель Ассоциации ливанско-российской дружбы Жак Сарраф. Делегация имела встречи с российскими парламентариями, дипломатами, патриархом Алексием II, журналистами. В ходе этих встреч обсуждались вопросы двусторонних отношений и ситуация в Ливане. Говоря о сирийско-ливанских отношениях, Н.Микати заявил, что Ливан никогда не откажется от сотрудничества с Сирией и будет его всемерно укреплять и развивать во всех отраслях. По его словам, «даже крайне радикальные представители оппозиции выступают за сохранение и развитие связей с Дамаском»[22].

На наш взгляд, после того, как на протяжении последних двух месяцев и оппозиция, и власть в одинаковой мере продемонстрировали «равновесие бессилия» в поисках выхода из кризиса, назначение компромиссной фигуры Н.Микати на пост премьер-министра, несомненно, можно рассматривать в качестве первого шага к выходу из затянувшегося кризиса. Вторым шагом стало довольно быстрое формирование «технического» правительства, главной задачей которого будет обеспечение парламентских выборов 29 мая с.г. Третьим шагом будут результаты выборов и форма их проведения. Если они пройдут в демократической атмосфере, свободно и прозрачно, без серьезных эксцессов и осложнений, то у Ливана появится реальный шанс выйти из существующего кризиса, а Наджиб Микати получит возможность сформировать новое долгосрочное правительство и продолжить усилия по стабилизации ситуации в стране.

Предстоящие выборы

В значительной мере результаты предстоящих парламентских выборов будут зависеть от содержания поправок к избирательному закону от 2000 г. В то время как оппозиция стремится оставить в качестве избирательного округа уезд (када), лоялисты во главе с председателем парламента Набигом Берри – провинцию (мухафаза). При этом лоялисты исходят из того, что в 4-м пункте «Таифских соглашений» записано: «Избирательным округом является провинция». Считается, что в случае принятия предложения лоялистов шансы христианской оппозиции на предстоящих выборах будут значительно уменьшены, поскольку кандидатам придется бороться за голоса не только представителей христианских конфессий, но и представителей

других конфессий, проживающих в рамках провинции. Поэтому следует предположить, что борьба вокруг новой редакции избирательного закона в парламенте будет весьма жесткой.

В проекте закона о выборах, представленном в 1996 г., за избирательный округ была принята провинция, кроме Горного Ливана, заселенного преимущественно христианами, где избирательный округ определялся в рамках уезда. При этом следует отметить, что установление уезда избирательным округом в Горном Ливане преследовало вполне определенные цели – способствовать переизбранию лидера друзов Валида Джумблата и православного Мишеля Мура (его сын Ильяс женат на дочери президента Лахуда), а также разделить правохристианское «Ауновское течение» (последователи генерала Мишеля Ауна, лидера заграничной оппозиции). В случае, если бы избирательный округ в этом районе определялся в рамках провинции, ни Джумблат, ни Мурр не смогли бы их выиграть, учитывая, что эта провинция заселена преимущественно христианами-маронитами и католиками. Но если в 1996 «Ауновское течение» было слабо и разрозненно, то этого нельзя сказать о нем сегодня, когда генерал М.Аун решился вернуться в Ливан из Парижа, несмотря на то, что в Ливане он может быть осужден к тюремному заключению на срок не менее 15 лет[23].

Упования оппозиции на победу на предстоящих выборах, скорее всего, не оправдаются, поскольку именно «Хезболла», а не оппозиция пользуется поддержкой большинства ливанцев. И только лишь существование конфессиональных квот при выборах в парламент не позволит «Хезболле» получить как минимум 30–40 % депутатских мандатов, а лидеру «Хезболлы» Хасану Насралле стать президентом Ливана. В условиях огромного влияния «Хезболлы» в ливанском обществе все интриги вокруг вывода сирийских войск не будут иметь никакого значения для изменения в расстановке политических сил внутри Ливана накануне выборов в пользу прозападного направления. Кроме того, не все христианские конфессии и политические партии находятся в стане оппозиции. Среди них можно назвать православную конфессию, армян (Э.Лахуд и его жена имеют армянские корни), Сирийскую национал-социальную партию (СНСП), а также партию «Катаиб» – одного из наиболее верных христианских союзников Дамаска.

Характерной чертой нынешней ситуации в Ливане является неуклонный рост политической роли мусульманской общины и, соответственно, ослабление христианской. В известной мере это объясняется количественным преобладанием мусульманской части населения над христианской (40% христиан и 60% мусульман, при этом шииты составляют 2/3 всех мусульман Ливана). В этих условиях существующая в Ливане избирательная система, основанная на конфессиональных квотах, все более выступает как искусственно созданная для ограничения политического влияния преобладающего мусульманского населения. Иногда это достаточно «робко» признают и лидеры оппозиции. Так, находясь 16 апреля с.г., в Тулузе (Франция) для участия в Социалистическом форуме по вопросам евро-средиземноморского сотрудничества, В.Джумблат заявил, что «конфессиональная система не может привести к настоящей демократии». Впрочем, ранее В.Джумблат неоднократно утверждал, что ликвидация конфессиональной системы в настоящее время является нереальной[24].

Ливанская оппозиция и ее покровители за рубежом в один голос требуют проведения свободных, независимых и демократических парламентских выборов в условиях, исключающих прямое или косвенное влияние Сирии. При этом выражаются надежды на то, что в новый парламент придут прозападные и, соответственно, антисирийски настроенные депутаты. Но возможно ли это даже теоретически в условиях избирательной системы, действующей в соответствии с «Национальным пактом» – соглашением, заключенным в 1943 г. и определяющим фиксированные квоты депутатских мест для каждой конфессии в парламенте и министерских портфелей в правительстве? Ответ на этот вопрос может быть однозначным: конфессиональные «перегородки» заранее предопределяют результаты любых выборов.

Внешний фактор

Позиция США: На наш взгляд, наибольшую степень вовлеченности в ливанские и сирийские внутренние дела продемонстрировали Соединенные Штаты, пытаясь играть на определенных противоречиях между Сирией и Ливаном, а также обвиняя Дамаск в поддержке терроризма как в Израиле, так и в Ираке. Смысл всех высказываний Дж.Буша в адрес сирийского президента и лидера «Хезболлы» состоит в том, что Вашингтон дает шанс тому и другому «исправиться». В случае же не-

повиновения последствия как для одного, так и для другого могут быть самыми серьезными, включая применение силы.

Американо-сирийские отношения начали стремительно ухудшаться практически сразу после американского вторжения в Ирак. 11 декабря 2003 г. президент Дж.Буш подписал «Закон об ответственности Сирии» (Syria Accountability Act), а 11 мая 2004 г. объявил о частичном введении экономических санкций против Сирии. Однако официальный Дамаск отнюдь не проявлял «должного смирения» ввиду все более усиливающегося давления со стороны Вашингтона. В своих комментариях по поводу американских санкций Б.Асад отметил, что «Вашингтон стал источником нестабильности на Ближнем Востоке, и его политика оказания давления и применения санкций не только не будет способствовать разрешению проблем региона, но и неизбежно приведет к их обострению»[25]. Б.Асад остался практически единственным арабским лидером, позволяющим себе открыто критиковать политику американской администрации на Ближнем Востоке.

Представители американской администрации не оставляли без комментариев практически ни одно более-менее важное событие во внутриполитической жизни Ливана. Так, касаясь назначения О.Караме на пост премьер-министра вместо Р.Харири, заместитель госсекретаря США Р.Армитидж заявил: «Новое ливанское правительство сформировано в Дамаске, что представляет собой нарушение резолюции 1559 СБ ООН». Р.Армитидж посоветовал Дамаску «предоставить возможность ливанцам самим определять судьбу Ливана»[26].

Комментируя 16 февраля убийство экс-премьер-министра Ливана, госсекретарь США К.Райс заявила, что «США не обвиняют Сирию в гибели Харири, однако это дело требует расследования, тем более, что в соответствии с резолюцией ООН 1559 Сирия имеет отношение к происходящему в Ливане и должна помочь найти ответственного за содеянное». В своем последующем заявлении госсекретарь США отметила, что «Сирия может избежать дополнительных санкций, если изменит свою политику, а именно: прекратит поддержку терроризма». Сразу после убийства Харири США отозвали своего посла в Сирии для проведения «срочных консультаций»[27].

8 марта с.г. подкомитет по делам Ближнего Востока палаты представителей конгресса США представил проект «Закона об освобождении Ливана и Сирии». Проект этого закона во

многом напоминает «Закон об освобождении Ирака», принятый еще в 1998 г. В преамбуле проекта закона утверждается, что деятельность сирийского правительства, связанная с поддержкой терроризма, созданием ракет дальнего действия и оружия массового поражения, продолжением оккупации Ливанской Республики, нарушением прав человека в Сирии и Ливане «представляет угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов Америки и всеобщему миру». Исходя из этих утверждений, США обязуются «воспретить Сирии финансировать или предоставлять любую помощь и убежище террористическим организациям, разрабатывать и создавать оружие массового поражения и ракеты дальнего действия, продолжать оккупацию Ливана и вмешиваться в деятельность ливанского правительства, что якобы противоречит резолюциям СБ ООН 425 и 426 (1978), 520 (1982), 1559 (2004)»[28].

По приглашению американского президента Дж.Буша маронитский патриарх Насралла Сфейр в середине марта с.г. посетил США, где встретился с президентом Дж.Бушем, госсекретарем К.Райс, а также Генсеком ООН К.Аннаном. Во время этой встречи Дж.Буш подчеркнул, что «ливанский народ должен быть свободным и свободно высказывать то, к чему он стремится, и выбирать то, что он хочет». Дж.Буш заверил, что совместно со своими европейскими партнерами США делают все возможное для завершения вывода сирийских войск с ливанской территории и проведения свободных и честных выборов без внешнего вмешательства.

В свою очередь, Н.Сфейр выразил глубокую признательность президенту США за его «заботу о свободе ливанского народа, мире в Ливане и во всем мире». Он напомнил Дж.Бушу, что «Ливан был первым демократическим государством на Ближнем Востоке и останется центром распространения демократии в этом регионе», сославшись при этом на слова Папы Иоанна Павла II о том, что «Ливан является образцом демократии для Востока и Запада»[29].

Позиция Израиля. По мнению функционеров внешнеполитического ведомства США, заявления израильских политиков по поводу ситуации в Ливане могут привести к еще большему укреплению позиций «Хезболлы», поскольку лозунг «борьбы с сионистским врагом» в этой стране все еще остается достаточно популярным. Представители госдепа США считают, что чем больше израильтяне будут публично поддерживать ливан-

скую демократическую оппозицию, тем меньше будет у нее шансов победить на предстоящих выборах. Исходя из этого, госдепартамент США обратился к израильским властям с настоятельной просьбой как можно меньше делать заявлений по поводу развития событий в Ливане и в Сирии после убийства экс-премьера Р.Харири. Однако похоже, что израильские политики не могут отказать себе в «удовольствии» комментировать эти события[30]. Так, вице-премьер-министр Ш.Перес заявил, что «установление мирных отношений с Ливаном может произойти после того, как эта страна освободится от сирийского господства». По мнению Ш.Переса, между Израилем и Ливаном практически нет никаких проблем[31].

В свою очередь, бывший глава «Моссада» Эфраим Галеви считает, что «благодаря международному давлению будет положен конец пребыванию стражей иранской революции в Ливане, что будет иметь весьма положительные последствия для Израиля». По израильским данным, в Ливане находятся сотни иранских офицеров и военных специалистов, которые оказывают военно-техническую помощь подразделениям «Хезболлы», дислоцированным вдоль ливанско-израильской границы. По прогнозам израильских специалистов, после вывода сирийских войск роль военных формирований «Хезболлы» и иранских военных советников и специалистов в Ливане возрастет[32].

Позиция европейских стран и ЕС. Еще совсем недавно, после утверждения в декабре 2003 г. президентом Дж.Бушем вышеупомянутого закона о санкциях против Сирии Дамаск мог рассчитывать на понимание и помощь со стороны европейских стран, прежде всего Франции и Германии. Основы взаимопонимания с ведущими европейскими странами были заложены во время визитов Б.Асада во Францию, Германию, Великобританию, Италию и Испанию. Лидеры ведущих европейских стран неоднократно заявляли о неприятии в международных отношениях практики применения санкций одной страны по отношению к другой. Так, комментируя применение американских санкций против Сирии, Ж.Ширак заявлял, что они «являются неэффективными и создают больше проблем, чем разрешают».

Однако после продления полномочий президента Ливана Э.Лахуда и особенно после убийства Р.Харири ситуация резко изменилась. Складывается такое впечатление, что лидеры ведущих европейских государств практически «отвернулись» от Б.Асада и принялись безоговорочно поддерживать антисирий-

ские демарши Дж.Буша. У этой трансформации может быть несколько объяснений. Одно из них – стремление лидеров Франции и Германии нормализовать свои отношения с Вашингтоном, принеся в жертву Сирию «американскому идолу». Второе объяснение – влияние Р.Харири на Ж.Ширака, которых связывала долголетняя личная дружба[33].

Во время встречи в Блюмберге на севере Германии Ж.Ширак и Г.Шрёдер также коснулись «сирийской проблемы», потребовав незамедлительного вывода сирийских войск из Ливана и проведения международного расследования обстоятельств убийства Р.Харири. В то же время, отвечая на вопрос о своем отношении к «Хезболле», Ж.Ширак сказал, что у него нет «критических замечаний к этой организации»[34].

Позиция Франции по отношению к ливанским событиям была воспринята в Ливане неоднозначно. В то время, как оппозиция рукоплескала Парижу, представители ливанского правительства выступили с осуждениями. Так, министр обороны Ливана Абдель Рахим Мрад обвинил Ж.Ширака в «подталкивании оппозиции к экстремизму», а министр информации Илие Ферзли заявил, что «Ширак ведет сражения на ливанской территории».

Позиция Лондона в оценке событий в Ливане традиционно оставалась в значительной степени проамериканской. Министр иностранных дел Британии Джек Стро предупредил Сирию, что она рискует быть занесенной в список «стран-изгоев», если не выведет войска из Ливана. В интервью Би-Би-Си глава Форин оффиса заявил, что после ухода сирийских войск из Ливана в этой стране могут быть размещены миротворцы ООН. В ответ на «возмущение» министра иностранных дел Великобритании фактом назначения О.Караме главой ливанского правительства спикер ливанского парламента Набих Берри направил главе Форин оффиса телеграмму следующего содержания: «Будучи весьма обеспокоенными возмущением Вашего Превосходительства повторным назначением О.Караме на пост министра иностранных дел, просим Вас назвать приемлемого для Вас кандидата на этот пост, дабы Вы впредь не испытывали возмущения. При этом сообщаем Вам, что назначение кандидата на пост премьер-министра в Ливане осуществляет не президент, а парламент. Со своей стороны, мы могли бы выразить наше мнение по поводу назначения министра иностранных дел Великобритании». Заявления подобного характера сделали также представители «Хезболлы»[35].

Позиция Европейского Союза по отношению к Сирии также претерпела изменения – от поддержки Дамаска к дистанцированию от него. Так, в середине сентября 2003 г., находясь в Дамаске, комиссар ЕС по вопросам внешней политики Крис Патен отмечал, что американские санкции против Сирии не касаются отношений европейских стран с Дамаском и что ЕС имеет давние разногласия с Вашингтоном по поводу американских законов, которые действуют за пределами США. В декабре 2003 г. «в пику» закону США о санкциях против Дамаска Еврокомиссия подготовила проект соглашения о партнерстве Сирии с ЕС, который был парафирован в Брюсселе 19 октября 2004 г. Однако после продления полномочий президента Ливана Э.Лахуда и особенно после убийства Р.Харири ситуация резко изменилась.

16 марта с.г. министры иностранных дел ЕС во время встречи в Брюсселе выступили с совместным заявлением по поводу сирийско-ливанского кризиса, в котором призвали Сирию к скорейшему выводу своих войск и структур разведки из Ливана в соответствии с резолюцией СБ ООН и четким временным графиком. Министры ЕС выразили надежду на скорейшее формирование О.Караме правительства, которое «будет действовать в интересах всех ливанцев». Комиссар ЕС по внешним связям Бенита Ферреро-Вальднер выразила готовность ЕС оказать помощь в проведении честных и свободных выборов в Ливане, исключая внешнее вмешательство. Под давлением США и Израиля 10 марта Европарламент принял резолюцию, в которой ливанская партия «Хезболла» классифицируется как террористическая организация[36].

В средине апреля во главе делегации оппозиции В.Джумблат побывал в Страсбурге, где обсудил с руководством Европейского Союза ситуацию в Ливане. В частности, он встретился с главой Европарламента Хосе Бореллем, председателем комитета по внешним связям и представителями социалистической фракции[37].

Позиция России. После успешного визита Б.Асада в Россию в арабских столицах начали поговаривать «о возможном возвращении России на Ближний Восток через сирийскую дверь». В этих условиях применение силового воздействия США против Сирии неизбежно привело бы к окончательному ухудшению и без того небезоблачных американо-российских отношений, а возможно даже к опасной и непредсказуемой по

своим последствиям конфронтации. Останется ли «сирийская дверь» для России открытой, или она захлопнется перед ней, как в свое время захлопнулась «иракская дверь», будет зависеть от степени решимости Москвы «прикрыть» своего союзника на Ближнем Востоке.

И действительно, Москва весьма «решительно» призвала Сирию немедленно вывести свой контингент из Ливана, понимая, очевидно, что вероятность силовой операции США против ее единственного союзника на Ближнем Востоке весьма велика. Этот призыв прозвучал сразу же после встречи К.Райс, Дж.Стро, М.Барнье и С.Лаврова по вопросу о сирийско-ливанском кризисе 1 марта с.г. в рамках международной конференции в Лондоне по палестинской проблеме. Следствием этой встречи было то, что уже в тот же день МИД России присоединился к общему хору западных держав, требующих немедленного вывода сирийских войск из Ливана. Такая оперативность российского МИДа может означать только одно: после переговоров в Лондоне Москва поняла, что над Сирией нависла серьезная опасность и ее надо отвести любой ценой. Однако сможет ли Россия спасти своего союзника, зависит, очевидно, не столько от ее решимости, сколько от того, приняли США решение о вторжении в Сирию или еще нет.

Четырехдневный государственный визит Б.Асада в Москву в конце января с.г. состоялся уже после того, как молодой сирийский президент за четыре года пребывания у власти посетил практически все столицы ведущих европейских государств, а также Пекин и Анкару. Поэтому визит Б.Асада в Москву выглядел скорее как попытка выйти из изоляции и заручиться поддержкой Кремля в условиях беспрецедентного американского давления на Дамаск. В определенной мере Б.Асаду это удалось. Одним из главных результатов визита стало списание 73% сирийских долгов России – почти 10 млрд. из 13,4 млрд. долл.[38]

В разгар сирийско-ливанского кризиса жесткую реакцию Израиля и угрозы со стороны США вызвала информация о поставках Сирии российских оперативно-тактических ракетных комплексов СС-26 «Искандер-Э» и переносных зенитно-ракетных комплексов СА-18 «Игла». Хотя по своим параметрам эти вооружения не подпадают под международные экспортные ограничения, тем не менее Израиль опасается, что это оружие попадет к палестинским террористам и ливанской «Хезболле». США, в свою очередь, обеспокоены тем, что ракетные ком-

плексы могут оказаться на территории Ирака. На самом же деле, учитывая, что американцы не располагают аналогами российских комплексов, борьба идет за доминирование на ближневосточном рынке вооружений. Накануне своего визита в Израиль в конце апреля президент В. Путин снова подтвердил намерение России поставить зенитные ракеты Сирии, чтобы «израильские истребители не могли больше летать над дворцом президента Х.Асада»[39].

В начале марта с целью проведения консультаций по поводу «ливанского кризиса» в Москве побывал заместитель министра иностранных дел Сирии Валид Муаллем. 9–12 марта в Москве находился лидер ливанской оппозиции, глава друзской общины, председатель Прогрессивной социалистической партии Ливана В.Джумблат. До визита в Москву В.Джумблат посетил Кувейт, Саудовскую Аравию, Германию и Брюссель.

На пресс-конференции после переговоров с В.Джумблатом глава российского МИДа Сергей Лавров заявил: «Сирия и Ливан должны жить в дружбе и спокойствии, будучи уверенными в своей безопасности, что будет очень важным элементом региональной стабильности. Россия, как друг Ливана и Сирии, в этом заинтересована и активно содействует нормальному урегулированию нынешнего кризиса». Очевидно, намекая на давление, оказываемое США на Бейрут и Дамаск, С.Лавров считает неоправданным нагнетать вокруг сирийско-ливанского кризиса искусственную напряженность и решать задачи, которые не связаны с урегулированием в Ливане и выполнением резолюции 1559 СБ ООН. В.Джумблат и С.Лавров выразили пожелание, чтобы «Хезболла» получила возможность «представлять свои интересы через выборы в структурах власти, которые будут формироваться в Ливане»[40].

Позиция арабских стран. После того, как арабские страны «сдали» Ирак Америке в 2003 г., Сирия не могла надеяться, что «братья-арабы» поддержат ее в противостоянии с США в связи с принятием резолюции 1559 СБ ООН и драматической гибелью Р.Харири. Несмотря на всю очевидность предвзятости претензий США к Сирии, в арабских столицах предпочли продублировать американские требования к Сирии, забыв о двойных стандартах Вашингтона, обеспокоенного «сирийской оккупацией Ливана», но «забывшего» об оккупации Израилем сирийской территории с 1967 г.

Во время визита Б.Асада в Эр-Рияд 3 марта с.г. наследный принц Саудовской Аравии Абдалла бен Абдель Азиз призвал сирийского лидера выполнить требования международного сообщества и немедленно приступить к выводу сирийских войск из Ливана. Принц Абдалла дал понять Б.Асаду, что арабским странам будет трудно поддерживать Дамаск перед усиливающимся международным давлением, если «со стороны Сирии не последует конкретных шагов» по выводу войск из Ливана. Со своей стороны, Б.Асад заверил принца Абдаллу, что сирийские войска будут выведены из Ливана до 22 марта, дня проведения очередного саммита ЛАГ в Алжире[41].

16 марта с.г. с неожиданным краткосрочным визитом в Дамаске побывал президент Египта Хосни Мубарак, который обсудил с Б.Асадом план вывода сирийских войск из Ливана, а также вопросы порядка дня арабского саммита в Алжире. Переговоры проходили за закрытыми дверями. Визит Х.Мубарака в Сирию в тот момент, когда американское давление на Б.Асада достигло апогея, с одной стороны выглядел как проявление солидарности и, с другой, – как возможное посредничество между Дамаском и Вашингтоном.

Во время первой сессии Евро-средиземноморской парламентской ассамблеи в Каире 14 марта с.г. генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса призвал мировое сообщество «с такой же принципиальностью, которая демонстрируется в отношении резолюции 1559, требовать выполнения всех резолюций СБ ООН, особенно касающихся обязательств Израиля, которые он не выполняет». А.Муса осудил избирательный подход относительно осуществления резолюций ООН, а также стремление принимать половинчатые решения в качестве отвлекающих маневров с целью оттянуть время от разрешения основного арабо-израильского конфликта. По мнению А.Мусы, попытки «лечения конфликта обезболивающими средствами приведут лишь к консервации этого конфликта и сохранению нестабильности в регионе»[42].

Несмотря на то, что вопрос о сирийском военном присутствии в Ливане и выполнении резолюции 1559 не стоял в повестке дня очередного 17-го саммита ЛАГ в Алжире 22 марта, ливанская проблема обсуждалась на втором закрытом заседании лидеров арабских стран. Заключительное заявление саммита содержит пункт, в котором лидеры арабских стран «отвергают» американский закон о санкциях против Сирии, рас-

сматривая его как нарушение принципов международного права, резолюций ООН, устава ЛАГ, и заявляют о своей полной солидарности с Сирией. Арабские лидеры призвали американскую администрацию «вступить в благожелательный и конструктивный диалог с Сирией с целью поиска оптимальных путей урегулирования разногласий между двумя странами». Участники саммита призвали Вашингтон «пересмотреть принятый в угоду Израилю закон о санкциях против Сирии».

В заключительном заявлении говорится о солидарности с Ливаном, о поддержке ливанского движения сопротивления («Хезболла») в его стремлении освободить оккупированные Израилем так называемые фермы Шебаа. Заявление содержит обращение саммита к Совету Безопасности ООН с просьбой потребовать от Израиля прекращения постоянных нарушений воздушного и водного пространства Ливана, а также обстрела ливанских населенных пунктов. Министр иностранных дел Ливана М.Хаммуд зачитал на саммите обращение президента Э.Лахуда, в котором он призвал арабов поддержать Ливан и Сирию и обвинил Израиль «во всем, что происходит сейчас в регионе». Ливанская оппозиция распространила среди участников арабского саммита меморандум, содержащий требование о выводе сирийских войск из Ливана до парламентских выборов в мае с.г. и обвинение Дамаска в создании нынешней кризисной ситуации в Ливане[43].

В рамках арабского саммита в Алжире генеральный секретарь ООН К.Аннан встретился с президентом Сирии Б.Асадом и обсудил с ним выполнение резолюции 1559 СБ ООН. К.Аннан назвал 45-минутную встречу с Б.Асадом весьма конструктивной. Б.Асад представил Генсеку ООН детальный отчет о выводе сирийских войск в соответствии с временным графиком.

Позиция Турции: Решение президента Турции Ахмета Сезера посетить с официальным визитом Сирию в середине апреля вызвало большое неудовольствие в Вашингтоне. Американская администрация принялась оказывать давление на турецкого президента с целью склонить его к отмене визита. Посол США в Анкаре Эрик Эдельман «рекомендовал» А.Сезеру аннулировать свой визит в Дамаск и «занять подобающее место среди стран, которые выступают за безусловное выполнение Сирией резолюции СБ ООН 1559».

В турецких политических кругах эти заявления американского посла были расценены как вмешательство во внутренние

дела Турции. После того как высшее турецкое руководство практически отказалось вступать в контакт с Э.Эдельманом, он был вынужден подать в отставку со своего поста. В политических кругах Турции Э.Эдельман снискал славу «инженера международных интриг на Балканах и на Ближнем Востоке»[44].

Не меньшее возмущение в Турции вызвали заявления заместителя министра обороны США Пола Вулфовица 19 марта во время встречи с депутатами турецкого парламента в Вашингтоне. П.Вулфовиц призвал Турцию согласовывать с Вашингтоном свои отношения с Дамаском и Тегераном, «если она хочет получить поддержку американской администрации в блокировании требования армянского лобби в американском конгрессе принять закон, обвиняющий Турцию в совершении геноцида против армян в 1915 году»[45].

Особое неудовольствие Вашингтона вызвало интервью Б.Асада каналу «CNN-Turk news chanel», в котором тот заявил о том, что собирается обсудить с турецким президентом «опасную колониальную роль США в регионе». «Мы можем уменьшить опасности до минимума, если будем действовать совместно. Опасность грозит всем нам. Они начали с Ирака, сейчас они угрожают Сирии и пытаются вмешиваться в турецкие дела», – сказал президент Б.Асад[46].

Правительство Р.Эрдогана поддержало решение президента А.Сезера посетить Дамаск с ответным визитом. Б.Асад посетил Турцию в январе 2005 г. Сирия была первой арабской страной, которую посетили министр иностранных дел А.Гюль в начале 2003 г. (в бытность премьер-министром) и нынешний премьер-министр Р.Эрдоган – в конце прошлого года[47]. Несмотря на внешнее давление, 13–14 апреля визит А.Сезера в Дамаск состоялся и был признан обеими сторонами успешным. Для Дамаска этот визит был одной из немногих возможностей выхода из международной изоляции.

Позиция ООН. Комментируя убийство Р.Харири, генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил: «Этот акт – возвращение к той главе истории Ливана, которая, как надеялся погибший, осталась далеко в прошлом». Глава ООН подчеркнул, что сейчас крайне важно не допустить дестабилизации и без того хрупкой ситуации в регионе. Он призвал народ Ливана проявить сдержанность и использовать мирные способы защиты суверенитета, независимости и территориальной целостности страны. В своем обращении к Совету Безопасности по ли-

ванской проблеме от 24 марта 2005 г. Генсек ООН К.Аннан отметил, что Ливан переживает сложный и чувствительный период и что все причастные к этой проблеме стороны должны проявлять высшую степень сдержанности и исключительно мирными средствами.

На всех встречах Специального посланника Генсека ООН Терье Род-Ларсена на протяжении марта и апреля как в Дамаске, так и в Бейруте как заклинание повторялось одно и то же: провести расследование убийства Харири, провести свободные и честные выборы, сохранить мир и стабильность в Ливане, завершить вывод сирийских войск в соответствии с четким временным графиком. Вопросов разоружения «Хезболлы» Т.Род-Ларсен практически не касался, хорошо понимая особую чувствительность и бесперспективность этого вопроса. Ожидается, что на основании рекомендаций Т.Род-Ларсена Генсек ООН в своем докладе Совету Безопасности ООН в конце апреля с.г. предложит отложить выполнение пункта резолюции 1559 о разоружении «Хезболлы» на период после полного вывода сирийских войск и проведения парламентских выборов в Ливане.

В докладе следственной комиссии (S/2005/203), возглавляемой ирландским заместителем комиссара полиции Патриком Фитцджералдом, говорится, что прямой связи между убийством Харири 14 февраля и Сирией «пока не найдено». Автор доклада призывает к проведению расследования убийства Харири независимой международной комиссией. В докладе говорится также, что Сирия «несет прямую ответственность за политическую напряженность, которая предшествовала убийству». Доклад содержит информацию о том, что в ходе последней встречи Асад якобы угрожал Харири физической расправой, если тот не прекратит кампанию против вывода сирийских войск из Ливана. «Ливанские власти проявили явное нежелание по-настоящему расследовать это преступление», – отмечается в докладе. Автор доклада указывает также, что ливанское правительство продемонстрировало «большую небрежность» в защите Харири. По словам Фитцджералда, «ливанские власти не проявили должной заинтересованности в расследовании гибели Харири»[48].

Комментируя планы создания международной комиссии по расследованию обстоятельств убийства Р.Харири, заместитель главы высшего исламского шиитского совета Абдель Амир Кабалан в своей пятничной проповеди 1 апреля с.г. заявил: «Ни один араб не заинтересован в убийстве Р.Харири. В этом заинтересо-

ваны лишь Израиль и Америка. Поэтому задачей международной комиссии будет не расследование правды, а ее сокрытие, тем более, если за этим преступлением стоит великая держава»[49].

Единогласно принятая 7 апреля 2004 г. резолюция 1595 СБ ООН предусматривает создание независимой международной следственной комиссии со штаб-квартирой в Ливане «для оказания помощи ливанским властям в проведении всестороннего расследования террористического акта, включая оказание помощи в раскрытии исполнителей и организаторов этого акта». Резолюция содержит призыв к ливанскому правительству предать суду исполнителей и организаторов террористического взрыва 14 февраля 2005 г. и требует от него полностью учесть результаты и выводы материалов расследования, которые будут представлены комиссией.

После проведения необходимых консультаций с ливанским правительством об организации работы комиссии и подписания соответствующего меморандума Генсек ООН обязан представить Совету Безопасности доклад о начале работы комиссии, которая обязана завершить свою работу в течение трех месяцев. При необходимости Генсек своим решением может продолжить работу комиссии еще на три месяца. Генсеку ООН вменяется в обязанность принять необходимые меры для скорейшего формирования состава комиссии из числа «нейтральных и опытных специалистов». По просьбе Ливана и при поддержке представителей Китая, Аргентины и Алжира в проект резолюции была внесена поправка о том, что «в своей работе комиссия будет исходить из существующего в Ливане законодательства и юридической практики»[50].

Находясь 8 апреля в Ватикане по случаю похорон Папы Римского Иоанна Павла II, ливанская правящая «тройка», президент Э.Лахуд, председатель парламента Н.Берри и и.о. премьер-министра О.Караме заявили о «готовности сотрудничать с международной комиссией, поскольку Ливан заинтересован в разоблачении убийц Р.Харири»[51].

Назначенное на 19 апреля представление Совету Безопасности доклада специального посланника ООН Т.Род-Ларсена по Ливану решением Генсека ООН было перенесено на конец апреля. Это было сделано по просьбе Дамаска, который хотел, чтобы в этом докладе было объявлено о полном выводе сирийских войск из Ливана. Решение К.Аннана о переносе даты представления доклада вызвало большое не-

удовольствие в Вашингтоне. В середине апреля Т.Род-Ларсен посетил Вашингтон, где встретился с госсекретарем К.Райс и советником по вопросам национальной безопасности Стивеном Хадли. Очевидно, переговоры Т.Род-Ларсена в Вашингтоне были вызваны необходимостью заручиться поддержкой выводов и предложений в представленном докладе по результатам челночных поездок в Бейрут и Дамаск в марте и апреле[52].

* * *

Устранение с политической сцены Рафика Харири с его уникальной ролью посредника между всеми ливанскими политическими силами и конфессиями, между оппозицией и властью, с его международным весом и авторитетом означает устранение одного из столпов стабильности в стране и чревато обострением политического противостояния на грани новой гражданской войны. Несмотря на все коллизии в политической жизни Ливана на протяжении последних лет, во многом благодаря усилиям Р.Харири существовала и постоянно укреплялась тенденция к сохранению единства и стабильности в стране перед лицом существующих и грядущих вызовов. Однако насильственная смерть ливанского экс-премьера нарушила хрупкое равновесие политических сил, подорвала относительную стабильность политической ситуации в стране, подтолкнула Ливан к пропасти нового междоусобного противостояния.

Убийство Харири – удар не только по Ливану, но и по Сирии, поскольку дестабилизация ситуации в Ливане, сопряженная с неизбежными осложнениями внешнеполитического характера, представляет для Сирии опасную угрозу. Убийство Харири приведет лишь к временному осложнению отношений между Дамаском и Бейрутом, поскольку в долгосрочной перспективе они «обречены» на стратегическое сотрудничество. Следует предположить, что после вывода сирийских войск и проведения майских выборов в Ливане «братские» отношения между Сирией и Ливаном будут восстановлены.

На наш взгляд, версия о причастности Лахуда или сирийских спецслужб к убийству Харири выглядит весьма неубедительной, поскольку Харири был достаточно умеренным оппозиционером как по отношению к Сирии, так и по отношению к ливанскому президенту. Независимо от того, будет доказана причастность Сирии к гибели Харири или нет, несомненно, что

США и Израиль усилят свое давление на Дамаск. Вашингтон еще больше ужесточит санкции против Дамаска. Израиль, со своей стороны, будет пытаться добиться от Сирии накануне начала мирных переговоров максимальных уступок, прежде всего разоружения военных формирований «Хезболлы».

То, что произошло с Ираком (американская оккупация), и то, что происходит с Ливаном и Сирией сегодня (американское давление), является прямым следствием утраты арабскими лидерами элементарного стремления к солидарности, что подвергает арабский мир внешним влияниям и вмешательству, прежде всего со стороны США и их союзников.

Несмотря на небольшие размеры Ливана, существование некоторых дестабилизирующих факторов (межконфессиональное напряжение; пребывание на его территории около 400 тыс. палестинских беженцев; неурегулированность отношений с Израилем), эта страна представляет значительный интерес для внешнего мира как транзитный, транспортный, торговый и финансовый центр в стратегически важном регионе Ближнего Востока. Ливан также играет значительную роль как в политической, так и в экономической жизни региона, являясь одной из немногих арабских стран, внутриполитическая жизнь которой базируется на принципах демократии. Ливан – важная составляющая ближневосточного мирного урегулирования, от его позиции в значительной мере зависит установление мира и стабильности в регионе. Все эти факторы определяют достаточно весомую роль Ливана в международной жизни и то большое внимание, которое проявляют к Ливану США и ведущие страны Европы.

Основой вмешательства иностранных государств во внутренние дела Ливана служит поддержка требования ливанской оппозиции о выводе сирийских войск из Ливана, но при этом игнорируется позиция государственных ливанских институтов – президента, парламента и правительства, которые до сих пор ни разу не потребовали вывода сирийских войск из страны. Думается, что мусульманское большинство в Ливане поддерживает позицию нынешней ливанской власти. Если бы сегодня в Ливане был проведен референдум по вопросу о выводе сирийских войск, то, скорее всего, результат был бы в пользу их дальнейшего пребывания на ливанской территории. Предстоящие выборы в Ливане в мае с.г. в определенной мере сыграют роль такого референдума.

Характер нынешней ситуации в Ливане менее всего напоминает классический революционный кризис, в котором одна сила является прогрессивной революционной, а другая – консервативной. На наш взгляд, консервативными являются как оппозиция, так и правящий режим. Ни оппозиция, ни власть практически ничего не предлагают нового и радикального для выхода из нынешнего кризиса. Обе стороны в одинаковой мере демонстрируют равновесие бессилия и не имеют четкого и действенного плана по урегулированию ситуации. Практические шаги по демократизации общества заменяются демагогией и взаимными обвинениями, которые изнуряют общество и не открывают никакой привлекательной перспективы для большинства ливанского населения. То, что происходит в Ливане, скорее напоминает очередной кризис архаической псевдодемократической политической системы с элементами значительного внешнего вмешательства, которое не имеет ничего общего с потребностями демократизации ливанского общества.

На наш взгляд, как и во время гражданской войны (1975–1990 гг.), основной причиной нынешнего ливанского кризиса является межцивилизационное напряжение, прежде всего между мусульманами и христианами. Характерной чертой нынешней ситуации в Ливане стало неуклонное возрастание роли в ливанском обществе мусульманской общины и, соответственно, ослабление христианской. Дальнейшее существование конфессиональных «перегородок» в ливанском обществе в значительной мере будет тормозить формирование ливанской политической нации и становление гражданского общества. Одной из основных причин нынешнего кризиса в Ливане является сохранение архаической системы конфессионального распределения властных полномочий в государственной структуре Ливана, которая все более ощутимо вступает в противоречие с существующими реалиями.

[1] http://www.un.org/russian/ducumen/scaction/2004/index.html
[2] http://www.enovosti.ru/archiv/No45_2004.htm
[3] Аль-Мустакбаль, 18.02.2005.
[4] Аль-Мустакбаль, 16.02.2005.
[5] Аль-Хаят, 16.02.2005.
[6] http://www.aljazeera.net/NR/exeres/018ECA5D.htm
[7] Аль-Мустакбаль, 7.03.2005.

[8] Patrick Seale. Who killed Rafik Hariri? // The Guardian. February 23, 2005.
[9] http://en.wikipedia.org/wiki/Qornet_Shehwan_Gathering.
[10] Аль-Мустакбаль, 18.03.2005.
[11] Там же, 10.03.2005.
[12] Там же, 13.03.2005.
[13] Там же, 18.03.2005.
[14] http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2004/
[15] Аль-Хаят, 1.03.2005.
[16] Ан-Нахар, 15.03.2005.
[17] Аль-Мустакбаль, 11.03.2005.
[18] Аль-Хаят, 16.03.2005.
[19] Аль-Мустакбаль, 11.03.2005.
[20] Аль-Хаят, 16.04.2005.
[21] Аль-Мустакбаль, 21.04.2005.
[22] http://ar.rian.ru/rian/index.cfm?prd_id=487
[23] http://www.lcps-lebanon.org/pub/tlr/96/sum96/electoral_law.html
[24] Аль-Мустакбаль, 17.04.2005.
[25] Там же, 13.05.2004.
[26] Аль-Хаят, 27.10.2004.
[27] Сирия-Ливан: США не обвиняют, но напоминают http://www.expert.org.ua
[28] Аль-Мустакбаль, 8.03.2005.
[29] Ан-Нахар, 17.03.2005.
[30] http://www.mignews.com/news/politic/world/110305_33953_87187.html
[31] Аль-Мустакбаль, 7.03.2005.
[32] Там же.
[33] Аль-Хаят, 15.02.2005.
[34] Аль-Мустакбаль, 8.03.2005.
[35] Ас-Сафир, 12.03.2005.
[36] Аль-Мустакбаль, 17.03.05.
[37] Там же, 13.04.2005.
[38] http://www.ng.ru/printed/world/2005-01-26/1_siria.html
[39] http://www.politcom.ru/2005/gvozd547.php
[40] http://www.ligaconsult.ru/news_details.php?id=286
[41] Аль-Хаят, 4.03.2005.
[42] Ан-Нахар, 15.03.2005.
[43] Аль-Мустакбаль, 23.04.2005.
[44] Тишрин, 20.03.2005.
[45] Аль-Хаят, 20.03.2005.
[46] http://www.kurdistan.ru/14.04.05-2.htm

[47] Аль-Мустакбаль, 1.03.2005.
[48] http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get
[49] Аль-Мустакбаль, 2.04.2005.
[50] Ан-Нахар, 8.04.2005.
[51] Аль-Мустакбаль, 9.04.2005.
[52] Аль-Хаят, 16.04.2005.

СОДЕРЖАНИЕ

А.М.Вартанян
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ГОНКА В ИРАНЕ: ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ 3
А.И.Куприн
ВЛАСТЬ И «СВЕТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ» В МАРОККО 9
В.В.Макух
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АЛЖИРО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 47
У.В.Окимбеков
О НАРКОЭКОНОМИКЕ АФГАНИСТАНА 56
С.Ю.Серёгичев
АРМИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСЛАМСКИЙ ФРОНТ СУДАНА:
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ 66
Владимир (Зеэв) Ханин
«РУССКИЕ» ПАРТИИ В ИЗРАИЛЕ – ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ? 89
А.М.Вартанян
ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА 111
А.А.Гурьев
К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ США
И ТУРЦИЕЙ 124
В.П.Цуканов
ЛАГОВАЯ СТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИЙ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА В ИРАНЕ
(ЗА ПЕРИОД 1959–2002 гг.) 137
И.А.Новиков
ПРОБЛЕМА ПРЕСНОЙ ВОДЫ И ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ТУРЕЦКОЙ
РЕСПУБЛИКИ 167
Е.В.Загорнова
ДРУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА:
ИЗРАИЛЬСКИЕ РЕАЛИИ 183
Л.П.Зудина
ТУРИЗМ В АЛЖИРЕ 194
В.А.Исаев
СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И АРАБСКИХ СТРАН В НЕФТЕГАЗОВОЙ
СФЕРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 204
В.И.Сажин
ИРАН, «ХЕЗБОЛЛА» И ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ
УРЕГУЛИРОВАНИЕ 209

А.О.Филоник
АРАБСКАЯ ДЕРЕВНЯ: РЕСУРСОПОЛЬЗОВАНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС 232
Э.В.Павлуцкая
ПРАВОЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МАРОККО 241
Г.И.Смирнова
ЛИВИЯ НА ПУТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ 261
А.А.Волович
ЛИВАН И СИРИЯ ПОСЛЕ ХАРИРИ: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ 273